

VIIp

9

1843/

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Б.В. МИЛЛЕР

ТАЛЫШСКИЙ
ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Б.В. МИЛЛЕР

ТАЛЫШСКИЙ
ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1953

Ответственный редактор

Л. И. ЖИРКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предметом нашего исследования является язык талышей — иранской народности, обитающей в Азербайджанской ССР, а также в сопредельном Иране. Этот язык до настоящего времени научно почти не исследован, о чем мы подробно говорим в главе, посвященной истории его изучения. Исследование его — одна из актуальных задач советской иранистики, которую мы и пытаемся посылно выполнить.

Еще в 1930 г. нами были изданы тексты на этом языке, записанные из уст представителей талышского народа, — тексты большей частью фольклорного содержания, но также отражавшие и общенародную талышскую разговорную речь¹. Записанные в 1925 г., они представляли тематику незадолго перед тем только начавшегося в Талыше социалистического строительства. Некоторая часть текстов, включенных в это собрание, была к тому же записана еще в дооктябрьский период.

Эти тексты главным образом легли в основу разработки нами талышского языка, особенно его фонетики и морфологии.

Вторую группу материалов, нами использованных, составили некоторые печатные произведения, изданные в 30-х годах на талышском языке в Азербайджане (в Баку и Ленкоране). Они были нами привлечены преимущественно при разработке синтаксиса письменного языка.

Наконец, мы использовали в нашей работе грамматический и лексический материал, записанный в 1925 г. в Ленкоране от талышей, которые помогали нам изучать их язык.

Научно-теоретическое значение талышского языка весьма значительно. Его грамматический строй — морфология и синтаксис — является блестящим подтверждением ряда положений, устанавливаемых И. В. Сталиным в его основополагающих работах о марксистском языкознании.

Остановимся на некоторых из этих положений.

«...Переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путём взрыва, не путём разового уничтожения старого и построения нового, а путём постепенного и длительного накопления

¹ Талышские тексты. (Тексты, русский перевод и талышско-русско-французский словарь.) Изд. Научно-исследовательского института национальных и этнических культур народов Востока СССР, М., 1930.

элементов нового качества, новой структуры языка, путём постепенного отмирания элементов старого качества»¹.

В талышском языке это положение находит отражение на примере переживания в нем и постепенного изживания так называемой эргативной конструкции предложения. Это важное синтаксическо-морфологическое явление известно и в других иранских языках, особенно бесписьменных или малописьменных, вроде курдского, афганского, белуджского, языков памирских и других, но отсутствует в языках таджикском, персидском, татском и еще нескольких; оно до сих пор не получило в иранистике удовлетворительного, неформального разъяснения. Стоит оно в том, что имеется специальный падеж, оформляющий агенс, субъект переходного (обычно) действия, почему этот падеж и имеет право именоваться эргативным — термином, введенным для аналогичного явления в языках кавказских. Объект же действия, наоборот, в этом построении имеет право именоваться падежом неэргативным (анэргативным, по терминологии, вводимой нами для талышского языка). Соотносительно, поскольку падеж эргативный входит в широкую категорию падежей косвенных, падеж объекта может быть назван падежом прямым. Эти падежи противостоят друг другу, но противостоят только в построениях эргативных. В них, несомненно, отражается большая конкретность мышления, чем в построении, которое мы находим уже в древнем периоде иранских языков с их восьмипадежной системой, в которой имеются также два соотносительных падежа: падеж именительный и падеж винительный. Падеж винительный является падежом грамматического прямого дополнения, падеж именительный — падежом грамматического подлежащего. Эти падежи имеют гораздо более широкое, но вместе с тем и более абстрактное содержание, чем падежи эргативный и анэргативный. Падеж эргативный выражает, как сказано, только реальный субъект действия, а не всякое грамматическое подлежащее, как падеж именительный. Далее, имя в своем грамматическом значении подлежащего определяется согласованием со сказуемым; имя же в значении выражения агенса такого согласования не требует.

В иранских языках эргативная конструкция выступает как переживание, имеющее более узкую сферу грамматического использования, чем конструкция, которую можно назвать номинативной, по имени характерного для нее падежа именительного. В талышском языке эргативная конструкция имеет даже еще более ограниченное применение, чем в некоторых других иранских языках. Она применяется только при переходных глаголах, только в прошедших временах, и притом только в тех из прошедших времен, которые произведены от основы прошедшего времени. Кроме того, в глагольном сказуемом не отражена связь действия с объектом действия, как в некоторых других иранских языках, более архаичных, чем талышский, и отражающих в таких построениях еще большую степень конкретности мышления.

Талышская эргативная конструкция находится уже в стадии своего постепенного изживания. Падеж эргативный нередко контаминируется

¹ И. Сталина. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1953, стр. 27.

с именительным, падеж анэргативный (прямой) — с падежом винительным. Изучение этих контаминированных форм и построений дает богатый материал для подтверждения сталинского положения о процессе «постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путём постепенного отмирания элементов старого качества»¹. Качественно уже совсем новой структура талышского спряжения явится тогда, когда во всей системе будут проводиться номинативные построения, как в новоперсидском языке, — построения, к которым уже подходил язык среднеперсидский в последнем периоде своего существования, когда в нем появляются контаминированные эргативно-номинативные построения, свидетельствующие об изживании эргативности, традиция которой восходит еще к древнеперсидскому языку с его известной конструкцией «мана картам», столь резко нарушавшей общий флективный облик древнеперсидского спряжения.

Постепенное изживание эргативных построений в талышском языке и вытеснение их номинативными являются также прекрасной иллюстрацией положения марксистского языкознания о диалектическом единстве формы и содержания, а также и того положения, что «в процессе развития содержание предшествует форме, форма отстаёт от содержания»², откуда — переосмысление старых форм или полное их отмирание и замена новыми, восстанавливающими диалектическое единство формы и содержания.

На том же примере вытеснения более абстрактным именительным падежом падежа более конкретного — эргативного и более абстрактным винительным падежом падежа более конкретного — анэргативного (прямого) мы видим превосходное подтверждение высказывания И. В. Сталина о том, что «грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления»³.

Такой же абстрагирующей работой мышления можно объяснить и возникновение в новоиранских языках, полностью проводящих номинативный строй, грамматической категории страдательного залога. Последний мог образоваться только после окончательного утверждения падежа именительного, в котором мог стоять и предмет пассивный как грамматическое подлежащее. Естественно, что реальная пассивность объекта эргативных построений не имеет ничего общего с формальной категорией страдательности, выражаемой страдательным залогом, и потому в талышской народной речи формы страдательного залога отсутствуют, а появившиеся в письменном талышском языке представляют собою кальки с языка азербайджанского.

Замечательно также и то, что такие кальки, какими являются особенно талышские причастные конструкции, несмотря на типологическое сходство с соответствующими формами азербайджанского языка, для своего построения используют исключительно талышские

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

² И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 317.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

морфологические средства, и материально азербайджанский язык, несмотря на большое влияние его на язык талышский, в образовании этих причастных конструкций не участвует. Это подтверждает положение И. В. Сталина об исключительной устойчивости грамматического строя языков, а конструктивной частью языков является, естественно, их морфология.

Товарищ Сталин учит нас, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹.

Это глубоко верное положение обязательно для исследователя всякого языка, и тем более языка, еще столь мало известного, каким является язык талышский. Понять этот язык, разобраться в его фонетике, грамматическом строе, лексике, явлениях синтаксиса можно лишь при увязывании фактов лингвистических с фактами прошлых судеб самого талышского народа. Сделать это в нашей работе мы смогли, к сожалению, лишь в весьма незначительной степени, так как прошлые судьбы талышского народа далеко еще недостаточно освещены историей. Но нет сомнения в том, что советские историки-востоковеды, и особенно историки Азербайджана, своими работами помогут иранистам более глубоко проникнуть в законы становления и развития этого интересного языка как языка отдельной иранской народности.

В данной работе мы в основном описываем талышский язык в его современном состоянии. Но изредка, в порядке сопоставлений, мы позволяли себе привлекать древние формы иранских языков и учитывать главные закономерности фонетической и морфологической эволюции иранского «языка-основы», которые были установлены путем применения сравнительно-исторического метода. Этот метод, «несмотря на его серьезные недостатки, — как отмечает И. В. Сталин, — всё же лучше, чем действительно идеалистический четырёхэлементный анализ Н. Я. Марра...»² Только учет данных, установленных путем применения к иранским языкам этого метода, помог нам, правда, несовершенно, разобраться в том сложном явлении, какое представляет собою современная талышская система склонения и спряжения, в которой древние формы сосуществуют с новыми, иногда частично уступая им место, иногда же упорно отстаивая свои права на существование, в результате чего сложились весьма своеобразные системы — падежная и глагольная. Каждая из них представляет собой своеобразное единство, части которого взаимно связаны и дают возможность ставить вопрос об их дальнейшем развитии по внутренним законам этого единства. Изучение же внутренних законов развития языка является главной задачей марксистского языковедения, поставленной перед советскими лингвистами И. В. Сталиным.

¹ И. Сталин. Марксизм в вопросы языковедения, стр. 22.

² Там же, стр. 33.

Мы озаглавили нашу работу «Талышский язык», а не «Талышская грамматика», так как мы не ставили себе задачей дать грамматику нормативного типа. Да она была бы для нас невыполнима, во-первых, потому что мы не обладаем необходимым для такой работы достаточно полным знанием языка, а во-вторых, вследствие разнородного характера использованных нами материалов, о чем мы уже говорили. Тем не менее мы сделали попытку разрабатывать посылно, хотя и неравномерно, все главные традиционные отделы языка: фонетику, морфологию и синтаксис.

В каждом из этих отделов мы старались выяснить существенные моменты: в фонетике — установить систему наличных и находящихся в стадии образования фонемных звуков; в морфологии и синтаксисе — систему выражения падежно-синтаксических отношений и систему глагольную, причем морфологическое описание частей речи мы даем в увязке с их синтаксическим использованием, а синтаксис предложения — отдельным очерком.

Не скрывая недостатков нашей работы, мы говорим о них в заключительной главе «Некоторые соображения и выводы», к которой и отсылаем читателя.

Иллюстрирующий текстовый материал представлен в нашей работе более всего примерами, взятыми из наших «Талышских текстов». Мы их приводим в изобилии, которое, может быть, покажется излишним. Но дело в том, что «Талышские тексты» если и не представляют собой в настоящее время библиографическую редкость, то во всяком случае не всем легко доступны, между тем мы хотели бы лицам, пользующимся нашей работой, облегчить проверку устанавливаемых нами положений и правильности освещения нами грамматического строя языка. Значительная часть привлеченных текстов — тексты фольклорные, совсем почти не отражающие современного быта талышей, что просим иметь в виду читателей. Наша транскрипция — обычная, иранистическая. В предисловии к «Талышским текстам» можно найти подробное изложение применения нами латинских знаков. Тексты, взятые из печатных талышских произведений, мы передаем фонологической транскрипцией. Частичные отступления от последней были необходимы ввиду еще неполного установления некоторых моментов талышской фонологии, что мы и оговариваем в соответствующих местах фонетического очерка. При транскрибировании слов современного персидского языка мы не считали нужным ставить знак долготы над историческими гласными а, і, и, поскольку соответствующие им краткие гласные в современном персидском произношении качественно изменились.

Талышская орфография, применявшаяся в немногих печатных произведениях, весьма неустойчива, и правил ее установить нельзя. Особенности же орфографирования, нами применяемого, и его кажущаяся невыдержанность объясняются тем, что мы не даем нормативной

грамматики, а имеем задачей облегчить морфологический анализ слов (ср., например, использование дефисов при передаче глагольных форм, включающих превербы, префиксы, частицу отрицания, вспомогательный глагол «быть» и т. п.).

Приложенные к нашей работе тексты представляют собою только образцы языка письменного, взятые из печатного материала. Образцы языка разговорного, обычной устной речи достаточно полно представлены в «Талышских текстах».

В книге приняты следующие сокращения: ав. — авестийский, аз. — азербайджанский, ар. — арабский, арм. — армянский, др. инд. — древнеиндийский, др. п. — древнеперсидский, н. п. — новоперсидский, паз. — пазенд, пхл. — пехлеви, скр. — санскритский, ср. п. — среднеперсидский.

ВВЕДЕНИЕ

Самоназвание талышей — «толыш»; азербайджанские тюрки, соседи талышей, называют их «талыш», в русской литературе они — «талыши» и, реже, «талышинцы». Эта иранская народность обитает в пределах Азербайджанской ССР, а также в сопредельном Иране. О численности талышей Азербайджанской ССР в настоящее время у нас сведений не имеется. По переписи 1926 г. талышей по национальности было зарегистрировано 77 323 человека, а по родному языку — 80 624 человека. По данным АЗУНХУ (Азербайджанское управление народно-хозяйственного учета) на 5 апреля 1931 г., талышей было 89 398 человек. К этой цифре следует прибавить значительную часть населения города Ленкорана, в котором живет много талышей, но все население которого (11 688 человек) было огульно отнесено к «тюркам», т. е. азербайджанцам.

Талыши Азербайджанской ССР живут компактной массой, занимая южную часть бывшего Ленкоранского уезда и составляя преобладающее большинство (меньшинство — азербайджанские тюрки) в нынешних административных районах: Ленкоранском (86,3%), Зувандском (82,4%) и Астаринском (86,4%), меньшинство — в районе Массалинском (30,1%) и совсем незначительную группу — в районе Вергедузском (1,2%). Северной границей талышей с тюрками служит в общем река Вилячай, но такой границей эта река является не на всем своем протяжении, а главным образом в среднем течении, тогда как в нижнем течении тюркские поселения перешли на ее правый берег, доходя до Кумбашинского «мордова» (болота-озера).

Западной границей распространения талышей является в общих чертах, хотя и не везде, Талышский хребет, составляющий здесь государственную границу СССР с Ираном; в самой западной, вдающейся в Иран, части распространение талышского населения не доходит до самого хребта, от которого талыши отделяются тюрками. На юге талышское население вплотную доходит до реки Астара-чай, также государственной границы СССР с Ираном. На юг от Астары в Иране талышское население живет также компактной массой, занимая как низменную часть побережья Каспия, так и окаймляющую ее с запада горную;

на низменной части талышское население доходит до Кепри-чала, где талышский язык сменяется языком гиланцев — «гилеки».

По прежнему административному делению Ирана занимаемые талышами местности составляли пять районов, так называемые Хамсе-Йе-Тевалеш: Керганруд, Асалем, Талеш-Долаб, Шандермин и Масал. Все эти районы входили в состав большой провинции Гилян. Район же иранской Астары, непосредственно прилегающий к государственной границе СССР, входил в состав Ардебильской провинции иранского Азербайджана. Южная граница талышского языка по побережью Каспия заходит, повидимому, дальше, чем в горных местностях, расположенных к западу. Кепри-чал находится лишь «в одном переходе» от порта Пехлеви (бывш. Энзели), и, таким образом, талыши Ленкоранского района могли бы свободно объясняться на своем языке почти по всему юго-западному побережью Каспия. О распространении талышей и их языка в горном районе, окаймляющем это побережье с запада, у нас имеются лишь расспросные сведения. Главные их селения там — Туларуд и Рек; южной границей служат округа Масула и Гескер, населенные уже гиланцами. Талыши проживают еще в округе Хальхаль и по имени округа именуются хальхальцами. В пределах Ирана, но уже на плоскогорье в направлении на запад от Зувандского округа Ленкоранского района, ближе к Ардебилу, имеется также ряд талышских селений: Амбаран, Кулеш, Джебд, Делидаш, Кюльтепе, Дохюльтепе, Пилечай, Сарыханлы. Население в них чисто талышское, за исключением Сарыханлы, где оно смешано с тюркским. Пилечай является значительным районным центром в несколько тысяч домов. Численность талышей Ирана неизвестна, так как никакой официальной статистики в этом государстве не существует, тем более для нацменьшинств. Можно лишь предположить, что общее число талышей Ирана едва ли менее 50 000, а, возможно, и более, мало уступая числу талышей Азербайджанской ССР.

В иранской части Талыша нам не приходилось бывать. Язык иранских талышей, по имеющимся у нас данным, мало отличается от языка талышей Ленкоранского района. В экономическом и культурном отношении талыши Ирана, очевидно, стоят на таком же низком уровне, как и остальные народности этой отсталой страны.

Преобладающее большинство талышей Азербайджанской ССР было раньше мусульманско-шиитским, но в южной части Ленкоранского района имелось также и суннитское население. Нам перечисляли до 25 таких селений, главным из которых было Тенгеруд, нами посещенное. Записи, произведенные нами из уст тенгерудцев, выявили незначительные отличия их говора от говора общеталышского, под которым мы понимаем говор талышей Ленкоранского района. В Иране значительная суннитская группа представлена следующими селениями Ардебильского района: Амбаран, Амиджан, Джебд, Мизран, Минавар, Кулеш. В с. Пилечай сунниты живут смешанно с шиитами. В районе города Намин сельское население — сунниты, в самом же Намине — шииты.

Приведенные нами данные о разделении талышей на эти две группы должны быть учтены в будущих работах по исследованию талышских говоров; кроме того, эти данные могут быть использованы и историками Азербайджана. Так, например, преобладание шиитов над суннитами может быть объяснено историческими связями династии Сефевидов, вышедшей, как известно, из Ардебилля и сделавшей шиизм государственной религией Ирана, с Талышом и особенно с его Ленкоранским районом. По вполне определенным историческим свидетельствам, родоначальник этой династии — шейх Сефи-уд-дин провел свою молодость в Талыше, и в нескольких километрах к югу от Ленкорана находится гробница его наставника — шейха Ибрахима Захида.

До присоединения Ленкоранского района к России талыши, входя в состав Ирана, были объединены с этой страной общностью культуры и религии и, не имея своего письменного языка, пользовались литературным персидским языком и арабским алфавитом. Персидский язык продолжал культивироваться высшими классами, духовенством и феодалами-помещиками и при царском режиме. Знание русского языка приобреталось лишь ничтожным процентом молодежи, проходившей ленкоранскую городскую школу. Но зато наряду с талышским разговорным языком среди талышей имел распространение и разговорный азербайджанский язык. Соприкасаясь с тюрками-азербайджанцами, значительная часть талышей, особенно мужская, свободно владела их языком, и при общении он имел такие же права, как и талышский.

Со времени образования Азербайджанской ССР во всем Талыше, как и повсюду в Азербайджане, преподавание в школах идет на азербайджанском государственном языке, и он является официальным языком всех административных учреждений.

В начале 30-х годов была сделана попытка ввести талышский язык в младших группах школы, а в Ленкоранской газете «Красный Талыш», наряду со статьями на азербайджанском языке, стали помещаться заметки (главным образом корреспонденции селькоров) и на талышском. В эти годы было напечатано в Баку несколько талышских книжек для начального чтения и элементарных учебников и даже появился перевод на талышский язык «Коммунистического манифеста». Но затем выяснилась малая практическая полезность для самих же талышей этого начинания. Представляя численно сравнительно небольшую группу в составе населения такой крупной, культурно значительной и передовой республики, какой является Азербайджанская ССР, государственным языком которой служит азербайджанский, талыши уже с первых лет создания этой республики были вовлечены в интенсивный процесс социалистического строительства, и знание азербайджанского языка крайне облегчало им усвоение социалистической культуры.

Приводим список талышских печатных произведений, которые мы частично использовали в нашей работе:

1931 г.

1. Z. Əhməd-zada ijən M. Nəsirli. Seinə sor. Bo Kolxozə Məktəbono.
2. [Тех же авторов] Ыштə зьнə вə кəн (bo kəm əзыноно).
3. Z. Əhməd-zadə. Zimoni-ro (bo besəvodono).
4. Табыş маһныларь.

1932 г.

5. Nəsirli. M. Seinə sor. Bo seinə ƣrupiyo пьвьштə бə.
6. [Его же] Тоузə мəктəб. Bo i дəрəҗəйнə мəктəби навнə ƣrupiyo əlifbeјə kitob.
7. Əhməd-zada, M. Nəsirli. Сьə Qolxoz. Bo besəvodono.
8. [Тех же авторов] Seinə sor. Bo kolxozə мəктəbono.
9. Əhməd-zada. Davarda ryzon.
10. Ҷамo Ҷəbraйлəјли [и др.] Тəбиəто qоə kitob, III-нə ƣrupiyo.
11. Такой же учебник тех же авторов для VI группы, ч. 1.
12. B. Əskərov və Ƣ. Rəşad. Ҷoƣrafijə, IV-нə ƣrupiyo, I-нə роə.

1933 г.

13. Qomunistə firqə manifest.
14. Əhməd-zadə, M. Nəsirli. Əlifbe.

1934 г.

15. Əhməd-zadə ijən Ələqbərli, ƣramer, iminҗi роə. Fonetiqə ijən morfologija, bo penҗminci sinifono.

1935 г.

16. M. Nəsirli ijən Z. Əhməd-zadə. Toлыşə зьvon, bo I ijən II sinifono. Ƣramer ijən пьвьште ƣajdon, I hissə, III тəб.

В 1932 г. были изданы следующие программы: Politexnika zəhməti program (şəhər ijən bo di мəктəbon, I—III-нə gryppono). Bo toлыşə мəктəbono moə зьvonədə program.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТАЛЫШСКОГО ЯЗЫКА

Первое, насколько нам известно, печатное упоминание в русской литературе о талышском языке мы находим в т. X «Справочного энциклопедического словаря» Старчевского, изданном в С.-Петербурге в 1848 г., где говорится: «Талышское наречие — одно из главных шести наречий персидского языка, употребляемое в Талышском ханстве, где, быть может, его родина. По формам своим, как грамматическим, так и лексикографическим, оно чувствительно удаляется от других наречий. Грамматические его формы, за исключением наращения множественного числа *у* или *ун*, принадлежащего персидскому языку, самобытны и не происходят ни от пеглеви, ни от другого языка. Оно ставит все притяжательные местоимения впереди имени, и самые местоимения в нем оригинальны» (стр. 60).

Еще несколькими годами ранее, в 1842 г., в Лондоне появилась работа русского ираниста Александра Ходзько «Specimens of the popular poetry of Persia». Эти образцы состояли из песенок на прикаспийских наречиях мазендерани, гилеки и талеша, были напечатаны арабо-персидским шрифтом и сопровождались — мазендеранские и талышские — языковым комментарием, а гилекские — списком слов. Число талышских песен (четверостиший) было невелико — полтора десятка, и язык их представлял странную смесь форм персидского литературного языка с формами талышскими, чего нам никогда не приходилось наблюдать в многочисленных, нами лично записанных талышских «до-бейти». Уже это, само по себе, делает сомнительным метод, примененный Ходзько при собирании им его материала.

Этот сомнительный и записанный малопригодным арабо-персидским алфавитом материал был затем, к сожалению, использован крупным русским ориенталистом, профессором Казанского университета И. Н. Березиным. Этот выдающийся ученый, впоследствии известный тюрколог, начал свою научную карьеру как иранист. В 1853 г. он издал в Казани грамматику персидского языка, представляющую интерес и до настоящего времени. В истории науки И. Н. Березин известен и как первый исследователь живых иранских языков. В том же 1853 г. в Казани была опубликована его работа «Recherches sur les dialectes persans», на которую и до сих пор ссылаются в работах, касающихся иранской диалектологии, как на первый труд русских иранистов в этой области.

Эта работа в части, касающейся талышского языка, теперь уже совершенно устарела. Немецкий иранист В. Гейгер использовал талышский материал И. Н. Березина в своем очерке прикаспийских диалектов в компендиуме иранской филологии, изданном в Страсбурге в 1895—1901 гг.¹ (см. ниже).

Работа И. Н. Березина состоит из двух частей: грамматического очерка и талышских народных песенок, взятых из работы Ходзько. Нигде И. Н. Березин не сообщает, где и как, и с кем он изучал талышский язык, и хотя и утверждает, что его изыскания по иранским диалектам явились плодом его личного изучения последних, но, по крайней мере, из его очерка талышского языка этого вовсе не видно. Редкое талышское слово у него не искажено в такой сильной степени, что его подчас трудно узнать; всякий, кто хотя бы поверхностно знаком с этим иранским языком, никогда не встретит и не сможет употреблять талышских слов в формах, противоречащих самым основным правилам талышской фонетики, а между тем такие формы сплошь и рядом встречаются в маленьком словарике, приложенном к работе И. Н. Березина. От кого он получил свою устную информацию, совершенно непонятно. Единственным же литературным источником, которым он пользовался, послужили 15 четверостиший, помещенных в «Образцах» А. Ходзько. О них И. Н. Березин говорит следующее: «Я предлагаю здесь читателю новые переводы талышских, гилянских и мазендеранских песен, сопровождая их критическими замечаниями; талышские тексты, отсутствующие у Ходзько, мною восстановлены по его транскрипции»². Транскрипция, надо предположить, та же, арабско-персидская, которую применял Ходзько. Далее И. Н. Березин сообщает, что в словаре, которым он заканчивает свой труд, он собрал все слова, которые узнал и которые он мог извлечь из работ Гмелина, Эйхвальда и Ходзько. Работы как Гмелина, так и Эйхвальда никакого лингвистического интереса не представляют и никакого отношения к иранской филологии не имеют³.

Даже учитывая современное И. Н. Березину состояние языковедческой и специально ирановедческой науки, все же нельзя не признать малоудачным метод использования им таких сомнительных словарных источников и пополнения словами, из них извлеченными, талышских слов своего собственного словарика. Разобраться в грамматике талышского языка И. Н. Березин не сумел, в частности в глаголе, но тем не менее он утверждает, что «в талышском языке грамматические правила

¹ «Grundriss der iranischen Philologie», Bd. I, Abt. 2 — W. Geiger. Die kaspischen Dialekte, стр. 344—380.

² I. Bérézín. Recherches sur les dialectes persans, Казань, 1853, стр. 1.

³ Немецкий натуралист Гмелин в 1768 г. предпринял по поручению С.-Петербургской Академии Наук путешествие для изучения прикаспийских стран. Его главный труд «Reise durch Russland zur Untersuchung der drei Naturreiche» издан в С.-Петербурге в 1770—1784 гг. в 4 частях.

Э. И. Эйхвальд — выдающийся русский естествоиспытатель (1795—1876). В его многочисленных сочинениях имеется много сведений по этнографии и археологии России, в частности областей Прикаспия.

не соблюдаются строго, так что обычно смешиваются почти все времена изъявительного наклонения, т. е. аорист употребляется как претерит, будущее время вместо настоящего и т. д.¹ «Глагол в талышском языке, — сообщает он, — часть наиболее трудная, наиболее запутанная и наиболее сомнительная»². И действительно, нигде в его грамматическом очерке мы не находим такого множества искажений и даже фантазирования, как в описании талышской глагольной системы. Нет ни одного времени, которое хоть сколько-нибудь соответствовало бы действительности. Иногда первое лицо дается в одном времени, а другие — в другом, причем приводятся формы, прямо невозможные по нормам талышской фонетики и морфологии. В этом отделе грамматики И. Н. Березин не только не дает никакого представления о талышских временах, но и как бы подгоняет талышские формы к персидским. Приведем несколько примеров. Отрицательная частица наряду с *ni* и *ta* может быть будто бы *da* || *de* — *šide* «не ходи» (!). Приводя прошедшее время от глагола *heste* «быть» — *hesbim*, составленного, как ясно для всякого ираниста, из основы *hest* и глагола *be*, И. Н. Березин делит эту форму на частицу *ha* || *he* и глагол *be*. Прошедшее время глагола «желать» в 1 л. ед. ч. *piame* у него сходит за настоящее. Об образовании настоящего времени И. Н. Березин не имеет никакого представления. Глагол *še* «итти», который в талышском языке сохраняет только свое первоначальное значение «итти», у Березина оказывается вспомогательным, как в персидском языке. У некоторых глаголов в отдельных временах И. Н. Березин находит «приставку» *ha*, которая в действительности является в текстах, которыми он пользовался, вовсе не приставкой, а восклицанием, предшествовавшим глаголу. Кстати, эта «приставка» перекочевала и в указанную выше работу Гейгера. Причастия прошедшего времени глаголов у И. Н. Березина приобретают почему-то чисто персидскую форму, например, глагол *porse* «спрашивать» дает причастие *poršide* «спрошенный». От самых употребительных глаголов приводятся совершенно невозможные формы: *увендинем* «я вижу», *шинем* «я иду» и т. п., или же сообщаются формы глаголов, не существующих в языке. Так, например, талышское *азховым* «я готов» переводится «я хочу», очевидно, по некоторой звуковой близости с персидским глаголом *хастайн* «хотеть».

Таков у И. Н. Березина глагол. Другие отделы грамматики содержат не меньше ошибок. Так, например, отношения двух имен выражаются будто бы двумя способами: «турецким», т. е. предшествованием определения определяемому, или персидским «изафетическим», чего на самом деле в талышском языке вовсе не бывает. В словаре, приложенном к грамматическому очерку, редкое слово не искажено, как мы уже говорили, что указывает не только на то, что сам И. Н. Березин живого талышского языка и не слышал, но что и его информаторы имели о нем весьма слабое представление.

¹ I. Bérézín. Указ. соч., стр. 36.

² Там же, стр. 44.

Следующий очерк грамматики талышского языка, значительно более высокого качества, принадлежит русскому лингвисту П. Ф. Риссу, который в книге III «Записок Кавказского отдела Русского географического общества» напечатал работу под заглавием «О талышцах, их образе жизни и языке». Она была напечатана в 1855 г., т. е. через два года после работы И. Н. Березина, и, следовательно, также имеет уже почти столетнюю давность. П. Ф. Рисс сам побывал в Талыше и хотя пробыл в нем всего три дня (в Ленкоране и в южной части страны — Астаринском «магале»), тем не менее довольно удовлетворительно записал не менее 250 слов, имен существительных и прилагательных, до 70 глаголов, некоторый грамматический материал (местоимения, наречия, числительные и т. п.), 40 кратких разговорных фраз и «талышинскую песню», состоящую из четырех четверостиший и двустишия. Кроме того, он пользовался для проверки записанных слов рукописью, переданной ему известным русским ориенталистом Г. Ханыковым (1822—1878). Эта рукопись представляла собою собрание значительного количества талышских слов и нескольких восточных повестей и сказок вместе с их переводом на персидский язык. Эти тексты были записаны и переведены ленкоранским муллою, талышом Али Экбером Загидом. П. Ф. Рисс на основе всего этого материала, как записанного им лично, так и полученного от Г. Ханыкова, составил свой грамматический очерк. Работой И. Н. Березина он, к своему счастью, не смог воспользоваться. О появлении ее в Казани он знал, но в Тифлисе, где он работал, ее еще не было.

Грамматический очерк П. Ф. Рисса занимает 30 страниц (9—38) и состоит из отделов: «Имя», «Местоимение», «Глагол», «Спряжение правильных глаголов» (дается парадигма спряжения глагола *видей* «видеть» в положительной и, кратко, в отрицательной формах), «Наречие», «Предлоги», «Союзы». Как отсюда видно, очерк П. Ф. Рисса очень краток. Глагол разработан весьма поверхностно, многих времен и наклонений совсем нет, другие перепутаны; конструкция претеритов переходных глаголов, разумеется, не понята. Много и фактических ошибок. Все же надо признать, что П. Ф. Рисс к своей задаче отнесся очень добросовестно и сделал, что мог, если учесть кратковременность его пребывания в Талыше. В своем предисловии к грамматическому очерку он говорит, что «талышинское наречие принадлежит к семье иранских языков, ближе всего подходит к персидскому языку, но не есть испорченный местный говор (*patois*); оно развилось самостоятельно и представляет любопытное сходство с европейскими, а преимущественно со славянскими языками, как в некоторых грамматических особенностях, так и в форме многих коренных слов»¹. П. Ф. Рисс записывал талышские слова и фразы арабскими буквами, сопровождая их русской транскрипцией; некоторые русские буквы он снабдил диакритическими знаками, объясняя их произношение. В списке слов П. Ф. Рисс давал параллельно и персидские слова в их арабской графической форме.

¹ П. Ф. Рисс. О талышцах, их образе жизни и языке, «Зап. Кавк. отд. Русск. геогр. о-ва», кн. III, 1855, стр. 7—8.

Талышские слова, даже в его весьма несовершенной транскрипции, не только легко узнаются, но в большинстве случаев не слишком расходятся с их современным, нам известным произношением. Среди них имеется интересное в историческом отношении и сейчас уже не существующее (оно заменено другим) слово *важ*, которое автор сопровождает примечанием «русск. волк». О форме *аз* для личного местоимения 1 л. «я» он говорит (в примечании), что «эта самая форма, так ясно указывающая на сродство иранских языков со славянскими, существует и в курдском языке»¹, что свидетельствует о его неплохой по тому времени иранистической подготовке для предпринятой им диалектологической работы. В глаголе, несмотря на большое количество ошибок и поверхностное описание времен, он все же правильно дает всю систему личных окончаний, форму инфинитива, правильно отмечает, что «прошедшее время не имеет личных окончаний»² и, приводя формы времен и наклонений, дает их соответствия формам персидским и иногда «татарским» (термин, которым в его эпоху именовался азербайджанский язык). Одним словом, грамматический очерк П. Ф. Рисса многое мог бы дать последующим исследователям талышского языка, конечно, при критическом подходе к приводимому им материалу.

Прикаспийские иранские наречия были предметом исследования также известного русского ираниста, афганиста XIX в., члена Российской Академии Наук Б. А. Дорна. В своих поездках по южному берегу Каспийского моря он собирал материалы по языкам мазендерани, гилеки, талышскому и татскому. Сведения о его работах имеются в представленном им в Академию отчете³ и в его сочинении «Beiträge zur Kenntniss der iranischen Sprachen»⁴. Из отчета мы узнаем, что он посетил г. Ленкоран 6 октября 1860 г., где договаривался о переводе на талышский язык привезенных им текстов. Затем в Тифлисе Б. А. Дорн занимался изучением талышского языка при содействии некоего Ибрагим-бека, который составил для него русско-талышский словарь. Вторично он побывал в Ленкоране в следующем году (с 27 апреля до 4 мая 1861 г.). Результаты его пребывания были следующие: он получил перевод на талышский язык рассказов некоего муллы Асадуллы и талышские стихотворения муллы Исмаила и составлял основы талышской грамматики при содействии Ибрагим-бека. Весь этот материал Б. А. Дорна остался, к сожалению, неопубликованным. Повидимому, словарная часть материалов, полученных им от Ибрагим-бека, представлена рукописью за № 932 («Orientalia») Петербургской университетской библиотеки, выписками из которой пользовался Гейгер (см. ниже). Кроме того, Б. А. Дорн в своем труде «Caspia»⁵ напечатал

¹ П. Ф. Рисс. Указ. соч.

² Там же, стр. 25.

³ Bericht über eine wissenschaftliche Reise in dem Kaukasus und südlichen Küsternländern des Kaspischen Meeres, «Bull. de l'Acad. d. Sciences de St.-Pét.», IV, 1862, стр. 344—377.

⁴ Издано в 1860 и 1866 гг.

⁵ Über die Einfälle der alten Russen in Tabaristan, «Mém. d. l'Académie...», VII série, t. XXXIII, № 1, 1875, стр. 217—220.

краткий талышский текст — перевод известного персидского анекдота о двух женщинах, споривших из-за ребенка.

Б. А. Дорн, несомненно, уже задолго до своего путешествия в Талыш интересовался талышским языком, так как он в своем труде об афганском языке¹, вышедшем еще в 1845 г., сопоставляет по обилию гласных талышский язык с афганским.

В 1894 г. в 20-м выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» были напечатаны «Талышинские тексты», состоявшие из двух коротких сказок — «Волшебное яблоко» и «Трус». Они были сообщены учителем ленкоранского начального училища Теймурбеком Байрамалибековым, сопровождалась подстрочным и литературным переводами на русский язык и, что особенно интересно, примечаниями и заметкой Л. Лопатинского. Подстрочный перевод изобилует многими ошибками, перешедшими, естественно, и в литературный; в первой сказке, размером в полторы печатные страницы вместе с подстрочником, мы их отметили пятнадцать, во второй, немногим большего размера — двадцать пять. Из девяти сносок Л. Лопатинского в семи содержатся совершенно неверные утверждения. Л. Лопатинский использовал грамматический очерк П. Ф. Рисса, но не только не внес каких-нибудь исправлений или улучшений в изложение системы глагола, но еще более ее запутал. Так, например, местоименный аффикс 3 л. ед. ч. прошедшего времени *-ше* он отождествляет с глаголом «итти» (русс. «шествует»); утверждает, что глагольный префикс *бе-* есть вспомогательный глагол «быть», что талышский инфинитив оканчивается на *-е* или *-а* и что будто бы у П. Ф. Рисса даются два окончания: *-ей* или *-ай*; второе совершенно неверно, так как П. Ф. Рисс определенно говорит, что «форма неокончательного наклоения есть *-ей*»², и из 40 глаголов, приводимых П. Ф. Риссом в русской транскрипции, у 39 окончание *-ей* и только один глагол «проходить» дан случайно в неправильной форме *омай*. Мы останавливаемся на этом, казалось бы, незначительном факте потому, что небрежная переделка этого ошибочно транскрибированного слова, произведенная Л. Лопатинским (т. е. *-а* вместо *-ай*), привела в дальнейшем Гейгера к предположению, а Бенвениста — к утверждению, что окончание *-а* произошло из *-аг*, т. е. что талышский инфинитив имеет форму причастия прошедшего времени (см. ниже, стр. 141).

Переходим к работе Гейгера о прикаспийских диалектах, в которой талышский язык оказался по географическому признаку объединенным с мазендерани, гилеки, тати и семнани.

В. Гейгер — крупный германский лингвист, индо-иранист. В своих иранистических работах он позволяет себе на основании очень скудного и известного ему зачастую из третьих рук и в плохих записях материала живых иранских языков делать широкие классификационные обобщения и устанавливать «фонетические законы». Методы его работы

¹ «Grammatische Bemerkungen über das Puschtu oder die Sprache der Afghanen».

² П. Ф. Рисс. Указ. соч., стр. 25.

подверглись суровой критике другого немецкого ираниста, диалектолога К. Хаданка¹, продолжателя работ своего соотечественника О. Манна по северо-западным наречиям Ирана, — критике, с которой нельзя не согласиться. Работы Гейгера по иранским диалектам относятся еще к той эпохе, когда формы персидского письменного языка сопоставлялись со всеми неперсидскими диалектами, когда в составе самого персидского языка не различались его формы — письменная и разговорная, когда многие явления, характеризующие персидский разговорный язык в области фонетики и морфологии, приписывались так называемым «иранским диалектам» и служили классификационными признаками для их отграничения от персидского письменного языка, когда еще не появились работы О. Манна, который впервые ввел термин «северо-западные наречия» в своей работе по таджикским говорам Фарса², противопоставляя их юго-западным, и когда еще не появилось исследование П. Тедеско³ по диалектологии северо-западных иранских турфанских текстов, уточнившее характеристические черты этой группы в историческом освещении.

Для своей разработки талышского языка В. Гейгер, как он сам указывает⁴, использовал следующую литературу: работы И. Березина, А. Ходзько, П. Рисса, 20-й выпуск «Сборника материалов по описанию местностей и племен Кавказа» и выписки, доставленные ему П. Хорном из вышеупомянутой рукописи Петербургской университетской библиотеки, содержащей талышский словарь с текстами. О том, какого качества талышский материал содержался в работах И. Березина и А. Ходзько, нами уже было сказано, равно как и достаточно подробно охарактеризован перевод текстов в «Сборнике» и примечания Л. Лопатинского. На этом материале Гейгер, очевидно, не мог бы дать сколько-нибудь удовлетворительного исследования фонетики и грамматики талышского языка. Но он мог бы значительно обогатить талышскую лексику, приводимую в его работе, и правильно представить многие формы слов, если бы потрудился ознакомиться с работой П. Рисса. Между тем мы можем совершенно определенно утверждать, что Гейгер с работой П. Рисса совершенно не знаком, хотя и поместил ее в списке использованных им источников, что, разумеется, недобросовестно. Нигде в сносках своего очерка Гейгер не упоминает работы П. Рисса и ни одного слова из нее не цитирует. Везде главным его источником являются работы И. Березина, реже А. Ходзько, даже на «Сборник» ссылок почти нет. Из «Caspia» Дорна Гейгер поместил в конце работы перевод на талышский язык персидского анекдота о двух женщинах, споривших из-за ребенка, к стати переведенного на все остальные так назы-

¹ Karl Hadank. Die Mundarten von Khunsär, Mahallät, Natänz, Nayin, Sämnän, Sivänd und Sö-Kohrad, KPF, Abt. III, Bd. I (Nordwestiranisch), 1926, стр. XVI, XXX, XXXI.

² O. Mann. Die Tajik-Mundarten der Provinz Fars, KPF, Abt. I, Berlin, 1909.

³ P. Tedesco. Dialectologie des westiranischen Turfantexte. «Le Monde Oriental», XV, 1921, стр. 184—268.

⁴ «Die Kaspischen Dialekte», Litteratur, 3. Talisch, стр. 345.

ваемые «прикаспийские» диалекты, и снабдил этот перевод комментарием.

Переходим к частностям работы В. Гейгера.

Никакой системы вокализма талышского языка, как и вообще других прикаспийских языков, мы у него не находим. Он делает лишь общее замечание о неопределенности и качественном безразличии (*Farblosigkeit*) кратких гласных и, специально, о колебаниях (*Schwankungen*) кратких гласных в талышском языке. Долгие же — это, по мнению Гейгера, первоначальные долгие гласные иранского языка. Почему-то он выражает сомнение, существуют ли в прикаспийских языках, а следовательно, и в талышском маджхульные гласные, и в обоснование своего сомнения в отношении талышского языка приводит слово *siv* «яблоко». Это подтверждает, что он не только не читал Рисса, где ясно дана форма *sev*, но и сказку о волшебном яблоке, помещенную в кавказском «Сборнике», где дана форма *сеф*. О талышском консонантизме работа Гейгера не дает никакого сколько-нибудь связного представления. Талышских примеров чрезвычайно мало по сравнению с мазендеранскими, гилекскими, татскими и семнанскими и они большей частью искажены, так как заимствованы у И. Березина. Гейгер сначала трактует о консонантизме всех этих языков совокупно, выделяя, как он выражается, их архаичные черты и отражение «индогерманских» согласных, причем оказывается, что древнее *ś* в талышском стало *j*, в подтверждение чего приводится несуществующая форма *jier* «внизу», между тем как в талышском имеется не *j*, а *ž* (*ži*); и, наоборот, утверждается, что *ś* перешло в *ž* в предлоге, опять-таки не существующем в талышском языке, — *až*, тогда как в нем имеется не *až*, а *čj*, из древнего *haśā*, т. е. *ś*, сохранившееся даже в интервокальном положении.

Приводя примеры перехода $dv > b$ (семнани *bar* «дверь»), Гейгер не дает столь же яркого талышского примера *ba* «дверь», слова, имеющегося у П. Рисса (*ба*). Из специфических черт талышского консонантизма Гейгер отмечает только две: частое выпадение *g* и «смягчение» (по его терминологии) *x* в *h* и его полное отпадение.

В морфологии у Гейгера столько крупных ошибок, что перечисление и исправление их потребовало бы от нас вторичного изложения всей системы талышского склонения и спряжения. Остановимся лишь на самом существенном.

Имя: Показатель множественного числа у Гейгера не только **-on** || **-un**, но и **-an** (дается на первом месте), чего никогда не бывает и не может быть по закону талышской фонетики. Другой же показатель множественности имен у Гейгера **-ha**, получивший в талышском языке будто бы форму **-u**, в подтверждение чего приводится прямо фантастическая и звучащая скорее по-китайски форма множественного числа от *ka* «дом» — *жуи* «домá». Местоименный суффикс 2 л. ед. ч., по Гейгеру, **-at**, что неверно, так как в действительности он выражается гласным элементом **-i** || **-i**, что, кстати, является весьма характерной чертой морфологии этого языка. Так называемый косвенный падеж, по Гейгеру, выражается не только гласным **-i**, но и гласным **-o**, чего на самом деле никогда

не бывает, да и не может быть, так как флексия **-о** сохранилась только от древнего аблатива. Для дательного падежа Гейгер приводит флексию **-и** в склонении местоимения вопросительного: *kin* «кому?», которой вообще не существует в языке. Гласный элемент, соединяющий определяющее прилагательное с существительным, в талышском только **-а**, но для Гейгера также и **-е**. Вся падежная система им изложена не только бессистемно, но во многих случаях и превратно. Так, например, локатив, по Гейгеру, выражается послелогом **-da**, между тем как послелог, служащий для выражения этого падежа, **-ada**, например, от *ka* «дом» образуется *kaada* «в доме». Гейгер же форму *kaada* разделяет на *kaa* и *da* и в *kaa* видит косвенный падеж от *ka*, т. е. считает **-а** флексией косвенного падежа, который у него, таким образом, имеет три формы **-i**, **-о**, **-а**. В результате ничего, кроме путаницы, в изложении падежной системы у Гейгера мы не находим. В формах *yāi*, *dāi*, где мы имеем косвенные падежи от слов *jo* «друг», *do* «дерево», Гейгер находит какой-то уменьшительный суффикс, опять-таки **-i**. У И. Березина он списал несуществующие фантастические формы *az-et* «я сам», *az-et* «ты сам», *az-eš* «он сам». Образования сравнительной степени Гейгер не знает, а приводимая им форма *veh* (н. п. *beh*) есть не сравнительная, а превосходная (*vē* имеет значение «много», «очень»), исторически происшедшая от древней сравнительной. Еще неудовлетворительнее у него изложен отдел глагола. Мы не находим в нем даже сколько-нибудь полных парадигм спряжения, которые он дает для мазендерани и гилеки. Он не знает образования настоящего времени и за него выдает будущее или конъюнктив. Ему не знакомы формы условного и желательного наклонений. Понудительная форма глагола, отражающая в талышском среднеперсидскую, Гейгеру неизвестна; единственный пример, знакомый ему из песенных текстов А. Ходзько, *deresan* — форма, несомненно, заимствованная из персидского языка (образованная с суффиксом **-an**). Гейгер находит какую-то глагольную приставку **da-**, но в двух, приводимых им и не допускающих перевода примерах это вовсе не приставка, а преверб (*dabandi*, *damande*), соответствующий персидскому *dār-*, вошедшему в образование сложных глаголов (*dārbāstān* «связать», *dārmandān* «изнемочь»). Насколько он не разобрался во временных значениях приводимых им глагольных форм, могут показать следующие примеры: у Гейгера *baharden* «они едят» (вместо «съедят»), *banvašte* «он пишет» (вместо «напишет»), *bda* «он дал» (вместо «дай»), *baša* «он идет» (вместо «он пошел»), *daie* «он дает» (вместо «он дал») и т. д. Он приводит какую-то совершенно невозможную форму *hestet* «он есть» вместо обычного *hest*. Ему неизвестно причастие настоящего времени типа *a-kard*, имеющееся в многочисленных примерах у П. Рисса. Окончание же инфинитива, как мы уже говорили, у него **-а**. Глагольное окончание 3 л. ед. ч. в талышском всегда **-е**, у него же **-а** и **-i**. Восклицание *ha* перешло к нему из работы И. Березина и тоже стало глагольной приставкой. Петербургская рукопись № 932, которой он пользовался, видимо, мало ему помогла. Из нее он выписывает ряд глагольных форм,

совершенно неправильных, например, *nimanwarda* (!) «мы не приносим». Впрочем такие отрицательные формы, взятые им из этой рукописи, он сам называет удивительными (*merkwürdig*).

Комментарий, приложенный к переведенной на талышский язык сказке о споре двух женщин из-за ребенка, также изобилует ошибками. Приведем только один пример: *'aqilim a piyanē* должно собою представить перевод персидской фразы *teflra nāmīxahām* «ребенка я не требую». Реконструируя это искаженное Гейгером предложение, мы должны получить: *ақил-ім а ріа ні*, где *ақил* «сын, ребенок», *а* — сокращение *аз* «я», *ріа ні* — отрицательная форма перфекта в эргативном построении, но уже контаминированном, так как следовало бы передать субъект действия не через *аз*, а через *тї* (*тї ріа ні*). Таким образом, уже сам по себе перевод на талышский язык этой персидской фразы неверен, содержит ошибку во времени (перфект вместо презенса). Правильный перевод был бы только *рїда-м-ні*. Гейгер в этом совсем не разобрался, и даваемый им комментарий поэтому также совершенно неправилен: *ім* — вовсе не выражает притяжательного отношения, как он говорит, а передает субъект действия в эргативной конструкции и связан грамматически не со словом *ақил* «дитя», а с глаголом *рїе*, поставленным в перфекте, а не в презенсе.

Таковы совершенно неудовлетворительные сведения, которые иранист может получить о талышском языке в статье Гейгера, помещенной в «*Grundriss der iranischen Philologie*». Можно определенно утверждать, что никакой научной ценности они не имеют.

Для полноты нашего обзора скажем еще несколько слов о другой работе, содержащей сведения о талышском языке, на этот раз уже не немецкой, а французской.

Почти одновременно с работой Гейгера в Париже был издан 5-й том трудов французской археологической миссии в Персии, составителем которого является руководитель этой миссии де Морган, инженер по образованию¹. Этот том посвящен лингвистическим исследованиям курдского языка и диалектов северо-западной Персии. В своем предисловии автор сообщает, что он публикует материалы по иранским диалектам, собранные им² еще во время его первого путешествия по Ирану в 1889—1891 гг., во время которого он побывал в северо-западном Иране, в прикаспийских провинциях и некоторых других местах (между прочим, заехал и в русский Талыш). Он выражает надежду, что хотя его работа и не представляет законченного и глубокого научного исследования всех тех иранских диалектов, которыми он занимался, но все же будет, возможно, полезна ориенталистам. За редактированием работы де Моргана следил известный французский иранист Хюар (Clément Huart). В своем предисловии к этому тому он выделяет заслуги де Мор-

¹ J. de Morgan. *Mission scientifique en Perse*, t. V — *Études linguistiques*, Paris, 1904.

² «... как от лиц, очень интеллигентных, так и настоящих дикарей (*véritables sauvages*)». Так именует простых людей Ирана этот буржуазный деятель. (J. de Morgan. Указ. соч., предисл., стр. XV).

тана по изучению курдского языка, «этой дикой, — как он выражается, — ветви индоевропейских языков»¹, а также не сомневается в пользе для иранистики труда, совершенного де Морганом.

Работа де Моргана состоит из двух частей. Первая содержит грамматическое описание одиннадцати курдских диалектов, в котором мы находим даже такие, интересные не для одних иранистов, но и для лингвистов вообще, темы, как «О курдских именах и их происхождении» или «История звуков, употребляемых в курдских диалектах». Во второй части читатель находит материалы и главным образом списки слов по целому ряду других иранских и даже неиранских диалектов с малоизвестными подчас в иранистике названиями².

Талышскому языку посвящены стр. 261—288. Здесь дается список слов (всего 769) по двум говорам — Ленкорана и Керганруда, 20 коротких фраз (одних и тех же по обоим говорам) с французским переводом, несколько кратких парадигм спряжения четырех глаголов. В заключение на пяти страницах приводится арабо-персидским шрифтом без всякого перевода текст, озаглавленный «Сказки на ленкоранском говоре». Транскрипция де Моргана, разумеется, французская с курьезными особенностями; так, например, «гайн» передается через *gh*, широкое *j* — через *ǰ*. Просмотр списка слов сразу же выявляет автора, как человека, не имеющего о талышском языке ни малейшего представления и способного вследствие этого одно слово разделить на две части, или, наоборот, слепить два слова в одно, вместо инфинитива записать императив или прошедшее время, или даже просто набор слов³. Переводы на талышский язык кратких французских фраз представляют подчас сплошную выдумку⁴, а парадигмы спряжения — невероятный вздор⁵.

«Лингвистический» труд де Моргана, естественно, получил суровую оценку иранистов⁶. Приведем здесь лишь отзыв О. Манна в его исследовании курдского говора мукри⁷. Лингвистические представления и разъяснения форм слов де Моргана он называет «вздором» (*Unsinn*)⁸,

¹ «...rameau sauvage des langues indo-européennes» (там же, стр. VII).

² Вот их полный перечень: *Dialectes mazandarani et ghilékis* (199—261), *talyches* (261—288), *dary*, *khodjavendi*, *bengédi*, *djougi*, *goudari* (288—308); *dialecte turkoman de l'Atrek* (308—312), *dialecte israélite de Sihneh* (312—322).

³ Вот примеры: стр. 621 — *commencer* — *bínö—böká*; стр. 638 — *être nécessaire* — *piá-é*; стр. 653 — *refléchir* — *sadarhi—nié*; стр. 666 — *gémir* — *miché-bábo*.

⁴ *cette maison est haute comme ces arbres* — *imka den doui bana ian den*; *la maison est bâtie avec des arbres* — *ka de añdj ba*.

⁵ *ils sont* — *navé damoun* или *avônin*; *j'étais* — *mö dona = az hest bim*; *tu étais* — *ntö s'aa = tónan hestbich*; *ils étaient* — *tchañ kaspimoun = avôn hestbin*.

⁶ См.: В. Минорский. Люди истины, М., 1911, стр. 98; E. B. Soane *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1912, стр. 893; O. Mann. *Mitteilungen des Seminars der orientalischen Sprachen*, 1899, Bd. II, Abt. II, стр. 256—274; его же. *Kurdisch-persische Forschungen*, Bd. III, Abt. IV, Teil I — Mukri, стр. XXII—XXV.

⁷ O. Mann. *Kurdisch-persische Forschungen*, Teil I — Mukri, Einleitung, стр. XXIV.

⁸ Там же, стр. XXV.

все его суждения (касающиеся мукри) «невероятно фальшивыми»¹. Надо опасаться, — говорит он, — стать смешным, серьезно опровергая нелепые идеи де Моргана»². «Кто прочтет его „Études linguistiques“, тот будет вознагражден несколькими веселыми часами»³. «Впрочем, нельзя же от инженера требовать лингвистических знаний»⁴, — говорит он в заключение.

На русском языке был опубликован по талышскому языку ряд работ, принадлежащих автору настоящего исследования. Совершив еще в студенческие годы поездку по Талышу, он использовал собранные материалы для составления доклада о грамматическом строе талышского языка, прочитанного в Восточной комиссии Московского археологического общества. Резюме доклада было напечатано в протоколах заседаний этой комиссии⁵. Эта работа в настоящее время устарела.

Возобновив занятия талышским языком, автор в 1925 г. посетил Талыш, занимаясь собиранием текстов и изучением языка с местными жителями. Результатом этой поездки был отчет, представленный им Обществу обследования и изучения Азербайджана⁶. Занявшись затем разработкой материала, автор напечатал «Талышские тексты»⁷. Тексты сопровождаются русским переводом и талышско-русско-французским словарем. В предисловии содержится очерк талышской фонетической системы. Талышский грамматический и лексический материал был использован затем и в статье, посвященной вопросу о языке «азери», в плане сопоставления талышских форм и слов со скудными остатками этого языка, до нас дошедшими⁸. Для Большой советской энциклопедии автором дана статья о талышском языке. В процессе подготовки грамматического исследования талышского языка им был помещен автореферат по его морфологии в «Рефератах научно-исследовательских работ» за 1945 г. (Отделение литературы и языка Академии Наук СССР). В 1948 г. в сборнике Института языка и мышления Академии Наук СССР — «Язык и мышление» (т. XI) автором была помещена статья «О суффиксе *i* имен существительных в талышском языке».

В изучение талышского языка с 1947 г. включилась В. С. Соколова, специализировавшаяся на бесписьменных иранских языках. Посетив Ленкоран и занявшись записью текстов и изучением талышского языка, она затем опубликовала исследование его фонетики⁹.

¹ O. Ma n n. *Kurdisch-persische Forschungen, Teit I—Mukri, Einleitung*, стр. XXIII.

² Там же, стр. XXIV.

³ Там же, стр. XXII.

⁴ Там же.

⁵ См. «Труды Восточной комиссии», протокол № 81, т. 2, вып. 3.

⁶ Напечатан в «Известиях» этого общества, № 1, Баку, 1925.

⁷ Издание Научно-исследовательского института национальных и этнических культур народов Востока СССР, М., 1930.

⁸ К вопросу об языке населения Азербайджана до отуречения этой области, «Уч. зап. Инст. национ. и этн. культур народов Востока СССР», РАНИОН. М., т. I.

⁹ Новые сведения по фонетике иранских языков (предварительное сообщение), сб. «Иранские языки», 1950, т. II, стр. 5—28.

О ПИСЬМЕННОСТИ НА ТАЛЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

ОБ ОРФОГРАФИИ ТАЛЫШСКИХ ПЕЧАТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ. ПЕРЕДАЧА ФОНЕМ

Число гласных и согласных фонем языка (см. раздел «Фонетика») было установлено самими талышами — и в общем верно — в самом начальном периоде выработки ими письменной формы языка. Для передачи каждой из них были закреплены соответствующие знаки так называемого «нового алфавита» на латинской основе. Принцип фонологического орфографирования при этом в общем выдерживался. Но все же отмечаются и многочисленные случаи отступления от него, и неустойчивость в передаче отдельных фонем, отражающие варианты в индивидуальном произношении или говоре.

При передаче вокализма мы наблюдаем следующее: **o** чередуется с **u**: *ko* || *ku* «дело»; **u** чередуется с **ü**: *kurs* || *kürs* «курс», *ruža* || *rüža* «пост»; **i** чередуется с **o**, **e**, **i**: *žijo* || *žojo* «так», *bjü* || *bobü* «пусть он будет», *šiste* || *šešte* «мыть», *hirdan* || *herdan* «мальчик», *istifada* || *istifada* «использование»; **e** чередуется с **i**: *tosnejo* || *tosnijo* «чтобы задушить»; **i** чередуется с **e**: *komita* || *kometa* «комета».

Реже встречаются чередования **a** с **a**¹.

В консонантизме особенно много путаницы в передаче заднеязычных смычных и щелевых **k**, **g** и **γ** и спорадически наблюдается введение буквы **k**, соответствующей в новом алфавите **q** обычного латинского, для передачи не существующего в талышском консонантизме велярного смычного.

Примеры: *γolloγči* || *qollokči* «служитель», *kárdanin* || *qárdanin* «не делают», *bikamon* «сделаем» и *qarde* «делать», *harakat* || *haraqat* «движение», *gla* || *γla* «один», *tasdi* || *tasdik* «удостоверение».

В группах согласных с плавными наблюдаются нередко пропуски кратких гласных: *brobarati* || *barobarati* «равенство», *gla* || *gila* «один», *drektif* || *derektif* «директива».

Группы **st** и **št** в середине слов иногда переходят в **sd** и **šd**, откуда дублетные написания соответствующих слов, что отражает звонкий

¹ О непоследовательной передаче **a** см. ниже.

взрыв глухого *t* в положении, когда за ним следует гласный (см. ниже — раздел «Фонетика», стр. 56): *įštan* и *įšdan* «сам, свой» и т. п.

Непоследовательность в передаче фонемных звуков объясняется также тем, что не учитывается тенденция языка к ассимиляции согласных и частичному сингармонизму гласных, а также неотчетливым представлением об артикуляции заднеязычных согласных и некоторых групп согласных, отражением в письме особенностей произношения в разных районах Талыша и слабым представлением о морфологии языка.

Непоследовательность, наблюдаемая в передаче фонемных звуков, еще резче проявляется в области морфологии. Представления об орфографии и грамматике у авторов краткого руководства «*Toliša zivon*», изданного в 1935 г., крайне слабы, хотя подзаголовок этой книжки и гласит, что в ней даются «грамматика и правила написания» (*gramer ijan nivışte yaidon*).

К «правилам написания» относятся следующие: говорится о необходимости ставить точку в конце предложений «повествовательных» (*paŭlija jumlon*), знак вопроса в конце предложений вопросительных (*siŭolına jumlon*) и знак восклицательный в конце предложений «звательных» (*pidóba jumlon*). Точка с запятой авторам неизвестна. Говорится о переносе части слова, если оно целиком не уместается в конце строки. Предлагается писать с большой буквы названия городов, селений, рек, имена собственные (личные, фамильные, отчество), а кроме того, «звуки, издаваемые животными» (!).

«Грамматические правила» крайне скудны и обнаруживают полное незнание авторов с языком. Не удивительно, что орфография печатной продукции отражает низкий уровень грамматических знаний ее авторов.

Вследствие незнания с морфологией представление об отдельном слове талышских авторов часто сводится к восприятию как одного слова целого комплекса, объединенного одним ударением, в котором тесно слиты как полнозначимые слова, так и служебно-вспомогательные частицы. Такие неправильные слитные написания крайне затрудняют чтение и понимание текста. Отсутствует сколько-нибудь последовательное членение речи, постоянно нарушается принцип раздельного написания слов и слитного — частей слов. Слишком резко выявляется влияние специфики устной речи, речевого потока, в сущности только и знакомого людям, впервые приступающим к его письменному фиксированию.

Приведем примеры таких слитных написаний:

1. Всегда слитно пишется энклитика — частица *ki* во всех своих грамматических значениях — местоимения относительного «который» и союзов «что» и «чтобы»: *áveki* «это тот, который», *kolxozon hésinki* «есть колхозники, которые», *bova kárdamonki* «мы верим, что», *xaba omátiki* «пришло известие, что», *nišo dóidanki* «они показывают, что», *malúteki* «известно, что», *žógoki* «так, что», *néki* «не то, чтобы» и т. п.

2. Всегда слитно пишутся все спрягаемые формы вспомогательного глагола *be* «быть, стать» как в положительной, так и в отрицательной формах: *dašédabin* «они входили», *okardába* «открылось, стало открытым», *darjvédabin* «они лаяли», *šédabin* «они шли», *dóidabin* «они давали», *kárdabinki* «они делали, чтобы», *ogatabédani* «не поддерживается», *kašdábani* «не было посеяно», *zajífban* «они ослабели», *bardanínbimon* «мы должны были носить», *šobédabim* «я был рад», *edoábabe* «он будет закрыт», *bédanibe* «не было возможно», *vindábani* «он не был виден», *bardábani* «он не был унесен», *hozobédani* «не готовится».

3. Слитно пишется причастие прошедшего времени *ba* от глагола *be*, входящее в состав сложных причастий: *vadoába sahvon* «допущенные ошибки», *óba* «открытый», *hisóbba* «сосчитанный, учтенный», *beyandába* «изгнанный», *rajónadaba* «находящийся в районе».

4. Слитно пишутся причастия прошедшего времени, входящие в качестве первого члена в состав сложений, выражающих имена лиц: *handakas* «читатель», *vindakas* «увидевший» (человек), *omakas* «пришедший», *fikdoakas* «мыслящий»; такие причастия пишутся также слитно в тех случаях, когда они являются второй частью сложения: *kokarda* «работающий, работник», *kolhozbajon* «колхозники».

5. Нередко слитно пишутся сложные причастия и имена существительные, составленные из имени и причастия настоящего времени глагола: *nišoadajon (nišo-ada(j)-on)* «указывающие, показатели», *tatomaka (tamom-aka)* «оканчивающий», *istismoraka (istismor-aka)* «эксплуатор».

6. Всегда слитно пишется подтверждательная энклитическая частица *an* (н. п. *hám*): *bjmonan* «и им», *jmsóran* «и в этом году», *kolxózadan* «и в колхозе», *amánan* «и мы».

7. В написании предлогов наблюдается неустойчивость: предлог *čj* обычно отделяется: *čj zamini* «с земли», но нередки случаи и его слитного написания: *čjzaminížto (či-zamin-i-ži-o)* «из-под земли»; предлоги *de (dĵ, di)* и *ba, bo* пишутся отдельно, когда слово начинается с согласного (хотя бывают и отступления): *ba kano mande* «остаться в стороне», но вместе, когда оно начинается с гласного: *dešta* «со своим», *bavon* «им», *bama* «нам», *bostáno* «для себя», *bai* «ему».

8. Послелог *-ada, -sa, -ku* и суффикс отложительного падежа *-o* всегда пишутся слитно, даже послелоги сложного состава — из имени и послелога: *čj vošžíada (voš-i-ži-ada)* «под дождем», *čjzaminížto (čj zamin-i-ži-o)* «из-под земли».

9. Местоимения *j, jm* и *ha* всегда пишутся вместе со словом в составе наречий: *ĵsat* «сейчас», *jmsor* «в этом году» или сложных имен: *háĵur* «всякого рода», *hákas* «всякий человек».

10. Глагольные префиксы *bi-* и *ba-* всегда пишутся слитно, равно как и все превербы: *e-, pe-, o-, be-, da-*, причем последние не выделяются и в положении, когда за ними следует префикс: *pebašet* «я взойду навверх, поднимусь».

11. Отрицание *ni* при глаголах, находясь в конце глагольной формы, всегда пишется слитно с нею: *doáni* «он не дал», *pidani* «он не хочет», *bešédani* «они не выходят», *vadoóbani* «он не был отпущен», *orochniášonni* «они не отпустили, не освободили».

Дефисы встречаются весьма редко и только, повидимому, в следующих случаях:

а) при выражении некоторых наречий, путем повторения слова: образа действия — *še-še*, *be-be* «постепенно», *mānde-mānde* «мало-помалу», *jo-jo* «одиночно, отдельно», времени — *váxtj-váxtada* «время от времени»;

б) в некоторых сложных именах: *boj-biston* «сады-огороды», *ɣom-ɣabilon* «племя-родичи»;

в) в уступительных предложениях для передачи союза «хотя» путем повторения отрицательного инфинитива: *ko níkarde-níkarde* «хотя и не работая».

Встречаются случаи совершенно безграмотного слитного написания двух слов, морфологически между собою вовсе не связанных, вроде: *ikalima* «одно слово», *díviɣrada* «в двух местах», *véglá diónada* «во многих селениях», где впрочем *glá* «один» может быть понято как суффикс, подчеркивающий неопределенно большое число деревень (*ve* «много»).

ОБ ОФОРМЛЕНИИ В ТАЛЫШСКОМ ПИСЬМЕ РУССКИХ СЛОВ И ДРУГИХ ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Здесь прежде всего следует отметить широкое применение буквы **а** нового алфавита, соответствующей знаку **а** нашей транскрипции, т. е. знака, долженствующего в коренных талышских словах передавать фонему заднего **а** (см. стр. 39). В письменном языке это **а** применяется широко для передачи всякой буквы **а** русских слов, а также слов иностранных, оформленных русским правописанием; кроме того, для передачи этой же буквы слов турецких (тюрко-азербайджанских), всякого алифа слов арабских, а также персидских литературных, поскольку последние не успели, укоренившись в талышском языке, приобрести талышское оформление с переходом долгого **а** в **о**.

Примеры на русские заимствования: *vagon* «вагон», *rajon* «район», *kampanija* «кампания», *salon* «салон», *komisar* «комиссар», *redaksija* «редакция», *plan* «план», *hektar* «гектар», *kapital* «капитал», *kadr* «кадры», *konfrans* «конференция».

Русское безударное **о** также передается через **а**: *vagzal* «вокзал», *pragul* «прогул», *abaločka* «оболочка», *paraxod* «пароход», *paravož* «паровоз», *pravakacija* «провокация».

Примеры на слова турецкие: *arada* «между, среди», *jaramaz* «негодный», *jara* «рана», *üzak* «кружок», *jarış* «состязание».

Примеры на слова арабские: *idara* «управление», *fajiz* «процент», *kurban* «жертва», *muzakira* «дебаты», *mubahisa* «прения», *ittihat* «союз», *musavat* «равенство», *šuar* «лозунг», *ijlas* «заседание», *ɣaida* «правило».

Примеры на слова персидские литературные: *numajanda* «депутат», *azad* «свободный» (в составе талышского *azadati* «свобода»).

Более чем сомнительно, чтобы использование этой буквы **а** в столь многочисленных случаях всегда вызывалось восприятием самими талышами качественного отличия передаваемого ею звука иностранных заимствований от того типа переднего **а**, который талышами, как правило, передавался через **э** («фатху»), а не определялось главным образом графическими моментами — желанием передавать безразлично всякую букву **а** русского или иностранного слова или арабский алиф буквою **а** своего «нового алфавита».

В самом деле, в отдельных русских словах мы усматриваем непоследовательность и колебания в передаче такого **а**: наряду с **а** «нового алфавита» оно передается и через **э**. Примеры (в скобках — наша транскрипция): *forma (forma)* и *formə (forma)* «форма», *ramka (ramka)* и *ramkə (ramka)* «рамка».

Такая непоследовательность может быть объяснена и добавочным моментом — влиянием множества арабских заимствований — имен женского рода единственного числа, с исходом на краткое **а** («фатху»), которое, по общему правилу, транскрибируется через **э**.

Остановимся специально на передаче и оформлении только русских слов. Отметим следующие явления:

а) отсутствующие в талышском языке фонемы не передаются вовсе, а заменяются приближающимся или сходным в восприятии талышей звуком и соответствующей буквой;

б) глухую аффрикату **ц** заменяет **s**: *revoljusija* «революция», *pozisija* «позиция», *administrasija* «администрация», *stansija* «станция», *kammersija* «коммерция»;

в) **щ** передается то через **š** простое, то через удвоенное **šš**: *šot* «счет», *meššan* «мещанин»;

г) йотованные гласные **ю, я, ё, е** передаются аналитически через **ju, ja, jo, je**: *jolka* «елка», *sajuz* «союз», *s'jezd* «съезд»;

д) палатализация русских согласных в середине слова передается мало удачно через **j**: *spekuljant* «спекулянт», *narjad* «наряд», *otrjad* «отряд», *poljus* «полюс», *oktjabr* «октябрь», *bjuro* «бюро», *pulomjot* «пулемет», *revoljusija* «революция», *Potjomkin* «Потемкин»;

е) смягчение согласных в конце слова, передаваемое через знак мягкости **ь**, в талышском языке никак не выражается: *verf* «верфь», *oblast* «область», *zarazit* «заразить», *rol* «роль», *artel* «артель», *inventar* «инвентарь».

Под влиянием азербайджанской орфографии **h** в иностранных словах передавалось через **h**, а не через **g** их русского произношения: *hektar* «гектар», *Hegel* «Гегель».

В передаче некоторых русских слов наблюдаются их искажения, вызываемые тенденцией к вокальному сингармонизму — *emenija* «имение», *oklon* «уклон», *učet* «учет», *manat* «монета» (рубль) — или же желанием облегчить артикуляцию начального согласного — *šervoons* «червонец».

На оформлении слов, исходящих на **а**, отражалась азербайджанская практика: **а** отбрасывалось — *fabrik* «фабрика», *mašin* «машина» или же отбрасывался последний слог — *kartof* «картофель».

Остановимся на передаче прилагательных.

Как и в азербайджанском, отбрасывался суффикс «-ический», заменяемый на **-ik**: *utopik* «утопический», *klassik* «классический», *agroteknik* «агротехнический», *sistematik* «систематический».

В двух словах — «коммунистический», «социалистический» — он совсем отбрасывался без всякой замены: *kommunist*, *sosialist*.

Суффикс «-ический» в словах на «-логический» переделывался на *(lo)ži* — *bioloži* «биологический».

Суффикс «-ский» отбрасывался — *proletar* «пролетарский».

Также отбрасывался суффикс «-ный» — *feodal* «феодальный», *patriarhal* «патриархальный», *konservativ* «консервативный».

Избегая русских суффиксов, талышский язык старается передавать русские прилагательные другими средствами, имеющимися в его распоряжении:

а) вместо прилагательного относительного употребляется соответствующее имя существительное, которое по общему правилу предшествует определяемому имени существительному, принимая гласный неударный элемент **а**: *davláta kapital* «государственный капитал», *senajéa kapital* «промышленный капитал», *tijóráta kapital* «торговый капитал»;

б) вводят в оборот много прилагательных, или заимствуя их из арабского языка, или используя богатые средства своего терминоведения, например весьма продуктивный суффикс **-in**, или образуя прилагательные сложного состава с использованием причастий прошедшего и настоящего времени.

Примеры арабских заимствований: *malíja kapital* «финансовый капитал», *išta xjüsüsija kapital* «собственный капитал».

Примеры прилагательных на **-in**: *asosína kapital* «основной капитал», *hamišáina kapital* «постоянный капитал».

Примеры сложных прилагательных с причастием: *ýarza ba kapital* «заемный капитал», *gardjış aka kapital* «оборотный капитал», *dageš abjá kapital* «переменный капитал».

Из этих примеров мы видим, что насколько неудовлетворительно шло орфографирование, настолько легко и сравнительно удачно стало развиваться терминоведение. Созданные пионерами в этой области разработки письменного языка новые термины, правда, зачастую представлявшие собой переводы, иногда даже кальки, с русского и азербайджанского языков, в общем не громоздки, удачно передавали нужные смысловые оттенки и показывали умение их авторов использовать богатые грамматические средства своего языка. Для иллюстрации дадим краткий перечень таких терминов, неологизмов и идиом: *zarbainati* «ударничество», *barobarčiatl* «уравниловка», *masulijatsjzati* «безответственность», *haxhisob* «отчет», *disura* «сельсовет», *ištani tanjíd* «самокритика», *firyacı* «партиец», *kokarda rüžon* «трудодни»,

osjna ro или *vagona ro* «железная дорога», *ova roon* «водяные сообщения», *havo roon* «воздушные сообщения», *akina mašin* «сеялка», *ijtimaifa siyurta* «социальное страхование», *sana je išči jon* «промышленные рабочие», *sečgi kampa nija* «избирательная кампания», *marde zarba* «смертельный удар», *jerli millatči* «местный националист», *puli vasajit* «денежные средства», *izahatina koon* «разъяснительные работы», *gjrda kae* «сбор», *rajon xaly maqritj šeeba* «районный отдел народного образования (районо)», *osjna rahbarati* «железное руководство», *majburi hande* «обязательное обучение», *istehsola plan* «производственный план», *antidini propaganda* «антирелигиозная пропаганда» и т. д.

Многочисленные другие примеры неологизмов и новых терминов: приведены в отделе морфологии, трактующем об образовании имен существительных и прилагательных (о суффиксе **-ati** имен существительных отвлеченных, суффиксе **-in**, образующем имена прилагательные, и о разных типах сложных имен).

ФОНЕТИКА

І. ВОКАЛИЗМ

Общие замечания

1. Как и во многих современных иранских языках, в талышском языке нелегко отделить долготу гласных от действия ударения. Трудно найти хотя бы один из фонемных гласных звуков, который не варьировался бы в своем количестве под влиянием наличия или отсутствия ударения или в зависимости от места, занимаемого данным слогом, по отношению к другим ударным или неударным слогам слова, ему предшествующим или за ним следующим.

В несколько меньшей, но все же довольно заметной степени отражается на количестве гласного его согласное окружение, дополнительно влияющее на его количественную характеристику.

Долгота отдельных гласных более отчетливо улавливается только при известных фонетических условиях: ударности, открытости слога или положении в закрытом ударном слоге, исходящем на звонкий щелевой, или же когда долгота является результатом стяжения двух гласных, сужения дифтонга в монофтонг, выпадения согласного внутри слова, т. е., иначе говоря, когда она является заменительной, исчезающей с изменением условий.

Долгота отдельных гласных связана с физиологическими условиями их образования: к таковым относятся лабиализация и степень напряженности мускулов языка.

Наконец, наблюдается и долгота синтаксическая — в конечном открытом слоге в паузе или в абсолютном конце предложения.

Один из гласных звуков *i*, редуцируясь, может дойти до полного исчезновения, до нуля звука.

2. Большое значение в вокализме имеет ярко выраженная в талышском языке тенденция к ассимиляции гласных, как прогрессивной, так и регрессивной. Она проводится как по признаку огубления, так и по признаку ряда образования и подъема языка и в известной степени напоминает вокальный сингармонизм тюркских языков, влиянием которого, быть может, и приходится объяснить это явление.

Примеры ассимиляции по признаку огубления:

а) прогрессивной, т. е. последующего гласного под влиянием предшествующего: *osjn* > *osun* «железо», *boljš* > *bolšš* «подушка», *moljšk* > *molššk* «невод», *oxi* > *охо* «конец», *osa* > *oso* «медленно» (н. п. *ahestä*);

б) регрессивной, т. е. огубления предшествующего гласного под влиянием последующего: *baħo* > *boħo* «цена», *naħo* > *noħo* «обед», *kjilo* > *kolo* «шапка», *timo* > *tümo* «уход, забота», *vjilo be* > *volo be* «рассыпаться, разорваться».

Ассимиляция по ряду образования и подъему языка:

а) прогрессивная: *gandjm* > *gandam* «пшеница»;

б) регрессивная: *gija* > *gaja* «скала», *anjil* > *injil* «винная ягода» и с потерей огубленности: *šona* > *šana* «грабли», *kona* > *kana* «ветхий».

Система талышского вокализма

Всех гласных фонем семь: *i*, *e*, *a*, *a*, *o*, *u*, *j*¹.

Неполноценной фонемой вторичного происхождения можно считать долгое *ā* как переднего, так и заднего образования.

Звуком, пока еще неорганическим, талышского вокализма является *ö*, только начинающий внедряться в язык под несомненным влиянием азербайджанского вокализма.

В наших записях мы используем еще три знака:

ä — для передачи частых случаев огубления заднего *a*;

ü — для передачи преобладающего в Талыше очень продвинутого вперед произношения фонемы *u*;

ã — для более приподнятого произношения фонемы *a*.

В отношении ряда образования талышские гласные фонемы располагаются следующим образом:

переднего ряда: *i*, *e*, *a* (*ä*) — три фонемы;

заднего ряда: *a*, *o* (*ã*) — две фонемы;

задне-смешанного ряда: *j*, *u* (*ü*) — две фонемы.

К смешанному ряду должен быть отнесен также гласный *ö*.

Физиологическая характеристика по ряду образования и подъему языка²: *i* — fh, *e* — fm, *a* — fl, *ä* — fm, *a* (*ã*) — bl, *o* — bm, *ö* — xm, *u* — bh, *ü* — xh, *j* — bm — xm.

¹ В алфавите, установленном самими талышами, было также всего семь знаков для гласных звуков: *a*, *o*, *u*, *ь*, *e*, *э*, *i*. Их соответствия нашей транскрипции следующие: *a* = *a*; *o* = *o*; *u* = *u*, *ü*; *ь* = *j*; *e* = *e*; *э* = *a*, *ä*; *i* = *i*.

² *f* — front, *x* — mixed, *b* — back — ряд образования; *h* — high, *m* — mid, *l* — low — степень подъема языка. При описании отдельных фонем мы вводим еще, по той же системе Белл — Свита (Bell — Sweet), обозначения огубленности: *r* (rounded) и степени напряженности мускулов языка: *n* (narrow) и *w* (wide).

1. Фонема *i*. Ее общая физиологическая характеристика — *fhn*. Это — гласный переднего образования, высокого подъема и в известном фонетическом положении (см. ниже) напряженный. По акустическому впечатлению эта фонема не отличается заметно от русского *i* под ударением.

В положении открытого ударного слога *i* имеет всегда некоторую длительность и соответствует вышеприведенной качественной характеристике: *pi* «старик», *si* «чеснок», *di* «деревня», *i* «один», *gi* «шея», *hi* «пашня», *ki* «кто?», *vi* «ива», *io* «здесь».

В положении закрытого ударного слога *i* также, сохраняя полностью свое качество, варьируется в отношении количества: наибольшую длительность он обнаруживает перед последующими щелевыми *v*, *z*, *ž* и перед *r*: *div* «див», *viz* «орех», *liz* «шелуха», *piz* «куга», *tiž* «острый», *tir* «стрела», *šir* «лев».

Перед щелевыми глухими, перед *l* и носовыми *m*, *n* — *i* звучит несколько более кратко: *vis* «двадцать», *riš* «борода», *šil* «корка», *dim* «лицо», *šin* «сладкий».

Перед смычными глухими краткость *i* увеличивается еще более: *sit karde* «баловать», *git* «пара»; в меньшей степени *i* сокращается перед смычными звонкими: *bib* «айва», *ig* «бедро».

В положении открытого неударного слога *i* также вполне сохраняет свое качество, лишь несколько сокращаясь количественно: *pie* «желать», *die* «сосать», *hia* «деревянная лопата», *tia* «шип», *miva* «плод», *tiša* «железный столярный инструмент».

В положении закрытого неударного слога *i* наиболее кратко, но сохраняет свое качество: *nimčā* «тарелка», *milčak* «муха».

После глубоко-заднеязычных и увулярных *i*, повидимому, совсем не встречается.

Наряду с *i* — органическим гласным талышского вокализма — встречается *i* вторичного происхождения, образующееся в некоторых словах в неударном положении в результате сужения *e*: *nemek* > *nimek* «соль». Сужение *e* в *i* мы находим также в глагольных окончаниях 2 л. мн. ч. в будущем времени *-ion* из *-eon*: *bakardion* «вы сделаете» и в деепричастии на *-ada*: *šīada* из *šéada* «идя», *biada* из *béada* «будучи» и т. п.

После нижнефарингального *hi*, повидимому, несколько теряет свое качество, становясь менее напряженным (*fhw*), откуда чередование его с *i*: *hiš* || *hiš* «пуг, соха».

Протетическое *i* мы встречаем в словах, начинающихся с группы согласных *st*, *sp*, например, *ispička* «спичка», *istakan* «стакан».

Грамматическое использование фонемы *i* весьма значительно:

1) она входит в состав глагольных окончаний имперфекта *-im*, *-iš*, *-i*, *-imon*, *-ion*, *-in*;

2) она характеризует спряжение глагола существительного в его сокращенной форме, как положительной, совпадающей с глагольными окончаниями имперфекта, так и отрицательной: *nim*, *niš*, *ni*, *nimon*, *nion*, *nin*;

3) она характеризует простое прошедшее самых распространенных глаголов *be* «быть» и *še* «итти»: *štm* «я пошел», *šiš* «ты пошел», *bit* «я был», *biš* «ты был» и т. д.;

4) *i* наличествует в составе инфинитива — его окончания **-ie** (н. п. *idān*, ср. п. *itan*): *pie* «желать, любить», *gīnie* «падать» и т. п.;

5) ударное *i* есть суффикс abstracta: *vaši* «голод», *hoviži* «ширина», *taši* «жажда»;

6) ударное *i* характеризует винительный падеж в номинативных конструкциях: *mīni* «меня», *tīni* «тебя» и т. д.;

7) ударное *i* характеризует эргативный падеж в эргативных предложениях: *merdi vote* «человек сказал»;

8) ударное *i* характеризует общий косвенный падеж имен существительных вообще (*casus obliquus*) в аналитическом склонении;

9) неударное *i* выражает в некоторых словах неопределенность или единичность имени, так называемое *ja-je vāhdāt: rūzi* «однажды».

Талышское *i* соответствует н. п. *ī*:

а) или исторически возводимому к древнеиранскому *i* долготу: *vist* «двадцать» (н. п. *bist*, ав. *vīsaiti*), *dia* «взгляд» (н. п. *didā*, др. п. *didiy* $\sqrt{dī}$);

б) или соответствующему ср. п. *ē*, ав. *ae*: *nim* «половина» (ав. *naēma*), *dim* «лицо» (ав. *daēman*), *div* «див» (ср. п. *dēv*, ав. *daēva*), *vi* «ива» (н. п. *bid*, ав. *vaē'ti*), *tiž* «острый» (др. п. $\sqrt{tēj}$, паз. *tēž*);

в) или получившемуся в результате заменительной долготы *či-* (в *čēci*; др. п. *čišči*, н. п. *čiz*);

г) или восходящему к др. п. *ya*, *hya* (так называемый персидский изафет *i* и *i*; он же в талышском — детерминирующий суффикс, см. стр. 77);

д) или получившемуся из др. п. *īva* > *iya*: *žie* «жить» (н. п. *zistān*, пхл. *zīvastan*, др. п. *jivāhy* «ты живешь»), *pie* «желать» (др. инд. *priyā*, ав. *frya* «друг», н. п. *f(i)ri* «прекрасный, милый»), *zina* «вчера», пхл. *dik*, н. п. *di*, др. п. *d(i)ya*, др. инд. *hyás*), *žia* «веревка» (др. п. *jyā*, ав. *jyā*, паз. *zīk*, н. п. *zi(h)*, *zeh* «тетива»), *pi* «жир» (пхл. *pīg* || *pīk*, паз. *pēy*, н. п. *pih* || *piz*, др. п. *pīvaka*).

Талышское *i* реже соответствует краткому н. п. *o*: *miža* «ресница» (н. п. *možā*), *git* «пара» (н. п. *joft*, пхл. *juxt*, ав. *yuxta*), *gim* «пропавший» (н. п. *gom*).

В *umite* «учиться» *i* соответствует пхл. *ō* (*āmōcēt*), н. п. *ū* (*amuzād*).

2. Фонема *e*. Ее точную физиологическую характеристику дать затруднительно. Знаком *e* мы объединяем несколько вариантов гласного звука типа *e*.

В изолированном положении и в открытом ударном слоге эту фонему можно определить как гласный переднего ряда, среднего подъема и в известной степени напряженный, т. е. как *fmp*; в количественном отношении такое *e* имеет известную длительность, в общем сходно с французским *é fermé* в слове *été*. Чаще всего оно слышится:

а) в конечном ударном *e* неопределенного наклонения, соответствующем краткому историческому *a* инфинитива **-an**, произносимому

в новоперсидском языке гораздо шире, чем в талышском, именно как *-ān: vote* «говорить», *vite* «бежать», *hore* «молоть»;

б) в глагольных префиксах (превербах) *e-* и *pe-*: *e-krje* «сползать вниз», *pe-še* «подниматься, всходить», *pe-karde* «поднимать» и т. п.;

в) в окончании 3 л. ед. ч. будущего времени (futurum I) *-e: bavotte* «он убежит», *barie* «он захочет»;

г) в настоящем времени изъявительного наклонения, образуемом из инфинитива, послелого *-da* и личных окончаний: *porsedam* «я спрашиваю», *zajeda* «он ударяет», *omedan* «они приходят» и т. д.;

д) в предлоге (префиксе) *be-* «без»: *be-zūi* «бессильный», *be-bafo* «неверный, вероломный» (в этих сложных прилагательных *be-* стоит под второстепенным ударением, главное же, по общему правилу, падает на конечный слог слова);

е) в глагольном префиксе *be-* со значением «вовне», «наружу»: *be-krnje* «вытаскивать», *be-γande* «выбрасывать» (на *be-* тоже падает второстепенное ударение).

В закрытом ударном слоге *e* количественно сокращается в зависимости от замыкающих слог согласных, т. е. *e* звучит более длительно перед щелевыми, особенно звонкими, *v, z, ž, j*, несколько менее длительно — перед *g* и более кратко — перед смычными. Качественно *e* не очень устойчиво, и иногда встречаются даже чередования его с *i*.

Закрытое ударное *e* встречается в глагольных окончаниях 1 и 2 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. будущего времени: *bagiet* «я возьму», *bakardeš* «ты сделаешь», *bavoten* «они скажут». В этих глагольных формах *e* устойчиво, и его устойчивость имеет семантико-морфологическую причину. В отдельных же именах, особенно с исходом на смычные и на глухие щелевые, *e* может иногда чередоваться с *i*, т. е. значительно изменять свое качество как в отношении ряда образования, так и высоты подъема и напряженности, и его приходится определять уже не как *fnp*, а как *fmw*: его меньшая напряженность и облегчает его чередование с *i*: *šep* || *šip* «корзина», *šex* || *šix* «роса». С таким чередованием мы встречаемся даже перед звонкими щелевыми: *ley* || *liy* «резуха».

В открытом неударном слоге *e* вообще легко теряет свое качество и также может чередоваться с *i* и даже с *i:* *žego* || *žigo* «так, таким образом», *de* || *dī* — предлог «с», не имеющий ударения, *nemek* || *nimek* «соль».

В положении после ударных гласных *a, o, u* — *e*, сокращаясь, вместе с тем сужается часто до *i*. Это происходит обычно в беглой речи в формах перфекта переходных глаголов, где это *e* по происхождению есть 3 л. ед. ч. глагола существительного *ast*; в результате получают дифтонгические образования: *ae, ae, ai, oe, oe, oi, ue, ue, ui:* *dōe* || *doi* «он дал», *masae* || *masai* «он услышал», *ramae* || *ramai* «он пахал».

При переносе ударения с *e* на предшествующий слог открытое *e* может редуцироваться до нуля звука, что, например, в презенсе весьма

распространенного глагола *vote* «говорить» приводит к значительному изменению формы: *votédam* || *vótdam* || *vóttam*.

То же имеется в глаголах *kārde* «делать», *barde* «нести», *varde* «приносить», *mande* «оставаться»: *kārdédam* || *kārdam*, *bārdédam* || *bārdam*, *māndédam* || *māndam*, где, как мы видим, исчезновение целого слога *de* ничем не компенсировано.

Примеров на закрытый неударный слог с *e* наши тексты дают мало ввиду общей тенденции языка избегать скопления согласных: *pešton* «женская грудь». В этом положении *e* мало устойчиво.

В отдельных словах имеется долгота *e* вторичного происхождения. Она получается или в результате стяжения дифтонга *ai*, *ei*: *kēna* < *keina* < *kaina* «когда?», *lēna* < *leina* (метатеза из *neila*) «свирель», *nego* < *neigo* «бык», или в результате выпадения согласного в середине слова: *nēči* «дикий зверь, волк» — из *nexči* || *nexčir*. Долгое *e* вторичного происхождения устойчиво и в неударном положении не изменяет своего качества.

Перейдем к трактовке \bar{e} , так называемого *ja-je māj̄hul*. Сравнительно значительное количество слов сохранило в талышском такое \bar{e} — *kēk* «блоха», *sēf* «яблоко», *peša* «ремесло», *heč* «ничто, ничего, что-либо», *mēx* || *meix* «гвоздь», *vev* «вдовый, вдовая» и др. Это *e* обнаруживает известную длительность и сравнительную качественную устойчивость. Только в *vev* констатировано чередование с \bar{o} (*vōv*), объясняемое губным окружением. Звук \bar{o} , к тому же нефонемный и неорганический в талышском вокализме, возможно, появился в некоторых словах под влиянием азербайджанского языка.

Подведем итог сказанному.

Фонема *e*, физиологически определяемая как *fmp*, отчетливее всего выделяется в положении открытого ударного слога (*vote* «говорить»), а также там, где она получилась в результате стяжения дифтонга (*nego* «бык») или выпадения согласного (*nēči* «дикий зверь»), или, наконец, где она передает историческое *ja-je māj̄hul* (*mēx* «гвоздь»). Такое *e* всегда несколько длительно и качественно устойчиво, хотя все же, спорадически, наблюдаются и исключения (*kafte* || *kafti* «голубь»).

В остальных фонетических положениях *e* имеет разные степени сокращаемости, вплоть до полного исчезновения, и обладает значительной неустойчивостью (чередования с *i* и \bar{o}), так что его физиологическая характеристика может быть выражена формулой *fmpw*.

Звук *e*, несомненно, фонемный. Его смысл — дифференцирующая функция, в частности, его отличие от фонемы *i* отчетливо выявляется в серии глагольных окончаний *futuri I*: **-em, -eš, -e, -emon, -ion** (< **eon**), **-en**, противопологаемых такой же серии с *i* сослагательного наклонения настоящего времени: **-im, -iš, -i, -imon, -ion, -in** и в отдельных словах: *pe-* — преверб, со значением «вверх, вверху», *pi* «отец», *se* «три», *si* «красный», *be-* — глагольный префикс, *bi* «этот», *še* «он пошел», *šj-* — преверб в глаголе *šj-doe* «бросать».

Его разграничение с близкой по месту образования фонемой *i* подтверждается такими примерами: *se* «три», *si* «тридцать», *de* — предлог

«с», *di* «деревня», *ser* «плод мушмула», *sir* «тайна», *kena* «когда», *kina* «девушка», *če* «что?», *či* «вещь».

3. Фонема **а** и фонетические варианты типа **а**. Эта фонема переднего образования, нижнего подъема (fl). В основном — это звук краткий. Его качество и количество лучше всего выявляются в положении открытого ударного слога: *tava* «топор», *kīra* «жеребенок», *sīpa* «собака»; в причастиях прошедшего времени: *karḍa* от *karde* «делать», *harda* от *harde* «есть», *tasa* от *tase* «захлебнуться»; в местоимениях: *ama* «мы», *šīma* «вы». Так же и в положении закрытого ударного слога: *kas* «человек», *mač* «поцелуй», *jal* «грива», *odam* «человек», *gab* «сосуд», *av* «он».

В положении открытого неударного слога **а** сохраняет свое качество: *gaté* «братъ», *avón* «они», *čamá* «наш», *čará* «забор», *dabá* «обычай». Его качество отчетливо выявляется: 1) в глагольных окончаниях презенса: *zīnda* «он знает», *baméda* «он плачет», *piédaže* «он желает»; 2) в послелогe **-ada**: *díada* «в деревне», *pózada* «осенью»; 3) в неударном суффиксе **-а**, который принимают качественные имена прилагательные, предшествуя определяемому имени существительному: *jól-a rū* «большая река», *xós-a kina* «красивая девушка».

Даже в наиболее слабом фонетическом положении закрытого неударного слога **а** сохраняет свое качество: *dozdiédan* «они воруют», *tū kam* «я поплюю».

Таким образом, фонему **а** можно отнести к категории гласных сравнительно устойчивых. В неударном положении, повидимому, по своему качеству эта фонема мало отличается от положения ударного, а количественно хотя и сокращается, но не редуцируется до нуля звука.

Акустически чистое открытое **а** нам представляется сходным с русским **а** под ударением. Но это сходство лишь приблизительное, так как русское **а** акустически определяется как звук, средний между французским **а** в словах *pâte* и *patte*, т. е. звуками различных рядов образования.

В исторической системе общеперсидского вокализма **а** в преобладающем числе случаев соответствует краткому **а** новоперсидского языка, произносимому теперь, как известно, со значительным сужением (на 2-й ступени подъема переднего ряда): *sa* «голова» (н. п. *sār*), *čaš* «глаз» (н. п. *čāšm*), *gado* «нищий» (н. п. *gāda*). В *haši* «солнце» мы имеем соответствие **а** среднеперсидскому **а** в группе *x^va* (*x^varšēt*), в новоперсидском же *x^var* произносится уже как *xor*, *xur*.

Яснее всего выявляется соответствие исторического краткого **а** талышскому переднему **а** в конечном гласном звуке причастия прошедшего времени, произносимому ныне в новоперсидском языке как очень суженное **ā** и даже почти как **е** (в тегеранском произношении), тогда как в талышском это **а** сохраняет полностью свое качество: *hīta* «заснувший» (н. п. *xofte*), *gata* «схвативший, схваченный» (н. п. *gerefte*), *doa* «данный» (н. п. *dade*), *vita* «убежавший» (н. п. *gorixte*).

Наряду с этим **а** имеется еще его вариант **ā**. Талышская орфография его передавала тем же знаком латиницы **ə**, что и переднее **а**.

Этот вариант физиологически может быть определен как гласный переднего ряда, но 2-й ступени подъема, более продвинутый вперед, чем *a*, и сходный с английским *a* в словах *man, had*. Этот вариант встречается не очень часто, внедряется в талышскую речь, возможно, под влиянием азербайджанского вокализма. В открытом слоге в конце слов под ударением *ä* может чередоваться с *a*, от которого его бывает нелегко отличить, откуда дублетные записи: *kina* || *kinä* «девушка», *viša* || *višä* «лес», *gulla* || *gullä* «пуля», *kasa* || *kasä* «чашка», *asa* || *asä* «бритва», *jahra* || *jahrä* «прядильное колесо». Часто *ä* слышится в тюркских заимствованиях: *duimä* «курдюк», *ägmä* «обод колеса», *ölgä* «страна, край», а также в арабских: *imarät* «здание», *hissä* «часть», *hamilä* «беременная».

а) Фонема *a* заднее (*a*). В «Талышских текстах» мы особым знаком *ä* отмечали звук лабиализованный, составляющий переход от *a* к *o*, близкий к гласному английских слов *law, awe, all*, физиологически определив его как звук заднего образования и нижнего подъема.

Мы констатировали тогда его наличие в положении после губного согласного и перед группой *rd*: *bärde* «нести», *märde* «умирать», *asmärde* «считать», *asbärde* «поручать»; в этих же словах при более сильной лабиализации слышалось нам *o*: *morde*, а при отсутствии ее — *a*: *varde, barde*. Мы также констатировали, что звук *ä* производит впечатление некоторой долготы, и определили его в общем как вариант фонемы *a*.

Эти наши наблюдения над гласным *ä* явно недостаточны и потребовали коренного пересмотра. Повод к последнему дали многочисленные уже печатные материалы на талышском языке, которые стали появляться с начала 30-х годов, т. е. несколько лет спустя после произведенных нами записей текстов (учебники, книги для чтения, газета «Сыа Тольш» и др.), и в которых сами талыши сочли нужным ввести две буквы латинизированного алфавита для *a*, именно *a* для обозначения звука заднего образования и *ä* для *a* переднего образования¹.

Просмотр указанной литературы приводит к заключению, что *a* заднего образования не только качественно, но и количественно отличается от *a* переднего образования и что оно появляется в определенных фонетических положениях перед следующими группами согласных:

1. Первый согласный — плавный *r*, а второй — переднеязычные: звонкий смычный *d* или щелевые *z* и *š*, т. е. *ard, arz, ars: aržin* «просо», *ars* «слеза», *garde* «вращаться», *karde* «делать», *barde* «нести», *märde* «умирать», *čarde* «пасться», *zard* «желтый», *pard* «мост», *sard* «холод», *marz* «межа», *darz* «сноп», *larze* «дрожать», *aršie* «слопаться».

¹ Также и В. С. Соколова, производившая в Ленкоране фонетические наблюдения в мае 1948 г., сделавшая некоторое количество записей и весьма любезно предоставившая в наше распоряжение свой предварительный очерк талышской фонетики, совершенно справедливо указывает на необходимость различения этих двух *a* как двух самостоятельных фонем.

В группах **ard, arz**, особенно начинающихся с губных **b, v** и **m**, — **a** имеет тенденцию к огублению, спорадически усиливающемуся вплоть до открытого **o**: *barde* || *borde* «нести», *varde* || *vorde* «приносить», *marde* || *morde* «умирать», *garde* || *gorde* «вращаться», *čarde* «пастись», *ačordjini* «он пас».

2. Первый согласный — носовой **n**, второй — зубной **d**. Примеры весьма многочисленны: *kande* «рыть», *hande* «читать», *zande* «рожать», *γande* «бросать», *šande* «сыпать», *mande* «оставаться», *pandome* «пухнуть», *gandjīm* «пшеница».

В соответствующих слогах **n** спорадически назализуется. Тенденция к лабиализации также имеется, особенно в глаголе *mande* || *mande* || *monde* «оставаться».

3. Первый согласный — заднеязычный **n**, второй — заднеязычный **g**; *taŋg* «узкий», *daŋg* «безумный», *šaŋgo* «вечер», *maŋg* «луна», *vaŋg* «крик».

Лабиализация, как правило, не наблюдается; впрочем отмечено *moŋg* < *maŋg* «луна, месяц».

4. Первый согласный — губно-носовой смычно-щелевой **m**, второй — губной звонкий смычный **b** (**bm**¹). Примеры: *tambäl* «ленивый», *pambä* «хлопок», *hambol* «носильщик», *zambül* «корзина».

5. Первые согласные — переднеязычные щелевые — глухой **s** или **š**, вторые — или переднеязычные смычные — глухой или звонкий **t, d**, или же губные — глухой **p** или носовой **m**: *dabqsde* «привязывать», *asta* «кость», *hašte* «оставлять», *kašte* «сеять», *mašta* «утром», *asp* «лошадь», *dasparde* «вручать», *pašmä* «шерсть».

В группе **št** — **a** имеет тенденцию к сильному огублению: *košte* «сеять», *vošte* «дуть», *došte* «иметь».

6. **A** заднее отмечается еще в группе **axt**: *taxta* «деревянная рама», *uaxt* «время».

7. **A** заднее налично также в ряде талышских односложных слов, являющихся сокращениями более полных форм, в которых имелись группы с первым согласным **s** или **r**: например, *das* «рука» (н. п. *däst*), *gam* «жара» (н. п. *gärm*), *kag* «курица» (н. п. *kärg*), *aččin* «арахчин» (головной убор) из *arxčün* < *araxčün*, *av* «облако» (н. п. *äbr*, пхл. *awr*, ав. *awra*).

8. *Va* в глаголе *vakarde* есть сокращенное *vaŋg* (см. выше); *va* «снег» — сокращение *varf* (н. п. *bärf*, пхл. *vaf*, ав. *vafra*).

9. *Da* «десять», возможно, представляет собою сокращение (северо-западная форма этого слова), а не *dah, däh* (юго-западная, персидская). Интересно, однако, что в сложениях с десятью «десять» писалось уже через **ə**, т. е. как **a** переднее: *čordə* «четырнадцать», *havdə* «семнадцать», *heždə* «восемнадцать».

10. В *ha* «каждый, всякий» (н. п. *här*) отражается древняя группа *rv*, ав. *haura*, др. п. *haruva*.

11. Наличие **a** в *sa* «сто», *havate* «продавать», *nav* «перед, передний», *kaṃ* «мало», *kali* «некоторые» для нас неясно.

¹ Иногда орфографируется **nb**.

12. Следует отметить еще а в az «я», в слогe an слов: *sixan* «слово», *kotan* «плуг» и в *kavu* «зеленый, голубой»; в последнем слове оно может быть объяснено влиянием последующего губного v, вызвавшего несколько огубленную артикуляцию предшествующего а, приблизившегося в своем звучании к о (*kovu*), которое в свою очередь дало возможность смещения его с а и соответственного орфографирования¹.

Талышская орфография передавала также через а всякий алиф арабских слов: *hikajā* «рассказ», *mubarizā* «борьба», *ḡarāūt* «чтение», *faīdā* «польза», *ijlas* «заседание», *sajasi* «политический», а также всякий «айн» с последующим долгим и кратким а: *adāt* «обычай», *alāf* «трава», *saat* «часы». Заменительная долгота а в слогe, закрытом «айном», также передавалась через а: *nal* из *na'l* «подкова», *dava* из *da'va* «сражение».

Русское а ударное и неударное и ударное и неударное а слов иностранных, заимствованных из русского языка, также воспринималось талышами как заднее а: *malatilka* «молотилка», *nasilka* «носки», *barak* «барак», *zavod* «завод», *paraḡod* «пароход», *kalhoz* «колхоз», *lapatka* «лопатка», *majak* «маяк», *vagon* «вагон», *kantor* «контора», *fantan* «фонтан», *materjal* «материал», *mašin* «машина», *iskamja* «скамья», *išgaf* «шкаф», *kanserv* «консервы»².

Также и а тюркских слов: *gaḡin* «толстый», *atma* «яблоко», *alverci* «торговец», *sanjag* «булавка», *jaš* «возраст», *jara* «рана» и долгое а персидских литературных слов: *zoa* «сын» (н. п. *zadā*).

б) А долгое вторичного происхождения (ā). В результате разных видов стяжений внутри слов появляется долгое ā вторичного происхождения, которое может быть или заднего, или переднего образования.

Виды стяжений бывают следующие:

а) стяжение двух а в одно: двух кратких или долгого и краткого, например: *tām* «пища» (< *ta'am*), *sāt* «часы» (*sā'at*);

б) выпадение одного согласного, следующего за а (так называемая заменительная долгота): *pālu* «бок» (< *pahlu*), *rās* «пляска» (< *rags*), *māni* «песня» (< *ma'ni*), *nāl* «подкова» (< *na'l*) — см. выше;

в) стяжение двух слогов, содержащих а, в один: *šikāt* «жалоба» (< *šikajāt*);

г) стяжение дифтонга ai в а: *āšte* «он встал» (< *aište*, ист. *a-ist*).

Эти стяжения образуют нам уже известные две фонемы — а переднее и а заднее. Но если а заднее ничем, повидимому, не выделяется ни количественно, ни качественно от а и с ним, следовательно, совпадает, а переднего образования вторичного происхождения, получившееся в результате стяжений, отличается долготой, тогда как а первичное всегда кратко. Таким образом, длительность а вторичного есть признак, резко отделяющий эти два вида а. Особенно следует отметить долготу вторичного переднего а в причастиях прошедшего времени глаголов *še* «*умти*» и *be* «*быть*», именно в *šā* и *bā*, соответствующих

¹ Следует учитывать также и неустойчивость талышской орфографии, не получившей до конца существования талышской письменности теоретической разработки.

² В некоторых словах впрочем а дублируется с э: *agranom* || *əgrənom* «агроном».

новоперсидским формам *šodā* и *budā*. Стяжение, давшее эти талышские формы, несомненно, очень древнее, объясняемое талышским законом выпадения интервокального **d**, и никакой более полной формы, дублирующей *šā* и *bā*, талышский язык не знает. Степень долготы акустически трудно установить, но она, несомненно, существует и является словодифференцирующим признаком, разграничивающим две противопологающиеся пары слов, например: *bā be* «он был» (давнопрошедшее время) и *babé* «он будет» (будущее время), *bā nabai* «если бы он не был» и *ba merdi* «человеку», *šā be* «он пошел» и *šav be* «была ночь».

Весьма частым случаем возникновения вторичного долгого \bar{a} переднего образования является стяжение в беглой речи конечного **a** прошедшего причастия в форме прошедшего совершенного и давнопрошедшего времени переходных глаголов в эргативном построении с **e** — глагольной связкой (3 л. ед. ч. *ast*): *a + e* через дифтонг \bar{ae} , затем \bar{ai} дает в конце концов долгое \bar{a} переднего образования: ср. *sā* «он взял» (через *sa-e*, *sae*, *sai*) и *sa* «голова»; *kā* «он сделал» (через *ka-e*, *kae*) и *ka* «дом».

Таким образом, имеется основание это вторичное переднее долгое \bar{a} определить как неполноценную фонему с ограниченным кругом использования¹.

4. Фонема **o**. В положении изолированном или открытого ударного слога **o** характеризуется формулой bmr . Это звук заднего ряда, средней приподнятости языка, лабиализованный, произносимый с некоторой напряженностью мускулов языка.

В этом положении, особенно на конце слова, **o** звучит более закрыто, чем русское **o**, и близко к французскому **o** в слове *rose* или немецкому в словах *Boden*, *Sohn*.

Звук **o** имеет тенденцию к сужению и диалектально может доходить до **u**.

Открытое ударное **o** имеет некоторую длительность, увеличивающуюся в абсолютной паузе, в конце предложения. Примеры: *hamrō* «товарищ», *asbō* «всадник», *kattō* «сельский староста», *šō* «радостный», *gō* «корова», *rō* «дорога», *sadō* «голос», *osiō* «мельница», *xjōdō* «бог», *kanō* «берег, край», преверб **o** в глаголах *ō-raxe* «оканчиваться», *ō-gate* «охранять, беречь» и других (древний предлог *ava*).

Примеры сужения **o** до **u** и чередований с последним: *kō* || *kū* «дело», *dō* || *dū* «дерево», *gō* || *gū* «корова», *danōme* || *danūme* «он положил».

O открытое, но неударное, в основном сохраняет свое качество: *ozo* «повальная болезнь, чума», *osio* «мельница», *toliš* «Талыш, талышинец», *poxašin* «больной», *boa* «виноградное сусло», *toža* «свежий». Так же как и **o** открытое ударное, в ряде случаев диалектно, оно обнаруживает тенденцию к сужению: *zoa* || *zua* «сын», *ote* || *ute* «приходить».

¹ Талышская орфография, не отмечавшая долготы гласных, не отличала этого **a** от переднего краткого **a**.

Морфологические причины, однако, способствуют сохранению качества **о** и препятствуют его сужению в **и**. Так, например, никогда такому сужению не подвергается суффикс **о** отложительно-исходного падежа, а также выражающий дательный падеж и супин: *be-šéjo* «чтобы выйти», *bo móno* «для меня», *čī vīžoro* «с базара», *péšo* «назад», *pío* (|| *péo*) «сверху», *i kasíjo* «для одного человека», *žítóno* «с нижней стороны», *haši e-ma víro* «от места захода солнца».

Также сохраняет свое качество неударное открытое **о** в глагольном окончании 3 л. ед. ч. опатива: *bóvoto* «пусть он скажет».

Качественное изменение такого **о** нами констатировано лишь в нескольких словах, в частности отмечен его переход в **і** в *vīžor* (|| *vozor*) «базар».

Но в словах сложных, первым компонентом которых является полнозначное имя, содержащее **о**, последнее всегда сохраняет свое качество: *godūš* «подойник», (*go* «корова»), *dočū* «деревянная рама» (*do* «дерево»), *čošamba* «среда» (*čo* «четыре»), *dokūa* «дятел» (букв. «дерево долбящий»).

Количество открытого неударного **о** в значительной мере зависит от его близости к ударному слогу и стоит к последней в обратном отношении: чем дальше **о** отстоит от ударения, тем оно короче: ср. *hová* «сестра», *tožá* «новый» и *bavoyandém* «я пошлю», *zomsuní* «арбуз».

О закрытое ударное отличается от закрытого неударного как в качественном, так и в количественном отношении. Оно и более открыто, и более кратко. Открытость и краткость его имеют градации в зависимости от того, заканчивается ли слог глухим смычным, глухим щелевым, звонким смычным или звонким щелевым. Смычность и глухость исхода способствуют открытости и краткости звука, щелевой его характер и звонкость — закрытости и длительности: ср. *xob* «сон» и *xok* «земля», *šox* «рог» и *čok* «хороший», *xob* «сон» и *ov* «вода», *lok* «веточка» и *poγ* «отчим».

Наименее открыто **о** перед звонкими щелевыми **v, z, ž**. Перед сонантами **m, n, r, l** степень открытости варьируется. Перед **n**, как правило, **о** никогда не суживается до **и**, что обычно в персидском просторечии, и окончание множественного числа имен **-on** лишь диалектно иногда слышится, как **-un**: *sorun* «года», *dandonun* «зубы», *dasun* «руки». Также сохраняется качество **о** в суффиксе имен **-son** || **ston**: *touson* «лето», *γabson* «кладбище» и в суффиксе **-on** причастий настоящего времени, представляющих персидские заимствования: *xandon* «смеющийся».

Перед плавными **r, l** степень открытости **о** неодинакова; она больше перед **l**, чем перед **r**: ср. *xol* «родинка», *čol* «яма», *jol* «большой», *mol* «скот, имущество» и *mor* «муравей», *mor* «змея», *vožor* «базар», *sor* «год» и т. п.

О закрытое неударное даже в этом наиболее слабом положении сохраняет в общем свое качество: *aston* «небо», *toγna* «яйцо». Устойчивость **о** поддерживается и морфологическими причинами, например,

в эргативном суффиксе 3 л. мн. ч. — *šon* || *žon*; также и abstracta, содержащие **o**, сохраняют его качество, несмотря на переход ударения на суффикс **-i**: *rost* «прямой, правый», *rosti* «прямота, правда». Примеров на закрытое неударное **o** «Талышские тексты» дают немного ввиду общей тенденции языка избегать скопления согласных и устранять таковое путем выбрасывания их в середине и в исходе слов.

Исторически талышское **o** в основном воспроизводит иранское долгое \bar{a} , и это соответствие является весьма характерным, позволяющим причислить талышский язык к группе окающих иранских языков, подобно таджикскому или татскому горских евреев Кавказа. В некоторых словах в **o** переживает *vav-e mājhul* как, например, в *mor* «муравей», *kok* «веселый, упитанный». В *sor* «год» воспроизводится древнее авестийское краткое **a**: *sareda* «год», ср. санскр. *ṣarād* «осень, год», арм. *nava-sard* «новый год»; но уже в среднеперсидском мы имеем переход *rd > l* с удлинением краткого **a** в долгое.

В отдельных словах **o** явилось результатом отражения древнего *ava* и *av*, как, например, в *go* «корова», ав. *gav*, ср. п. *go* || *gav*, др. инд. *gāv* и в превербе **o** многих глаголов: *o-karde* «развязывать», *o-gate* «сохранять» (см. выше).

Но, наряду с основной группой слов, где **o** исторически восходит к долговому \bar{a} или к *ava*, *av*, имеется в языке немало слов с **o**, появление которого объясняется фонетическими причинами, из которых главными являются влияние губных звуков и действие регрессивной и прогрессивной ассимиляций.

Влияние этих факторов видно из следующих примеров: *hoft* || *haft* «семь», *zomsuni* || *zjmsuni* (н. п. *zemestani*) «арбуз», *folon* || *fjlon* «такой-то».

В *mordon* «умершие» из *mardon* мы находим результат дальнейшего сужения и огубления заднего **a** (см. выше). Под влиянием губного слово *par* «перо» дало дублетную форму *por*.

В *got* «теплый, жаркий» **o** получилось из **a** вследствие выпадения **g** и влияния конечного губного **m**; ср. н. п. *gärm*, ср. п. *garm*, др. п. *garma*, ав. *garema*.

В *noka* «слуга» **o** получилось из дифтонга **ou** (н. п. *noukär*).

Интересно появление **o** в слове *bō* «брат». Его полная новоперсидская форма *beradār* подверглась на талышской почве ряду изменений: с отпадением окончания **-ār** должно было, по закону талышской фонетики, отпасть и конечное **d**, а затем выпасть и интервокальное **g**. Форма *be-a* || *bi-a* в окающем талышском языке перешла в *biō* и путем стяжения гласных получилось *bō*. Этому стяжению способствовал и начальный губной **b**. Таким образом, от всего длинного слова сохранились только начальный согласный **b** и гласный **o**, передающий историческое \bar{a} слога $\bar{g}\bar{a}$.

Группа звуков **o**, являющаяся результатом фонетических процессов влияния губных, стяжений и ассимиляции, естественно, не может отличаться той устойчивостью, которая характеризует талышское **o**, истори-

чески восходящее к долготу \bar{a} или к древнему дифтонгу, отражающему древний слог *av(a)*.

Наконец, нельзя не отметить **o**, встречающееся во многих азербайджанских заимствованиях, произносимое двуязычными талышами соответственно азербайджанскому вокализму: *γonay* «гость», *γoḥca* «молодец» (букв. «боевой баран»), *γoḥun* «войско», *oruḥ* «лекарь» и многие другие.

Русское ударное **o** в заимствованных словах орфографировалось также через **o**: *rajon* «район», *kalxoz* «колхоз».

5. Фонема **u** || **ü**. В предисловии к «Талышским текстам» (стр. XXIV и XXV) мы разграничивали эти два гласных, определив **ü** как фонему, а **u** — как вариант двух фонем: **ü** и **o**.

Ü мы определяли как звук узкий, переднего ряда, закрытый, лабиализованный, сходный с французским **u** в словах *ruse*, *sür* — hfrn.

U мы определяли как звук закрытый, заднего ряда, сходный с французским **ou** в словах *tour*, *rouge* и с русским закрытым **у** под ударением, например в слове «ум» — hbrn.

Таким образом, по признаку ряда первый нами определялся как сильно продвинутый вперед, а второй — как, несомненно, заднего ряда.

Изучение наших материалов и, в частности, просмотр приложенного к текстам словаря, а главным образом анализ печатных материалов, вышедших после нашей работы в 30-х годах в Ленкоране и Баку, позволяют нам теперь внести в эти определения следующие уточнения и дополнения.

В разных местностях талышского края, в которых нами производились записи, констатируется ряд переходных артикуляций — начиная от заднего **u** и до переднего **ü**, в зависимости от тенденции к менее или более продвинутому произношению этой фонемы. Дублетные формы многих слов нашего словаря лишь отмечают наличие таких колебаний и вариантов, но, конечно, не передают и не могут передавать их оттенков.

В Ленкоранском районе, в котором было записано наибольшее количество текстов, преобладает очень продвинутая вперед артикуляция этого звука, т. е. нам слышался гласный, который мы сочли удобным и целесообразным, следуя установленной иранистической транскрипции, передавать через **ü**.

В Астаринском районе особенно заметных отклонений от ленкоранского произношения этого гласного нами отмечено не было.

Поскольку в обоих упомянутых районах преобладала артикуляция, которую мы транскрибировали через **ü**, поскольку более задняя артикуляция, которую мы транскрибировали через **u**, в этих районах отсутствовала в произношении одних и тех же слов, поскольку звук **ü** нам слышался несравненно чаще, чем **u**, и, наконец, поскольку ленкоранский говор предполагалось положить в основу литературного языка, и этот говор можно было назвать как бы **ü**-кающим, мы сочли себя вправе тогда определить именно **ü** как фонему, а **u** — как ее вариант.

Специальное изучение печатных талышских материалов приводит теперь нас к следующим выводам.

Преобладающее в Ленкоране и его районе очень продвинутое вперед произношение **ü** настолько резко отграничивало этот гласный от заднего **u**, что в первых печатных произведениях, составлявшихся самими талышами в качестве школьных пособий, было принято два обозначения этой фонемы тогдашним латинским алфавитом (так называемым «новым тюркским») — как через **u**, так и через **y** (**ü**). Так, например, в изданной в 1931 г. книге «*Səjnə sor*» — учебнике для 3-го года обучения в колхозных школах — мы почти сплошь видим передачу этой фонемы через латинское **y** и лишь в сравнительно немногих словах — через **u**. Последнее чаще наличествует или в арабских словах, или в некоторых русских (например, *sud* «суд»), или же является дублетом талышских слов, обычно передаваемых через **y** (т. е. **ü**), вроде: *ru* «река», *ruz* «день», *su* «соленый», *pur* «полный» и т. п.

Таким образом, сама неустойчивость талышской практики доказывает: 1) то, что сами талыши все же сознавали этот звук как единую фонему, несмотря на большой диапазон в ее артикулировании; 2) то, что в основной части Талышского края преобладало очень продвинутое произношение этого гласного; 3) то, что желание фонетически точнее передать эту фонему для впервые начинающего читать на своем языке талыша побудило составителей первых талышских книжек ввести две графемы для этого гласного.

В дальнейшем же, с появлением грамматических школьных пособий, мы видим полное изгнание **y** из алфавита и передачу этой фонемы только одной латинской буквой **u**, независимо от особенностей ее артикуляции. Таким образом, талышский вокализм вместо прежних восьми гласных был сведен к семи, являющимся настоящими фонемными звуками¹.

Многочисленные варианты и колебания в артикуляции фонемы **u**, весьма неполно отмеченные нами в наших текстах и в приложенном к ним глоссарии дублетными формами, не затемняют и исторической общности своего происхождения.

Рассмотрим общность исторического происхождения **u** || **ü**.

1. Из долгого **ū** древних иранских языков:

u: *ku* «место» (послелог), *ruä* «кишка» (н. п. *rudä*), *ru* «река» (н. п. *rüd*), *ču* «палка» (н. п. *čub*), *hamue* «приказывать» (н. п. *färmudän*);
ü: *kü* «место» (послелог), *palü* «бок» (н. п. *pählu*), *ondüe* «намазывать» (н. п. *ändudän*), *sü* «соленый» (н. п. *šur*), *mü* «волос» (н. п. *mu*), *rü* «река» (н. п. *rud*), *cü* «палка» (н. п. *čub*).

2. Из древнего долгого **ō** (< *av*, *ava*, *au*, *aō*):

u: *gu* «корова» (н. п. *gav*, пхл. *go*, ав. *gav*), *sute* «гореть» (н. п. *suxtän*, пхл. *sōxtan*, ав. *saōč-*), *gužd* «мясо» (н. п. *gušt*, ср. п. *gōšt*, ав. *gavišt*), *pus* «кожа, шкура» (н. п. *pust*, ср. п. *pōst*), *küe* «бить» (н. п.

¹ См. «*Tolisa zivon*», 1932, стр. 25.

kubidän, пхл. *kōftan*), *šu* «муж» (н. п. *souhär*, пхл. *šoi*), *guš* «ухо» (н. п. *guš*, пхл. *gōš*, др. п. *gauša*, ав. *gaōša*), *zu* «сила» (н. п. *zur*, ср. п. *zōr*, ав. *zavar*);

ü: *rüşni* «свет» (н. п. *rousāni*, пхл. *rōšan*, ав. *raoxšna*); *süte* «гореть» (н. п. *suxtän*), *zū* «сила» (н. п. *zur*), *havüş* «заяц» (н. п. *xärguš*), *küe* «бить» (н. п. *kubidän*), *püs* «кожа, шкура» (н. п. *pust*), *kü* «слепой» (н. п. *kur*), *düst* «друг» (н. п. *dust*, ср. п. *dōst*, др. п. *dauštar*), *güş* «ухо» (н. п. *guš*), *güşd* «мясо» (н. п. *gušt*), *jüşe* «кипеть» (н. п. *jušidän*), *dü* «ложь» с выпадением интервокального **г** (н. п. *doruγ*, ср. п. *drōγ*, др. п. *drauga*), *šü* «муж» (н. п. *souhär*).

3. Из древнего **ā** в суффиксе мн. ч. **-ān:** *niajun* || *niajün* «молодые люди».

Но талышское **u** может иметь еще исторически и другое происхождение, именно из древнего **ā** долгого, через переходы **ā > o > ū**. Такое **u** не переходит в **ü** и дублетных форм **ü** не дает. Оно дублируется только с **o**.

Его мы определяем как вариант талышской фонемы **o**, соответствующей древнему **ā**. Его мы коснулись, говоря о сужении фонемы **o** в **u:** *ku* «дело» (н. п. *kar*), *ume* «приходить» (н. п. *amädän*), *umite* и *umute* «учить» (н. п. *amuxtän*), *umiz* «смешение» (н. п. *amiz*), *zoa* «сын» (н. п. *zadä*), *xuk* «прах, земля» (н. п. *xak*), *ru* «дорога» (н. п. *rah*), *γazabnuk* «сердитый» (н. п. *γäzäbnak*).

Лишь в двух словах нами отмечено дальнейшее сужение неударного **u** до **ü:** *dasüe* «тереть» (н. п. *saïdän*) и *hamsüä* «сосед» (н. п. *hämsajä*), но *su* || *so* «тень».

Итак, из сопоставления талышских слов с новоперсидскими видно, что заднее **ü** отражает не только н. п. **ū** долгое и **u** краткое, но и **ā** долгое, тогда как переднее **ü** отражает только н. п. **u** как долгое, так и краткое, но не **a** долгое:

u < **ā:** *du* «дерево» (н. п. *dar*), *su* «тень» (н. п. *sajä*), *kutu* «короткий» (н. п. *kutah*);

u < **ū:** *ružä* «пост» (н. п. *ruzä*), *vazaxug* «кабан» (н. п. *xuk*, *xug*), *lulä* «ружейный ствол» (н. п. — то же), *kutu* «короткий» (н. п. *kutah*), *kurän* «гнедой» (н. п. *korän*);

u < **u** (краткого): *dum* «хвост» (н. п. *dom*), *usto* «мастер» (н. п. *ostad*), *kutan* «плуг» (н. п. *kotan*);

ü < **ū:** *tüt* «тут» (бот.; н. п. *tut*), *dü* «дым» (н. п. *dud*), *dü* «кислое молоко» (н. п. *duγ*), *kü* «тыква» (н. п. *kädu*);

ü < **u** (краткого): *düm* «хвост» (н. п. *dom*).

Переднее **ü** является, о чем уже было сказано, значительно более распространенным, чем заднее, как показывает просмотр слов специально местного талышского словаря, конкретной семантики, связанных с домашним бытом и сельскохозяйственными процессами. В них переднее **ü** встречается гораздо чаще, чем заднее, но окончательное суждение должно быть отложено до того, как будет собран значительно больший лексический материал, чем тот, которым мы располагаем.

Приведем примеры из нашего глоссария:

ü: *tük* «земля под рисовым посевом», *tül* «грязь», *rük* «маленький», *lük* «горло», *küm* «крыша», *sük* «петух», *sün* «столб», *fakün* «пристройка к дому», *güdä* «мешок из осоки», *güşä* «мешок для муки», *düvä* «кувшин», *hüame* «хмель», *güjave* «чулок», *šüm* «борозда», *tüm* «семена», *dük* «веретено», *züze* «выть» (о шакале), *jük jük karde* «щебетать» (о птицах);
u: *loku* «хлеб из риса», *put* «орел», *gug* «теленок», *kuka* «пирожок», *pulaš* «рисовая шелуха», *gugama* «сорт травы».

В положении протетического гласного имеются примеры только на **u** (а не на **ü**), объясняемые регрессивной ассимиляцией: *ustul* «стул», *ušgun* «шхуна».

Особо следует отметить редкие случаи соответствия **ü**, а не **u**, н. п. **i** краткому и долгому: *nüon* «тайный» (н. п. *nehan*, *nihan*), *tümo* «уход, забота» (н. п. *timar*), *davüs* «дервиш» (н. п. *däroiš*), *düaro* «вдали» (н. п. *dir-rah*), *ändüş* «тревога» (н. п. *ändiš*). В *tümo* и *davüş* **ü** могло появиться под влиянием регрессивной и прогрессивной ассимиляций.

В многочисленных арабских заимствованиях, вошедших в талышский язык через новоперсидский, мы видим соответствие **u** и **ü** арабским **u** краткому и долгому и даже долгому **ā**:

u: *nufus* «души, население», *nufus* «влияние» (н. п. *nofuz*), *jur'at* «отвага», *mahbub* «любимый», *amu* «дядя», *uzv* «член», *amluk* «поместье», (ар. *amlāk*), *arbub* «помещик, купец» (ар. *arbāb*);

ü: *tanü* «печь» (для хлеба), *sülfa* «скатерть», *sülük* «обращение», *hüzür* «присутствие», *nür* «свет», *dükon* «лавка», *ümr* «жизнь», *malül* «печальный», *jühil* «молодой» (ар. *jāhil*).

В заимствованиях азербайджанских, менее многочисленных, чем арабские, мы встречаем ясное разграничение обоих видов **u** в соответствии с **u** и с **y** азербайджанского алфавита:

ü: *alüsti* «сейчас же», *düimä* «курдюк», *güjli* «нагой», *düz* «прямой» и в суффиксе **-lū:** *ozolü* «больной», *bafolü* «верный»;

u: *ujuz* «дешевый», *uzengi* «стремя», *jonğu* «постель», *jun* «шерсть», *balduz* «золовка», *duman* «туман», *dusax* «тюрьма» и особенно во многих словах после заднеязычных и увулярных: *yuč* «баран», *γurmoj* «кнут», *γuti* «коробка», *γuldur* «разбойник», *γuzi* «ягненок», *čuyul* «чорт», *γaraγuš* «орел».

При анализе и систематизации многочисленных фактов появления то более задней, то более передней артикуляции необходимо иметь в виду следующее:

- 1) учитывать тенденцию языка к ассимиляции гласных;
- 2) особенно учитывать влияние губных согласных;
- 3) иметь в виду невозможность сочетания переднего **u** с увулярными **γ, х, ç**, требующими более задней артикуляции;

4) учитывать возможность двоякого произношения одних и тех же слов в зависимости от того, относятся ли они к области просторечия, или являются персидскими литературными заимствованиями: слова первой категории в большей мере отражают нормы и тенденции

талышского вокализма, тогда как персидские заимствования проявляют склонность к произношению, близкому к персидскому, откуда, например, *ružā* «пост» наряду с *rūž* «день», *dudkeš* «дымоход» наряду с *dū* «дым» и т. п.

То же относится и к арабским заимствованиям. Слова литературные ближе воспроизводят арабский вокализм, как, например, *jur'āt* «смелость», *mahbub* «любимый», *izu* «член», тогда как арабские слова массового распространения дают обычно более переднюю артикуляцию *ɬ*: *tanū* «печь», *ūmr* «жизнь».

В некоторых арабских заимствованиях прослеживается длинный путь, пройденный арабскими гласными. Например, в слове *arbut* «помещик» мы видим переходы долгого *ā* через *o* до *ɬ*, а в слове *jūhil* «юноша» — переход еще более дальний, до *ū* (*jāhil* || *johil* || *juhil* || *jūhil*).

Наконец, что особенно важно, надо иметь в виду двуязычность значительной части талышей (особенно мужчин) и влияние азербайджанского вокализма, проникающее через многочисленные азербайджанские слова, которые конкурируют со словами талышскими, а подчас и вытесняют их. Возможно предположить, что дальнейшее развитие этого процесса сможет повести к отработке в талышском вокализме переднего *ɬ* как особой самостоятельной фонемы.

Физиологически звук, передаваемый нами в «Талышских текстах» через *ū*, можно определить как гласный огубленный верхнего подъема, значительно подвинутый вперед и лежащий в основном на границе переднего и смешанного рядов; степень его напряженности весьма разнообразна и варьируется в зависимости от фонетического положения. В конечном открытом слоге под ударением *ū* наиболее узко и обычно длительно: *rū* «река», *dū* «дым», а также в закрытом слоге перед звонкими спирантами *j*, *z*, *ž* и перед *ɣ* под ударением; в других закрытых слогах *ū* шире и звучит кратко: *tūt* «тут» (бот.), а также в открытых неударных: *dokūa*.

Заднее *ɬ* в отношении долготы и напряженности следует тем же правилам, что и переднее.

Фонема *ɬ* || *ū* в общем устойчива как в своем качестве, так и в количестве, потому что не редуцируется до нуля звука.

6. Фонема *i*. Знаком *i* мы обозначаем неогубленный гласный, всегда краткий и — не под ударением — легко редуцируемый. Он один из весьма распространенных и легких для артикуляции гласных. Под *i* мы объединяем, собственно говоря, целую скалу звуков типа очень широкого *i*, начиная от того, который нам представляется довольно сходным с русским *ы*, но без напряженности последнего, и до открытого твердого северонемецкого *i* в словах *Fisch*, *bitte*, *mit*, *er ist* или английского *i* в словах *bit*, *mid*.

По ряду образования этот гласный характеризуется пределами от заднего, когда находится в открытых слогах под ударением, и до смешанного и даже почти переднего в слогах закрытых, а также в открытых, но неударных, в зависимости от фонетического положения и категории согласных.

По степени подъема наблюдаются разные положения, но в общем преобладает средний.

Таким образом, общая формула границ, обнимающая артикуляционный диапазон этого гласного, $bm̄rw - xmrw$ ¹.

Распространенность этого звука объясняется исторически тем, что в системе талышского вокализма он оказался представителем всех трех исторических иранских гласных **a**, **i**, **u**, прежде всего кратких, но в известной мере и долгих.

Соответствия \bar{i} кратким гласным новоперсидского языка следующие:

1. Чаще всего \bar{i} передает краткое н. п. **u**, т. е. в современном произношении **o** краткое: *šima* «вы» (н. п. *šoma*), *dīzd* «вор» (н. п. *dozd*), *Hīsain* «Хусейн» (н. п. *Hosein*), *hīrd* «мелкий» (н. п. *xord*), *hīte* «спать» (н. п. *xoftān*), *šīšte* «мыть» (н. п. *šostān*), *biḷīnd* «высокий» (н. п. *bolānd*), *biḷ* «дно» (н. п. *bon*), *biḷie* «резать» (н. п. *boridān*), *dīčo* «подвергнувшийся» (н. п. *dočar*), *dīmbak* «маленький барабан» (н. п. *dombāk*), *hišk* «сухой» (н. п. *xošk*), *mišt* «горсть, кулак» (н. п. *mošt*), *niya* «серебро» (н. п. *noyrā*), *tīla* «могила» (н. п. *torbā*), *riṣvo* «позор» (н. п. *rosva*), *šik* «благодарность» (н. п. *šokr*), *gandim* «пшеница» (н. п. *gāndom*), *hīna* «заслуга, талант» (н. п. *honār*), *biḷbiḷ* «соловей» (н. п. *bolbol*), *giḷov* «розовая вода» (н. п. *golab*), *giḷno* «вина» (н. п. *gonah*), *tīrk* «турок» (н. п. *tork*), *dī* «два» (н. п. *do*), *xīmba* «глиняный кувшин» (н. п. *xomb*), *tī* «ты» (н. п. *to*), *kīra* «жеребенок» (н. п. *korra*), *čībo* «чубук» (н. п. *čobo*), *dīžmon* «брань» (н. п. *došnam*), *ziḷno* «зурна» (н. п. *sorna*), *dīvu* «ложь» (н. п. *doruy*).

2. Соответствия \bar{i} краткому н. п. **i** (теперь **e**): *nište* «сидеть» (н. п. *nešāstān*), *niḷište* «писать» (н. п. *neveštān*), *giḷd* «круглый» (н. п. *gerd*), *dīl* «сердце» (н. п. *del*), *ziḷmiṣton* «зима» (н. п. *zemestan*), *niho* «скрытый» (н. п. *nehan*), *tīlsim* «талисман» (н. п. *telesm*), *xīšm* «гнев» (н. п. *xešm*), *manzil* «помещение, жилище» (н. п. *mānzal*), *liḷg* «нога» (н. п. *leḷg*). Новоперсидский глагольный префикс **be-** всегда передается через **bi-**.

3. Соответствия \bar{i} краткому н. п. **a** (**ā**): *siy* «камень» (н. п. *sāng*), *niḷmož* «молитва» (н. п. *nāmaz*), *ziḷvon* «язык» (н. п. *zāban*), *hīrie* «покупать» (н. п. *xāridān*), *biḷīnd* «высокий» (н. п. *bolānd*).

4. Соответствия \bar{i} новоперсидским долгим гласным:

\bar{a} : *ziḷne* «знать» (н. п. *danestān*)², *ziḷno* «колени» (н. п. *zanu*), *viḷor* «базар» (н. п. *bazar*);

\bar{i} : *liḷšte* «лизать» (н. п. *lisidān*), ср. также ар. *faqīr* «бедняк» (тал. *faḷir*);

\bar{u} , а также \bar{o} : *aḷgi* «виноград» (н. п. *āḷgur*), *riḷvos* «лисица» (н. п. *rubah*, ср. п. *rōpās*), *tīman* «туман» (денежн. единица; н. п. *tuman*), *riḷč* «плохой» (н. п. *puč*).

¹ Несколько отличающаяся от данной нами в «Талышских текстах».

² В *ziḷne* \bar{i} , быть может, отражает еще краткое **a**, наличное в др. п. *dan*, авст. *zan*, др. инд. *jan*, но уже в среднеперсидском получившее долготу — *dān*; ср. п. *vačar* также имело краткое **a**.

Неударное *i* в быстрой речи легко становится беглым и даже совсем редуцируется до нуля звука, особенно перед плавными и носовыми: *klīj* < *kīlīj* «меч», *krīnj* < *kīrīnj* «закром», *kra* < *kīra* «жеребенок», *blīnd* < *bīlīnd* «высокий», и даже перед *š*, становящимся слоговым: *kšte* < *kīšte* «убивать».

Качественно *i* малоустойчив и, комбинаторно, как в ударном, так и в неударном положении, лабиализуясь, может чередоваться с *ö*, *o*, *ü*:

1) *i* || *ö*: *šip* || *šöp* «корзина», *tī* || *tö* «ты», *e-pištīše* || *e-pöštiše* «он привязал»;

2) *i* || *o*: *pije* || *poje* «бежать» (н. п. *puīdān*), *žigo* || *žogo* «так, таким образом»;

3) *i* || *ü*: *sifa* || *sülfa* «скатерть» (н. п. *sofrä*).

i может, наконец, появляться под действием гармонии гласных: *bīznīm* || *bīznam* «чтобы я узнал», *bīndīn* || *bandīn* «остановись!»

Фонологическое значение *i* подтверждается его способностью дифференцировать слова, различающиеся только звуками *i* и *i̇*: *pī* «отец», *pī* «жир», *sī* «двор», *sī* «сытый», *sī* «красный», *sī* «чеснок», *dī* «два» и предлог «с», *dī* «деревня». В некоторых словах мы встречаем, однако, чередование *i* с *i̇*, указывающее на отмеченную выше качественную неустойчивость этого гласного: *melī* || *melī̇* «червяк».

Кроме своего наличия во множестве талышских слов-имен, *i* имеет еще большое грамматическое использование, входя в состав морфологических элементов, что еще более увеличивает частоту его употребления.

1. *i̇* — обычный начальный гласный местоименных суффиксов с функциями эргативности во всех лицах и обоих числах, кроме 2 л. мн. ч. при согласном исходе имен или глагольных основ, к которым они прикрепляются: *e-kārdīme* «я вылил», *arāyī harda?* «ты выпил арак?», *vīndīže* «он увидел», *gātīmone* «мы схватили», *vārdīžone* «они принесли».

2. *i̇* наличествует в глагольном, всегда ударном префиксе *bī-* при образовании сослагательного наклонения настоящего времени и повелительного наклонения: *bīda* «дай», *bīši* «ступай», *bīvotan* «скажите», *bīvotan* «бегите», *bīsanamon* «возьмем-ка мы», *γapu bīžanion* «чтобы вы заперли дверь», *bīkištīn* «пусть они убьют».

3. *i̇* характеризует глагольные окончания презенса сослагательного наклонения, этой весьма употребительной глагольной формы: *-īm*, *-i̇š*, *-i̇*, *-īmon*, *-ījon*, *-īn*.

Во 2 л. мн. ч. *i̇* переходит в *i*.

4. *i̇* часто встречается в многочисленных азербайджанских заимствованиях, особенно после глубоко-заднеязычных (увулярных): *γīrma* «крючок», *γīrmoč* «нагайка», *γīzīl* «красный, золотой», а также в азербайджанских причастных формах на *-mīš*: *baγīšlamīš* «подаривший», *havaslanmīš* «наслаждающийся» и т. п.

7. Гласный *ö*. Это звук, несомненно, нефонемный, начинающий проникать в талышский язык под влиянием азербайджанского вокализма через азербайджанские слова. Дать его точную физиологическую

характеристику затруднительно ввиду очень ограниченного числа примеров и наблюдений над его произношением. Можно лишь сказать, что это лабиализованный звук смешанного ряда и среднего подъема¹, повидимому, весьма близкий к азербайджанскому переднему *ө*. Он краток и, по нашему впечатлению, сходен с французским *eu* в словах *seul, neuf, peuple* и с турецким *ö*, например в слове *görmek* «смотреть». В чисто талышских словах он слышится редко, причем может чередоваться с другими гласными, звучащими кратко: *tö* || *tj* «ты», *hör* || *här* «туман», *šöp* || *šjp* || *šep* «корзина», *molöšk* || *moljšk* «невод», *bolöš* || *boljš* «подушка»; в последних двух словах он мог получиться в результате прогрессивной ассимиляции гласных. *Ümr* «жизнь» иногда, под влиянием последующего губного, произносится как *ömr*. В азербайджанских словах: *ölci* «мера», *ölçmiş karde* «мерить», *ölgä* «страна, край» на образование *ö* могло повлиять последующее мягкое произношение азербайджанского *l*, или же эти слова были целиком восприняты в своем азербайджанском произношении.

8. Дифтонги. Тексты позволяют отметить следующие нисходящие дифтонги: 1) *te*, вторым компонентом которых является гласный *i*; 2) *te*, вторым компонентом которых являются гласные *o* и *e*.

Дифтонги первой группы, повидимому, следует считать первичными настоящими дифтонгами, дифтонгами органическими.

Дифтонги второй группы — вторичного происхождения; они эквивалентны настоящим дифтонгам только в известных фонетических условиях, при отсутствии которых они являются соединением двух гласных, из которых первый — ударный.

Дифтонги первой группы следующие: *ai, äi, oi, ui, üi, ei, ji*. Из них *ei, ji*, в которых первые гласные иногда сближаются по подъему с *i*, часто трудно отличить от соответствующих закрытых слогов *ej, jj*, исходящих на среднеязычный звонкий щелевой.

Примеры на дифтонги первой группы:

ai: gılat «один», *çai* «его», *paıdo* «видимый», *şaitun* «шайтан»;

äi: bastäi «он связал»;

oi: avoi «он приходил», *doıda* «он дает», *joılina* «одинокий»;

öi: böi «приходи», *möi* «рыба», *tanxöi* «капитал»;

ui: kui «слепой»;

üi: nüinom pate «я испекла хлеб»;

ei: xeilimi «многоножка», *neila* «свирель», *jetran* «серна»;

ji: yjimät «цена».

Таким образом, второй компонент *i* входит в дифтонгическое сочетание со всеми гласными фонемами, за исключением *i*, что естественно, и заднего *a*, возникновение которого обусловлено его наличием в определенных группах согласных (см. выше).

Дифтонгов со вторым компонентом *u* в языке, повидимому, не имеется. Исторический дифтонг *au* дает всегда слог *ov* с губно-зубным *v*. Слово *kouser* «райский источник» — арабское заимствование.

¹ А не *fl*, как он определяется в «Талышских текстах».

Дифтонги второй группы со вторым компонентом *o* и *e* появляются только в очень беглой речи, в обычной же мы находим сочетание двух гласных.

Примеры на исходный *o* дают случаи присоединения к имени существительному суффикса отложительно-исходного падежа *-o*: *čj kao* «из дому» (*ka* «дом»), *čj vao* «спереди» (*va* «перед»), *čj guo* «с быка» (*gu* «бык»).

Примеры на исходный *e*: частые случаи его появления представляют глагольные формы 3 л. ед. ч. перфекта, когда к исходному ударному *a* прошедшего причастия присоединяется глагольная связка *-e*: *rasae* «он достиг», *masae* «он услышал».

Обычно такой дифтонг *ae* при еще большей беглости речи превращается в *ai*: *rasae* > *rasai*. Наконец, последний в дальнейшем может превратиться в монофтонг *ē* долгое: *rasae* > *rasai* > *rase*.

Такого слияния никогда не может быть у органического дифтонга *ai*, как, например, в *kai* (косв. падеж от *ka* «дом»), *čai* «его» и т. п. Органический же дифтонг *ei* имеет тенденцию в беглой речи перейти в монофтонг *ē* долгое, а затем сузиться до *i*: *šei mon* > *sē mon* > *šim on* «мы послали».

Нами диалектно отмечены два слова с дифтонгом *ai*, дать которому физиологическое объяснение представляется затруднительным: *kašēnai* < *kašēdan* «они тянут», *vārnai* < *vārdan* < *vardēdan* «они приносят».

II. КОНСОНАНТИЗМ

Общие замечания

Талышский консонантизм в общем не представляет особого своеобразия по сравнению с консонантизмом персидского языка; говорить о некоторых его расхождениях с последним мы не решаемся, поскольку консонантизм персидский до сих пор не был предметом сколько-нибудь серьезного научного исследования. Ряд проблем его не только не получил разрешения, но даже не находится в стадии начальной разработки, как, например, степень и значение придыхательности глухих, неполная звонкость *mediae*, соотношение смычного, якобы «арабского», кафа со щелевым «иранским» гайном и др.

В историческом аспекте талышский консонантизм весьма отчетливо выявляет признаки, характеризующие северо-западные наречия, бытующие на территории древнего Азербайджана, т. е. древней Великой Мидии. Таковы, например, соответствие в юго-западному *h* или *z* — юго-западному *d*, начального *b* — юго-западному *d* (из *dv*) или *vi* — юго-западному *gu*, а также весьма частые соответствия двухфокусного переднеязычного щелевого *ž* однофокусному *z*, соответствие (в некоторых словах) группы *št* группе *st* и соответствие начального *v* смычному *b* многих новоперсидских слов.

Тем не менее полное отсутствие в талышском консонантизме верхнефарингальных — звонкого «айна» и глухого *h* — резко отделяет этот «северо-западный» иранский язык от северо-западного же курдского (журманджи), а также от некоторых говоров языков татского и таджикского, в которых тоже наличествуют эти звуки, — языков, однако, исторически связанных с юго-западом Ирана.

На талышский консонантизм, весьма вероятно, не мог (ввиду двуязычия некоторой части населения Талыша и его соседства с тюрками — азербайджанцами) не оказать известного влияния консонантизм азербайджанский, или, точнее, в консонантизме талышей возможно предположить переживание артикуляционных навыков автохтонного населения северо-западного Ирана и восточного Закавказья — населения, которое с эпохи мидийского царства подверглось иранизации, а с XI в. нашей эры стало постепенно переходить на азербайджанский язык.

К таким общим талышскому и азербайджанскому языкам фонетическим явлениям следует, повидимому, отнести, как показывают новейшие исследования¹, вышеупомянутую придыхательность *tenues*, неполнозвонкость *mediae* и особый характер звучания так называемого *кафа*.

Главные особенности талышского консонантизма, выявляемые сопоставлением талышских слов с новоперсидскими:

1. Отпадение конечного *r*: *xaba* «известие» (н. п. *xābār*), *pi* «старый, старик» (н. п. *pir*), *tanū* «хлебная печь» (н. п. *tānur*), *noka* «слуга» (н. п. *noukār*), *jo* «друг» (н. п. *jar*), *do* «дерево» (н. п. *dar*), *šū* «соленый» (н. п. *šur*), *ha* «всякий» (н. п. *hār*), *ha* «осел» (н. п. *xār*), *peči* «волк» (н. п. *nāxčir* «охота»), *si* «сытый» (н. п. *sir*), *dīvo* «стена» (н. п. *dīvar*), *ko* «дело» (н. п. *kar*), *bo* «груз» (н. п. *bar*), *mo* «мать» (н. п. *madār*), *kū* «слепой» (н. п. *kur*), *ozo* «болезнь» (н. п. *azar*), *pani* «сыр» (н. п. *pānir*), *čadĭ* «шатер» (н. п. *čador*), *fik* «мысль» (н. п. *fekr*), *hozĭ* «готовый» (н. п. *hazer*), *ba* «дверь» (н. п. *dār*, *dv > b*), *haši* «солнце» (из н. п. *horšid*).

2. В середине слов между гласными талышский язык редко терпит *r*, которое выпадает:

а) между гласными: *roa* «кусок» (н. п. *parā*), *bakat* «благословение» (н. п. *bārākāt*), *dave* «жать» (н. п. *derāvidān*), *guoni* «тяжесть» (н. п. *gerani*), *gate* «брат» (н. п. *gereftān*), *vite* «бежать» (н. п. *gorixtān*);

б) после гласного перед губными сонантами *vm*: *davüš* «дервиш» (н. п. *dāroiš*), *gam* || *gom* «теплый» (н. п. *gārm*);

в) после согласных в группах с начальным губным *br*, *fr*: *bav* «бровь» (н. п. *ābru*), *avišūm* «шелк» (н. п. *ābrišom*), *hamue* «приказывать» (н. п. *fürmudān*, др. п. *fra + ma*), *havate* «продавать» (н. п. *foruxtān*, ср. п. *frōxtan*, ав. *fra + vaxš*).

¹ См.: Р. О. Шор. Из инструментально-фонетических наблюдений о так называемом озвончении заднеязычного *ç* в азербайджанско-тюркском языке, «Советское языковедение», т. II, 1936.

В группах *ard*, *ars*, *arš*, *arz*, как правило, *г* удерживается¹: *karde* «делать», *marde* «умирать», *harde* «есть», *tarse* «бояться», *larze* «дрожать», *sard* «холод», *pard* «мост».

3. Отпадение конечного *d* после гласных: *dū* «дым» (н. п. *dud*), *šo* «веселый» (н. п. *šad*), *kavu* «голубой» (н. п. *käbud*), *sa* «сто» (н. п. *säd*), *nava* «девяносто» (н. п. *näväd*), *usto* «мастер» (н. п. *ostad*).

4. Выпадение *d* в интервокальном положении: *doa* «данный» (н. п. *dadä*), *zoa* «сын» (н. п. *zadä*), *moa* «мать» (н. п. *madär*), *pja* «отец» (н. п. *pedär*), *dia* «глаз» (н. п. *didä*). Отсюда — сокращение формы инфинитива на *-dän* в *-e* и на *-idän* в *-ie* вследствие выпадения *d* и отпадения *n*²: *žae* || *že* «бить» (н. п. *zädän*), *še* «итти» (н. п. *šodän*), *be* «быть» (н. п. *budän*), *hīrie* «покупать» (н. п. *xäridän*), *bīrie* «резать» (н. п. *boridän*), *činie* «срывать» (н. п. *činidän*), *lorzunie* «приводить в трепет» (н. п. *lärzanidän*), *kūe* «колотить» (н. п. *kubidän* через *kubie*, *kuje*, *kūe*), *ondūe* «намазывать» (н. п. *ändudän*) и т. п.

В результате выпадения интервокального *d* получают значительные сокращения форм слов: *ku* < *kädu* «тыква», *ka* < *kada* «дом», *noe* «класть» через *nehoe* — *neoe* — *noe* (н. п. *nehadäh*).

5. Начальное веларное *ж* и группа *хv* во многих словах переходит в нижнефарингальный *h*: *harde* «есть» из *xvärdän*, *hande* «читать» из *x'andän*, *haši* «солнце» из *xvar-šid*, *hirdan* «мальчик» (н. п. *xord*), *hiš* «плуг» из *xiš*, *hišk* «сухой» (в н. п. *xošx*), *hova* «сестра» (н. п. *x'ahär* || *xahär*, через отпадение *г*, выпадение *h* и замену его *v*), *hirs* «медведь» (н. п. *xers*), *himb* «кувшин» (н. п. *xomb*), *hīrie* «покупать» (н. п. *xäridän*) и т. п.

В словах, заимствованных из персидского литературного языка, начальное *ж* не переходит в *h*: *xido* «бог» (н. п. *xoda*), *xol* «ветвь» (н. п. *xal*), *xorak* «пища» (н. п. *xorak*), *xotijam* «успокоенный» (н. п. *xaterjäm*). В *ištan* «сам, свой» начальное *ж*, *ж'* совсем отпал (н. п. *xištän*).

6. В группе *xt* *ж* выпадает: *süte* «жечь» (н. п. *suxtän*), *pate* «варить» (н. п. *poxtän*), *düte* «шить» (н. п. *duxtän*), *vite* «бежать, убежать» (н. п. *gorixtän*), *havate* «продавать» (н. п. *foruxtän*).

7. В группе *ft* *f* выпало, но это выпадение относится к более ранней эпохе: *hīte* «спать» (н. п. *xoftän*), *gate* «брат» (н. п. *gereftän*), поскольку эта группа сохранилась в словах, близких к новоперсидским, как *bofte* «ткать» (н. п. *baftän*), *käfte* «голубь» (н. п. *käftär*).

8. В группе *st* наблюдается неустойчивость. Мы имеем отпадение *t* как в ее конечном положении: *dus* «друг» (н. п. *dust*), *ros* «прямой» (н. п. *rast*), *mos* «кислое молоко» (н. п. *mast*), *däs* || *dos* «рука» (н. п. *däst*), так и в середине слова: *γabson* «кладбище» (н. п. *γäbrestan*),

¹ Впрочем, н. п. *ars* «слеза» дало в талышском *as*.

² Е. Бенвенист, незнакомый по незнанию русского языка с нашими «Талышскими текстами», счел возможным еще в 1935 г. повторить в своих «Les infinitifs avestiques» (стр. 111) совершенно неправильное утверждение Гейгера («Grundriss der iranischen Philologie». Bd. I, Abt. 2, § 142, стр. 369) о том, что талышский инфинитив будто бы имеет исход на *a*, восходящий к *aka*, и сопоставлять его с инфинитивами в балучском, согдийском, памирских и других языках.

zimson «зима» (н. п. *zemestan*), *tovson* «лето» (н. п. *tabestan*), *dusax* «тюрьма» (н. п., точнее — тюркское заимствование, *dustax*), *dirjs* «правильный» (н. п. *dorost*).

Группа же *it* такой неустойчивостью не отличается и не теряет зубного: *aište* «вставлять», *lište* «лизать», *mīšt* «кулак, горсть».

Переходим к описанию отдельных категорий согласных звуков.

Смычные звонкие и глухие

Mediae **b, d, g** и tenues **p, t, k** в талышском языке, как и в некоторых других иранских языках, представляют особенности, именно — mediae характеризуются неполным звучанием голоса, а tenues — придыхательностью и, в отдельных фонетических положениях, известным озвончением.

Наши тексты не представляют надежного материала для детальной характеристики этих согласных, так как мы отмечали в записях только такие явления оглушения, озвончения и придыхательности, которые особенно отчетливо нами воспринимались, и лишь в некоторых случаях отмечали в процессе записывания варианты в артикулировании отдельных фонем их дублетными формами, внося их затем в приложенный к текстам небольшой словарь.

Печатные материалы, изданные самими талышами, также почти не дают возможности выявить особенности артикуляции глухих и звонких смычных. Придыхательность глухих в них, как правило, совсем не отмечается; что же касается их озвончения или оглушения звонких, то лишь в редких случаях колебания в орфографии дают на них указания. Как правило же, талышские авторы стараются выдерживать в орфографии морфологический принцип.

Ввиду этого чрезвычайно ценными являются наблюдения над талышскими mediae и tenues, произведенные в Ленкоране в мае 1948 г. таким опытным иранистом-фонетистом, каким является В. С. Соколова.

Позволим себе привести *in extenso* сформулированные ею положения¹:

«1. Смычные **b, d, g** являются полновзвонкими только в интервокальном положении. В начале слова и после глухих согласных — они глухие и имеют только звонкий взрыв (**b, d, g**), отчего на русский слух воспринимаются часто как **p, t, k**. В исходе слова после гласных и звонких согласных имеют звонкое начало и слабый глухой взрыв без придыхания. После глухих согласных фонемы **b, d, g** в исходе не встречаются.

Глухие пары **p, t, k** являются придыхательными. Придыхательность наиболее сильна в начале слова, где она является единственным признаком, различающим пары **p—b, t—d, k—g**. Между гласными, где при противоположении этих пар на первое место выступают глухость и звонкость, придыхательность **p, t, k** значительно ослабевает, но

¹ Любезно сообщенные нам в ее ценном «Предварительном очерке талышской фонетики».

глухой взрыв остается обязательно. В исходе придыхательность тоже слабее, чем в начале слова.

В положении после глухих щелевых (**f, s, ʃ, x**) фонемы **p, t, k** теряют придыхательность совсем, и, если дальше идут гласные, они артикулируются со звонким взрывом. Получается, таким образом, глухой смычный со звонким взрывом, который и отождествляется с соответствующей звонкой парой: *hišk* «сухой», но *hišgi* «засуха», *kjšt* «убей», но *kjśdjm* «я убил». Следовательно, во всех случаях после глухих щелевых в талышском языке мы имеем фонемы **b, d, g**, а не **p, t, k** (*mašda* «утро», *išda* «свой», *asbo* «всадник»).

Таким образом, противоположение согласных **b, d, g** и **p, t, k** основывается на двух моментах: 1) по признаку глухости—звонкости, 2) по признаку придыхательности—непридыхательности. Последний признак выступает на первый план в начале слова и после глухих согласных, первый же признак—в интервокальном положении. В конце слова оба признака приобретают фонологическую роль (**d**—в исходе, со звонким началом, но с глухим взрывом, слабым и без придыхания; **t**—глухое целиком с более энергичным взрывом, сопровождающимся придыханием, не сильным).

Эти положения, конечно, будут разработаны и иллюстрированы В. С. Соколовой в ее дальнейшем исследовании талышского консонантизма, ею подготовляемом, с привлечением необходимого инструментария, которым она еще не располагала, когда составляла свой очерк талышской фонетики.

В наших «Талышских текстах» можно встретить одиночные примеры, подтверждающие положение об озвончении *tenues* после глухих щелевых, если за *tenues* следуют гласные: *asp* «лошадь» и *asbo* «всадник», *hišk* «сухой» и *hišgi* «засуха», *mjśdari* «покупатель» (н. п. *moštäri*). Также отметим наши дублетные формы: *hišk* || *hišg* «сухой», *bjšk* || *bjsg* «кочерга».

Также и в печатных произведениях нарождавшегося письменного языка встречаются подобные примеры: например, sporadическое орфографирование *išdan* «сам» вместо обычного *ištan*; *mašda* «утром» вместо обычного *mašta* и т. п.

Надо также учитывать и то, что талышский язык избегает групп согласных и что сочетания щелевых глухих **f, s, ʃ, x** с глухими смычными далеко не все обычны. Группа **xʃ** в словах чисто талышских отсутствует, так как **x**, как правило, выпадает (см. выше); группы **xp, xk**, повидимому, также не встречаются. Группы **fk, fp**, вероятно, также не свойственны языку; имеется только группа **ft**. Обычны же сочетания только с предшествующими щелевыми **ʃ, s, t**. е. группы **sp, st, sk, šp, št, šk**.

Сами талыши для передачи осознаваемых ими согласных фонем употребляли 22 буквы приспособленного ими латинского алфавита. В руководстве для начальных школ, составленном в 1935 г. под названием «*Toliša zivon*» («Талышский язык»), они приведены в следующем порядке: **b, c, ʃ, d, f, g, q, h, j, l, m, n, p, q, r, s, š, t, v, x,**

z, z¹. С — соответствует ċ иранистической транскрипции, ç = j, q = γ, q = k, ç = š, z = ž.

Этот алфавит, по нашему мнению, вполне правильно устанавливает фонемный состав языка и число фонем. Как мы видим, явления озвончения, неполнозвонкости и придыхательности смычных в нем не отражены.

Продолжаем описание смычных и даем дополнительную характеристику этой категории согласных.

1. Фонема **к**. Это согласный смычный, глухой, заднеязычный — перед задними гласными и среднеязычный перед гласными переднего ряда. Для самих талышей **к** является единым звукопредставлением, почему они и передают его перед всеми гласными только одной буквой **q** (т. е. **k**), хотя вполне ясно отдают себе отчет в разнице в артикуляции **к** перед широкими и перед узкими гласными².

В начальной позиции **к** произносится с довольно сильной смычкой, вызывающей затем аспирацию. Последняя бывает иногда настолько резкой, что звук получает оттенок аффрикации.

В других фонетических положениях аспирации **к** мы не улавливали. В соответствующих персидских словах мы такой сильной аспирации начального **к** не слышали, что, разумеется, не значит, что в персидском **к** она отсутствует, а означает лишь то, что она, повидимому, слабее талышской. Другое отличие талышского **к** от персидского заключается в том, что, по нашему впечатлению, в одних и тех же словах он не так мягок, как персидский звук: ср., например, артикуляцию талышского *karde* «делать» с задним **а** и н. п. *kārdān* — с передним **а**. В чисто талышских словах перед передними гласными особого смягчения **к** не наблюдается, как это имеет место, например, в татском говоре сел. Лахидж или в азербайджанском языке. Но такое смягчение **к** иногда может быть объяснено влиянием азербайджанской фонетики. Так, например, селение *Kagalona* (букв. «гнездо курицы») с задним **к** в турецкой форме звучит *Kargalan* со значительным смягчением **к** и его среднеязычной артикуляцией; также и *šixakaon* с задним **к** — по-азербайджански *šxakaran* с передним.

Начальное талышское **к** соответствует, как правило, начальному кяфу: *ka* «дом» (н. п. *kādä*), *kaŋte* «голубь» (н. п. *kāftär*), *kaŋ* «мало» (н. п. *käm*), *kaŋde* «копать» (н. п. *kāndān*), *kjšte* «убивать» (н. п. *košān*), *ko* «дело» (н. п. *kar*), *kaŋu* «голубой» (н. п. *kābud*), *kom* «который?» (н. п. *kodam*) и т. д.

¹ Стр. 25.

² На стр. 31 того же руководства мы читаем: «В талышском языке **q**, стоящее перед гласными (*vang*) **i**, **e**, дает мягкий звук (*nama sədo*). Примеры: *qi*, *qinə*, *qet*, *qez*, *qer*. **Q'**, стоящее перед гласными **a**, **o**, **ə**, **ɤ**, **u**, дает твердый звук (*səxtə sədo*). Примеры: *qə*, *qo*, *qu*, *qəgə*, *qumə*». Затем приводятся упражнения на произношение **q** в этих двух положениях. В более ранних печатных произведениях, например в «*Səjnə sor*» в 1931 г., было два знака: **k** — для твердого и **q** — для мягкого, которые ясно разграничивали произношение; перед **i** всегда писалось **q** — *qi*, *qinə*, *qitəb*.

Буквой **q** (т. е. через **k**) талыши передавали и начальное русское **kz** *qalxoz* «колхоз», *qarpic̣* «кирпич», а также начальный кяф арабских слов: *qitob* «книга», *kosbet* «промысел» и т. п. как перед широкими, так и перед узкими гласными.

2. Фонема **t**. Это — глухой, переднеязычный, смычный согласный. В начальном положении отличается, помимо глухости, силою смычки, приводящей к дополнительной аспирации, степень которой бывает различна. Она резко отличает артикуляцию **t** от **d**. Начальный **t** соответствует такому же **t** персидских слов, который, однако, повидимому, не сопровождается придыханием такой силы, как **t** талышский.

В середине между гласными **t** всегда удерживается в противоположность **d**, что подтверждается продуктивным суффиксом abstracta — **-ati**: *badbaxtati* «несчастье», *boati* «братство» и т. п.

В группах **št**, **ft** в конце слов **t** удерживается: *mjšt* «горсть», *hoft* «семь». В группе **st** **t** часто отпадает: *dasgo* «станок» (и *dasgo*; н. п. *dästgah*), *düs* || *düst* «друг» (н. п. *dust*).

Начальный **t** соответствует начальным **t** иностранных заимствований — азербайджанских: *talasmiš* «спешащий», *tanıştirmiş* «познакомивший», *topraq* «земля», *tapmaja* «загадка» и т. п. и арабских: *tārif* «похвала», *taškil* «организация», *tojir* «купец» и т. п.

3. Фонема **p**. Глухой, губной, смычный согласный, имеет, подобно **k**, **t**, сильную смычку и сильное придыхание при взрыве. По нашему впечатлению, оно гораздо более резкое, чем у начального **p** персидских слов. Придыхательность и сила смычки резко разграничивают **p** от начального **b** (см. ниже). В исходной группе **sp** **p** хорошо удерживает свою глухость; группы **fp**, **xp**, повидимому, в языке вовсе не встречаются; на **šp** у нас нет примеров.

Знаком **p** талыши передавали также и глухой, губной, смычный согласный других языков, не учитывая момента придыхательности, в них отсутствующего.

4. Фонема **g**. Смычный, звонкий согласный, заднеязычный перед задними гласными и среднеязычный — перед передними. Он не так мягок, как персидский «гяф». В начальной позиции он обычно соответствует персидскому «гяфу»: *gado* «нищий» (н. п. *gāda*), *go* «корова» (н. п. *gav*), *guoni* «тяжесть» (н. п. *gerani*), *güzd* «мясо» (н. п. *gušt*), *güş* «ухо» (н. п. *guš*).

В турецких заимствованиях **g** соответствует как словам, писавшимся с начальным *qaf*'ом (*gab* «сосуд», *guzi* «ягненок»); так и с начальным гяфом (*gami* «корабль», *gora* — послелог).

В арабских заимствованиях он соответствует как начальному *qaf*'у (ар. *gabo*, *gabā* «верхняя одежда»), так и начальному «гайну» (*gülfa* || *yurfa* «отверстие»), в немногих отмеченных русских словах — русскому начальному **г** (*garmon* «гармония»).

В некоторых словах мы находим дублетные формы с «гайном»: *γandim* || *gandim* «пшеница», *γofi* || *gofe* «колыбель», *γaja* || *gaja* «горы, скалы».

Сами талыши воспринимают **g** как единую фонему, передавая ее перед всеми гласными подобно **k** только одним знаком; но ясно

различают «твердую» (*saxt*) и «мягкую» (*ngm*) артикуляцию этого звука в зависимости от его положения перед задними и передними гласными¹.

5. Фонема **d**. Это — звонкий, смычный, переднеязычный согласный. Начальный **d** соответствует в передаче латинской талышской графикой начальному **d** персидских слов: *dom* «сеть» (н. п. *dam*), *do* «дерево» (н. п. *dar*), *dona* «зерно» (н. п. *danä*), *di* «селение» (н. п. *deh*) и т. д. и немногочисленных азербайджанских: *dirrig* «пропитание», *dustax* «тюрьма», *dütmä* «курдюк», *düz* «прямой», *dava* «верблюд», а также арабских: *davlet* «богатство», *davo* «лекарство».

Смычка **d** весьма слабая, так как только этим можно объяснить характерную черту талышского консонантизма (см. выше), именно отпадение **d** в исходе слов и выпадение в интервокальном положении: *dü* «дым» (н. п. *dud*), *šo* «веселый» (н. п. *šad*), *kavi* «голубой» (н. п. *käbud*), *zoa* «сын» (н. п. *zadä*) и т. п. Быть может; отпадение **d** в исходе объясняется и слабостью взрыва.

В заимствованиях из персидского литературного языка закон отпадения в исходе после гласных не действует: *jod* «память» (н. п. *jad*), *dod* «крик о помощи» (н. п. *dad*), *farhad* «призыв на помощь» (н. п. *färjad*), *ümid* «надежда» (н. п. *omid*).

6. Фонема **b**. Это — губной, смычный, звонкий согласный. Как и другие mediae, он имеет сравнительно слабую смычку, в исходе же — слабый взрыв, вследствие чего может спонантизироваться и переходить в губнозубной щелевой **v**: *ob* > *ov* «вода», но не в неслоговое **u** (**ou**), как в некоторых других иранских языках.

Начальный **b** соответствует начальному **b** новоперсидских слов: *base* «связывать» (н. п. *bästän*), *bad* «плохой» (н. п. *bäd*), *boγ* «сад» (н. п. *aγ*), *boa* «брат» (н. п. *beradär*), а также тюркских: *biγ* «усы», *baš* «голова» и русских: *brigadir* «бригадир», *buržuazija* «буржуазия».

Исторически интересно соответствие **b** н. п. **d** из **dv** в слове *ba* «дверь» (диалектно также *bara*).

7. Фонема **f**. Это — глухой, губной, щелевой корреспондент **b**, повидимому, не отличающийся от соответствующего русского звука. **F** — довольно редкий звук в системе талышского консонантизма. Много слов с начальным **f** арабского происхождения, вроде *faγir* «нищий», *fateha* «фатиха» (1-я сура корана), или заимствованы из русского языка, вроде *fabrika* «фабрика», *forma* «форма», или же из персидского литературного языка: *farhad* «крик о помощи» (н. п. *färjad*), *fol* «гадание» (н. п. *fal*).

Из иранских глаголов с начальным **f** отмечены: *fjšarde* «сжимать», и *frsie* «скользить». Глагол *fame* «понимать» (н. п. *fäמידän*) в основе — арабского происхождения. *Fera* «курочка» — диалектная форма обычного *vera*.

Исходный **f** мы имеем в *jif* «карман» из *jiv*, т. е. оно представляет оглушение **v**, спонантизированного **b** (перс. лит. *jib*; см. выше).

¹ См. «Toliša zivon», стр. 29.

В *mif karde* «губить, уничтожать» мы обнаруживаем переход **hv** > **f** (ар. *mahv*).

Исторически следует отметить очень давний переход **f** в группе **fra** в **h** с выпадением срединного **r** в глаголах *hamuc* «приказывать» (н. п. *färmudän*, др. п. *fra+ma*) и *havate* «продавать» (н. п. *foruxtän*, ав. *fra+vaaxš*), а также, повидимому, уже очень давнее выпадение **f** в группе **ft**: *hite* «спать» (н. п. *xoftän*, ав. *x'ap*) и *gate* «брат» (н. п. *gereftän*, др. п. *garb*, ав. *grab*; см. выше).

Велярные

К велярным фонемам относятся щелевые: полувзвонкий **γ** («гайн») и глухой **х**.

1. Фонема **γ** в талышском алфавите. Талыши ее передавали особой буквой, которая в обычном латинском алфавите не имеется, тем ясно отличая от звонкого смычного **g**. Без специального инструментального обследования трудно установить степень его звонкости. Наш опыт записывания талышских текстов и анализ печатной продукции самих талышей позволяет предположить, что талышский **γ** не имеет полной звонкости, особенно в начальном положении, а также, может быть, артикулируется на границе твердого и мягкого нёба.

Очень значительное число слов с начальным **γ** — арабского происхождения, начинающиеся с **qaf'a**: *γarz* «долг», *γazi* «судья», *γibon* «жертва», *γigor* «договор», *γoim* «крепко», *γab* «могила», т. е. в них талышский **γ** соответствует смычному звуку.

Сравнительно меньшее количество слов дает соответствие **γ** «гайну» арабскому: *γaizi* «кроме» (н. п. *γäir äz*), *γusl* «омовение» (ар. *γusl*).

Очень значительное число слов с начальным **γ** дают слова азербайджанские, начинающиеся с заднеязычного **k**: *γoima* «столб», *γona* «гость», *γalta* «седло», *γizil* «золото», *γara* «черный», *γariš* «пядь».

Если учесть, что большинство арабских слов, вошедших в талышский язык из персидского, одновременно наличествует и в азербайджанском языке, то следует предположить, что начальный арабский **qaf**, в силу влияния арабского консонантизма или общности артикуляции этого звука талышами и азербайджанцами, является уже не глухим арабским велярным согласным, а тем звуком, инструментальное обследование которого выяснило, что он является безголосым, глухим, но озвончаемым в отступе, не имеет придыхания и весьма слабо артикулируется, почему и выходит из ряда *tenues* и входит в ряд безголосых *mediae*, т. е. может быть отождествлен со звонким **g**¹.

В таком случае становится ясным систематическое соответствие начального азербайджанского (resp. арабского) **qaf'a** в талышском письме талышскому «гайну» (**γ**), в известной мере совпадающему с ним в отношении звонкости. Слабость же его артикуляции в значительной мере устранила значение момента смычности.

¹ Мы имеем в виду цитируемую выше статью Р. О. Шор («Советское языковедение», т. II, 1936).

Интересно отметить, что тем же «гайном» талыши передавали русский и европейский смычный **g**: *gruppa* «группа», *gramer* «грамматика», *gazet* «газета», *pedagoži* «педагогика» и т. п.¹ Элемент смычности и тут не играл для них особой роли. Возможно, что начальный **г** русских слов ими воспринимался в его «южнорусской» артикуляции, т. е. как звук щелевой.

В газете «*Sja Tolış*» мы даже встречаем замену начального γ смычным **g** в слове *gošum* «войско», а в «*Seinə sor*» мы, наоборот, отметили написание этой специальной буквой *garde* — этого весьма распространенного глагола, всегда орфографирующегося с обычным **g**.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, чисто иранских слов, начинающихся с γ , весьма немного. Отметим глагол *γande* «бросать», в котором γ , однако, соответствует историческому **g** (*av-gandan*), и *γandim* «пшеница» (в н. п. *gāndom* — также с **g**).

Ввиду изложенного становятся объяснимыми несистематичность нашей транскрипции талышских велярных и глубоко-заднеязычных, дублетные формы (*gandim* || *γandim* «пшеница», *gija* || *γaja* «скала» и т. п.), а также введение знака **q** для передачи велярного звука, обладавшего, по нашему акустическому впечатлению, элементом смычности. Этой буквой, как нами было сказано в предисловии к «Талышским текстам»², мы обозначали не глухой велярный арабский (*qaf*), а очень задний **g**, и тогда же мы отметили, что в чисто талышских словах он, повидимому, не встречается и что главный материал для него дают турецкие слова. Мы к ним теперь прибавим и арабские с типичным азербайджанским «кафом».

Повторяем, точная физиологическая характеристика талышского γ во всех его фонетических положениях может быть сделана лишь на основании инструментального обследования. В связи с этим укажем на необходимость выяснить таким же путем и природу персидского «гайна» и „кафа“, повидимому, дающих в тегеранском произношении одно звукопредставление, особенно в начальной позиции, что подтверждается, например, смешением в письме и в произношении двух слов *qārib* и *γārib*, на что уже указывалось в литературе³.

2. Фонема **ж**. Это — глухой, щелевой, велярный согласный; он образуется не при таком сильном сближении язычка (*uvula*) с задней частью спинки языка, как в персидском, где он дает впечатление звука *quasi cum* «**r**» *mixtum* и, по нашему акустическому впечатлению, мало чем отличается от русского **ж**. Во многих словах начальное **ж** настолько ослаблено в своей смычке, что дублируется с нижефарингальным **h** и даже совсем в него переходит. Примеры дублетных форм, нами отмеченных: *ximba* || *himb* «кувшин», *xavza* || *havza* «дыня», *xaman* || *haman* «ток», *xalbat* || *halbat* «наедине»; примеры полного перехода в **h**: *ha* «осел» (н. п. *xār*), *hite* «спать» (н. п. *xoftān*), *havuš* «заяц» (н. п. *xārguš*).

¹ Заменяем здесь специальную букву для обозначения этого звука обычным латинским **g**.

² См. стр. XXVIII.

³ См.: Ю. Н. Марр. О произношении \int/ξ в живом персидском языке, «Статьи и сообщения», т. I, 1936.

Историческая начальная группа **х'**, повидимому, тоже очень давно перешла в **h**: *hova* «сестра» (н. п. *x'ahär*), *haši* «солнце» (ср. п. *x'aršēt*), *hande* «читать» (н. п. *x'andän*); в *ištan* «сам, свой» (н. п. *xištän*, ср. п. *xvēstan*) она даже совсем отпала.

Талыши передавали **х** соответственной латинской буквой «х», как **х** новоперсидских (resp. талышских) слов — *xijo* «огурец», *xun* «кровь», *xjšt* «гнев», и т. п., так и начальный **х** слов арабских — *xaba* «известие», *xajjota* «пряжа», *xob* (из *xärab*) «разрушенный» и т. п., а также и русских (*kalxoz* «колхоз»).

В группе **хт х**, как уже было сказано (см. стр. 55), выпадал. Он удержался лишь в немногих словах: *šaxta* «мороз», в арабском *vaxt* «время» (из *vagt*), а также в группе **хс** — в *raxs* «танец» (из ар. *raqs*).

В общем, по сравнению с новоперсидским, **х** встречается значительно реже вследствие своего (частичного) перехода в **h**.

3. Фонема **h**. Глухой, щелевой, нижефарингальный согласный, сходный по звучанию с англ. **h** в слове *have*. Он, по нашему акустическому впечатлению, не отличается от персидского **h**, так называемого *ha-je häv-väv*. Этим же звуком передается талышами и *ha-je hotti* арабских слов.

В середине слова **h** имеет, повидимому, тенденцию к озвончению, приближаясь акустически к гласному, сопровождаемому почти незаметным шумом. В гласном окружении **h** может даже совсем исчезать, поглощаясь соседними гласными. Так, например, глагол *noe* «класть, ставить» (н. п. *nehadän*) получился, как мы видели, после выпадения интервокального **d** в результате исчезновения **h** и слияния гласных **e** и **o** (< **ä**) в один звук **o**.

В слове *farhad* «призыв на помощь» **h** не является этимологическим, а может быть объяснен лишь физиологически. В этом слове (н. п. *färjad*) **h** настолько озвончился, что сблизился с сонантом **j**, в положении следования за другим сонантом же **r**.

В *ha tahr* «любим способом» (н. п. *här tour*) слог **ah** соответствует дифтонгу **ou** в позиции предшествования сонанту **r**.

В *hamue* «приказывать», *havate* «продавать», как было сказано, мы имеем в **ha** соответствие древнему превербу *fra* (*fra* > *fa* > *ha*).

Интересно соответствие **h—s** в *havz* «зеленый» (н. п. *säbz*). О происхождении **h** из **ж** и **х'** было только что сказано.

Верхнефарингальный глухой **h** и его звонкий корреспондент, так называемый «айн», чуждые иранской исторической фонетической системе, но тем не менее наличествующие в ряде современных иранских языков, как, например, в некоторых говорах татов, в говорах горных таджиков, в курдском и др., совершенно отсутствуют в талышском консонантизме, фонетическая система которого в этом отношении совпадает с персидской.

В арабских словах, содержащих эти звуки, «айн» совсем не передается — *qala* «крепость» (ар. *qa'la*), *tarif* «похвала» (ар. *ta'rif*) или же, будучи заменен своим глухим корреспондентом — верхнефарингальным **h**, произносится талышами как нижефарингальный **h**: *mahni* «песня, стихи» (*ma'ni* > *mahni* > *mahni*).

Переднеязычные дорсальные аффрикаты: звонкая *j* и глухая *č*

1. Фонема *j*. Двухфокусная, переднеязычная, дорсальная аффриката со вторым средним фокусом. Она производит общее впечатление мягкости, но перед *i* произносится твердо: *jilma* «кусок», *jivon* «юноша».

Эта фонема соответствует начальному *j* персидских и арабских слов: *jav* «ячмень», *jo* «место», *jo* «отдельный», *jüe* «жевать», *jüš* «кипение», *johil* «молодой человек», *javob* «ответ», *jazira* «остров» и т. д.

Особой акустической близости с *ž*, которая, вследствие ослабления смычки, наблюдается в некоторых иранских наречиях, как, например, в татских говорах евреев, где северотатскому *ž* соответствует в тех же словах *j* южных говоров¹, или же как в таджикском, где редкий звук *ž* стал заменяться этой аффрикатой, в талышском языке не наблюдается, и *j* всегда сохраняет свое смычное начало.

В историческом отношении следует отметить, диалектно, соответствие начального *j* древнему начальному *j(y)* в слове *jav* «ячмень» (ср. п. *yaw*, ав. *yava*), в *ijo* «здесь» (н. п. *in-ja*) и в *ajo* «там» (пхл. *vyūā*, паз. *yāi*)².

2. Фонема *č*. Глухая двухфокусная дорсальная аффриката со вторым средним фокусом. Так же, как и *j*, производит впечатление мягкости, например, *činie* «срывать», *čai* «его», *čar* «левый», но перед *i* произносится твердо: *činiy* «алчный», *čil* «горох».

Č соответствует начальному *č* как персидских слов (*čand* «сколько», *čin* «серб», *čol* «яма»), так и турецких заимствований (*čatma* «соединенный», *čaxtax* «огниво»), а также русских: *učot* «учет».

В слове *čarči* «глашатай, коробейник» начальный *č* получился из *j* (*jar* «клич»), т. е. в результате оглушения, объясняемого регрессивной ассимиляцией, действием *č* суффикса *-či*.

В *išti* «твой» *č* потеряло свою смычность и перешло в *š* (из *či ti*).

Переднеязычные щелевые

К этим фонемам относятся двухфокусные *ž*, *š* и однофокусные *z*, *s*.

1. Фонема *ž*. Переднеязычный, щелевой, двухфокусный, звонкий согласный со вторым средним фокусом. Произношение в общем мягкое, как и в персидском.

Диалектно палатализация *ž* бывает настолько значительна, что отмечалась нами в записях *ž*.

В исходе после гласных *ž* не теряет своей звонкости: *mlonkuž* «житель сел. Миянку», *dijovūž* «крестьянин».

¹ См. нашу статью «О кубинском говоре татского наречия горских евреев Кавказа», «Зап. Инст. востоковедения АН СССР», т. I, 1932, стр. 271.

² Не находится ли тал. *yad* «чужой, посторонний» в какой-то этимологической связи с н. п. *jadu* «колдун», ср. п. *jātūk*, ав. *yatu*?

Начальный *ž* во многих словах соответствует начальному персидскому *z*: *žen* «женщина» (н. п. *zān*), *žae* «бить» (н. п. *žādān*), *ži* «внизу» (н. п. *zir*), *žie* «жить» (н. п. *zistān*).

Исторически это вполне объяснимо. Этот звук в говорах юго-западного Ирана (фарси, лори) и возникших на их фонетической основе языках таджикском, татском является довольно редким. Весьма вероятно, что значительное количество слов, вошедших в персидский язык и содержащих *ž* и подчас дублирующих его с *z*, — заимствования из языков северо-западного Ирана, бытующих на территории древней Мидии, заимствования, восходящие еще к эпохе древнеперсидского языка. Естественно, что этот звук довольно обычен именно в талышском языке, продолжающем фонетические традиции «мидийских» говоров и расположенном в Азербайджане, т. е. в северной части древней Мидии¹.

Знаком *z* талыши передавали ж русских слов как перед твердыми, так и перед мягкими гласными: *zandarm* «жандарм», *zurnal* «журнал», *inzener* «инженер», *sazin* «сажень». О появлении *ž* на *š* вследствие озвончения последнего см. ниже.

2. Фонема *š*. Это — глухой корреспондент *ž*, такого же образования, но только лишенный голоса.

Как и *ž*, *š* — звук мягкий, в противоположность всегда твердому русскому ш.

Диалектно, палатализация бывает настолько сильна, что отмечалась нами особо (*š̄*).

Однако более твердое произношение *š̄* наблюдается перед *i* и *a*: *š̄j* «роса», *š̄jk* «благодарность», *š̄jma* «вы», *š̄jšte* «мыть», *š̄at* «кривой», *š̄av* «ночь», *š̄ala* «вьюк».

Перед *u* произношение мягкое, что подтверждается дублетными формами: *šu* || *šū* «муж», *šuro* || *šūro* «советы», *šun* || *šūtūn* «бузина».

Весьма интересно озвончение *š* в *ž* в исходе слов после гласных и в положении между гласными, что наблюдается часто в озвончении местоименных приставок 3 л. ед. и мн. числа: *-še* || *-že*, *-šon* || *-žon*. Трудно сказать, является ли такой переход диалектным или же отражает неполную безголосость этой фонемы, особенно выявляющуюся в двух вышеуказанных фонетических положениях. Примеры: *hastāše* || *hastāže* «он оставил», *e-dōše* || *e-dōže* «он покрыл», *rīkīš kārde* || *rīkīž kārde* «он рассердился», *bóftaš* || *bóftaž* «ты ткешь».

3. Переднеязычные однофокусные щелевые: *z* — звонкий, *s* — глухой. Оба звука — фонемы и, по нашему впечатлению, не отличаются от русских *з* и *с*. Перед *a* и *i* звучат твердо; перед другими гласными — более мягко, в зависимости от степени подъема языка и его продвинутости вперед:

za zamī «земля», *zīmhor* «запасы», *zjvon* «язык», *zjmiston* «зима», *zina* «вчера», *zin* «седло», *zu* || *zū* «сила», *zūze* «выть»;

¹ О распространяемости *ž* в говорах северо-западного Ирана см.: W. Lentz. Die nordiranische Elemente in der neupersischen Literatursprache bei Firdusi, «Z. I. I.», IV, 1926.

si «голова», *sard* «холод», *sor* «год», *sjpa* «собака», *sjr e* «смеяться»
si «тридцать», *sie* «сломаться», *sü* «соленый», *sute* || *süte* «гореть».

Z в исходе после гласных не теряет звонкости: *az* «я», *biz* «козел»,
diz «вор», *lüz* «живот».

Сонанты

К сонантам относятся щелевые **j**, **v**, смычно-щелевые **m**, **n**, **r**, **l**.

1. Фонема **j**. Средняяязычный, щелевой, звонкий согласный.

Без инструментальной проверки трудно сказать, является ли этот согласный более сонорным, чем русский **й**, образуется ли при его артикуляции между средней частью языка и нёбом более широкая щель, чем при образовании русского **й**. Повидимому, талышский **j** сходен с персидско-таджикским, вследствие чего при ослаблении артикуляции трудно отличить закрытые слоги **ej**, **ij** от дифтонгов **ei**, **ii**, с которыми они легко смешиваются.

Слов с начальным **j**, повидимому, не особенно много. Мы уже отмечали исторический древний **j** в слове *jav* «ячмень», перешедший позднее в **j**, доказательством чего могут служить обе засвидетельствованные нами в талышском языке формы — *jav* и *jav*.

Примеры начального **j** в талышских (resp. персидских) словах: *jal* «грива» (н. п. *jäl*), *jo* «друг» (н. п. *jar*), *jod* «память» (н. п. *jad*), *jojza* «одиннадцать». Довольно много азербайджанских заимствований с начальным **j**: *jup* «шерсть», *javaš* «медленно», *jataj* «постель», *jazna* «тесть», *joŋgi* «одеяло», *jara* «рана».

2. Фонема **v**. Звонкий корреспондент глухого **f**; щелевой губно-зубной шумный, звонкий, совпадающий с **v** русского языка. Свою губно-зубную артикуляцию он сохраняет во всех фонетических положениях, т. е. не только в начале слова, но и между гласными (*ovala* «оспа») и в исходе после гласных (*ov* «вода»), не теряя в последнем положении своей звонкости, являющейся для него характерным признаком.

Перед глухими согласными **v** также не переходит в **f**: *avšim* «шелк», *ovšim* «луна».

Сохранение этой фонемой своей звонкости позволяет выделить ее из ряда других звонких шумных, как особо сонорный согласный (сонант).

Группы сонантов смычно-щелевых: носовые **m**, **n**, латеральный **l** и вибрирующий **r**.

3. Фонема **m**. По своей артикуляции — губная смычка и одновременно голосовой поток через носовую полость — талышский **m** не отличается от русского, азербайджанского и арабского **m**.

Следует отметить прогрессивное влияние **m** на последующий гласный **a** в глаголах *mände* «оставаться», *märde* «умирать», т. е. на лабиализацию **a** и даже, спорадически, на переход его в открытый **o**: *morde* «умирать», *mordol* «дохлый», *mordov* «болото», *monde* «оставаться».

В слове *im* «этот» **m** регрессивно назализирует иногда предшествующий гласный **i**. Назализация бывает настолько сильна, что это местоимение передавалось нами через **i̇** с указанием полной утраты последующего **m**.

4. Фонема **n**. Переднеязычный носовой согласный со смычно-щелевой артикуляцией (переднеязычная смычка и одновременно поток голоса через носовую полость).

Трудно сказать без инструментального обследования, вполне ли совпадает его артикуляция с артикуляцией русского **n**.

В группе **nd** (*band* «связь», *mande* «оставаться», *hande* «читать», *ondüe* «намазывать») **n** иногда поглощается назализацией предшествующего гласного; степень такой назализации бывает различна: от акустического впечатления настоящего носового гласного и до небольшого лишь оттенка в его произношении с сохранением согласного качества **n**. Такая назализация слышится иногда и в группе **nz**: *jönza* || *joñza* «одинадцать».

Перед заднеязычными и велярными (**g**, **k**, **γ**) **n** приобретает заднеязычный тембр, как в немецких словах *lang*, *Wange*; этот вариант нами обозначался знаком **ŋ**; сами талыши в своем письме его никак не отмечали. Примеры: *vang* «крик», *dang* «безумный», *ling* «нога».

5. Фонема **l**. Звук латеральный, артикуляция которого состоит из язычной смычки и голосового потока через боковую щель, образуемую языком за местом смычки.

Талышский **l** имеет несколько вариантов от твердого, очень близкого к русскому и польскому **l**: *lača karde* «лизать», *lavo* «палка», *lište* «лизать», *liše* «шевелить», *lova* «мольба» и до мягкого германо-романского **l** со средним вариантом, звучащим перед задними гласными близко к английскому **l** в слове *well*. Степень веляризации **l** зависит также от окружения заднеязычными и велярными согласными. Фонематического значения все эти варианты не имеют.

6. Фонема **ɣ**. Смычно-щелевой вибрант, артикуляция которого состоит из чередования смычной и щелевой артикуляции.

Талышский **ɣ** — звук альвеолярный, сходный, по нашему акустическому впечатлению, с русским **р**. Его характерной чертой, интересной для истории языка, является слабость смычной части артикуляции после гласных в исходе, что повело к отпадению **ɣ** в этом положении (примеры были приведены выше, стр. 54), а также в положении между гласными (примеры там же).

7. **R** слоговой. В трех словах мы отметили слогаобразующий **r**: *frsie* «скользить», *krnie* «влечь, тащить» и *krdia mahne* «причитание».

Последнее слово представляет большой интерес для исторической фонетики. Нельзя ли в нем видеть искажение какого-то архаического слова, этимологически связанного с именной основой *hrd*, др. инд. *hrdaya*, ав. *zered*, давшее средне- и новоперсидское *dil* > *del* «сердце»? В таком случае *krdia mahne* значило бы «песнь сердца, жалоба сердца», «причитание», т. е. дожило бы в своем значении от древнейшей эпохи до наших дней.

III. УДАРЕНИЕ

Вследствие краткости талышских слов многие из них в предложении не получают отдельного ударения, и можно говорить лишь о фразовом ударении. Так, например, в предложении *há kas zumánd bo, bezüi ahai* «всякий, кто бывал силен, бессильного поедал» из шести слов получили ударение только три: *ha, zumand, bezüi*; *há kas kú ba ró bǰbu, ávǰro gó bǰbu* «всякий, у кого дело пойдет на лад, у того будет корова» — в этом предложении из девяти слов получили ударение только пять: *ha, ku, ro, avǰro, go* и т. п.

Число ударений в предложении соответствует числу акцентуальных комплексов, на которые оно распадается, а также определяется правилами синтаксиса.

Слово — неодносложное имя, взятое изолированно, представляющее одновременно и основу, не распространенную падежными суффиксами или исполняющими их функции послелогами, — получает всегда ударение на последнем слоге: *hová* «сестра», *čavǰndé* «свекла», *aggǰvín* «мед» и т. п.

Но ударение обязательно переходит с последнего слога слова-основы на суффиксы словоизменения; также переходит оно и на суффиксы словопроизводства¹.

Примеры на суффиксы словопроизводные, образующие имена существительные:

суффикс **-i**, образующий отвлеченные имена: *hovúž* «широкий», *hovúži* «ширина»;

суффиксы **-ati, -ti**, также образующие отвлеченные имена: *zuá* «сын», *zuatí* «усыновление», *badbaxt* «несчастный», *badbaxtatí* «несчастье»;

суффиксы **-iž || -iž, -ij || -uj**: *Irón* «Иран», *ironúj* «иранец», *Azǰrbajjón* «Азербайджан», *azǰrbajjóniž* «азербайджанец»;

суффикс **-li**: *kiná* «девушка», *kináli* «девочка», *bo* «брат», *boili* «братец»;

суффикс **-ki**: *čimǰi* «мой», *čimǰinki* «предмет, мне принадлежащий», *ǰštiǰi* «твой», *ǰštiǰinki* «предмет, тебе принадлежащий»;

суффикс **-son**: *ǰab* «могила», *ǰabsón* «кладбище».

Примеры на суффиксы прилагательных:

суффикс **-mand**: *davlát* «богатство», *davlatmánd* «богатый»;

суффикс **-in**: *gard* «пыль», *gardín* «пыльный»;

суффикс **-i** (отношения): *ǰám* «печаль», *ǰámín* «опечаленный»;

суффикс **-o**: *dínj* «покой», *dínjó* «спокойный»;

суффикс **-nok**: *ǰazáb* «гнев», *ǰazabnók* «гневный»;

суффикс **-li || -lü**: *bafó* «верность», *bafolú* «верный»;

суффикс **-minǰi**: *se* «три», *semǰinǰi* «третий».

Всегда принимает ударение показатель множественности имен **-on**: *rúž* «день», *rúžón* «дни», *asp* «лошадь», *aspón* «лошади».

¹ Нижеприводимые суффиксы словопроизводства подробно изложены в главе о словопроизводстве (см. стр. 96).

Из падежных флексий всегда падает ударение на **-i**, образующий ряд падежей; он же — детерминативный суффикс (см. стр. 77).

Не принимают ударения:

1. Глагольные личные окончания как в положительной, так и в отрицательной форме: **-im, -iš, -e, -imon, -ion, -in** и **-nim, -niš, -ni, -nimon, -nion, -nin**, совпадающие с сокращенными формами *verbi substantivi*.

2. Связочная частица (связка) **-e** в прошедших временах в претерите и перфекте, образуемых от причастия прошедшего времени как в его первоначальной, так и расширенной суффиксом **-a** форме: *kárd-e* «он сделал», *várd-e* «он принес», *hítá-e* «он заснул», *batá-e* «он заплакал».

3. Все спрягаемые формы глагола *be* «быть, стать», служащего вспомогательным глаголом при образовании описательных времен: *čimj tjlá gím ba* «мой нож пропал», *Ibrahimi gatáš be* «Ибрагим поймал».

4. Глагольные окончания длительного настоящего времени: **-dam, -daš, -da, -damon, -daon, -dan**, образуемые из послелога **-da** и личных глагольных окончаний: *votédam* «я говорю», *kardédaš || kárdaš* «ты делаешь», *zjndamon || zinédamon* «мы знаем».

5. Послелоги, используемые для выражения падежных отношений: **-ku, -sa, -ada, -ro**:

-ku: *kattó-ku* «к старшине»;

-sa: *otáši-sa* «на огне»;

-ada: *djǰó-ada* «в море»;

-ro: *bóvot ba mǰ-ro glai sǰxan* «скажи мне слово», *mǰ tǰ-ro paúše* «я страстно к тебе стремлюсь».

6. Предлоги, используемые для выражения падежных отношений, **čj, ba, bo, dj, ba sa**:

čj: *čj pǰá* «от отца»;

dj: *dj dasí* «рукою»;

ba: *ba hová* «сестре»;

bo: *bo mǰví* «из-за утки, за уткой»;

ba sa: *ba sa rói-sa* «на дороге».

7. Две падежные флексии — **-o** и **-a**: флексия **-o** выражает в основном отложительный падеж: *čj káo* «из дома»; флексия **-a** выражает звательный падеж: *mérda!* «о, человек!»

8. Суффикс **-a**, присоединяемый к именам прилагательным, предшествующим именам существительным в качестве их определения: *rúk-a das* «малая рука», *hávoz-a rang* «зеленый цвет», *pí-a žen* «старая женщина», *nǰ-a jǰvon* «молодой человек».

9. Местоименные энклитики во всех выражаемых ими функциях:

а) показателей эргативности: *šaitún-iš vinde* «он увидел сатану»¹, *avón-iš kište* «их он убил», *hamá-šon barde* «все они унесли»;

б) выражения косвенных падежей личных местоимений: *hárči-mon hes-be* «все, что у нас было» (падеж принадлежности), *šma čó-m kišta Adigozǎli?* «вы зачем убили мне Адыгюзеля?»;

¹ Из анекдота.

в) выражения (крайне редко) possessивности: *Šaverán-mon ša* «наш Шаверан ушел».

В многочисленных *composita*, именах существительных и прилагательных обычно можно различить два ударения — главное и второстепенное. Второстепенное падает на первый компонент (или его последний слог, если он неодносложный), а главное — на конечный слог второго компонента, по общему правилу ударения имен. Приведем несколько примеров:

1. Сложения детерминативные. Оба компонента — имена существительные: *kàì-bá* «дверь дома, дверь» (букв. «дома дверь»), *divòp-xaná* «судебный зал»; первый компонент — имя числительное, второй — имя существительное: *hòft-bánd* «свирель» (букв. «семь колен, из семи частей»); первый компонент — имя прилагательное, второй — глагольная основа: *bàd-vóž* «плохо говорящий, клеветник».

2. Сложения атрибутивные: *šàt-a pèšt* «горбатый». В этом примере второстепенное ударение не может перейти на суффикс *-a*, соединяющий обе части сложения энклитически, и остается на *šat*.

В некоторых *composita* обе части сложения настолько сократились и слились в одно слово, что различить их семантически уже не представляется возможным, почему они имеют только одно ударение на конце слова: *kattó* «староста» (из *ka(t) + xido*).

В отдельных случаях ударение в талышском языке имеет и грамматическое значение. Так, например, в некоторых глаголах только ударение дифференцирует формы 1 л. мн. ч. будущего первого от 1 л. мн. ч. настоящего времени сослагательного наклонения или формы императива во 2 л. ед. и мн. ч. от 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени сослагательного наклонения. Примеры см. ниже, в разделе «Глагол».

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС

1. ИМЕНА

Как и в других иранских языках, в талышском четко разграничиваются две основные морфологические категории — имя и глагол, почему имеется достаточно оснований излагать основную часть морфологии по этим двум главным разделам.

Талышские имена в результате разложения и потери флексий утратили грамматический род, так же как и некоторые другие из иранских языков, вроде новоперсидского, таджикского и татского, наиболее продвинувшиеся в своей эволюции¹.

Талышский язык знает грамматическую категорию числа (единственное и множественное) и, частично, падежа.

Имя существительное

В общей массе имен главное место, естественно, занимает имя существительное.

Признаки, позволяющие достаточно четко отграничить его от других имен, и прежде всего от имен прилагательных, как отдельную часть речи, следующие:

1. Только имя существительное может принимать показатель множественности **-оп**. Имена прилагательные и некоторые категории местоимений, принимая показатель **-оп**, субстантивируются, т. е. переходят в семантическую категорию имен существительных.

2. Только имя существительное, выступая в функции определения последующего имени, принимает ударный суффикс **-i**, ставящий его в положение родительного падежа, в широком смысле этого термина.

3. Лишь имя существительное, естественно, знает категорию единичности или неопределенности предмета и для выражения ее или предваряется словом *igla*, *gla(i)*, состоящим из имени числительного

¹ Как известно, очень многие из современных иранских наречий до настоящего времени сохраняют либо полностью различение родов мужского и женского, либо те или иные пережитки их в морфологии, синтаксисе и лексике. См. нашу статью 1935 года.

«один» (*i(g)*) и частицы *la*, или же, реже, может получать неударный суффикс *-i*.

4. Только имя существительное, естественно, для выражения определенности предмета может предваряться указательными местоимениями (*jt*, *i* «этот» и *a* «тот»).

5. Только имена существительные, включая в эту категорию личные местоимения и субстантивированные прилагательные, имеют самостоятельное склонение.

6. Только имена существительные, включая две вышеуказанные категории имен, могут выступать в положении субъекта и объекта, прямого и косвенного.

7. Морфологическое оформление многих категорий имен существительных отличается по сравнению с именами прилагательными богатством и разнообразием, что помогает в талышской лексике четкому разграничению этих двух частей речи.

8. Взятое отдельно имя существительное, даже морфологически оформленное, может само по себе означать как единичный предмет, так и категорию, как предмет определенный, так и неопределенный, как известный, так и неизвестный, и для уточнения его в указанных отношениях талышский язык располагает суффиксальными средствами и синтаксическими способами.

Имя прилагательное

Имена прилагательные не имеют, как и имена существительные, грамматического рода; кроме того, они не знают категорий падежа и числа. Они всегда выступают в одной неизменяемой форме, не согласуясь с определяемым именем ни в числе, ни в падеже. Самостоятельного склонения они не имеют, объединяются с определяемым именем и следуют его склонению.

Имена прилагательные всегда предшествуют определяемому имени, в противоположность новоперсидскому языку.

Определяя имя существительное, имена прилагательные присоединяют к себе гласную энклитическую частицу *-a*¹.

Таковую же энклитику может получить и имя существительное, когда оно, выступая в функции определения, адъективируется, т. е. семантически в большей степени выявляет категорию качества, чем предметности.

Синтаксически имя прилагательное в талышском языке, как второстепенная часть речи, тесно объединенная с определяемым именем существительным и его дополняющая и уточняющая, играет лишь второстепенную роль; его единственной самостоятельной функцией является только функция предикативная в именных предложениях, использующих глагольную связку.

¹ Как и в татском языке. См.: В. С. Миллер. Татские этюды, ч. II, М., 1907; его же. Очерк морфологии еврейско-татского наречия, § 66, М., 1901.

Морфологическое оформление прилагательных значительно беднее, чем имен существительных.

Многие имена прилагательные легко субстантивируются, тогда как имена существительные адъективируются лишь в сравнительно немногочисленных случаях.

Для выражения большей степени качества или признака одного предмета по сравнению с другим (степеней сравнения) имена прилагательные, выражающие такие качества или признаки, уже не знают специальных суффиксов, наподобие новоперсидского языка (-*tār*, -*tārin*) и применяют лишь описательные способы. Их три:

1) перед именем, выражающим предмет, служащий для сравнения, ставится сложный предлог *ba sa* и после него — опять *sa*, уже послеложно: *ba sa katto sa hič ayılmánda odam azinin* «они не знали никакого более умного человека, чем староста» (*katto* «староста»);

2) предмет, служащий для сравнения, сопровождается послелогом *-ku*: *čimj bo čj mġ-ku jóle* «мой брат больше, чем я»;

3) или же он сопровождается послелогом *-ada*, выражающим отложительный падеж; *jm sef a séf-ada šine* «это яблоко слаще того яблока» (*sef* «яблоко»).

Для выражения превосходной степени, высшей степени какого-нибудь признака или качества, применяется только описательный способ — постановка перед прилагательным наречий *ve* «много» или *xaili* «очень много».

Показатель множественности имен -он

Это — единственный показатель множественного числа имен в талышском языке. Он обслуживает имена существительные всех категорий, выражающие предметы как одушевленные, так и неодушевленные, имена лиц и предметов как органической природы, так и неорганической, понятия как конкретные, так и абстрактные.

Единое грамматическое оформление во множественном числе предметов всех категорий показывает, как далеко продвинулся талышский язык по пути от конкретного к абстрактному в выражении общего понятия множественности. Вместе с тем, это морфологическое упрощение и нивелировка немало способствовали, как мы увидим, усилению агглютинативной тенденции в системе талышского склонения.

Показатель множественности имен **-он** присоединяется к неоформленному имени-основе без сколько-нибудь значительных фонетических изменений в исходе имени.

-Он присоединяется к именам, обозначающим:

1) названия людей: *odam* «человек», мн. *odamon*; *žen* «жена, женщина», мн. *ženon*; *kas* «человек», мн. *kason*; *vazir* «везир», мн. *vaziron*; *xġz* «родственник», мн. *xġzon*; *ayġl* «ребенок», мн. *ayġlon*;

2) названия частей тела: *dās* «рука», мн. *dāson*, *liŋg* «нога», мн. *liŋgon*; *čaš* «глаз», мн. *čašon*; *liŋ* «губа», мн. *liŋon*; *dandon* «зуб», мн. *dandonon*;

3) названия животных и растений: *asp* «лошадь», мн. *aspon; kafti* «голубь», мн. *kaftjon; mor* «змея», мн. *moron; vijl* «цветок», мн. *vijlon; viz* «орех», мн. *vizon; akin* «посев», мн. *akinon*;

4) названия предметов неодушевленных, конкретно-вещественной семантики: *dom* «сеть», мн. *domon; tifang* «ружье», мн. *tifangon; olat* «одежда», мн. *olaton*.

5. **-on** присоединяется к именам абстрактным, выражающим отвлеченные понятия: *dard* «боль», мн. *dardon; vaxt* «время», мн. *vaxton; id* «праздник», мн. *idon; ijlas* «заседание», мн. *ijlason; mirod* «желание», мн. *mirodon*.

Слова с исходом на **a** обычно отбрасывают этот гласный перед присоединением **-on**, который, таким образом, присоединяется к предшествующему согласному или гласному: *kina* «девушка», мн. *kinon; zoa* «сын», мн. *zoon; tava* «топор», мн. *tavon; kaiba* «дверь», мн. *kaibon; boa* «брат», мн. *boon; moa* «мать», мн. *moon*.

Слова односложные с исходом на **a** этот конечный звук удерживают: *ka* «дом», мн. *kaon; sa* «голова», мн. *saon*.

Слова с исходом на **o** обычно сливают этот гласный с **o** показателя множественности в один долгий звук: *ro* «дорога», мн. *rōn; ko* «дело», мн. *kōn; kano* «край», мн. *kanōn*.

Mo «мать» и *nū* «юноша, молодой» образуют также формы множественного числа: *moajon* и *nūajon*. В *moajon* восстанавливается более полная форма этого слова *moa*.

Субстантивированные имена прилагательные, естественно, принимают тот же показатель множественности **-on**: *faʔir* «бедняк», мн. *faʔiron; pi* «старик», мн. *pion*.

Талышский показатель множественности **-on** соответствует новоперсидскому **-an** и возводится исторически к древнему родительному падежу множественного числа основ на **a** — *ānām*, а доисторически — к общему косвенному падежу активных коллективов¹. Эта его древняя функция вполне отчетливо выражается в талышском языке в том, что имя существительное во множественном числе является всегда определенным, детерминированным, имеющим одновременно форму косвенного падежа, т. е. падежа активного; суффикс **-on** придает именам существительным во множественном числе такую же определенность, как суффикс **-i** имени в единственном числе; поэтому в переживаемых в языке эргативных построениях к именам, выражающим субъект действия и поставленным во множественном числе, никогда не может быть, как мы увидим далее, присоединен еще, как излишний, суффикс **-i**, детерминирующий имена и активизирующий их в единственном числе в их функции выражения субъектов.

Всевозможные отношения имен между собою выражаются в талышском языке двумя способами: посредством весьма развитой системы послелогов и предлогов и их комбинирования и одновременно посред-

¹ См. нашу статью «О показателе множественности **-an** в иранских языках».

ством использования некоторых сохранившихся от флективной эпохи падежей.

Ниже мы даем систематический обзор послелогов и предлогов. Его мы предваряем изложением использования в склонении в современном состоянии языка двух исторических падежей, которыми мы считаем суффиксальный гласный элемент *-i* и флексию *-o*.

Этимологию элемента *-i* мы даем в историческом освещении. Элемент *-o* находит свое историческое освещение в древней падежной флексии отложительного падежа *-āt*, наличной в авестийском языке.

Третий исторический падеж в талышском языке — *-a*, — несомненно, звательный падеж древних иранских языков, но, разумеется, падежом в современном понимании этого термина он не является.

Падежная флексия *-o*

Этот безударный гласный элемент *-o* имеет основную функцию выражения отложительно-исходного падежа и восходит к древнему аблативу основ на *-a*, *-āt*.

Кроме того, он кумулирует и ряд других падежных функций, а также используется для образования наречий.

1. Самостоятельно суффикс *-o* выражает прежде всего направление от предмета, отделение от него: *bīda be-šū čimj torpa;o* «пусть он выйдет из моей страны» (*torpa;* «страна»), *čarā-o dast maka* «от забора (*čara* «забор») рук не отнимай», *ovšjm sa ža bandi tón-o* «луна взошла из-за горы» (букв. «со стороны горы»; *ton* «сторона»), *glai ašbo ome čimj tón-o* «всадник подъехал ко мне сбоку» (букв. «с моей стороны»; *ton* «сторона»), *haši e-ma vjrá-o* «от места, с которого (откуда) заходит солнце» (*vjra* «место»), *osmon-o omai gita gūšova* «с неба (*osmon* «небо») упала пара серег»¹.

Гораздо чаще для выражения отложительного падежа требуется еще дополнительный предлог *čj* «из, от»: *oméda be čj nečj-o* «он возвращался с охоты» (*nečj* «охота»), *be-še čj ká-o* «он вышел из дому» (*ka* «дом»), *oméda be čj kú-jo* «он шел с горы» (*ku* «гора»), *kināž be kpnie čj kup-o* «девушку он вытащил из котла» (*kup* «котел»), *γaraγušj omai čj zamín-o* «орел поднялся с земли» (*zamin* «земля»), *čj nio ba virá-o aište* «он поднялся с места, где был скрыт» (*vira* «место»), *čj čod-o (<čodj-o) gūšdiš be-varde* «из шатра он вытащил мясо» (*čodj* «шатер»), *be-ši čj nio (<njá-o)* «вылезай из кувшина» (*nia* «кувшин»), *e-gjnie čj gú-o* «он упал с быка» (*gu* «бык»), *čj vjžór-o* «с базара» (*vjžor* «базар»).

2. В присоединении к слову *ton* «сторона» суффикс *-o*, в зависимости от семантики глагола, может выражать и обратное направление — именно «к предмету»: *še če avi tón-o* «он пошел в направлении к нему», *še pia ženi tón-o* «он пошел к старухе».

¹ Из «до-бейти» (народной песенки).

3. В комбинации с предлогами *ba* || *bi* и *bo* суффикс **-o** получает значение «для», «ради», «из-за» и выражает причину, а также и цель действия: *ba pía ženón-o* «для старух», *ba pía zení-o* «для старухи», *bardíše ba muzéj-o* «он увез для музея», *navet ba zuá-jo* «я стал искать сына» (букв. «ходить из-за сына»), *bo anjmi-o* «из-за (для, ради) госпожи», *bo aj-o* «для него», *bo tǫn-o* «для тебя», *gazabnik be bo tǫn-o* «он рассердился на меня» (букв. «из-за меня»), *bo dalloki-o* «из-за цирюльника», *bo-šta hamró-jo* «для своего товарища, спутника», *ío bo tǫn-o mālija ní babe* «здесь для тебя не будет исцеления», *bo-šta čaši-o hič mālija ni* «для его глаз нет никакого лекарства», *dom e-γanda bin bi mójo* «они забросили сеть для рыб» («из-за рыб, чтобы наловить рыб»).

Присоединяясь к глагольному имени (масдару), **-o** выражает супин: *i-lā rük(ü) be-šéjo* «чтобы перейти речку».

Имеются примеры выражения суффиксом **-o** причины или цели действия самостоятельно и без предлогов *bo* или *ba* || *bi*: *jo kasí-o* «для (из-за) другого человека», *išti zuá-jo* «ради твоего сына».

Как показывают приведенные выше примеры — *dom e-γanda bin bi mójo* и др., — при выражении направленности действия к какому-нибудь предмету, целеустремленности имя получает косвенную форму с суффиксом **-i**. Между тем, при выражении аблатива оно сохраняет свою прямую форму: *čǫ γábr-o* «из могилы», *čǫ vǫžór-o* «с базара», *čǫ njá-o* «из кувшина».

4. Суффикс **-o** как самостоятельно, так и в сочетании с предлогом образует многочисленные наречия: *dúm-o* «вслед за», *tón-o* «сбоку, со стороны», *ži tón-o* «снизу», *čájo* «оттуда», *čt hama tón-o* «со всех сторон, отовсюду», *čǫ pí-o (pé-o)* «сверху», *čǫ péš-o* «сзади», *čǫ vá-o* «спереди», *ará-o* (без *čǫ*) «тем временем» (другие примеры см. стр. 133).

Особый интерес представляет фраза: *čǫ moám-o bat* «я родился» (букв. «от матери своей я сделался»), где суффикс **-o**, некогда падежная флексия, уже является настоящим, агглютинативного типа послелогом, присоединяемым к имени, оформленному местоименной притяжательной энклитикой.

Таким образом, суффикс аблативного падежа **-o** — древнее **-at**, непосредственно примыкавший к основе в эпоху флективного склонения, но сам до того бывший некогда предлогом, снова восстановил свой дофлективный характер отдельной служебной частицы, что, быть может, в данном случае следует объяснить влиянием столь развитых в талышском языке послеложных падежных конструкций.

В этой же связи приведем еще два примера, указывающие на ту же агглютинативную тенденцию: *išta kādai* «из своего дома»; здесь суффикс **-i** присоединен к имени *ka* «дом», стоящему в аблативе, и, таким образом, отделен от него послелогом **-ada**. В другом примере *bóγ-ada-m* «в моем саду» энклитический местоименный притяжательный суффикс **-m** присоединен к имени, поставленному в локативе (тот же послелог **-ada**, но в другой падежной функции).

Функции примененного ударного суффикса -i в талышском языке

1. Суффикс -i служит для установления определительной связи двух имен существительных.

Присоединяясь к имени существительному, суффикс -i ставит его в родительном падеже в широком смысле.

Родительный принадлежности: *doi baš* «верхушка дерева» (*do* «дерево»), *kaí ba* «дверь дома» (*ka* «дом»).

Родительный отношения: *šaharí potšo* «царь страны» (*šahar* «страна»), *vizí yailá* «ореховое варенье» (*viz* «орех»).

Как мы видим, в этой функции суффикс -i имеет основную семантику детерминирования.

2. В эргативном построении суффикс -i выражает эргативный падеж: *a merdí vote* «тот человек сказал» (*merd* «человек»), *i kasí glai xol gate* «один человек схватил сук» (*kas* «человек»).

В этой функции эргативного падежа суффикс -i, имея общую семантику указания на предмет (субъект действия), его вместе с тем активизирует.

3. Суффикс -i имеет, как мы видели, очень большое использование в талышской падежной системе и в том отношении, что он выражает косвенный падеж в широком смысле слова. Форму на -i принимают вообще все склоняемые имена; она лежит в основе почти всех дальнейших способов выражения падежных отношений, использующих как предлоги, так и послелогов, а также комбинирование тех и других. Используемые предлоги, как мы видели, следующие: *šj* «на, от», который служит для выражения падежей отложительно-исходных; *ba || b_i, bo*, служащий для выражения падежей направительно-дательных; *dj, (de, da)*, выражающий совместность, а также инструментальность в узком, конкретном значении этого слова и передающий падежи соответствующей категории.

Все эти три категории падежей выражают как локативные отношения разных видов, так и отношения объектные:

Дательный общий: *dóše ba hambolí* «он дал носильщику» (*hambol* «носильщик»).

Направительный места: *še ba sa kuí* «он пошел на гору» (*ku* «гора»).

Направительный объекта: *žta dábas bašta m_ijoní* «привяжи веревку к своей пояснице» (*m_ijon* «поясница, талия»).

Направительный времени (терминатив): *ba šaví ísaat mondá* «до ночи оставался час» (*šav* «ночь»).

Направительный лица: *ba im kasí da èikain* «они уцепились за этого человека» (*kas* «человек»).

Дательный дополняющий (в пользу, во вред): *še ba di bo nemekí* «он пошел в деревню за солью» (*nemek* «соль»).

Падеж исходно-отложительный: *xaba gate ča merdí* «он спросил у того человека» (*merd* «человек»).

Падеж совместный, сопровождения: *dj pasí* «с овцой» (*pas* «овца»).

Падеж инструментальный: *dj sǰxanǐ* «словами» (*sǰxan* «слово»).

Во всех этих косвенных падежах суффикс **-i** имеет функцию вывода предмета из состояния инерции и в основном ту же активную семантику, что и в частном случае эргатива.

Используемые в падежной системе послелого следующие: *-ku*, *-sa*, *-ro*, *-dǐl*, *-bǐn*, *-ton*, *-ada*. Только последний послелог *-ada* является по своему происхождению настоящим предлогом, использованным послеложно. Все же остальные — именного происхождения: *ku* «место», *sa* «голова, начало, конец», *dǐl* «внутренность, сердце», *bǐn* «основа, дно», *ton* «сторона». Все они, кроме *-ada*, требуют постановки склоняемого имени в косвенной форме на **-i**. Здесь мы, следовательно, имеем уже упомянутый выше случай выражения этим суффиксом определительной связи двух имен. Послелог *-ro* употребляется сравнительно очень редко. Послелого *-ku* и *-sa* в настоящее время самые употребительные и воспринимаются уже только как падежные окончания. Послелого *-dǐl*, *-bǐn* и *-ton* — еще полноценные имена существительные, часто входят в сочетания с другими послелогам и могут быть выделены особо как описательные способы выражения падежных отношений.

Падеж направления: *omai ženi-ku* «он пришел к жене» (*žen* «жена»).

Падеж отложительный: *ženi-ku-ž xaba gate* «он спросил у жены», *az vitim kaǐ-ku* «я побежал из дому» (*ka* «дом»), *goǐ-sa e-gǐnie* «он упал с быка» (*go* «бык»).

Падеж направительный: *beši moǐ havatǐ tonǐ-ku* «ступай к продавцу рыбы» (*moǐ havat* «продавец рыбы») ¹.

О детерминирующей семантике суффикса **-i** в этой функции уже было сказано.

4. В предложениях номинативных суффикс **-i** характеризует прямое дополнение и выражает, следовательно, аккузатив. Как аккузатив, он противопоставляется номинативу, в котором стоит грамматическое подлежащее: *mǔžǐ ažanin* «они убивали муху» (*mǔž* «муха»), *damánde lǐšte xǐmbǐ* «он начал лизать кувшин» (*xǐmb* «кувшин»).

Семантика суффикса **-i** в данной функции выражения прямого дополнения — указательная. Суффикс **-i** выделяет данный предмет уже как объект действия и указывает вместе с тем направление самого действия.

Как выясняется из сделанного обзора функций суффикса **-i**, его первоначальная семантика, повидимому, та, которая выражается косвенной формой имени, лежащей в основе всего склонения. Эта косвенная форма имени и есть тот косвенный падеж (*casus obliquus*), основная функция которого сводилась к выведению предмета из состояния прямого, инертного, пассивного в состояние косвенное, активное. Семантика этого косвенного падежа — активная. Частным случаем этого общего активного, косвенного падежа является падеж эргативный, падеж активного деятеля.

¹ Другие многочисленные примеры на использование предлогов, послелогов и их сочетаний см. в очерке падежной системы.

Наряду с этой основной семантикой активизации предмета констатируется и семантика дополнительная, в нее логически включаемая, именно — семантика детерминирования предмета, указания на него. Эта семантика лежит в основе двух последующих падежей, принадлежащих уже к эпохе номинативного строя предложения: падежа родительного — падежа дополнения приименного; винительного падежа — падежа дополнения прямого.

Указательная и детерминирующая семантика суффикса *-i* подтверждается исторически его этимологией. Он, несомненно, восходит, уже в историческую эпоху, к древнеперсидскому указательному местоимению *hya*, переживанием которого является изафет *ē, ī, i* средне- и новоперсидского языка¹.

Послелог и предлог в их падежном использовании

1. ПОСЛЕЛОГИ

Послелог в талышском языке играют не меньшую, если не большую роль, чем предлоги для выражения отношений имен.

Главные послелогии: *-ku, -ada, -sa, -ro*; кроме того, используются дополнительно, как составные части сложных послелогов *-ton, -ži, -pe*.

Настоящим послелогом можно считать только *-ada*, восходящий к древнему *antar*.

Исторически к древнему послелогу || предлогу можно возвести послелог *-pe*, но в данном состоянии языка он является именем — «верх».

Все перечисленные послелогии, кроме *-ada*, имеют, как уже было сказано, именное происхождение, что выявляется синтаксически в постановке имени в косвенном падеже.

Полноценными именами являются и теперь послелогии:

-sa «голова, начало, конец» (н. п. *sār*);

-dīl «сердце, внутренность» (как и современное персидское *del*);

-ton «сторона» — слово талышское, отсутствующее в новоперсидском;

-ži «низ», как наречие «снизу», «внизу» (н. п. *zīr*);

-pe «верх, вверх, сверху». Его возможная историческая этимология ав. *pati*; ср. др. п. *patiy, uzmauapatiy* «над землей находящийся, на столбе (висящий)», *uzmauapatiy akunavam* «я (его) распял».

Этимология *-ro* известна. Др. п. *rādīy*, ср. п. *rāy*, н. п. *ra*. В талышском *-ro* используется, как в среднеперсидском, для передачи значений «ради», «из-за», но не для выражения объектных падежей, как в новоперсидском (дательного и винительного);

-ku, ср. п. и н. п. *ku* «где?»; в новоперсидском — также в значении «места, обители, улицы» (ср. *kučā* «переулок»);

¹ Подробнее см. в нашей статье «О суффиксе *-i* имен существительных в талышском языке», «Язык и мышление», т. XI, стр. 239—246.

-dijl и *-ton* никогда не используются отдельно, а всегда лишь в комбинации с послелогом *-ada* и *-ku*.

Послелог *-ku*

Этот послелог, в соответствии со своей именной семантикой «место», выражает ряд падежных локативных отношений:

1. Нахождение где-либо, у какого-либо предмета, около или близ него, или при нем, а в переносном смысле может выражать принадлежность предмета кому-либо: *lampá-ku hese palita* «у лампы есть фитиль», *podšohí-ku hese ve ʔošun* «у царя много войска», *čimj boí-ku hese saat* «у моего брата есть часы», *gu čarde alafí-ku* «корова паслась на траве», *kaí-ku* «дома», *samá-ku* «в саманнике», *njštím víza do bjní-ku* «я сел у подножья орехового дерева», *í kat-ku babamem*, *í kat-ku basjrem* «в одном доме я поплачу, в другом доме посмеюсь».

2. Направление к лицу, предмету: *omai kattó-ku* «он пришел к старосте», *omai žení-ku* «он пришел к жене», *jštj bobó-ku* «к твоему отцу», *pía žen-jš dóše varde jštá-ku* «старуху он приказал привести к себе», *az ša bím hanumí-ku* «я ходил к госпоже», *vang kárdjše jšta šüá-ku* «она крикнула своему мужу», *še podšo kndá-ku* «он пошел к царской дочери», *o-garde čodón-ku* «он возвратился к шатрам».

3. Направление от лица, предмета, отделение от чего-либо: *húkmjš sa kattó-ku* «он взял приказ от старосты», *vítim kaí-ku* «я бежал из дому», *aʔzjžlon pía merdí-ku basem* «эти червонцы у старика (от старика) я возьму», *njznaše sē putí-ku* «он не смог отнять у орла», *pul ʔarz kárdjme arbubí-ku* «я занял деньги у помещика», *iznjš sáe jšta moá-ku* «он взял разрешение у своей матери», *xabam gate Orují-ku* «я спросил у Оруджа», *jo be i-an-dí-ku* «они отделились друг от друга», *čimj bijorí-ku* «с моего поля», *zua ta kárde čimj žení-ku* «сын рассердился из-за моей жены», *jštj bobó-ku bo tj manda* «от твоего отца тебе осталось», *čimj peští-ku* «за моей спиной».

Как видно из этих примеров, послелог *-ku* имеет общее значение «места», и его широкая падежная семантика, включающая и нахождение предмета на месте, т. е. падеж локативный, местный (на вопрос «где?»), и направление к предмету, т. е. падеж направительный (на вопрос «куда?») и, наконец, направление от предмета, отход, отделение от него, т. е. падеж отложительный, исходный (на вопрос «откуда?»), определяется в значительной степени семантикой глагольного сказуемого и контекстом.

Имя, к которому присоединяется этот послелог, всегда получает детерминативный суффикс *-i*. В данном случае этот суффикс выражает родительный падеж, в котором ставилось определяющее имя, когда послелог *-ku* имел еще значение полноценного имени «место» и являлся определяемым именем, а не служебной частицей, как в настоящее время: *vítim kaí-ku* «я бежал из дома» значило буквально «от дома места», *omai žení-ku* «он пришел к жене» значило «к жены месту» и т. п.

Ввиду широкого значения послелого *-ku* в падежном использовании он входит — для большего уточнения того падежного отношения, которое он должен выразить, — в сочетании с предлогами *ba* и *čj* и с послелогом именного происхождения *-ton* «сторона».

Комбинирование предлога *čj* и послелого *-ku*. Примеры: *čj šüá-ku* «от мужа», *čj mordón-ku* «от мертвецов», *čj moi šarrí-ku* «от бедствия, причиняемого рыбами», *az rozí-jim č-jšta boí-ku* «я доволен своим братом» (букв. «от своего брата»; в персидском языке требуется тот же предлог *áz* «из»), *av be-še č-jšta kaí-ku* «он вышел из своего дома», *hukumati č-amá-ku-š nalok pie* «правительство от нас потребовало налог», *tj č-amá-ku dizi azíniš karde* «ты у нас (букв. «от нас») кражи не сможешь сделать», *tjini č-avón-ku roxnime* «я тебя от них спас».

Добавочное использование предлога отделения *čj* с послелогом *-ku* уточняет отделение от предмета, отдаление от него.

Комбинирование предлога *ba* и послелого *-ku*. Примеры:

1) *ba mj-ku* «у меня», *ba šjmá-ku* «у вас», *báiku (b-ai-ku) hese pul* «у него есть деньги», *ba má-ku (ba-ama-ku) adate* «у нас есть обычай», *hič aib ba tj-ku ni* «никакого порока у тебя нет». В этих примерах уточняется нахождение у предмета, при предмете;

2) *šim ba yja kaí-ku* «я пошел в горы домой», *sado karde ba noxa-šini-ku* «он крикнул больному», *lavo bia ba mó-ku* «палку принеси мне», *büam ba tj-ku* «я принесу тебе». В этих примерах уточняется направление к предмету;

3) *baikum (ba-ai-ku-m) xabai gate* «у него я спросил». В этом примере выражается, в виде исключения, направление от предмета, и предлог *ba*, в сущности, является излишним, поскольку в совершенно одинаковом с вышеприведенным предложении *xabam gate Oruji-ku* «я спросил у Оруджа» один лишь послелог *-ku* и семантика глагола выражают направленность от предмета.

Комбинирование послелогов *-ton* и *-ku*. Пример: *njštím gala toní-ku* «я сел около стада». Здесь предлог «около» выражен двумя словами: «место» и «сторона».

Комбинирование предлога *či* и сложного послелого *toní-ku*. Примеры: *še čj pasí toní-ku* «он пошел к овце» (в ее сторону), *še čai (č-ai) toní-ku* «он пошел к нему» (в его сторону), *čavon (č-avon) toní-ku* «к ним, при них, у их стороны».

Комбинирование именного послелого *-pahli* «бок» и послелого *-ku*. Пример: *malül-i maškul mandin pahli-ku* «опечаленные остались они при ней».

Послелог *-ada*

Этот послелог является настоящей служебной частицей, а не именем существительным, используемым послеложно. Это выявляется синтаксически в том, что имя, к которому присоединяется *-ada*, не получает детерминативного показателя *-i*, который, как мы видели, в данном

использовании имеет функцию выражения определительной связи двух имен. Здесь же мы имеем лишь одно имя, к которому присоединен настоящий послелог *-ada*, выполняющий функцию выражения нескольких падежных отношений.

Послелог *-ada* (диалектно *-anda*) подобно послелогу *-ku* выражает главным образом отношения локативные.

1. Нахождение где-либо, в чем-либо, на чем-либо, у чего-либо, внутри чего-либо, перед кем-либо или чем-либо и, переносно, нахождение во времени: *dijó-ada* «в море», *bóγ-ada* «в саду», *višáda* (< *viša-ada*) «в лесу», *káda* (< *ka-ada*) «в доме», *čai kúl-ada* «на его спине», *kui sáda* (< *sa-ada*) «на вершине горы», *xímb-ada* «в кувшине», *atvón-ada* «на террасе», *nište majlisi mijón-ada* «он сел посреди собрания», *áv-iž hašte hí-ada* «он его оставил на лугу», *noázon čj merdi vāda* (< *va-ada*) «они положили перед человеком», *lena dave vjráda* «на месте, где режут тростник», *póz-ada* «осенью», *bj vāxt-ada* «в это время», *tokí-ada* «в темноте».

В переносном значении *-ada*, образуя форму деепричастия, выражает одновременность двух действий или состояний: *čjmj ší-ada* «при моем уходе, во время моего ухода», *ba ka ší-ada* «во время ухода домой, идя домой». Об этой форме выражения герундия см. стр. 188.

2. Направление от предмета, отделение, выделение из ряда предметов, в общем со значением отложительного, исходного падежа: *čól-ada* «из колодца», *i gla séf-ada* «из (от) одного яблока», *išta káša bjn-ada* «из (под) (своей) подмышки», *šta molon o-bakam arábada* «своих быков я отпрягу от арбы», *netek bíá dí-ada* «соль принеси из деревни», *mjníš pe kárde léf-ada* «меня он поднял с постели», *kaštj bjgatj du-ada* «чтобы голубя ухватить с дерева», *kačal išta kádai di še* «плешивый из своего дома поздно вышел», *mjn-ada voš ínavoi* «из меня (облака) дождь не шел бы», *čjmjn-ada tjn-ada njbu* «если бы (части) от меня у тебя не было».

Этим послелогом со значением «из» выражаются материалы, из которых что-либо сделано: *sja karpíč-ada* «из красных кирпичей».

Интересен пример *čjmjn-ada tjn-ada njbu*: в первом случае *-ada* выражает отделение от кого-либо, во втором же — нахождение у кого-либо, следовательно, выявляет некоторую диффузность этого послелога, поскольку он выполняет две разные функции при одном и том же глаголе «быть» (*njbu*).

3. Направление во что-нибудь, внутрь предмета: *ávjš nóe tášt-ada* «его он положил в таз», *gáteze išta dást-ada* «он взял в свои руки».

При такой многофункциональности естественно, что послелог *-ada*, подобно послелогам *-ku*, также уточняется путем комбинирования с другими предлогами и послелогам. В сочетании с предлогом *čj* он уточняется в выражении отложительности, отделения, исходности; с послелогом *-djl* уточняется нахождение на месте; кроме того, он присоединяется к другому послелогам *-bara* (в персидском языке он предлог),

и сложная форма — *barada* — передает предложный падеж: «о», «относительно», «по поводу».

Комбинирование предлога *čj* и послелого *-ada*. Примеры: *a pia merd gátta č-a doi xól-ada* «тот старик ухватывается за ветвь того дерева» (букв. «от ветви. .»), *čj dás-ada va doe* «из рук он выпустил», *čj mág-ada roxnime* «от смерти я спас», *podšo gátše č-áv-ada čo glaš* «царь взял из них четыре штуки», *avišon e-varde čj dó-ada* «его они сняли с дерева», *čj taráf-ada* «со стороны».

Комбинирование послелогов *-dijl* и *-ada*. Сложный послелог *dijl-ada* уточняет нахождение внутри предмета: *boyi dijl-ada* «в саду». Определяющее существительное получает суффикс *-i*, так как *dijl* — имя существительное определяемое.

Комбинирование послелогов *-bara* и *-ada*. Послелог *bá-rada* выражает предложный падеж: *särkärädä bárada* «относительно военачальника», *čai bárada* «о нем», *čama bárada* «о нас», *ama ištj moa bárada ve sxánjmon kárde* «мы о твоей матери много говорили».

Кроме выражения перечисленных падежей, послелог *-ada* используется, как уже сказано выше, также для выражения сравнения двух предметов, т. е. для падежа сравнительного. В этом падеже, возможно под влиянием аналогичной тюркской конструкции, ставится предмет, с которым сравнивается другой предмет: *im sef a séf-ada šíne* «это яблоко слаще того яблока». Таким образом, здесь послелог *-ada* выявляет свою функцию выражения отделения, выделения.

Послелог *-sa*

Этот послелог — именного происхождения: *sa* «голова, начало, конец» и потому имя-определение всегда получает детерминативный суффикс *-i*.

-Sa сравнительно редко используется единично, чаще же комбинируется с предлогами *čj* и *ba*, с тем же *sa*, но поставленным предложно, и со сложным предлогом *ba sa*.

В положении отдельного послелого, без этих добавочных комбинирований, *-sa* может выражать:

1) нахождение на месте: у какого-либо предмета, при, на каком-либо предмете: *roí-sa* «на дороге» (*ro* «дорога»), *zaminí-sa* «на земле» (*zamin* «земля»), *čimj toní-sa* «рядом со мною, около меня» (*ton* «сторона»), *nište čai hamro tavilí-sa* «она (муха) уселась на носу у товарища», *čai çapí-sa mande* «у его ворот он остановился», *roí-sa mándan* «они стоят на дороге»;

2) направление к предмету: *e-ka čai peští-sa* «высыпь на его спину»;

3) направление от предмета: *pe-gate išta zanó-sa* «он снял со своих колен».

Как видно из этих примеров, функциональное использование послелого *-sa* определяется семантикой глагольного сказуемого.

Комбинирование послелого *-sa* и предлога *sa*. Примеры: *sa dimí-sa* «на лице»; *sa lamí-sa* «в ляме»¹.

¹ «Лям» — легкая надворная постройка.

Комбинирование послелогога *-sa* и сложного предлога *ba sa*. Это комбинирование весьма частое; предлог *ba* выражает обычно общую направленность действия, а следующий предлог *sa* дает уточнение расположения предмета, к которому что-либо направляется. Примеры: *ba sa zoa zanó-sa* «на колени юноши», *ba sa glai doí-sa* «на одно дерево», *poinä be-še ba sa biá-sa* «ягненок пошел на лед», *müz nište ba sa aiwóna-sa* «муха села на террасу», *az ništa nišim ba sa hai-sa* «я не сидел на осле», *ɣosüniš voɣanda be ba sa podšó-sa* «он послал войско на (против) царя», *še ba sa sadó-sa* «он пошел на его голос», *baišt ba sa pó-sa* «вставай на ноги», *a merd amandi i sor ba sa kumí-sa* «тот человек остался бы целый год на крыше (дома)».

В последнем примере семантика глагола обуславливает не направленность к предмету, а нахождение на нем.

Реже имеет место комбинирование предлога *ba* и послелогога *-sa*. Оно бывает тогда, когда не требуется особого уточнения местонахождения предмета, к которому что-нибудь направляется: *avon be-žen ba bandí-sa* «они пошли в горы», *še ba gajá-sa* «он пошел в горы» (букв. «на скалы»).

Комбинирование предлога *čj* и послелогога *-sa*. Оно представляет весьма частое явление для выражения направленности от предмета: *čj kai kumí-sa* «с крыши дома», *čj kutí-sa* «со спины».

Комбинирование послелогога *-sa* и послелогога *-pe*. *Pe* «верх, вверх, верху». Сложный послелог *sá-pe* уточняет нахождение наверху, сверху предмета: *olaton sá-pe* «на одеждах», *ustili sá-pe* «на стуле, скамье», *lef čai sá-pe rad bae bān* «одеяло, на ней сверху (находившееся), оказывается, сползло», *čama sá-pe* «нам навстречу (приближаясь к нам, как бы подымаясь, идя вверх)».

Комбинирование предлога *ba sa* и послелогога *-sa* используется также для выражения сравнительной степени (сравнительного падежа): *māgām az ba sa ti-sa bevājim?* «разве я хуже, чем ты?», *māgām jadon ba sa mi-sa baɣimāte?* «разве чужие люди стоят больше, чем я? (дороже меня?)».

Послелог *-ro*

О его происхождении и значении в талышском языке уже было сказано. Приведем примеры: *ištá-ro* «для себя», *iští-ro* «для тебя», *čái-ro* «для него», *mó-ro* «для меня», *tikai mó-ro ov būa* «немного для меня воды принеси», *čái-ro-m vaɣa karde* «для него я свадьбу сыграл», *aví-ro go biɣu*, *aví-ro tük biɣu*, *aví-ro žen biɣu*, *aví-ro hišigi biɣu*, *aví-ro biɣor biɣu* «для него будет бык, для него будет пашня, для него будет жена, для него будет плуг с ярмом, для него будет чалтычный посев», *az avé-ro čeči bi kam?* «я для нее что поделаю?», *ħar kasí-ro gu ni* «для кого же нет быка».

Послелог *-ro* часто комбинируется с предлогами *ba* и *bo* (*bo* = н. п. *bāraje*): *bavón-ro (ba-avon-ro) pásim kišt* «ради (для) них я зарезал овцу», *čai žení merdí bian bo mó-ro* «мужа этой женщины пусть приве-

дуг для меня (мне)», *bo podšo-ro* «для царя», *bo ko kardé-ro* «для работы» (букв. «для делания дела»).

Послелог *-ro*, повидимому, в большем употреблении в южной части Советского Талыша, прилегающей к границе Ирана. В большей же ее части «для», «ради» передается падежной флексией — неударным **-o**, одна из функций которого соответствует функции *-ro* (см. стр. 75).

Послелог *-ton*

Ton, как полноценное имя существительное, значит «сторона»; как служебное слово — используется для выражения локативных отношений обычно в составе сложного послелого *toní-ku* (см. выше), для выражения, в зависимости от семантики глаголов, или нахождения на месте, как, например, *čai toní-ku i šav yonay be* «у него одну ночь был он гостем», или направления к предмету, как, например, *še įšta boa toní-ku* «он пошел к своему брату».

В комбинации с предлогом *čį* и послелогом *-ku* послелог *-ton*, опять-таки в зависимости от семантики глагола, тоже может выражать нахождение на месте, как, например, *čo rüz čį honi toní-ku bimandin* «сорок дней около ручья (букв. «у стороны ручья») они остались» или направление к предмету: *še čai toní-ku* «он пошел к нему».

С присоединением падежной флексии **-o**, т. е. в форме *tóno-*, этот послелог может выражать направление от предмета: *ovšim sa ža bandi tóno* «луна поднялась из-за горы» (букв. «со стороны горы»).

Послелог *-dįl*

Употребляется всегда только в составе сложного послелого *dįl-ada* (примеры см. выше, стр. 82).

Послелог *-pe*

Этимология этого послелого, ставшего превербом многих глаголов (*pe-gate* «поднимать», *pe-še* «входить наверх, подыматься», *pe-poe* «положить сверху» и др.), указывает на понятие подъема вверх.

Как послелог, *-pe* выражает нахождение на чем-нибудь, над чем-нибудь, сверху чего-нибудь, соответствуя новоперсидским именным изафетным предлогам *bala-je*, *ru-je*: *šim rų-pe* «я пошел вверх по реке».

Послелог *-pe* может принимать падежную флексию **-o** в форме *pío* (из *pe-o*) и обозначает тогда «сверху» в аблативном смысле: *čį parde pío* «сверху с места».

Послелог *-ži*

Основное его значение, как имени существительного, «низ» (н. п. *zir*). В соединении с падежным окончанием **-o** он в форме *žíjo*, *žíjoi* имеет значение «из-под»: *sandali žíjoi* «из-под сандали (из-под одеяла)».

Наконец, новообразованием, под влиянием азербайджанского языка, является сложный послелог *hāxada* (аз. *hayında*), передающий отношение русского предложного падежа: *Salimi hāxada* «о Селиме».

2. ПРЕДЛОГИ

Большую часть предлогов мы уже встретили в комбинациях с послелогами. Предлоги собственные: *čj*, *dj*, *ba*. Предлоги несобственные, именного происхождения: *bo*, *sa*.

Предлог *čj*

Др. п. *haša*, ср. п. *aš*, *až*, *az*, н. п. *āz*. Значение — «из», «от». Этот предлог используется для выражения аблатива в широком смысле: исхода, отделения, выделения, партиитивности и в общем выполняет те же самые функции, что и новоперсидский *āz*.

Имя, управляемое этим предлогом, как и всяким другим, стоит в косвенном падеже (*casus obliquus*), т. е. принимает детерминативный суффикс *-i*.

čj, как мы видели, имеет широкое использование в комбинации с послелогами *-ku*, *-ada*, *-sa*, служа для уточнения отложительно-исходных падежных отношений.

Специальное использование предлог *čj* получил для образования форм притяжательных местоимений (см. ниже, стр. 115).

Предлог *dj*

Восходит к древнеперсидскому *hada* «с», не перешедшему в средне- и новоперсидский. Служит для выражения совместности, а также для выражения инструментального падежа. Имеет несколько вариантов: *dj*, *de*, *di*, *dia*. Имя, им управляемое, стоит в косвенном падеже, т. е. принимает суффикс *-i*. Значения предлога *dj*:

1. Выражение совместности: *djšta (dj-išta) ženi* «со своей женой», *podšo djšta yošuni e-gatše djšmoni* «царь со своим войском победил врага», *dj araba* «на арбе, с арбою», *de roi* «по дороге», *dj i-an dj* «друг с другом» (букв. «с одним — другим»).

2. Выражение творительного падежа: *dj tavai* «топором», *dj dasi* «рукою», *dj čui* «палкою», *az dj nūni si bim* «я насытился хлебом», *djo pure dj moi* «море полно рыбами», *himba pure di šiti* «кувшин полон молоком», *av djšta bizdigi išta pi ba sa že* «он своей хитростью обманул отца своего», *tj a yizilon dj sixani bisan* «ты те червонцы словами (речами) отбери назад».]

Как правило, *dj* ни с какими послелогами не комбинируется.

Предлог *sa*

Этот предлог тот же, что и послелог (см. выше, стр. 83). Об использовании предлога *sa* в комбинации с ним же, но в послеложном положении, а также с предлогом *ba*, уже было сказано (см. выше).

В самостоятельном, одиночном использовании предлог *sa* может иметь значение терминативное — «вплоть до»: *sa čai ome* «до его прихода».

В сочетании с *ba* (*ba sa*), но без послелога *sa*, он выражает направление к предмету: *njšte ba sa glat siji* «он сел на камень», *ba sa čimj zapo* «на мои колени», *ba sa tavili* «на нос», *pe-šim ba sa boni* «я поднялся на чердак».

Предлог *ba* (*bä, be, b*)

По использованию этот предлог вполне соответствует новоперсидскому *bä, be*:

1. Он выражает дательный падеж и падеж адресата: *az dome bai (ba-ai) pul* «я дал ему деньги», *pi baxšjš karde ba zua kitob* «отец подарил сыну книгу», *vote ba kačali* «он сказал плешивому», *bavon (ba-avon) ni došone* «им они не дали».

2. Он выражает направление действия вообще, падеж направительный: *šin ba viša* «они пошли в лес», *ba ka* «домой», *ba osio* «на мельницу», *ba-šta nemeki tamošo bikamon* «посмотрим на нашу соль», *abai ba-šta ka* «он приводил в свой дом», *da-čikain ba i kasi* «они уцепились за человека», *az pe-banjštem ba hai* «я влезу на осла», *e-pištamon ba kija* «привяжем на жеребенка».

3. В зависимости от семантики глагола, предлог *ba* может иметь значение терминативное: *ba šavi i saat mända* «до ночи оставался час».

4. Он может также иметь значение иллатива: *da-bašen moron ba ti* «вползут в тебя змеи».

О комбинировании *ba* и предлога *sa* (*ba sa*) или послелога *-ku* было сказано выше.

В отдельных случаях отмечено при предлоге *ba* отсутствие оформления имени суффиксом *-iš*: *ba vožor* «на базар», *ba zamin* «на землю». Повидимому, это объясняется известной неопределенностью предмета, к которому направлено действие: *ba ka* «домой» (вообще), но *ba-šta kai* «к себе домой, в свой дом».

Предлог *bo*

Он представляет собою стяженную сложную форму из *ba-ro* (н. п. *bä-raje*) «для, ради». Примеры: *bo mövi* «из-за уток, ради уток», *bo nimeki* «из-за соли, за солью», *bo penj kavjži* «из-за пяти мер», *bo paldümi* «ради топорища», *bo harde* «из-за еды».

Чаще же этот предлог комбинируется с послелогом *-ro*, т. е. с той же частицей, но использованной послеложно, например, *bo ti-ro* «для тебя» (другие примеры см. выше, в разделе о послелоге *-ro*). Также комбини-

руется *bo* с падежной флексией **-o**: *bo tón-o kořaz bññvñšt* «напиши для меня письмо», *bo ženñn-o bñ aj-o* «приходи сюда из-за женщин», *bo šmán-o* «для вас», *bo amán-o* «для нас», *bájo (bo-ájo)* «для него».

Талышская падежная система

Вышеприведенный анализ использования в склонениях предлогов, послелогов и их комбинаций для выражения падежных отношений, с одной стороны, и с другой стороны, падежных суффиксов, сохранившихся от древней флективной эпохи, — детерминирующего суффикса **-i**, суффикса **-o** и, наконец, показателя множественного числа имен **-on**, имеющего также падежное происхождение, — позволяет нам теперь перейти к изложению талышской падежной системы в целом.

Предпошем нашему изложению краткую общую характеристику этой системы.

1. В ней, во-первых, наличествует момент частичного переживания эргативной конструкции, характеризуемой специальным падежом агенса, т. е. эргативным, отсутствующим в предложениях номинативных.

2. В ней, во-вторых, сосуществуют и одновременно используются, как переживание, два древних исторических падежа, с упомянутыми суффиксами **-i** и **-o**¹, но не меньшую роль играют и аналитические способы выражения падежных отношений посредством послелогов, предлогов и их комбинаций.

3. В ней, далее, достаточно четко проводится различие между падежами субъектно-объектными и падежами пространственными, точнее — способами выражения разных пространственных отношений.

4. В ней, наконец, весьма обширное использование получил суффикс **-i** — общий показатель косвенного падежа (*casus obliquus*), сообщающий склоняемому имени косвенную, активную форму, лежащую в основе почти всего склонения.

Переходим к схематическому изложению падежной системы.

Остановимся сначала на падежах субъекта и прямого объекта в построениях эргативном и номинативном.

В построении эргативном выраженный именем существительным субъект завершенного переходного действия, передаваемого глагольной формой, использующей прошедшее причастие, оформляется прибавлением к имени суффикса **-i**. В этой функции и в этом построении суффикс **-i** является падежом эргативным (*casus ergativus*). Примеры: *xasisí vinde* «скряга увидел» (*xasis* «скряга»), *merdí žae* «человек ударил» (*merd* «человек»).

Объект прямой всегда выражен неоформленным именем. Неоформленность имени объекта в противопоставлении оформленности имени субъекта в этом типе предложений ставит его в падеже анэргативном,

¹ Так называемый исторический звательный падеж с неударным суффиксом **-a**, также сохранившийся в талышском языке, значения при характеристике общей системы склонения не имеет.

пассивном по своей семантике (*casus anergativus*), противоположном активной семантике эргатива. Пример: *i kasí glai xol gate* «один человек схватил сук» (*xol* «сук»).

В построении номинативном, наоборот, субъект всегда выражен неоформленным именем; последнее вместе с тем является грамматическим подлежащим, обычно согласуемым со сказуемым в числе. В этом построении и в этой функции неоформленное имя стоит в падеже именительном (*casus nominativus*). Пример: *Miṣtafo xan marde* «Мустафа хан умер».

Объект же в таком построении является грамматическим прямым дополнением, управляемым переходным глаголом, и принимает суффикс *-i*. В этом своем позднейшем использовании суффикс *-i* выражает падеж винительный (*casus accusativus*), соотносительный падежу именительному номинативного построения и ему противопоставляемый. Пример: *piēda-že a xolí bárīṣṭi* «он хотел тот сук (*xol* «сук») сломать».

Итак, основные субъектно-объектные падежи в эргативном построении — эргативный и анэргативный, в номинативном — именительный и винительный. Все остальные падежи, за исключением падежа родительного и падежа на *-o*, не являются падежами в собственном значении этого термина, а лишь разными аналитическими способами выражения пространственных отношений первоначально весьма конкретной локативной семантики, а затем, переносно, семантики более абстрактной — отношений времени, цели, причины и других.

Все эти пространственные отношения подразделяются на три категории: а) нахождения на месте (у предмета, на нем, в нем, близ или около него, над ним, под ним и т. п.); б) направленности к предмету; в) направленности от предмета, отделения от него.

Приведем в этой последовательности способы выражения каждой из этих категорий.

Склоняемое имя, как было сказано, всегда стоит в косвенной форме, характеризуемой суффиксом *-i*. Без этого суффикса, в своей прямой форме, имя является только в двух случаях: когда к нему присоединяется послелог *-ada* и когда оно стоит в аблативе, характеризуемом суффиксом *-o*.

Нахождение на месте

Основной местный падеж — локатив (*casus locativus*) — выражается следующими средствами:

послелогом *-ku*: *kaí-ku* «в доме» (*ka* «дом»; падеж местный);

предлогом *ba* и послелогом *-ku*: *ba avón-ku hese zoa* «у них имеется сын» (падеж принадлежности);

сложными послелогам: *pahlí-ku*, *toní-ku*: *mándin pahlí-ku* «они остались у него, при нем», *niṣṭim gala toní-ku* «я сел около стада»;

послелогом *-ada*: *bóy-ada* «в саду»;

сложным послелогом *dīlada*: *boṛi dīlada* «внутри сада» (нахождение внутри предмета);

сложным послелогом *bárada*, передающим то отношение, которое выражается русским предложным падежом «о ком, о чем»: *įštį moa bārada ve sixánįmon karde* «о твоей матери мы много говорили».

Нахождение на предмете, сверху него выражается: или послелогом *-pe: rū-pe* «на реке» или предлогом *čį* и послелогом *-pe: čį parde-pe* «наверху (сверху) места», или сложным послелогом *sá-pe: ustulį sá-pe* «на стуле», или послелогом *-sa: zamini-sa* «на земле».

Нахождение внизу предмета, под ним передается сложным послелогом *žįjo: sandalį žįjo* «под сандали».

Дальнейшим развитием семантики этого основного локативного отношения — нахождения на месте — является то, которое соответствует так называемому падежу совместности — комитативу (*casus comitativus*). Оно передается только предлогом *dį: dį ženi* «с женою».

Пространственная совместность легко переходит в отношение, характеризующее творительным падежом (*casus instrumentalis*): *dį tavai* «топором» (*tava* «топор»).

Направление к предмету

Общий направительный падеж выражается следующими способами: послелогом *-ku: omai ženi-ku* «он пришел к жене»;

предлогом *ba* и послелогом *-ku: lavo bía ba mó-ku* «принеси палку (ко) мне»;

сложным послелогом *toni-ku: še įšta boa toni-ku* «он пошел к своему брату»;

одним лишь предлогом *ba: šin ba viša* «они пошли в лес» (направительный места), *ba-šta nemeki dia bįkamon* «на свою соль посмотрим-ка» (направительный объекта — косвенное дополнение), *da-bašen moron ba ti* «вползут в тебя змеи» (направление внутрь предмета — иллатив), *ba žavi į saat monda* «до ночи оставался один час» (терминатив);

сложным предлогом *ba sa: pe-šim ba sa boni* «я влез на крышу» элатив);

сложным предлогом *ba-sa* и послелогом *-sa: ba sa roi-sa* «на дорогу»;

предлогом *sa: sa čai ote* «до его прихода» (терминатив). Частным случаем общего направительного падежа является падеж дательный (*casus dativus*), выражаемый также предлогом *ba: doše ba hambolį* «он дал носильщику».

Так называемый дательный дополняющий со значением «для», «ради», «из-за», «в пользу кого-нибудь» и т. п. выражается предлогом *bo* и, факультативно, еще послелогом *-ro: bo paldūmi* «из-за топорница», *bo nemeki-ro* «ради соли».

Этот же вид дательного падежа, смыкающегося с падежом цели, может выражаться и суффиксом *-o*, который наращивается на имя, уже оформленное суффиксом *-i*, так что получается сложная падежная форма, как бы сложный падеж на *-io: jo kasio* «для другого человека», *ria ženi-o* «для старой женщины».

С присоединением к глагольному имени — масдару — суффикса -о последний получает функцию выражения супина — «достигательного наклонения» (см. выше, стр. 76).

Направление от предмета

Общий отложительно-исходный падеж (*casus ablativus*) выражается следующими способами:

1. Послелогом *-ku*: *vítim kái-ku* «я убежал из дому».
2. Предлогом *čj* и послелогом *-ku*: *čj šūá-ku* «от мужа».
3. Послелогом *-ada*: *čól-ada* «из колодца», *nemek búá dí-ada* «соль принеси из деревни».
4. Предлогом *čj* и послелогом *-ada*: *va-dóe čj dás-ada* «он выпустил из рук», (переносно) *čj mág-ada roxnime* «я спас от смерти».

Этими же способами выражается также выделение из предмета, отделение от него (*casus partitivus*): *podšo gatše čávada čo glaš* «царь взял из этого четыре штуки» (из сказки).

Частным случаем общего отложительного падежа является падеж сравнения, сравнительный (*casus comparativus*). Отношение сравнения одного предмета с другим выражается, как мы видели, тем, что предмет, с которым сравнивается другой, его в какой-нибудь степени превосходящий и этим от него как бы отделяющийся, снабжается послелогом *-ada*: *jm sef a séf-ada šíne* «это яблоко того яблока слаще». Также падеж сравнительный выражается, как мы видели (см. стр. 84), и комбинацией сложного предлога *ba sa* с послелогом *-sa*: *māgām az ba sa tš-sa bevaĵim?* «разве я хуже тебя?»

5. Суффиксом -о: *bĵda be-sū čjmĵ torpáyo* «пусть он выйдет из моей страны».

6. Предлогом *čj* и суффиксом -о: *be-še čj káo* «он вышел из дома».

Этимология суффикса -о, выражающего аблатив, совершенно ясна. Это, как уже было сказано, древний аблатив *-āt* основ на -а. Этимология же суффикса -о в его функции выражения направления не от предмета, а к предмету, к лицу, к цели не так очевидна. Его полная функциональная противоположность аблативу сама по себе еще не дает основания предполагать, что это исторически какой-то другой падежный суффикс, лишь совпавший в звучании с аблативом.

* * *

Подведем итоги нашему изложению оформления падежных отношений, распределенных по трем основным пространственным категориям.

Нахождение на месте передается способами, выражающими падеж общий местный и падежи, уточняющие локативные отношения одного предмета к другому; переносно же сюда включаются следующие падежи: творительный, совместности, принадлежности и так называемый (русский) предложный.

Направление к месту, к предмету включает выражение падежей общего направления и падежей, его уточняющих, а переносно —

так называемого терминатива и падежа достигательного; в эту же категорию входит и падеж дательный с его многочисленными подразделениями.

Направление от места, от предмета включает выражение общего отложительно-исходного падежа и, в частности, партитива, а также и падежа сравнительного.

В нашу схему пространственных по происхождению падежей вошли из шести косвенных падежей древнеиранского склонения имен все конкретно-пространственные (*locativus, ablativus, instrumentalis*) и падеж дательный (*dativus*; косвенного объекта). Не вошли падежи винительный (*accusativus*) — падеж прямого объекта, который нами был отнесен к группе падежей субъектно-объектных, и падеж родительный (*genitivus*), занимающий совершенно особое положение. Как мы видели¹, в талышском склонении он выражается суффиксом **-i**, передающим определительную связь двух имен существительных (*merdi pešt* «человека спина», *doi chol* «дерева ветвь»), и, по нашей гипотезе, этот суффикс в эволюции склонения сыграл очень большую роль, именно — в дофлективную эпоху выполняя функции общего косвенного (активного) падежа и специально эргатива, а в период флективного склонения — функцию исторического родительного падежа, а еще позднее, в номинативном предложении, — падежа винительного.

Крайне интересную аналогию с этим талышским суффиксом представляет близкий ему по звучанию (**-ы**) суффикс того осетинского падежа, который исследователи осетинского языка именуют родительным.

Почти все функции, которые выполняет талышский суффикс **-i**, за исключением выражения падежа эргативного, поскольку переживания этого строя предложения почти уже, повидимому, не констатируются в осетинском языке, наличествуют в упомянутом осетинском падеже.

1. Основное значение этого суффикса **-ы** прежде всего, как и талышского детерминативного по своему основному значению суффикса **-i**, также детерминативное. Формант его — показатель определенности.

2. Как таковой, он выражает в языке отношения атрибутивности, определения определяемого, присоединяясь к имени, служащему определением (совершенно, как в талышском).

3. Послелогии, весьма развитые в осетинском склонении, как и в талышском, требуют, за немногими исключениями, постановки имени, к которому присоединяются, в «родительном» падеже.

4. Тот же суффикс **-ы** служит в осетинском для выражения того вида винительного падежа, который, по терминологии осетиноведов, именуется «винительным оформленным»; в талышском языке — это аккумулятив номинативных предложений, также выражаемый суффиксом **-i**.

5. Тот же суффикс **-ы** лежит в основе косвенных падежей осетинских личных местоимений, формой которых, по осетиноведческой терминологии, является «родительный» падеж.

6. Краткий вид притяжательных местоимений в осетинском языке совпадает с родительным падежом личных местоимений в их энклитиче-

¹ См. «Обзор функций примененного суффикса **-i**» (стр. 77).

ской форме, а полный вид — с родительным падежом личных местоимений в их полной форме.

7. «Родительный» падеж оформляет в осетинском языке логический субъект при безличных глаголах («хочется», «верится», «требуется» и т. п.). Талышской аналогией является уже не «безличная», а эргативная конструкция при глаголе «хотеть» (см. ниже, стр. 182).

Такая многофункциональность осетинского «родительного» падежа, так поразительно напоминающая падежное использование талышского суффикса *-i* (у которого, сверх того, имеется еще функция выражения эргатива), указывает на длинный путь, пройденный нынешним суффиксальным элементом *-ы* в истории осетинского языка, и дает основание предположить, что его функция выражения генитива, которую осетинovedы теперь считают, повидимому, главной, продолжая применять термин, данный этому падежу иранистами, далеко не характеризует современное содержание этого падежа.

Для истории же иранских языков вообще и для проблемы их современной классификации весьма поучителен факт типологического сходства падежных систем двух иранских языков, относимых по своим фонетическим признакам к столь разделенным — географически — группам как северная, скифская (среднеазиатская) и северо-западная иранская.

Агглютинативные моменты в талышском склонении

К типологическим особенностям склонения агглютинативных языков относятся следующие:

1. Падежное окончание имеет только одну грамматическую нагрузку, все же дополнительные — выражение рода, числа, части речи — обслуживаются отдельными служебными элементами, расположенными между основой и падежным окончанием.

2. Имеются только падежные окончания имен в единственном числе; они — те же, что и для множественного числа.

3. Склонение последних идет по схеме: основа + суффикс множественного числа + окончание единственного числа.

4. Имена определяющие остаются без падежных изменений; падежные окончания прибавляются только к определяемому имени.

5. Отсюда — отсутствие согласования определения с определяемым в падеже и числе.

6. Присоединение падежных окончаний к основе, совпадающей с неоформленным именем, происходит механически, без изменения фонетического состава имени.

Талышский язык на нынешней ступени своей эволюции в значительной мере обладает условиями, способствующими применению некоторых приемов агглютинативной техники:

1. Основа имени является вместе с тем словом в неоформленном его виде.

2. В основе образования почти всех косвенных падежей лежит косвенная форма имени, исходящая на гласный элемент — суффикс **-i**, к которому легко механически прибавляются как послелого, играющие такую большую роль в склонении, так и падежный суффикс **-o**.

3. Послелого (*-ku, -ada, -sa, -ro, -pe, -ži*) почти все односложны, типа открытых слогов, легко механически присоединяемы и к основе (неоформленному имени), что облегчает их использование в падежной системе.

4. Определяющее имя всегда предшествует, как, например, и в тюркских языках, определяемому и имеет всегда одну неизменяемую форму: в единственном числе — суффикс **-i**, а во множественном числе — показатель множественности **-on**. Самостоятельного склонения оно не имеет и включается в парадигму склонения имени определяемого; когда же определяющее имя относится к категории прилагательных качественных, то тесно объединяется при посредстве гласного энклитического элемента **-a** с определяемым именем в одну синтагму.

5. Падежный суффикс **-o** как функционально, так и морфологически настолько сблизился с настоящими послелогоми, что на данной ступени эволюции языка, можно сказать, способ послеложный имеет преобладающее значение для выражения падежных отношений, как и в агглютинирующих, например, тюркских языках.

6. Отсюда — легкость применения типичного для агглютинативного построения склонения имен по схеме: а) для единственного числа — имя, оформленное суффиксом **-i** или вовсе не оформленное⁺ падежные показатели (послелого или суффикс **-o**); б) для множественного числа — имя-основа⁺ показатель множественности **-on**⁺ те же послелого и суффикс **-o**, которые обслуживают и единственное число.

7. Только одним расхождением склонения имен в единственном и во множественном числе являются присоединение к ним в единственном числе в большинстве случаев (кроме послелого *-ada*) суффикса **-i** и отсутствие присоединения его к имени во множественном числе. Но это расхождение чисто формальное, по существу же здесь имеется одно и то же явление. Имя во множественном числе является также косвенным по форме, потому что, как мы видели, показатель **-on**, исторически восходящий к родительному падежу множественного числа, раньше выполнял функцию общего косвенного падежа активно оформленных коллективов и, следовательно, нес ту же функцию, что и суффикс **-i** для имен в единственном числе.

Таким образом, суффикс **-on** имеет сейчас в талышском языке две грамматические нагрузки: он — показатель множественного числа имен и одновременно выражает их *casus obliquus*. Эта вторая его нагрузка выражается в том, что имя во множественном числе с этим показателем **-on** всегда является оформленным и определенным и неопределенной формы не знает. Формально это подтверждается тем, что оно никогда присоединить суффикса **-i** не может, так как последний для него является излишним.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих вышеприведенные положения:

Послелог *-ada: vira* «место», *virá(a)da* «на месте», *viron* «места», *virón-ada* «на местах», *čavada* (čj-av-ada) «из этого», *čavón-ada* «из этих, из них», *gátše čavónada čo glaš* «он взял из них четыре штуки».

Послелог *-ku: bo-i-ku* «от брата», *bo-on-ku* «от братьев», *omai žen-i-ku* «он пришел к женщине», *omai žen-on-ku* «он пришел к женщинам», *čai-ku* (čj-ai-ku) «от него», *čavonku* (čj-av-on-ku) «от них», *čavon ton-i-ku* «к ним» (букв. «к их стороне»), *ka-i-ku* «дома, в доме», *mord-on-ku* «от мертвых».

Послелог *-sa: išta zanó-sa* «на своем колене», *išta zan(o)-on-sa* «на своих коленях», *kut-i-sa* «на спине».

Послелог *-sa pe: ustil-i-sa pe* «на стуле», *olat-on-sa pe* «на одеждах».

Суффикс *-o: čj gu-o* «с быка», *čj gu-on-o* «с быков», *ba dallok-i* «цирюльнику», *ba dallok-i-o* «из-за цирюльника», *ba čaš-i* «для глаза», *ba čaš-on-o* «из-за глаз».

Предлог *dj: dj žen-i* «с женою», *dj hamr(o)-on* «с товарищами», *dj tava-i* «топором», *dj tav-on* «топорами».

Послелог *-ro: č(i)-ai-ro* «для него», *č(i)-av-on-ro* «для них».

В эргативных построениях весьма часты случаи присоединения эргативных приставок к имени, уже снабженному послелогом: *báikum, xaba gate* «я у него спросил» (*ba-ai-ku-m: ba* — предлог, *ai* — косв. пад. личн. мест. 3 л. ед. ч., *-ku* — послелог, *-m* — эргативная приставка 1 л. ед. ч.), *čáitrom vaja karde* «для него (ему) я свадьбу сыграл» (*čj* — предлог, *ai* — косв. пад. личн. мест. 3 л. ед. ч., *-ro* — послелог, *-m* — эргативная приставка 1 л. ед. ч.).

Выше мы уже привели случаи, показывающие, какие необычные сочетания агглютинативного типа вырабатывает талышский язык. Приведем их в данной связи вторично:

1) присоединение суффикса *-o* к имени, определенному притяжательным местоимением: *moáto* «от моей матери» (из *moa-m-o*);

2) присоединение притяжательной местоименной энклитики к имени, стоящему в местном падеже: *bóyadam* «в моем саду» (из *boj-ada-m*);

3) присоединение суффикса *-i* к имени, стоящему в исходном падеже *išta kádai* «из своего дома» (из *ka-ada-i*).

Формы имен

1. ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Весьма значительное число имен существительных в талышском языке не имеет специального морфологического оформления. Вследствие давней утраты ими большинства падежных флексий и в результате определенных закономерностей талышской фонетики, приведших к значительному сокращению талышских имен, даже по сравнению с новоперсидскими, «возведение» их к тем или иным падежным формам соответствующих древних слов потребовало бы специального

историко-фонетического этюда, выходящего за границы поставленной нами задачи — описания форм современного талышского языка, и, кроме того, представило бы незначительный интерес для иранистов, поскольку такой этюд, по необходимости, воспроизвел бы факты, им известные. В самом деле, иранско-талышская часть именной лексики без труда сопоставляется с новоперсидскими именами, а работы крупнейших иранистов (Бартоломе, Дармстетера, Хорна, Залемана, Мейе, Бенвениста и других) уже выявили скудные следы древних падежных форм имен, наличествующие в новоперсидских именах, как, например, падежи родительный, именительный, винительный и инструментальный единственного числа и падежи родительный и именительный-винительный множественного.

Кроме этой весьма значительной части имен бесформенных, все остальные талышские имена существительные имеют определенное оформление: или суффиксальное, путем присоединения словопроизводственных суффиксов, или оформление путем сложения, образования сложных слов, с использованием отдельных слов, основ и частиц.

а) Суффиксальное словопроизводство имен существительных

Имена лиц образуются посредством следующих суффиксов: **-iž**, **-avon** || **-avun**, **-ga**, **-la**, **-ča**, **-li**, **-či**, **-i**.

Суффикс **-iž** имеет следующие формы: **-iž**, **-iž** и после гласных **-ž**. Он образует имена людей, происходящих из данной местности, имеющих с нею связь, характеризующихся в своей профессии, занятиях связью с этой местностью: *mijonkuž* «житель сел. Миянку», *šahariž* «горожанин», *azjrboidžoniž* «азербайджанец», *saljoniž* «сальянец», *bokuž* «бакинец», *γaraboyiž* «карабахец», *inglisiž* «англичанин», *diviž* и *dijoviž* «селянин», (от *di* «селение»). Форма *dijoviž*, возможно, отражает древнюю форму слова *dahyu* «область».

В среднеперсидском был суффикс **-čik**, переживающий в новоперсидском суффиксе **-či**¹, в суффиксе **-ji**² и в суффиксе **-zi**³, например: *Sagzi* «житель Сеистана», *Rāzi* «житель Рея», *Marvazi* «житель Мерва», *tāzi* «таджик». Ввиду частого соответствия северо-западного **ž** юго-западному **z** мы считали бы возможным сопоставить талышский суффикс **-iž** с упомянутым н. п. **-zi**. Суффикс **-iž** до сих пор весьма продуктивен и в своей функции образования вышеупомянутой категории имен существительных получает поддержку в близком по звучанию и по функции тюркском суффиксе **-ji** || **či** (о нем см. ниже), имеющем широкое использование в талышском языке.

Суффикс **-avon** || **-avun** образует имена лиц, что-либо охраняющих, защищающих, чем-либо ведающих, что-либо разводящих: *bizangavon* «пчеловод» (от *bizang* «пчела»), *galavon* «пастух» (от *gala* «стадо»),

¹ См.: P. Horn. Neupersische Schriftsprache, «Grundriss der iranischen Philologie», Bd. I, Abt. 2, стр. 177.

² Там же, стр. 183.

³ Там же.

giavon «обладатель крупного рогатого скота» (от *gu* || *go* «бык, корова»), *molavon* «обладатель скота» (от *mol* «скотина»), *peš'avon* «охотник» (от *peš* «крупный зверь, волк», следовательно, как бы «ведущий зверями»).

Этот суффикс мы находим в словах: ав. *pāna*, пхл. *pān*, н.п. *ban*. В некоторых словах, заимствованных из персидского литературного языка, он имеет форму *-bon*: *gaštibon* «кормчий корабля», *osiobon* «мельник». Свое древнее значение «охраняющий» он сохраняет в двух словах — *giavon* «затылок» (от *gi* «шея», т. е. «защищающий, закрывающий шею») и *saravon* «плотина» (от *sar* «голова», т. е. «закрывающий голову потока воды»).

Суффикс *-ga*, *-gar* (н. п. *-gar*, *-gār*, пхл. *-kar*, *-gar*, ав. *-kara*) образует имена лиц профессий, ремесел: *dulusgar* «гончар», *osnaga* «кузнец» (от *osjn* «железо»), *soudaga* «купец» (от *souda* «торговля»).

Суффикс *-la*, *-lā* — уменьшительный¹: *gugla* «теленочек» (от *gug* «теленок»), *kutula* «щенок» (от *kutu* «коротышка»), *sūkola* «петушок» (от *sūk* «петух»).

Этот же суффикс имеется в слове *leina* «тростниковая свирель» (от *nei* «тростник», с перестановкой слогов: вместо *neila* «тростничок»).

Суффикс *-ča*, *-čā*, *-če* (пхл. *-čak*, н. п. *-čā*) также уменьшительный: *xoliča* «коврик» (от *xoli* «ковер»), *vāčā* «ягненок» (от *va* «ягненок», н. п. *bārrā*), *lefča* «матрац» (от *lef* «одеяло, постель»), *keče* «половник» (н. п. *kāfcā*), *pasāča* «ножницы для стрижки овец» (*pas* «овца»).

Суффикс *-li* тоже уменьшительный, но также и ласкательный: *boili* «братец» (от *bo(a)* «брат»), *kināli* «девушка, девочка» (от *kina* «девица»). Интересно, что этот суффикс может присоединяться и к личному местоимению *az* «я» — *azli*, придавая ему также значения уменьшительности: «я, маленькая» (о девушке), и к числительному *i* «один» в значении субстантивном *īli* «один маленький», и даже к наречным частицам: *āna* «столько», *ānali* «столечко».

Суффикс *-či*, тюркский, весьма продуктивный, образует имена лиц, присоединяясь как к словам талышским, так и многочисленным арабским и даже русским заимствованиям: *šalači* «носящий вязанки дров, дровосек» (от *šala* «вязанка»), *djngči* «мельник» (от *djng* «толчея»), *devenči* «жнец» (от *deven* «жатва»), *kanči* «крестьянин» (от *kand* «селение»), *torči* «рыболов» (сетями; от *tor* «сеть»), *muštulukči* «приносящий радостную весть» (от *muštuluk* «награда за добрую весть»), *arzači* «проситель, жалобщик», *čarči* «разносчик», *djvoči* «молельщик» (от *djvo* «молитва»), *xazinači* «казначей» (от *xazina* «казна»), *taškilotči* «организатор» (от ар. *taškilat* «организация»), *lotkači* «лодочник» (от *lotka* «лодка»), *učotči* «учетчик» (от *učot* «учет»).

Суффикс *-i* (ja-je nesbät) в отдельных случаях определенно образует имена лиц: *mizdi* «наемный рабочий». Это использование суф-

¹ Он отмечен также в еврейско-татском наречии. См.: В. С. Миллер. Очерк морфологии еврейско-татского языка, М., 1901, стр. 47.

фикса **-i**, выражающего широкое понятие относительности, — откуда, возможно, и образование им названий предметов конкретных (см. ниже) — вполне соответствует многочисленным образованиям в современном разговорном персидском языке имен лиц разных профессий и занятий, вроде *nuni* «булочник», *zovali* «угольщик» и т. п.¹

Нижеследующий суффикс **-a** — один из самых распространенных, образующий названия вещей: *avona* «крышка» (от *avon* «крыша террасы»), *asa* «бритва» (н. п. *ostorā*), *āvāndā* «веревка, прикрепляющая ярмо к животным», *bolīšnā* «маленькая подушка» (от *bolīšn* «подушка»), *čamba* «головное женское украшение», *čangā* «пригоршня, горсть», (от *čang* «когти»), *čona* «подбородок», *čua* «прялка, веретено» (от *ču* «палка»), *dandonā* «спица» (от *dandon* «зуб»), *dāngānā* «ковш, миска», *dastaranda* «ручной инструмент» [при работе над посевом риса (чалтыком)], *dizā* «кувшин, горшок» (н. п. *diz*), *duvā* «глиняный кувшин для воды», *goranda* «борона», *guša* «шерстяной мешок для муки» (от *guš* «ухо, уголок мешка»), *gušova* «серьги», *havzā* «дыня» (от *havz* «зеленый»), *hija* «род деревянной лопаты», *himba* «большой глиняный кувшин» (от *xīmb* || *hīmb* «кувшин»), *kajova* «пара корзин, несомых на перевес мулом», *kandulā* «большая корзина из хвороста для ячменя» (от *kandul* «дупло»), *kīnda* «пень» (от *kīnd*, н. п. *kond* «тупой»), *lona* «нора, гнездо» (от *lon* «курытник»), *maha* «винт», *maša* «щипцы», *mīšta* «рукоять, длинная часть сохи» (от *mīšt* «кулак»), *ovaina* «зеркало» (н. п. *ajinā*), *pizā* «тростник» (от *piz* «куга»), *ruā* «кишка» (н. п. *rudā*), *taxtā* «рама», *tela* «капкан», *tilā* «ножик», *toja* «стог», *tora* «овоци», *villa* «моток», *xīrta* «горло, глотка» (от *xīrt* — с тем же значением), *xola* «сук» (от *xol* — с тем же значением) и т. д.

Суффикс **-a** (ср. п. **-ak**, др. п. **-aka**) получил уже в среднеперсидском языке большое распространение, еще более расширившееся в новоперсидском.

Суффикс **-don** (н. п. **-dan**, ср. п. **-dān**, ав. **-dāna**) имеет ограниченное употребление для образования слов со значением вместилища и уже непродуктивен: *šamdon* «подсвечник» (от *šam* «свеча»).

Суффикс **-son**, **-ston** (н. п. и ср. п. **-stān**, др. п., ав. **-stāna**) в основном, как и в этих языках, выражает имена места, например, *γabson* «кладбище», но также и переносно используется для выражения периода времени, как *touson* «лето», *zīmison* «зима».

Суффикс **-ki**, являющийся тюркским заимствованием, оформляет имена, представляющие, несомненно, кальку соответствующих тюркских конструкций. Он присоединяется к словам локативной семантики, представляющим собой локативный падеж, т. е. снабженным после логом **-ada**; все же построение образует имена людей и предметов, тесно связанных с определенным местом, например: *dijo* «море», *dijōada* «в море», *dijoadaki* «находящийся в море, на море», *oston* «небо», *ostōnada* «на небе», *ostonadaki* «находящийся в небе, на небе»,

¹ См.: Р. А. Галунов. О двух суффиксах в персидской живой речи, сб. «Иран», т. II, 1928, стр. 93—94.

zamin «земля», *zaminada* «на земле», *zaminadaki* «находящийся на земле, наземный», *nia* «кувшин», *niada* «в кувшине», *niadaki* «находящийся в кувшине»; такие слова могут быть образованы от наречий места: *ijo* «здесь», *ijoadaki* «здешний», *ajo* «там», *ajoadaki* «тамошний», *peada* «наверху», *peadaki* «наверху находящийся, верхний».

Повидимому, образованием по аналогии является *amandaki* «остальной, остальные», где наличие конечного *d* в причастии настоящего времени *amand* «остающийся» привело к образованию такой формы с определенно предметным значением — «оставшийся на месте».

Суффикс *-i* был уже нами упомянут как образующий (хотя, правда, и в редких случаях) имена лиц. Значительно чаще он встречается для выражения имен предметов конкретной семантики: *dülakoni* «маленький глиняный горшок», *nalbaki* «блюдечко», *šettuni* «челнок в ткацком станке», *segazi* «мешок длиной в три „газа“»¹, *behüšturi* «усыпляющее средство». Является ли он во всех перечисленных словах так называемым *ja-je nesbät*? Этого утверждать нельзя, но для такого предположения есть данные; так, например, *mışti* «ручка на деревянном плуге», несомненно, возводится к *mışt* «кулак». Таким образом, этот суффикс образует как названия конкретных вещей, так и субстантивированные прилагательные, вроде вышеупомянутого *mızdi* «наемный рабочий». Для образования настоящих прилагательных он почти не привлекается, будучи заменен другим суффиксом — *-in*, как мы увидим ниже.

Переходим к суффиксам, образующим отвлеченные имена существительные (*nomina abstracta*). Эти суффиксы следующие: *-i*, *-mun*, *-lik*, *-ati*.

Суффикс *-i*, соответствующий *ja-je mäsdäri* новоперсидского языка, встречается в значительном количестве слов, но едва ли уже является продуктивным ввиду того, что громадное использование получил в последнее время другой суффикс — *-ati*, о котором будет сказано ниже.

Суффикс *-i* присоединяется к именам прилагательным и реже к именам существительным: *barz* «высокий», *barzi* «высота»; *hişg* «сухой», *hişgi* «сухость, засуха»; *guon* «тяжелый», *guoni* «тяжесть»; *nezik* «близкий», *neziki* «близость»; *ros*, *rost* «прямой, правый», *rosi*, *rosti* «прямота, правота»; *hovuz* «широкий», *hovuzi* «ширина»; *vejın* «многий», *veini* «большинство»; *çok* «хороший, добрый», *çoki* «доброта, добро, благо»; *sard* «холодный», *sardi* «холод»; *sarin* «прохладный», *sarini* «прохлада»; *toki* «темнота» (н. п. *tariki*); *ovaros* «орошенный», *ovarosi* «орошение»; *taşi* «жажда» (н. п. *täsnaği*); *rüşni* «свет» (н. п. *rouşnai*); *diz*, *dizd* «вор», *dizi*, *dizdi* «воровство»; *jıvon* «юноша», *jıvoni* «юность»; *sabarz* «величественный, гордый», *sabarzi* «величие, гордость».

Суффикс *-mun* || *-mon* также выражает *abstracta*. Он, повидимому, продуктивен, поскольку с его помощью образовано несколько новых терминов, вроде *dutemon* «строительство». В народном

¹ «Газ» — мера длины, равная приблизительно 90 см.

языке он, несомненно, наличествует в *žetun, žimon, žetuni* «жизнь» (от *žie* «жить»), причем на него, быть может, наращен и другой суффикс *-i* (упомянутый *ja-je mäsdäri*).

Этот суффикс имеется в языке габров (*gabri*) и также в татском наречии горских евреев Кавказа¹. В. С. Миллер считает его вторичным, образованным от основы прошедшего причастия, и образующим отвлеченные глагольные имена. Кроме этого иранского наречия, суффикс *-man* отмечен также В. А. Жуковским в некоторых персидских наречиях центральной полосы, как, например, в габри (*vâtmân* «говорение», *kertmân* «делание») и в наречии кеше (*derkâtmân* «падать», *ârdemân* «приносить», *derpêtémân* «свертывать»)². В талышском *žimon* этот суффикс прикреплен к форме инфинитива, имеющей значение глагольного имени действия: *žie* «жить».

В связи с этим интересно отметить, что среди новых терминов, сочиненных в последние годы иранской Литературной академией, имеются также имена, образованные посредством этого суффикса *-man*, вроде *saxteman* «строительство», *sazeman* «организация» и т. п.

В новоперсидском языке имеется некоторое количество слов и конкретной семантики на *-man*: *kištman* «засеянное поле», *dudman* «семейство» и др. Хорн отказывается дать этимологию этого суффикса, повидимому, не имеющего ничего общего с идентичным суффиксом, образующим только отвлеченные имена в перечисленных нами иранских наречиях³.

Суффиксы *-lik, -li, -luk*, тюркского происхождения, также образуют *nomina abstracta* от основ как глагольных, так и именных: *tarslik* «страх» (глагольная основа *tars*), *muštuluk* «плата за радостную весть» (м. п. *moždä*), *iglalik* «одинокость». В слове *zoali* «пасынок» и *nânäli* «мачеха» мы имеем некоторое сужение значения в сторону конкретизации понятия, вместо «состояние пасынка» или «положение мачехи».

Суффикс *-ati*, чрезвычайно распространенный и весьма продуктивный, дал громадное количество *abstracta* для языка газет и книг для талышской школы.

Этот суффикс в разговорном языке был представлен, естественно, сравнительно небольшим количеством слов. После Великой Октябрьской социалистической революции, когда талыши приобщились к культуре, к социалистическому строительству, этот суффикс получил широкое использование. Он потребовался для образования слов, передающих много отвлеченных понятий в языке, а кроме того, и для передачи многих новых слов — терминов.

За немногие годы существования письменности на талышском языке культурными работниками было создано (по нашим материалам) не менее двух сотен слов, оформленных этим суффиксом. Значительную,

¹ См.: В. С. Миллер. Очерк морфологии еврейско-татского языка, стр. 48.

² В. А. Жуковский. Материалы для изучения персидских наречий, т. I, СПб., 1888, стр. 235.

³ Р. Норг. Указ. соч., стр. 190, § 105.

хотя и далеко не полную часть этой лексики, отмечавшейся нами в изданных талышских произведениях, мы считаем небесполезным приложить отдельным списком к нашим замечаниям по талышской лексике (см. стр. 224). Список этот наглядно показывает, как быстро этот письменный иранский язык стал обогащаться словами абстрактной семантики, обслуживающими разнообразные сферы общественной жизни и социалистического строительства.

Как видно из просмотра этого материала, его составителями были использованы не только талышские имена существительные и прилагательные, но и заимствованные талышским языком слова персидские, арабские и турецкие.

Значительное число таких неологизмов соответствует русским отвлеченным именам с суффиксами «-ство», например, *sadrati* «председательство», или «-ость», например, *kamsavodati* «малограмотность», или «-ение», например, *γulati* «порабощение», или «-ие», например, *barzati* «величие», или с суффиксами интернациональными, вроде «-ация» — *safarbarati* «мобилизация», или «-изм», например, *opportunistati* «оппортунизм».

Во многих словах персидского литературного языка суффикс **-ati** соответствует и вполне тождественен по значению так называемому *ja-je mäsdäri*: *rjšvaxorati* «взяточничество» (н. п. *rošvāxori*), *tarafgrati* «пристрастие» (н. п. *tārāfgiri*). В некоторых подобных персидских заимствованиях полностью выдерживается персидская форма слова, например, в *heikaltarašati* «занятие скульптурой» вместо *heikaltošati*, как было бы по нормам талышской фонетики, и даже персидская морфология, как, например, в слове *javobdahandati* «ответственность», в котором второй частью сложения является персидское причастие настоящего времени *dahanda* — форма, отсутствующая в талышском языке.

По своей семантике и использованию суффикс **-ati** полностью соответствует арабскому суффиксу **-ijjat**, как показывают следующие примеры: *uzvati* «членство», (ар. *uzvijjat*), *mudirati* «директорство, управление» (ар. *mudirijjat*), *jazbati* «привлекательность» (ар. *jazbijjat*) и т. п.

Семантическая близость этих двух суффиксов затрудняет подчас выяснение состава некоторых слов, в которых **-ati** имеет формы **-jati**, **-ijati**, как, например, *xususijati* «частная собственность», *milktjati* «собственность», *jamjati* «множественность», в которых возможно видеть простое присоединение суффикса **-i** со значением *ja-je mäsdäri* к арабскому суффиксу **-ijjat** под влиянием аналогии талышского **-ati**.

Некоторые слова образованы механически под влиянием русского языка и едва ли могут быть признаны удачными неологизмами, как, например, *djlati* «сердечность» (от *djil* «сердце»).

При еще не отстоявшемся терминотворчестве немало образований на **-ati** являлись дублетными к другим, также неологизмам, например, *ibejati* «единство» наряду с *i-be*, или *zjonkorati* «вредительство»

наряду с *zljončlati*, или *ofainati* «творчество» наряду с *ofajovnijati* (использована так называемая принудительная форма глагола) и т. п.

Такие дублетные формы, используя обе один и тот же суффикс **-ati**, могут несколько дифференцировать значения слов, уточняя их смысловые нюансы; так, например, *barobarati* «равенство», а *barobarčlati* имеет значение, близкое к «уравниловке».

Некоторое число таких abstracta образовано, как мы видели, от инфинитивов, вроде *ibejati* «единство», *onojati* «переустройство» и т. п., между тем как инфинитивы сами по себе одновременно могут быть использованы в тех же значениях: *i-be*, *o-noe* и т. п.

Этимология талышского **-ati** нам не совсем ясна. Разумеется, древний суффикс **-ti** глагольных имен существительных не имеет к нему никакого отношения. Едва ли есть основание разбивать суффикс **-ati** на **-at-i** и видеть в **-i** *ja-je mäsdäri*, а **-at** сопоставлять с арабскими **-at** или **-ijjat** — окончаниями женского рода единственного числа. Арабское же множественное число **-ät** дало бы в талышском языке **-ot**. Отметим, что в еврейско-татском наречии имеется суффикс **-eti**¹, образующий abstracta.

Кроме перечисленных словопроизводственных суффиксов, образующих отвлеченные имена существительные, в талышском языке, как мы упомянули, имеется специальная форма для abstracta, именно инфинитив, являющийся, как и в персидском языке, глагольным именем — масдаром (*nomen actionis*) и имеющим также широкое использование. Талышские масдары, передающие абстрактные понятия, были в народном языке немногочисленны, равно как и образования на **-ati**, но в процессе выработки литературного письменного языка они получили чрезвычайно широкое использование. Примеры: *hande* «чтение», *omute* «обучение», *ba nav še* «прогрессирование, прогресс», *guš doe* «слушание», *subut karde* «утверждение», *da še* «вхождение» и т. п.

Особые формы характеризуют также многочисленные арабские имена существительные, вошедшие в талышский язык через персидский и образованные по определенным типам арабского словообразования:

1. Имена существительные женского рода с окончанием **-at**, в талышском **-at**, **-ät**, **-a**, **-ä**, реже **-et**: *adat* «обычай», *faalijat* «деятельность», *holat* «состояние», *imorat* «здание», *jamaat* «толпа», *maslahat* «совет», *stfdi* «лицо», *sžkat* «жалоба», *jur'at* «храбрость», *fjrya* «партия», *kosbet* «промысел» и т. п.

Арабские причастия 1-й породы действ. зал. женск. рода на **-at**, тал. **-a** встречаются редко и обычно субстантивированы: *hamila* «беременная женщина», *fateha* «начальная сура корана»².

2. Имена лиц профессий, образованные по типу *fa'al*, отличительным признаком которого является удвоение среднего согласного: *banno* «строитель», *dallok* «цирюльник», *sarrof* «меняла», *najfor* «столяр».

¹ В с. Миллер. Очерк морфологии..., стр. 47. Этимологии **-eti** автор не дает.

² Взято из фольклора.

3. Глагольные масдары разных пород: *taalloḡ* «принадлежность», *tambeh* «наказание», *tārif* «похвала».

4. Встречаются немногочисленные заимствования арабских «разбитых» множественных чисел разных оформлений, вроде *arbut* «купец», *aḡraba* «родственники», *dijar* «страна» и т. п. Эти «разбитые» формы разнообразны и структурно могут быть сходными с талышскими именами и не предметного значения, поэтому сами по себе не могут считаться специальными формами этой части речи в талышском языке.

Из турецких заимствований отметим имена с суффиксами **-çi** и **-lik** || **-liḡ** || **-tḡḡ** || **-luk** (примеры на талышские слова с этими суффиксами были приведены выше). Примеры: *gamiçi* «корабельщик», *damirçi* «кузнец» (дублетное талышское слово *osnaga*), *axliḡ* (из *arxaliḡ*) «архалук, бешмет», *soxaliḡ* «наследство», *kardaštḡ* «братство», *ḡulluḡ* «служба», *ḡuldurlik* «разбой», *saḡliḡ* «здоровье» и др. В талышском языке эти суффиксы оформляют только имена существительные и являются их специальной формой.

Кроме вышеприведенных категорий имен существительных, определяемых в своем предметном значении перечисленными суффиксами или являющихся заимствованиями из других языков, в которых они оформлены как имена существительные, талышский язык, как и современный персидский и лексически близкие к нему иранские языки, знает несколько способов образования имен существительных посредством сложения обычно двух элементов — отдельных слов, глагольных основ, частиц. Такие сложения представляют собою весьма четкую морфологическую форму имен существительных.

б) Типы сложных имен существительных

1. Сложения детерминативные являются преобладающими. Они бывают следующих типов:

а) Сложное слово состоит из двух имен существительных, из которых первое определяет второе, придавая ему качественный признак, заключенный в первом определяющем имени существительном. Это первое определяющее имя существительное функционально является качественным прилагательным, так как его основное качественное содержание входит как признак определяемого им имени существительного.

Первое, т. е. определяющее имя существительное получает в таком положении безударный гласный элемент — энклитику **-а**, синтаксически характеризующую, как уже было сказано, имена прилагательные, как часть речи (см. выше, стр. 72):

maidon-a asp «кобыла», букв. «кобыла-лошадь», точнее «матка-лошадь», «маточная лошадь»;

tu-a xol «коса» (женская), букв. «волосы-ветвь», «волосяная ветвь»;

bum-a larza «землетрясение», букв. «земля-трясение», «земное трясение»;

dast-a randa «ручной скребок» (инструмент), букв. «рука-скребок»;

das-a vusa «рукав», букв. «рука...» (2-е слово в своем собственном значении неясно), «ручной...»;

del-a sja «сука», букв. «матка-собака»;

darz-a kūma «рига», букв. «сноп-амбар», «снопяной амбар»;

kaš-a bjn «подмышка», букв. «пазуха-дно»;

mijon-a zu «борьба грудь с грудью», букв. «поясница-сила» (борьба), «поясничная борьба»;

čaxtax-a sju «огниво», букв. «кремень-камень», «кремневый камень»;

xom-a tū «сливки», букв. «сметана-плевок», «сметанный плевок»;

dū-a vila «копоть», букв. «дым-сажа», «дымная сажа»;

ov-a dijg «толчая», букв. «вода-толчая», «водяная толчая» (для размола риса);

tatur-a bizang «оса», букв. «дикая птица-пчела», «дикая пчела»;

xug-a pizä «свиной тростник», букв. «свинья-куга»;

vjñi-a hjl «ноздря», букв. «носовая дыра»;

vjñi-a rag «носовая артерия», букв. «нос-артерия»;

tüm-a tjriñ «чалтычная лопаточка», букв. «семя (рассада)-лопаточка»;

gab-a čarx «гончарный круг», букв. «посуда-круг», «посудный круг»;

gosjñ (<go-a osin) «плуг», букв. «корова-железо», «коровье железо»;

asb-a müz «овод», букв. «лошадь-муха», «лошадиная муха»;

das-a miča «рукоятка», букв. «рука-запястье»;

žimon-a ka «жилой дом», букв. «жизнь-дом», «дом для житья»;

vjžor-a rüž «воскресенье», букв. «базар-день», «базарный день».

Этот тип сложений весьма продуктивен и в эпоху языкового терминотворчества дал немало новых слов, вроде: *otaš-a osio* «паровая мельница», букв. «огонь-мельница», *rahan-a mašin* «паровоз», букв. «пармашина», *dars-a sor* «учебный год», букв. «урок-год», «ученье-год», *das-a čakon* «рукоплесканья», букв. «рука-шлепки» и т. п.

б) Сложное имя состоит из определяющего имени прилагательного и определяемого имени существительного. Имя прилагательное получает тот же безударный гласный суффикс *-a*, что подтверждает его качественный характер (см. выше, стр. 72):

sjpi-a oš «особый сорт похлебки», букв. «белый суп»;

sjpi-a sju «рассвет», букв. «белая заря»;

vaz-a xug «кабан», букв. «дикая свинья»;

vaz-a ru «река (засыпанная листьями)», букв. «дикая (т. е. неоцищенная) река» (ср. название реки «Вазару»);

jol-a bobo «прадед», букв. «большой дед»;

jol-a nana «бабка», букв. «большая мать» (также *jol-a žen*);

šat-a pešt «горбун», букв. «кривая спина».

В *sijo-kiža* «кукушка», букв. «черная птица», оба имени настолько объединены в одном понятии, что соединительный гласный отсутствует; новым термином является *sjpi-a nat* «белая нефть» (керосин).

в) Тот же тип сложений мы находим в многочисленных названиях разных пород деревьев (значение отдельных определяющих имен нами не выяснено):

ambj̄r-a do «железное дерево», так называемое демир-агач, букв. «щипцы-дерево»;

šjmšor-a do «самшитовое дерево», букв. «самшит-дерево»;

viz-a do «ореховое дерево», букв. «орех-дерево»;

tut-a do «тутовое дерево», букв. «тут-дерево»;

vi-a do «ива», букв. «ива-дерево».

Другие примеры: *molol-a do* «ольха», *razo-a do* «ясень», *vaz̄a do* «бук», *mač-a do* «липа», *kj̄v-a do* «липа», *matol-a do* «таловое дерево», *vj̄zm-a do* «карагач», *gäläs-a do* «клен», *balel-a do* «дуб».

г) Первая часть сложения — глагольная основа, снабженная тем же гласным элементом **-а**, вторая — определяемое имя существительное:

sand-a ču «гладильная доска» (*sande* «гладить»);

sand-a ter «разглаженная пряжа» (тот же глагол);

dart-a ču «часть ткацкого станка», букв. «сметающая палка» (*darj̄te* «мести, сметать», перс. *dār roftān*);

zand-a go «корова» (*zande* «рождать, телиться»).

д) Сложное имя состоит из двух имен существительных, из которых первое, определяющее, стоит в том или ином отношении ко второму, но связь его с ним менее тесна и не носит характера передачи определяемому специального качества, как в рассмотренных выше случаях.

Основное синтаксическое отличие таких сложений от вышеописанных заключается в том, что определяющее имя получает детерминативный ударный суффикс **-i**. Не принимают этого суффикса, за немногими исключениями, имена, исходящие на переднее **-а** и на **-ц, -о**, непосредственно предшествующие определяемому слову и сохраняющие на этих гласных ударение, согласно общему правилу ударности конечных слогов слова. Суффикс **-i** в данном синтаксическом сочетании двух имен ставит определяющее имя в родительном падеже. Примеры:

dim-i kuka «щека», букв. «лица скула»;

hij̄š-i gi «ярмо», букв. «пуга шея»;

pi-a žen-i hana «радуга», букв. «старой женщины ковер»;

xaly-ĵ mahkama «нарсуд», «народа суд» (новый термин).

Примеры на исходные **-а** и **-о** имен определяющих, не принимающих **-i**:

dijo-dim «поверхность моря», букв. «моря лицо»;

kuma kiža «воробей», букв. «крыши птица»;

kando jo «пасека», букв. «ульев место»;

sinā ču «часть ярма буйвола», букв. «груди палка»;

ka soj̄b «домохозяин», букв. «дома хозяин» (но *kat ba* «дома дверь», «дверь»);

tj̄ba so «кладбище», букв. «гробниц двор»;

ro tižai «дорожные припасы», букв. «дороги припасы»;

vo vaz̄i «веяние ветра», букв. «ветра дуновение»;

havo čaxtax «гроза», букв. «воздуха сверканье»;

osio sĵy «жернов», букв. «мельницы камень».

Сюда же относятся сложные имена родства, выражающие определенную родственную связь: *hova zua* «племянник», букв. «сестры сын»,

hova kina «племянница», букв. «сестры дочь», *boa kina* «племянница», букв. «брата дочь», *kina nava* «внучка» (от дочери) и т. п.

е) Оба имени непосредственно соединены без детерминативного суффикса *-i*. В языковом сознании сложное имя уже неразложимо на две слагающие части. Ударение — только на конце всего сложения. Примеры: *kalašku, klašku* «амбар для рисовой соломы» (*ku* «место»), *samaku* «саманник» (*sama* «саман»), *hamanjo* «ток для молотьбы» (*haman* «куча необмолоченного хлеба», *jo* «место»).

Как мы видим, определяемое слово передает понятие места.

ж) Как и в персидском языке, в талышском имеет значительное распространение тип сложений, второй частью которых является глагольная основа, а первой — имя существительное, стоящее ко второй части в падежном отношении. Сложное имя служит обычно субстантивированным прилагательным. Часть таких сложений — персидские заимствования, а часть — образована талышским языком, как показывает их форма. Примеры: *gul-lāyand* «стрелок» (букв. «пулю бросающий»), *hilāboz* «плут, мошенник» (букв. «с хитростью играющий»), *taxtatoš* «деревообделочник, стругальщик», *kīloduz* «шапочник» (гл. *dute* «шить», основа наст. времени — *-duz*, сохранившаяся только в таких сложениях), *šimduz* «лапти плетущий, лапотник», *mašoduz* «башмачник», *arakaš* «пильщик», *dūkondo* «лавочник», *dokua* «дятел» (букв. «дерево долбящий»), *xabado* «осведомленный»; из новых терминов: *zahmatkaš* «трудящийся», *γīblanimo* «компас». В слове *ašpaz* «повар» сохранилась персидская форма *aš* вместо *oš*. Такие сложения могут образовывать не только имена людей и действующих существ, но и названия предметов: *godūš* «подойник» (букв. «корову доящий»), *dudkāš* «дымовая труба» (букв. «дым тянущий»).

з) Первая часть сложения — имя числительное, вторая — имя существительное: *hoftband* «свирель» (букв. «семь колен, семиколенная»), *segazi* «мешок длиною в три „газа“».

и) Обе части сложения — имена существительные, причем первое является атрибутом или аппозицией ко второму, вроде *neiasp* «жеребец» («самец-лошадь»), *neigo* «бык» («самец-бык»), *gīlov* «розовая вода», букв. «роза-вода», перс. *golab*). Это слово — персидское заимствование в талышской фонетической переработке. Роза, цветок — в талышском *vīl*. *Šamor* «громоздкая змея». Последнее сложение — другого типа. В первой части *šah* следует видеть не имя существительное, а качественное прилагательное со значением «отличный», «большой», «крупный» — значения, производные от «шахский». Примеры этому дает и персидский язык.

к) В слове *dasdiroz* «властитель» (букв. «длинная рука») мы имеем сложение, выражающее понятие человека, обладающего данным признаком (в переносном смысле), и, таким образом, это сложение, по существу, детерминативное, дающее субстантивированное прилагательное «длиннорукий». В персидском языке обе части сложения могут быть переставлены без изменения смысла целого. То же, повидимому, и в талышском, в котором мы находим, например, *zabardas* в том же значе-

нии «властитель», «повелитель» (букв. «имеющий верхнюю руку»). Это слово, быть может, заимствовано из персидского и по своему типу¹ должно быть отнесено к *composita attributiva*, но как субстантивированное прилагательное, имея значение «человек, обладающий данным признаком», не отличается от сложения *dasdīroz*, которое, по аналогии с *rusefid*, включается Горном² в категорию *composita determinativa*.

Отметим еще следующие персидские заимствования, составленные с изафетом или предполагающие таковой: *ahzor* «стон» (перс. *ah-e zar*), *mirov* «распределитель воды», «мираб» (перс. *āmīr-e ab*).

л) В талышский язык проникло и несколько тюркских сложений, дублирующих или даже вытесняющих соответствующие талышские: *bojunba* «ожерелье» (тал. *gījoza*), *aljš-veresh* «торговля» (тал. *souda*).

2. Сложений копулятивных нам встретилось мало. Примеры: *ti-kamop* «охотничий лук со стрелами» (стрела-лук), *zin-olaton* «седло с набором» (седло-принадлежности).

Таким образом, все перечисленные нами типы сложений образуют имена существительные.

* * *

За немногие годы существования письменности талыши сумели широко использовать еще и другой тип образования сложных имен — путем использования форм причастий настоящего и прошедшего времени. Эти сложные имена являются прилагательными, но весьма значительная часть их легко субстантивируется. У нас собран весьма значительный материал таких неологизмов, перечень которых мы даем в наших замечаниях по лексике. Здесь же приведем примеры сложных имен, использовавших причастия наиболее употребительных глаголов.

1. Сложные имена, использующие во второй части сложения причастия настоящего времени. Они образуются по типу: префикс *a-* и глагольная основа; в первой части сложения — чаще всего имя существительное, но также и другие части речи — прилагательные, местоимения, наречия, предлоги, иначе говоря, все те грамматические элементы, которые образуют первую часть сложения сложных глаголов. Следовательно, сложное имя формально представляет собою причастие соответствующего сложного глагола.

Причастие *aka* (гл. *karde* «делать»):

а) имена прилагательные: *pulo-ov-aka* «сталелитейный» (букв. «сталь расплавляющий, сталь в воду превращающий»), *avaz-aka* «разводящий, сменяющий», *γīr-aka* «истребительный», *komak-aka* «помогающий», *jam-aka* «собираемый, множественный», *vas-ne-aka* «недостаточный» (букв. «достаточно не делающий»), *jštani-idora-aka* «самоуправляющийся», *rjsvo-aka* «позорящий», *toža-aka* «обновляющий»;

¹ См. Р. Ногн. Указ. соч., стр. 198.

² См. там же, стр. 177.

б) имена существительные: *ko-aka* «рабочий», *kuč-aka* «эмигрант», *ūsjon-aka* «мятежник», *git-aka* «пахарь», *hakim-aka* «врачебный пункт», *aktin-aka* «земледелец».

Причастие *aba* (гл. *barde* «нести, уносить»): имя прилагательное — *ba-nav-aba* «прогрессивный».

Причастие *ava* (гл. *varde* «приносить»): имя существительное — *ba-maidon-ava* «исполнитель».

Причастие *ada* (гл. *doe* «давать»): имя прилагательное — *sa-ada* «начинающий».

Причастие *aše* (гл. *še* «итти»): имя существительное — *ba-ro-aše* «путник».

Причастие *agat* (гл. *gate* «братъ»): имя существительное — *moi-agat* «рыболов».

Причастие *egi* (гл. *e-gate* «братъ» с направлением сверху вниз; использована сохранившаяся основа презенса): *kašt-egi* «помогающий» (букв. «за руку берущий»).

Причастие *ahvat* (гл. *havate* «продавать»): имя существительное — *nün-ahvat* «продавец хлеба».

Причастие *aku* (гл. *kue* «колотить»): имя существительное — *xaman-aku-maštn* «молотилка» (букв. «кучу снопов колотящая машина»).

Причастие *da-abas* (гл. *da-base* «связывать»): имя существительное — *da-abas* «суффикс».

Причастие *ažan* (гл. *žae* «бить»): имя существительное — *vo-ažan* «веялка».

Причастие *azjn* (гл. *zjne* «знать»): имя прилагательное — *ve-azjn* «ученый, много знающий».

2. Сложные имена, использующие во второй части сложения причастия прошедшего времени. Преобладающее большинство таких сложений, представляющих по форме прошедшие причастия соответствующих сложных глаголов, воспринимается в языковом сознании талышей как причастия и лишь незначительное число — как существительные. Переходу их в семантическую категорию последних помогает также спорадическое присоединение к ним слова *kas* «человек».

Причастие *ba* (гл. *be* «быть»): *γjr-ba* «погибший», *baši-ba* «ниже находящийся», *ba-pe-ba* «выше находящийся», *aloyaš-ba* «связанный с чем-нибудь, относящийся к чему-нибудь», *asliš-nj-ba* «недоверенный», *tahkim-ba* «крепостной, подвластный», *ba-nav-ba* «предшествовавший», *jo-nj-ba* «неотделимый», *sa bīnjš-nj-ba* «бесконечный» (букв. «головы, dna у него не бывший»), *žjne-nj-ba* «немыслимый», *mislš-nj-ba* «бесплодный», *čj-to-ba* «родившийся» (букв. «от матери бывший»), *kaša-ba* «проведенный, протянутый», *i-ba-štaton* «Соединенные Штаты (Америки)».

Причастие *doa* (гл. *doe* «давать»): *njdo-a* «отрицательный», *ba-sa-do-a* «урожайный, плодородный», *žjt-do-a* «молочный», *γanun-do-a* «законодатель», *nišo-do-a* «указанный, указание», *tarbija-do-a kas* «воспитатель» (букв. «воспитание давший человек»).

Причастие *kārda* (гл. *karde* «делать»): *deven-kārda mašin* «жатвенная машина», *sīxan-kārda kino* «звуковое (букв. «говорящее») кино», *ko-kārda rūz* «трудодень», *gami-ko-kārda rū* «судоходная река».

Причастие *gata* (гл. *gate* «брать»): *sa nīgata* «неудавшийся» (букв. «конец не взявший»), *moi-gata vīra* «рыбная ловля» (о месте).

Причастие *masa* (гл. *mase* «слышать»): *masa kas* «слушатель».

Причастие *handa* (гл. *hande* «читать»): *handa kas* «читатель».

Причастие *o-gata* (гл. *o-gate* «охранять»): *čas-navi-o-gata* «предупредивший» (букв. «перед глаза охранивший»).

Причастие *ža* (гл. *žae* «ударять»): *tabil-ža kas* «барабанщик» (букв. «барабан бьющий человек»), *zījon-ža kas* «вредитель».

Причастие *ša* (гл. *še* «итти»): *nada-ša* «передовой» (букв. «впереди идущий»), *haši pe-šai* «восход солнца» (гл. *pe-še* «восходить»), *haši e-mai* «заход солнца» (гл. *e-me* «заходить»).

Причастие *kūlša* (гл. *kūlše* «трудиться»): *kūlša kas* «трудящийся».

Причастия как настоящего, так и прошедшего времени в таких сложениях ударения не принимают и являются энклитиками, произносимыми слитно с первой частью сложений: *mōi-agat* «рыболов», *dā-abas* «суффикс», *nūn ahvat* «продавец хлеба», *yanūn-doa* «законодатель», *jonjba* «неотделимый» и т. п.

Также не получает ударение слово *kas* «слушатель» — *hānda kas* «читатель».

Причастие настоящего времени от *karde* «делать» — *aka* «делающий» настолько часто используется в таких неологизмах (а равно и причастие прошедшего времени *ba* от гл. *be* «быть»), что *aka* и *ba* проявляют тенденцию к превращению в суффиксальные элементы, например, *kō-aka* «рабочий», *akin-aka* «земледелец», в которых *aka* в своем грамматическом использовании идентично с персидским суффиксом *-gār* в *kargār* «рабочий», *bārzgār* «земледелец». В словах: *γīr-aka* «губящий» и *γīr-ba* «погибший» вторые части — *aka* и *ba* можно было бы сопоставить с суффиксами языков, разграничивающими глагольные прилагательные в залоговом отношении.

2. ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Если имена существительные представляют собою часть речи, достаточно богато оформленную морфологически благодаря наличию многочисленных словопроизводных суффиксов и типов сложений, то имена прилагательные значительно беднее словопроизводными суффиксами и типами сложений. Они легко субстантивируются, чему, как мы только что видели в группе глагольных прилагательных сложного состава, способствуют и их специальные формы.

Формы имен прилагательных, выражаемые словопроизводными суффиксами, следующие.

Самым распространенным и весьма продуктивным является суффикс *-in*, восходящий в др. п. *aina*, ав. *aēna*. В разговорной речи

этот суффикс оформлял, по имеющимся у нас материалам, повидимому, сравнительно небольшое число прилагательных качественных. В непродолжительный же период создания письменности он получил чрезвычайно широкое использование и образовал множество прилагательных относительных, более абстрактной семантики, подобно тому, как суффикс **-ati** в те же годы был использован для образования множества имен существительных отвлеченных.

Приведем несколько примеров на прилагательные качественные: *misin* «медный», *osuntin* «железный», *nj̄yain* «серебряный», *telein* || *telen* «золотой», *čerkin* «грязный», *saŋgin* «тяжелый», *noxaišin* «больной», *sarin* «холодный», *gilmāin* «розовый», *gilin* «глиняный», *havzin* «зеленый», *hūšin* «песчаный», *pusin* «меховой», *gardin* «пыльный».

Мы считаем бесполезным привести в наших замечаниях по талышской лексике далеко не полный, но охватывающий более сотни слов, список талышских прилагательных — неологизмов на **-in**, отмеченных нами в печатных произведениях.

Преобладающее большинство этих прилагательных — относительные, причем многие из них произведены от арабских имен существительных, заимствованных талышским литературным языком. Следует отметить, что в этих неологизмах древний иранский суффикс **-in** успешно вытеснял не только иранский *ja-je nesbāt*, но и совпавший с последним по форме арабский суффикс прилагательных, как показывают следующие примеры: *asosin* «основной», *tarixin* «исторический», *haŋiŋin* «истинный», *taxminin* «приблизительный», *umumin* «всеобщий» и многие другие.

Суффикс **-i** (*ja-je nesbāt*) — основной суффикс, образующий прилагательные в персидском языке, — в языке талышском, по всем данным, уже не является производительным, что вполне понятно при столь большом использовании суффикса **-in**. Примеров на **-i** очень мало: это или имена существительные, следовательно, прилагательные субстантивированные, вроде *renji* «больной»¹ (ср. выше, стр. 97; подобное же использование **-i** в слове *mizdi* «наемный рабочий»), или имена прилагательные, заимствованные в своей персидской форме, вроде *abi* «голубой», или же, наконец, прилагательные арабские, в которых **-i** совпало с упомянутым арабским суффиксом **-i**, как, например, в словах *sijasi* «политический», *asasi* «основной», *šifohi* «устный». Эти имена можно считать целиком заимствованными из арабского языка, поскольку, например, *asasi* имеет также и талышскую форму *asosin* с суффиксом **-in**. Талышских же имен прилагательных на **-i**, повидимому, совсем мало: *be-toni* «наружный» (от *ton* «сторона»).

Суффикс **-o** встречается, повидимому, редко: *dinjo* «спокойный» (от *dinj*, *dinji* «отдых»), *asbo* «верховой». Его этимология нам не ясна.

Суффикс **-mand**, ср. п. **-ōmand**, мы считаем суффиксом «обладания», встречающимся только в персидских заимствованиях, и непродуктив-

¹ В талышском языке имеется более обычное слово для «больного» — *noxaišin*.

ным: *davlatmand* «богатый», *ayilmand* «умный», *asilmand* «знатного происхождения», *zumand* «сильный».

Суффикс **-nok** || **-nuk**, повидимому, также встречается лишь в персидских заимствованиях, вроде *γazabnuk* «гневный».

Суффикс **-lū**, тюркского происхождения, в талышском языке сохраняет свою продуктивность: *bafolū* «верный» (от *bafo* «верность», перс. *vāfa*), *ozolū* «больной» (от *ozo* «обида», перс. *azar*).

Суффикс **-minji**, присоединяемый к числительным количественным для образования числительных порядковых, интересен по своему составу: в нем мы различаем иранскую часть **-min** (н. п. *-omin*) и тюркский суффикс **-ji**: *diminji* «второй» (н. п. *dovvom(in)*), *seminji* «третий», *čominji* «четвертый», *daminji* «десятый», *saminji* «сотый», *hazominji* «тысячный». «Первый» имеет две формы: талышскую *iminji* и арабскую *avval-minji*, где *minji* целиком присоединяется к арабскому *avval*.

1. Прилагательные качественные. Преобладающее число их не имеет никакого специального оформления и выявляется в своем значении прилагательных синтаксически, постановкой перед определяемым именем и присоединением к ним гласной энклитики **-а**, выступая в функции определения.

Эти качественные прилагательные выражают:

а) цвет, окраску: *havz* «зеленый», *kavu* «голубой», *sijo* «черный», *sipi* «белый», *zard* «желтый»; лошадиные масти: *čal* «серый, чалый», *āblāy* «пегий», *ke* «гнедой», *kurān* «рыжий», *mallū* «пегий» и т. п.;

б) физические свойства предметов, пространственные и другие: *barz* «высокий», *biḷind* «высокий», *čap* «левый», *dīroz* «длинный», *gada*, *gide* «маленький», *gird* «круглый», *hovuž* «широкий», *kirt* «короткий», *niyil* «глубокий», *ož* «открытый», *rūk* «малый», *jol* «большой», *kam* «немногий», *ros* «прямой», *hašam* «увядший»;

в) вкусовые и осязательные ощущения: *sū* «соленый», *šin* «сладкий», *tat* «горячий», *tel* «горький», *hišg* «сухой», *toža* «свежий», *tiž* «острый», *kolkoli* «сырой, несваренный», *kirč* «сухой, поджаренный»;

г) физические свойства и характерные признаки людей: *gūjli* «нагой», *her* «косоглазый», *kačal* «плешивый», *kor* «глухой», *kosā* «безбородый», *laṅg* «хромой», *lol* «немой», *lod* «худой», *vūžg* «редкозубый», *zaif* «слабый», *si* «сытый», *kok* «упитанный, веселый», *šat* «кривой», *šoḥ* «стройный», *bark* «крепкий»;

д) душевные качества человека: *bad* «плохой», *činiy* «алчный», *čok* «хороший», *dali* «безумный, сумасшедший», *düz* «правильный, справедливый», *dīriš* «правдивый», *jald* «проворный», *daṅg* «безумный», *jodū* «лживый», *sama* «одурелый», *sis* «усталый», *sivik* «легкий, проворный», *šo* «радостный», *vaz* «дикий» (о животных, по преимуществу), *hotijam* «спокойный», а также выражающие признаки, характеризующие человека в социальном и других отношениях: *vev* «вдовый, вдовая», *joxsol* «бедный», *jad* «чужой», *hozo* «готовый» и т. п.

Многие из этих качественных прилагательных могут, как мы видели, путем присоединения суффиксов **-i** и **-ati** образовывать соответствующие отвлеченные имена существительные: *hovuži* «ширина», *čatinati*

«трудность», и в таком случае самая неформленность их такими суффиксами характеризует их отрицательно как имена, входящие морфологически в категорию имен прилагательных.

2. Сложные имена прилагательные. Кроме специальных форм сложений причастного типа, выше описанных (см. стр. 107—108), другие типы сложений имен прилагательных немногочисленны:

а) первая часть сложения — частица совместности *ham*, вторая — имя существительное: *ham-rang* «одноцветный», *ham-ro* «сопутствующий» (и «спутник»), *ham-suja* «соседский» (и «сосед»), *ham-xui* «одного нрава» и т. п.;

б) первая часть — предлог (префикс) *be* «без», вторая — имя существительное: *be-čaš* «безглазый», *be-ko* «безработный», *be-mano* «бессмысленный», *be-züi* «бессильный».

В некоторых сложениях *be* заменяется его персидской формой *bi*, что указывает на персидское литературное влияние: *bi-hisob* «бродяга» (букв. «с кем не считаются»), *bi-hajo* «бесстыжий», *bi-bafo* «неверный» (н. п. *bi-väfa*), *bi-savod* «неграмотный», *bi-xaba* «неосведомленный», *bisoïb* «бесхозяйственный»;

в) первая часть предлог (префикс) *ba* «у, при», вторая — имя существительное: *ba-žia* «живой»;

г) первая часть — частица отрицания *ni* или *ni*, или *no*, вторая — имя существительное, имя прилагательное или глагольная основа: *no-dinj* «неспокойный», *ni-ras* «недостаточный», *ni-va* «непроходимый» (*va* «перед»).

Интересны сложения атрибутивного типа, состоящие из прилагательного + существительное + суффикс прилагательных *-in*: *kam-γivain* «маломощный», *hirda-jašin* «малолетний» (талышско-тюркское сложение *hirda-jaš*). Эти примеры, как нам кажется, показывают, какой четкой грамматической категорией в языковом сознании современного талыша являются имена прилагательные: оно уже не удовлетворяется существующим в языке древним способом образования сложных прилагательных, легко субстантивиремых (например, *hirda-jaš* «малолетний, малолеток, ребенок»), но снабжает их специальным суффиксом для более четкого разграничения их грамматического значения.

3. МЕСТОИМЕНА

Следуя обычной, принятой при изложении морфологии иранских языков, системе, мы выделяем местоимения в особый раздел, хотя, по существу, для этого нет достаточных оснований, поскольку слова, включаемые в нее и объединяемые общим термином «местоимения», лишь в незначительной части по своим признакам имеют право на такое наименование. Прежде всего право именоваться «местоимениями» принадлежит, естественно, местоимениям личным, являющимся основой и центром этого грамматического класса. К ним морфологически и синтаксически примыкают местоимения притяжательные. В раздел о место-

имениях мы, далее, включаем местоимения вопросительные, представляющие, подобно местоимениям личным, также грамматические реликты древних грамматических местоимений; затем — местоимения указательные, отличающиеся от категории имен (существительных и прилагательных) тем, что они не содержат понятий предметности и качественности; далее — местоимения определительные и неопределенные, а также некоторые имена, в той или иной степени развившие свои местоименные значения и, следовательно, уже не вполне сливающиеся с классом имен существительных и прилагательных.

а) Местоимения личные

От имен существительных личные местоимения отличаются в талышском языке следующими морфологическими особенностями:

1) местоимения 1 и 2 л. ед. ч., как и в других индоевропейских языках, имеют для множественного числа особые супплетивные формы, восходящие к другим корням, и, следовательно, не знают общего для имен существительных показателя множественного числа;

2) местоимение 1 л. ед. ч. имеет две формы, восходящие к разным корням: форму прямого падежа и форму косвенного падежа, в широком смысле последнего термина; таким образом, оно не знает детерминативного суффикса **-i**, являющегося универсальным показателем косвенного падежа имен существительных;

3) местоимения личного 3 л. ед. ч. талышский язык, как и персидский, не знает и использует указательные местоимения, которые, субстантивируясь в функции местоимений личных, получают способность принимать как детерминативный суффикс **-i**, так и общий показатель множественного числа имен существительных **-on**, сближаясь в этом с категорией имен существительных в отличие от 1 и 2 л. местоимений личных.

1. Личное местоимение 1 л. ед. ч. Имеет две формы: прямую *az* и косвенную *mī(n)*. Прямая форма *az* исторически восходит к ав. *azəm* (др. п. *adam*).

Косвенная форма *mīn* исторически восходит к авестийской и древнеперсидской форме *manā*, именуемой в иранистике родительным падежом единственного числа от формы *adam*, называемой падежом имени-тельным.

Az — форма несклоняемая. К форме *mīn*, в зависимости от ее синтаксических функций, могут присоединяться суффиксы **-i** и **-o**.

В новоперсидском языке, как известно, косвенная форма окончательно вытеснила прямую и в утвердившейся в этом языке номинативной конструкции стала выражать грамматическое подлежащее и именительный падеж. В этом состоит резкое отличие в склонении местоимения 1 л. ед. ч. языка персидского от талышского. Вторым — частного порядка — отличием является утрата персидским языком обоих сохранившихся в талышском вышеупомянутых суффиксов, вследствие чего местоимение *mān* в нем выступает всегда в неизменяемой форме.

2. Личное местоимение 2 л. ед. ч. Его форма — *tī*. В ней совпали обе древние формы этого местоимения — прямая *tuwam* || *tūm* (в древнеперсидском и авестийском языках) и *tava*. Эта единая форма *tī* используется для выражения субъекта в предложениях как номинативных, так и эргативных, но в последних, ввиду этого совпадения, она употребляется редко и заменяется обычно местоименным суффиксом 2-го лица *-ī* (см. ниже, стр. 115).

3. Личное местоимение 1 л. мн. ч. Его форма для выражения субъекта *ama* может быть возведена к ав. *ahmakam*, так называемому родительному падежу, следовательно, по происхождению — косвенная. Талышская форма *ama* еще сохраняет начальный гласный, утраченный новоперсидским языком, но еще удерживающийся в среднеперсидском в форме *ēmā*. Форма *ama* редко используется в эргативных предложениях для выражения субъекта; обычно она употребляется плеонастически в добавление к местоименному эргативному суффиксу **-mop** (см. ниже). Для образования флективных косвенных падежей, т. е. образуемых суффиксами **-ī** и **-o**, берется форма *aman*.

4. Личное местоимение 2 л. мн. ч. Его форма для выражения субъекта *šīma* восходит, так же как и форма *ama*, к так называемому родительному падежу (ав. *yūšmākam*), т. е. она тоже косвенная по своему происхождению. Так же как и *ama*, эта форма редко применяется для выражения субъекта в эргативных предложениях, обычно использующих соответствующий местоименный суффикс **-iop** (см. ниже, стр. 115). При присоединении падежных флексий — суффиксов **-ī** и **-o** — берется форма *šīman*.

5. Личное местоимение 3 л. ед. ч. Такого в талышском языке нет — вместо него употребляется указательное местоимение отдаленного объекта *av* (др. п. *ava*). *Av* является прямой формой и употребляется для выражения субъекта только в номинативных предложениях, в эргативных же используется форма *ai*. Она является определено косвенной по своему происхождению, так как произошла из присоединения к *av* детерминативного суффикса **-i**: *avi*. Форма *ai* лежит в основе всех аналитических падежных конструкций и выражает субъект в эргативных предложениях. При присоединении к ней послелога *-ro* она выступает в форме *avī-ro*, т. е. еще в нестяженной косвенной форме от *av*. К форме *ai* возможно присоединение падежной флексии **-o**, но, само собою разумеется, что флексия **-ī** — она же детерминативный суффикс — к ней вторично присоединяться не может.

Наличие двух форм личного местоимения 3 л. ед. ч. резко отличает склонение этого талышского местоимения от соответствующего новоперсидского *u*, знающего только одну форму.

6. Личное местоимение 3 л. мн. ч. Его форма — *avop*, т. е. она представляет собою правильно образованное множественное число от *av*. *Avop* в соответствии с синтаксическими, падежными, функциями может принимать суффиксы **-ī** и **-o**.

Итак, талышские местоименные личные формы обнаруживают, по сравнению с новоперсидскими, большой архаизм, который особенно

отчетливо выявляется в склонении местоимений 1 и 3 л. ед. ч. с их двойными формами для прямого и косвенного падежей.

б) Местоимения притяжательные

Отдельных форм этих местоимений язык не знает; как и в персидском, они образуются аналитически и представляют собою слитную с предлогом *čj* «из, от» форму личных местоимений: *čjmj* «мой» (из *čj* и *mj*), *jštj* «твой» (из *čj* и *tj*), *čai* «его» (из *čj* и *ai*), *čama* «наш» (из *čj* и *ama*), *šjma* «ваш» (из *čj* и *šjma*; в этой форме, вследствие артикуляционной близости *š* с *č*, последнее перестало слышаться), *čavon* «их» (из *čj* и *avon*).

Все эти имена прилагательные согласно общему правилу предшествуют определяемому имени. Все они неизменяемы и не отражают¹ числа определяемых имен: *čjmi ka* «мой дом», *čjmj kaon* «мой дома»; *jštj asp* «твой конь», *jštj aspon* «твои кони»; *čai bo* «его брат», *čai boon* «его братья»; *čama di* «наша деревня», *čama dijon* «наши деревни»; *šjma šahar* «ваш город», *šjma šaharon* «ваши города»; *čavon ko* «их дело», *čavon koon* «их дела».

С помощью турецкого суффикса **-ki**, образующего имена лиц, эти местоимения дают субстантивированные формы со значением «принадлежащий мне предмет»: *čjmjŋki* «мой», *jštjŋki* «твой», *čaiki* «его», *čamanki* «наш», *šjmanŋki* «ваш», *čavonki* «их».

Эти более сильные формы употребляются как сказуемые со вспомогательным глаголом «быть», «существовать».

в) Местоименные суффиксы (энклитики)

В единственном числе: 1 л. — **-im** и **-m** (после гласных), 2 л. — **-j**, **-i**, 3 л. — **-iš**, **-iž** и **-š** (после гласных).

Во множественном числе эти формы принимают общий показатель множественности имени **-on**: 1 л. **-imon**, **-mon** (после гласных), 2 л. **-ion**, 3 л. **-ižon**, **-žon** (после гласных).

Талышские местоименные энклитики 1 и 3 л. ед. ч. **-im**, **-iš**, несомненно, могут быть возведены к древнеперсидским *maty*, *taiy* и авестийским *mē*, *tē*. Что касается местоименной энклитики 2 л. ед. ч. **-j**, то ее этимология неясна.

Синтаксические функции местоименных энклитик см. на стр. 123.

г) Синтаксические функции личных местоимений

Первое лицо единственного числа. Оно дает наиболее интересный и яркий по контрастности форм материал. Прямая форма **az** в предложениях номинативных выражает грамматическое подлежащее и является именительным падежом, которому противопо-

¹ Кроме 3 л. мн. ч.

ставляется новообразованная форма винительного падежа *mini*. В этой функции мы встречаем *az* в следующих предложениях:

1) В предложениях именных, во всех временах и наклонениях, когда предикат выражен именем и глаголом-существительным *be* «быть, стать». В презенсе сокращенные формы *verbi substantivi* употребляются как в положительных предложениях, так и в отрицательных. Примеры: *az rjsoo bam*, «я был опозорен», *magar az ba sa t̄j sa bevaĵ-im?* «разве я хуже, чем ты?», *agar az zūido bábaim* «если бы я был притеснителем», *az d̄jzd nim* «я не вор»¹.

2) В предложениях глагольных, во всех временах и наклонениях, в которых предикат выражен глаголами состояния, движения и вообще безобъектного действия. Примеры: *az šeda bim* «я шел», *az ništa niĵbim* «я не сидел», *az be-ša bim* «я вышел», *az tū kam* «я поплюю-ка (на руки)», *az bišüm* «пойду-ка я», *az ni-parim?* «разве я не полечу?»

3) В предложениях, в которых предикат выражен глаголом переходным, во всех временах и наклонениях, кроме трех прошедших, образованных от прошедшего причастия. Примеры: *az šĵki kardam* «я благодарю», *az ba t̄j polo bapatem* «я тебе сварю плов».

Az, кроме того, нередко употребляется плеонастически в эргативных предложениях, когда субъект уже выражен местоименной эргативной приставкой, например, *az xorck hardame* «я съел пищу» (другие примеры подобных контаминированных предложений см. на стр. 177—178).

Также плеонастически *az* употребляется в предложениях с предикатом, выраженным глаголом *pie* «желать, любить», во всех временах и наклонениях: *az p̄idame* «я желаю», *az p̄idam ni* «я не желаю» (о глаголе *pie* см. стр. 182).

Как мы видим, в пунктах 1—3 ярко выявляется связь формы *az* с построениями номинативными, в которых глагольная приставка *-m* является личным окончанием, согласованным с подлежащим, стоящим в именительном падеже.

Рассмотрим косвенную форму личного местоимения 1 л. ед. ч. В текстах встречаются формы *mĵ* и *mĵn*.

1. Форма *mĵ* имеется в эргативных построениях, выражая объект в прямом (анэргативном) падеже. Пример: *joi mĵ o-hašte* «друг меня оставил». В этой позиции объекта *mĵ*, по существу, заменяет собою прямую форму *az*, которую, однако, в таком эргативном построении мы никогда не встречаем. По нашему мнению, это следует объяснить фактом позднейшего появления формы *az* сравнительно с формой *mĵ*, так как форма *az* могла возникнуть только с полным возобладанием именительного падежа как падежа грамматического подлежащего.

2. Эта же форма *mĵ* является общей косвенной формой личного местоимения 1 л. ед. ч., лежащей в основе всех косвенных падежей. При присоединении падежных гласных суффиксов *-i* и *-o* или послелогов, начинающихся с гласного, *mĵ* получает наращение *-n* (*mĵn*). Также мы

¹ Из фольклорных текстов.

имеем форму *mĭn* при присоединении местоименных эргативных приставок.

Примеры на *mĭ*: дательный падеж — *ba mĭ* «для меня, ради меня», направительный падеж — *lavo būa ba móku (mĭku)* «принеси мне палку», сравнительный падеж — *ba sa mĭ-sa* «чем я (меня)».

Примеры на *mĭn*: местный внешний падеж — *mĭn-ada* «во мне, при мне», дательный (пользы) — другая форма: *bo mĭno* «для меня».

От формы *mĭn* образована форма винительного падежа *mĭni*: *mĭni bōci voṛándaš?* «зачем ты меня посылаешь?»

Итак, использование форм *mĭ*, *mĭn* и *mĭni* определяется соответствующими функциями падежей или способов их выражения, составной частью которых они являются.

Второе лицо единственного числа. Как мы уже сказали, оно не дает такого резкого противопоставления двух форм, как форма 1-го лица, так как в ней совпали обе древние — и прямая, и косвенная — формы. При присоединении к ней падежных суффиксов *-i* и *-o* и послелога *-ada* мы имеем наращение *-n (tĭn)*.

1. Во всех предложениях номинативных *tĭ* выражает логический субъект и является грамматическим подлежащим в форме именительного падежа. Примеры: *tĭ bipar!* «ты полети!», *tĭ boiš!* «ты пришел бы!», *tĭ mándaš* «ты стойшь», *tĭ kattoš* «ты — старшина», *tĭ konjo móad: baš?* «где ты родился?», *tĭ nahaiš!* «не ел бы ты!» *tĭ mĭni ṛandaš!* «ты меня покидаешь!»

2. Во всех предложениях эргативных *tĭ* выражает агенс, субъект действия. Примеры: *tĭ ṛazi heci voṛanda ni* «ты вовсе не посылаал гуся» (здесь эргативная приставка 2 л. ед. ч. *-i* в *ṛazi*), *tĭ čeci harda?* «что ты съел?», *tĭ mĭni ba das da-noa* «ты меня обманул».

Здесь *tĭ* выражает эргативный падеж, плеонастически добавляемый к эргативной приставке 2-го лица, часто трудно выделяемой из конца того слова, к которому она присоединяется.

3. Также *tĭ* стоит в эргативе во всех временах и наклонениях глагола *pie* «желать, любить», идущего по эргативной конструкции.

4. Формы *tĭ* и *tĭn* также лежат в основе всех косвенных падежей и способов выражения падежных отношений. Примеры:

падеж сравнительный — *az ba sa tĭ-sa bevaĭim?* «разве я хуже тебя?»;

падеж дательный — *mĭ ba tĭ cič karda be?* «я что тебе сделал?»;

дательный пользы — *bo tĭno, bo tōno* «для тебя, из-за тебя»;

падеж направительный — *būam ba tĭ-ku* «принесу-ка я тебе»;

падеж местный внешний — *ba tĭnada* «у тебя, при тебе».

Наконец, аналогично форме *mĭni* образована форма *tĭni*, выражающая винительный падеж, которая, будучи вводимая в эргативные конструкции, способствует их разложению, например: *tĭni pĭdašone* «тебя они желают (требуют)», *tĭni voṛándĭmone* «мы тебя послали» и т. п.

Как мы видим, *tĭ* используется очень широко и его функции более многочисленны, чем функции *mĭ*, так как охватывают и все те функции, которые выпадают на долю прямой формы 1 л. ед. ч. *az*.

Синтаксические функции *tj* те же, что и соответствующих падежей, в состав которых она входит.

Третье лицо единственного числа. Здесь проводится резкая грань в синтаксическом использовании его прямой формы *av* и косвенной *ai*.

Прямая форма *av* выражает субъект состояния, субъект безобъектного действия во всех временах и наклонениях и субъект переходного действия во всех временах и наклонениях, кроме производных от причастия прошедшего времени, т. е., иначе говоря, во всех предложениях номинативных, являясь вместе с тем и грамматическим подлежащим, стоящим в именительном падеже и согласуемым с глагольным предикатом. Примеры: *av čok babe* «он поправится» (букв. «он хорошим станет»), *av tasa* «он захлебнулся», *av įšta lingon ó-baka* «он свои ноги развяжет».

В предложениях эргативных *av* выражает объект переходного действия, стоящий в падеже прямом (анэргативном). Примеры: *áv-įšon várde* «его они принесли», *áv-įmon hišk karde* «его (рис) мы высушили», *áv-įm vočandáme ba Karbalo* «его я послала в Кербелу».

Итак, *av*, в зависимости от строя предложения, имеет две противоположные функции: в предложениях номинативных — выражения субъекта состояния, действия, а в предложениях эргативных — объекта действия.

Косвенная форма *ai* имеет следующие функции:

1. В эргативных предложениях она является падежом эргативным, выражая субъект действия. Пример: *ai nün harde* «он съел хлеб».

2. В номинативных предложениях она выражает грамматическое прямое дополнение — объект и является винительным падежом. Примеры: *ai ádįzdi* «его (он) обворовывал», *xani ásrada hajó čóka kina ábi*, *ai ákřni* «в ханское время, где только ни была красивая девушка, ее он (к себе) тащил»¹.

3. Форма *ai* в функции общего косвенного падежа лежит в основе всех других падежей и способов их выражения. Примеры:

дательный падеж — *bái* (ba ai) «ему», *xasisi bái javóbiš dóe* «скряга ему дал ответ»;

дательный пользы — *bo ájo* «для него, ради него»;

родительный падеж — *čai* (из *čj + ai*) — форма, получившая значение притяжательного местоимения «его» (см. выше).

Поскольку форма *ai* в разных построениях может выражать и субъект, и объект, падежи эргативный, винительный и общий, косвенный, причем последний в дальнейшем падежном использовании и конкретизации дифференцируется на ряд других падежей (дательный, родительный), а с другой стороны, прямая форма *av* также имеет в эргативном и в номинативном построениях функции взаимно противоположные — выражения то субъекта, то объекта, — естественно, что появилась (повидимому, в недавнее время) потребность в образовании новой

¹ Тексты из фольклора.

формы *avi*, которая, по аналогии с *mīni* и *tīni*, должна выражать винительный падеж прямого дополнения в номинативных предложениях, в настоящее время господствующих в языке. Но, судя по имеющимся в нашем распоряжении грамматическим примерам, это новообразование полной ясности в разграничение функций *ai* и *av* еще не внесло, хотя, конечно, способствовало ускорению процесса переработки эргативных построений на номинативные.

По аналогии с предложениями типа *ai mīni voḡānde*, *ai tīni voḡānde* «он меня послал, он тебя послал и т. д.», отступивших от обычных построений с эргативной приставкой, т. е. от типа *mīniḡ voḡānde*, *tīniḡ voḡānde*, и введших в эргативные построения винительный падеж *mīni*, *tīni*, стало возможно и контаминированное построение *ai avi voḡānde* «он его послал», в котором *ai* выражает, несомненно, субъект. Но мы видели выше, что та же форма *ai* в номинативных предложениях (с невыраженным, хотя и подразумеваемым субъектом) выражает падеж винительный [*ai ākrni* «е (он) тащил»]. Кроме того, остается еще возможным и правильное эргативное построение *ai av voḡānde*, где *av* по значению то же, что и *avi*. И это «пассивное» объектное, содержание формы *av*, следовательно, совпадающее с содержанием новообразованного аккузатива *avi*, поддерживается весьма распространенным и самым до сих пор обычным в талышском языке эргативным построением *āv-iḡ* «его он», в котором эргативная приставка *-iḡ* выражает субъект, а прямая форма *av* — объект.

Естественно, что поэтому конструкция *ai avi voḡānde* не получила еще такого использования, как обычная *āv-iḡ voḡānde*, которую она проявляет тенденцию сменить.

Форма *avi*, как новообразование, интересна в истории эволюции косвенной формы личного местоимения 3-го лица в талышском языке. Древняя прямая форма *av* легла в основу косвенной формы *ai*, использованной в первую очередь для выражения эргативности субъекта. Когда же затем, в процессе постепенного разложения эргативного строя, форма *ai*, ослабляясь в своей эргативной семантике, стала приближаться к выражению грамматического подлежащего вообще, т. е. к семантике падежа именительного, понадобилось новообразование для выражения объекта другой формой, т. е. на этот раз уже аккузативом, который и стал выражаться через *avi*. Ослаблению же эргативной семантики формы *ai*, несомненно, много способствовало и формальное сближение двух гласных исходов, именно *e* гласного исхода в эргативном предложении, например, в *voḡānd-e* «он послал», и *e* глагольного окончания 3 л. ед. ч. в предложениях номинативных, например, *hīt-e* «он заснул».

Первое лицо множественного числа. Его форма, как известно, также косвенная (ав. *ahmākam*). Архаической чертой является сохранение начального *a*, утраченного новоперсидским. Наряду с *ama* есть еще форма *aman*.

1. Форма *ama* выражает плюральный субъект состояния, без-объектного и объектного действия и является грамматическим подле-

жащим во всех номинативных предложениях. Примеры: *ama ajjörimun* «мы всезнайки», *ama omátmon* «мы пришли», *ama kosjbitmon* «мы трудящиеся», *ama dj̄ ʔošuni šemon* «мы пошли с войском», *ama vóttamon* «мы говорим», *ama olat asánimón* «мы одежду не купим», *ama čič b̄fkamon?* «что мы будем делать?», *ama ʔazi azj̄nimón harde* «мы гуся съестъ не сможем».

Плеонастически *ama* выражает субъект переходного действия, уже выраженного эргативной приставкой: *ama v̄indj̄mone* «мы увидели».

В предложениях эргативных *ama* выражает не субъект, а объект и, следовательно, стоит в анэргативном падеже: *kolj̄ki ama gatše* «сильный дождь нас захватил».

Форма *ama* входит в состав притяжательного местоимения «наш», образованного из предлога *čj̄* и *ama* (*čamc*). Также входит она в состав падежных конструкций, образованных аналитически с помощью предлогов *ba* и *čj̄* и послелога *-ku*: *ba amá-ku adáte* «у нас (при нас) есть обычай», *čamákuš pie* «он с нас потребовал».

2. Форма *aman* используется следующим образом:

а) как и *ama*, она имеет функцию выражения объекта действия в эргативных предложениях, где эргативный падеж выражен соответствующей эргативной приставкой: *amánj̄š volo kárde* «нас оно (это) разорило», *amánšun e-gáte ba gullä* «нас они обстреляли пулями»;

б) *aman* входит в образование двух флективных падежей — дательного пользы и новообразованного винительного: *bo amáno* «для нас», *amaní* «нас».

Переходим к последней форме.

3. *Amaní* выражает грамматическое прямое дополнение во всех номинативных предложениях, т. е. объект действия: *amaní ío bahardovnen* «нас здесь накормят». *Amaní* также выражает объект действия в контактированных эргативных предложениях: *amaní gátšone* «нас они схватили».

Последний пример интересен тем, что в одном и том же рассказе он чередуется с эргативным построением того же предложения *amánšun gáte*; это показывает, как еще неустойчива форма *amaní* и как еще неуверенно она внедряется в эргативное построение, которое, однако, она начинает разлагать.

Итак, форма *ama* выражает в номинативном предложении подлежащее, т. е. именительный падеж, в эргативных — объект, т. е. анэргативный падеж; кроме того, она участвует в образовании нескольких косвенных падежей, аналитически выраженных (исходного, местного), и формы притяжательного местоимения, составленной из родительного падежа и предлога *čj̄*.

Форма *aman* выражает в эргативных предложениях объект, т. е. анэргативный падеж; входит в состав флективного дательного падежа пользы; на основе *aman* образовалась форма аккузатива *amaní*.

Основное функциональное отличие *ama* от *aman*, повидимому, заключается (наши примеры недостаточны) в том, что, тогда как форма *ama* выражает субъект действия во всех номинативных предло-

жениях и даже, плеонастически, в контаминированных эргативных, форма *aman* никогда субъекта не выражает и в номинативных предложениях всегда имеет функцию выражения падежей косвенных, а не именительного. В этом заключается исторически созданное разграничение некогда одной древней формы, возводимой к родительному падежу множественного числа.

Второе лицо множественного числа *šjma*. Эта форма, совпадающая с новоперсидской *šoma*, так же как и *ama*, косвенная по своему происхождению (ав. *yūšmākəm*, *xšmākəm*). Функции ее те же, что и *ama*:

1. Во всех номинативных предложениях *šjma* выражает субъект любого действия и состояния и является грамматическим подлежащим, т. е. выражает именительный падеж. Примеры: *šjma o-gārdion* «вы обернулись», *šjma čič vótton?* «вы что говорите?», *šjma mīni bó čī kūidon?* «вы меня за что бьете?»¹, *šjma bahardejon* «вы съедите», *šjma bavótton ba čjmi ru* «вы скажете моему отцу».

Šjma выражает субъект действия также в контаминированных эргативных предложениях, в которых объект передается аккузативом: *šjma avoni voḡandone* «вы их послали».

Поскольку винительный падеж есть падеж объекта, т. е. пассивен, в этой конструкции *šjma* имеет активную семантику. Этим объясняется и такое построение, в котором глагол образован эргативно, но без эргативной приставки: *šjma mīni voḡande* «вы меня послали». В этой сильно разрушенной эргативной фразе *šjma* все еще не грамматическое подлежащее, поскольку нет его согласования с предикатом, не имеющим глагольного окончания 2-го лица множественного числа. Когда он такое окончание получит, все предложение будет полностью выдержано в номинативной форме и *šjma* станет именительным падежом.

2. Несомненно, что *šjma*, в полной аналогии с *ama*, может выражать в выдержанных эргативных построениях уже не субъект, а объект, т. е. стоять в анэргативе, когда субъект передается именем существительным в эргативе: предложение «сильный дождь вас захватил» можно было бы передать через *koljki šjma gātše*, но, к сожалению, соответствующего примера в наших текстах не имеется.

Вторая форма этого лица — *šjman* — выражает объект в эргативных предложениях, в которых субъект передан эргативной приставкой; например, по типу *amánšun gāte* «нас они взяли» можно было бы образовать *šjmánšun gāte* «вас они взяли».

Кроме того, форма *šjman* лежит в основе образования некоторых других косвенных падежей, в частности дательного пользы: *bo šjmano* «для вас»².

¹ Взято из сказки.

² Форма *šjman* послужила для выражения притяжательности в позиции предиката в форме *šimán-e*: «мой дом — ваш (принадлежит вам)» переводится *čjmi kai taallóγš šimán-e* (букв. «принадлежность его — ваша»).

От *šjman*, аналогично с *amanī*, образована форма *šjmani*, выражающая аккузатив. Ее мы находим:

- а) во всех номинативных предложениях соотносительно с формой именительного падежа подлежащего: *az šjmani vīndam* «я вас вижу»;
- б) в контаминированных эргативных предложениях для выражения объекта действия: *ama šjmani vorūndjgone* «мы вас послали».

Третье лицо множественного числа *avon*. Эта форма является множественным числом указательного местоимения *av*, выполняющего функцию личного местоимения «он». Окончание **-on**, как известно, по происхождению — родительный падеж множественного числа с исходом на **-a** (др. *ānām*), и, следовательно, оно аналогично происхождению показателя **-i**, ставшего в иранских языках косвенной формой имен существительных в единственном числе. Естественно, что самая семантика *avon*, как показателя множественного числа, никакого добавления суффикса **-i** не требует. Но единственным исключением из этого правила, строго проводящегося в талышском языке, является новообразованная форма *avoni*, которая, по аналогии с другими личными местоимениями, стоящими в аккузативе, также создана для выражения аккузатива.

Функции *avon* следующие:

1. *Avon* выражает субъект состояния и действия и одновременно — грамматическое подлежащее во всех номинативных предложениях: *avon saf-en* «они глупы», *avon asbo ben* «они ехали верхом» (букв. «верховыми были»), *avon maštana omāin* «они пришли утром», *avon vitin* «они убежали», *avon ba mī dia kārđan* «они на меня смотрят».

2. В предложениях эргативных функции *avon* более сложные: эта форма выражает как субъект, так и объект.

Субъект она выражает плеонастически в таких предложениях в которых он уже выражен эргативной приставкой 3 л. мн. ч.: *avon pegátšone išta tāvon* «они взяли свои топоры», *avon išta olatónšon šo dōe* «они бросили свои одежды». В этих предложениях субъектная семантика *avon* еще подкрепляется наличием объектов: *tāvon*, *olaton*.

Avon может и самостоятельно выразить субъект в таких предложениях, в которых субъект подразумевается или перед тем был выражен именем существительным: *avon dia karde* «они посмотрели», *avon vote* «они сказали» (хотя обычно встречается построение *avon diāšon kārde* или *avon vótšone*).

Объект форма *avon* выражает во всех случаях, когда во фразе имеется выражение субъекта эргативной приставкой любого другого лица и числа, т. е. кроме 3 л. мн. ч. (пример: *avon vārdime* «их я привел»), или когда, кроме такой приставки, имеется еще выражение субъекта именем существительным в эргативе: *darviši pegátše avon* «дервиш взял их»¹; *gamiči avon dj-glan ba gamiš noa* «лодочник их обоих посадил в лодку».

¹ Взято из сказки

Форма *avoni* выражает во всех номинативных предложениях объект — грамматическое прямое дополнение, т. е. стоит в аккумулятиве: *palang avoni bakšte* «тигр их убьет».

В той же функции *avoni* встречается в контаминированных эргативных предложениях: *ai avoni vočándiše* «он их послал».

д) Синтаксические функции местоименных суффиксов

Основной и, можно сказать, исключительной синтаксической функцией местоименных суффиксов является функция выражения эргативности субъекта, и в этом отношении талышский язык весьма близко воспроизводит положение, существовавшее в среднеперсидском языке. Нами выше уже были приведены многочисленные примеры как полноценной эргативной семантики, так и семантики более ослабленной в разного рода контаминированных конструкциях. Примеры на присоединение местоименных суффиксов к разным членам предложения будут даны в главе о глаголе; здесь мы остановимся только на двух других функциях их, которые представлены весьма немногими примерами и которые, по нашему мнению, абсолютно не характерны для талышского синтаксиса, именно: 1) на функции выражения объекта как прямого, так и косвенного, и 2) на функции выражения possessивности. Остановимся сначала на последней.

1. В значении притяжательных местоимений местоименные суффиксы используются очень редко. Обычно употребляются полные формы притяжательных местоимений (см. выше, стр. 115). Примеры на possessивное использование местоименных суффиксов мы встречаем почти исключительно в народных четверостишиях («до-бейти»), в которых, несомненно, отражается влияние персидских «рубайят», а также в текстах повествовательных (сказках), записанных нами от более или менее профессиональных рассказчиков, где также следует предположить влияние персидского и азербайджанского языков. Возможно, что в отдельных случаях такие обороты являются просто переводами с этих языков. Приведем примеры по лицам и числам:

1 л. ед. ч. — *ás-ım pur xun béje* «мои слезы наполнились кровью», *xajota-m rište dük-ada* «пряжа моя разорвалась на веретене», *dıl-ım çoknä dil be, tınım nıgate?* «сердце мое какое же было, что я тебя не удержал?», *jon-ım sanga pulo be* «душа моя стала тяжела словно камень-сталь», *lam-ımı kardáme vaš ba ovüşüm* «мой „лям“ я построил фасадом к луне» (*va-š* — букв. «перед его»). Все примеры взяты из «до-бейти».

1 л. мн. ч. — примеров не имеется.

2 л. ед. ч. — *balét-ı po bıřım* «у твоих ворот я стою», *balét-ı bıřia be* «твоя ограда разрушена», *şáj-i sıřxe* «твоя рубашка — красная», *káj-i ba puri bahaş* «дом твой — из полной чаши ты будешь есть» (все эти примеры из «до-бейти»), *voná-ı řázışan gate* «твой гость — и гуся забрал», *hán-ı omıada* «сон твой когда придет» (т. е. когда ты заснешь).

2 л. мн. ч. — *fīkr-on čīce?* «каковы ваши мысли?», *tadbīr-on čīce?* «каковы ваши мероприятия?»

3 л. ед. ч. — *jodūa zjvón-iš bova mákajon* «живому его языку не верьте», *čai hamro gáv-iš xuníne* «его товарища рот его в крови»¹, *lingon-iš frsae* «ноги его поскользнулись», *āvōāl oxīr-iš fīkr bīkoš* «сперва о конце его (дела) подумай».

3 л. мн. ч. — примеров не имеется.

2. Местоименные суффиксы почти совсем не встречаются в функции косвенных падежей личных местоимений для выражения прямого или косвенного объекта. Это, конечно, приходится объяснить переживанием эргативной конструкции с ее прямым, анэргативным, падежом объекта, конкурирующим в номинативных предложениях с падежом винительным, и сокращением, таким образом, сферы применения последнего, а также преобладанием аналитического способа выражения падежей «дативных» (предлог *ba* и косвенная форма личного местоимения). Имеются лишь отдельные примеры, в которых к тому же эту функцию местоименных суффиксов можно объяснить влиянием персидского языка. Примеры имеются только на 1, 2 и 3 л. ед. ч.:

1 л. — *joī mastā čāšon kardā-m divona* «опьяненные глаза подруги сделали меня безумным»²;

2 л. — *bīsk-i bo čīe?* «втулка тебе на что?», *xók-i ba sá-je!* «прах тебе на голову!»³

3 л. — *ba dās-īm da-gīno, poška-š ba kardem, gīlov pe-bašandem, be roxča-š banom* «если она (рубашка) мне попадетя в руки, я ее выстираю, покроплю розовой водой, положу ее в узел». (Все примеры, кроме примера на 2 л., взяты из «до-бейти».)

Большой интерес представляют случаи присоединения местоименной энклитики к имени существительному, поставленному в местном падеже: *bóγ-ada-m lanğa mážan!* «по моему саду не гуляй!» Этот пример агглютинативного построения показывает сильное влияние тюркского языка, в котором, однако, постановка послелога и местоименного аффикса была бы обратная. Еще пример такого же рода: *jīf-ada-m dasmol* «в моем кармане — платок».

е) Местоимения вопросительные

Эти местоимения, как и в других индоевропейских языках, используют древние местоименные корни, из которых один, начинающийся с *k*, относится к людям, а другой, начинающийся с *č*, — к вещам.

1. *Kī* «кто?», *az kī-m?* «кто я?», *avon kī-n?* «кто они?» *Kī* не принимает множественного числа, как это может быть в новоперсидском языке: *išan kljān-ānd?* В последнем есть две формы — *kī* и *kī*, в среднеперсидском — *kē*, которое обычно возводится к форме древнего роди-

¹ Пример из сказки.

² Пример из «до-бейти».

³ Пример из сказки.

тельного падежа *kaya* или *kahya*. В талышском языке есть только одна форма, более близкая к новоперсидскому *ki*.

2. *Āi, ċiċ, ċeċi* «что?», *bo ċi-e?* «для чего?», *im ċi-e?* «это — что?», *tj ċiċ vóttas?* «ты что говоришь?»

В сложных формах *ċeċi, ċe-ro* слышится, как и в персидском, гласный *e*. В *ċeċi* второй элемент, несомненно, — слово «вещь» (н. п. *ċiz*).

3. *Kom, kop* «какой?» Сопоставляется с н. п. *kodam*, ср. п. *katām*, ав. *katāma*, др. инд. *katamá*. Форму *kop* мы встречаем в сложениях с *gila* «один», где губной носовой перешел в заднеязычный, ассимилируясь по месту образования: *kóŋgla* «который?»

ж) Местоимения относительные

Та же частица *ki*, имеющая значение местоимения вопросительного, может получить и значение местоимения относительного «который», но в разговорной речи, не знающей придаточных предложений относительных, частица *ki* в этой функции совсем не употребляется.

Уже десемантизированное *ki* встречается разве только в таких сочетаниях, как *vaxti ki*, в которых оно вошло в состав союза времени, со значением «когда», сложного по образованию (букв. «в то время, в которое...»), или в таких, как *rūži ki, šavi ki*... (букв. «в тот день, в который...», «в ту ночь, в которую...»), в которых *ki*, отдельно взятое, также имеет значение союза времени «когда».

Язык профессиональных рассказчиков, в значительной мере отражающий влияние литературного персидского или азербайджанского языка, а также речь талышей, претендующая как бы на литературность, знают использование относительной частицы *ki* в значении местоимения «который». Примеры: *odami ki az vīndjme še ba ka* «человек, которого я видел, пошел домой» (другие примеры см. ниже, в главе о сложном предложении).

Частица *ki* не изменяется по падежам, и никакой попытки грамматического уточнения падежного отношения путем последующего введения личного местоимения 3-го лица в соответственном падеже, как в персидском литературном языке, талышский язык не делает; впрочем, такие конструкции неизвестны и персидскому просторечию.

з) Местоимения указательные

Язык проводит различие между словами, указывающими на близкий предмет, и словами, указывающими на предмет более удаленный. Для первой цели используются формы: а) *im, i*, а иногда только *i* с носовым оттенком (назализированный гласный *i̇*) и б) *im* с более узким *i*. Обе формы соответствуют по значению русскому «этот». Вторая форма употребляется реже и представляет собою вариант первой. Обе восходят к древней указательной основе *ima* (др. п. и ав. *ima*, др. инд. *imá*). Как известно, уже в среднеперсидском это местоимение употреб-

лялось очень редко, а в новоперсидском оно переживает лишь в составе нескольких наречных слов времени, вроде *emsal* «в этом году» и т. п.; в талышском же языке оно является основным указательным местоимением для указания близкого, точнее, менее удаленного предмета. Употребляется оно, при указании на предмет, в неизменяемой форме: *im dišmen bakıştem* «этого врага я убью», *im ženon aštın* «эти женщины встали», *žia im sa-š doe* «этот конец веревки он дал».

Im также субстантивизируется и тогда может принимать показатель множественного числа **-on** и падежные флексии **-i** и **-o**. Примеры: *im marde* «этот умер», *imi vote* «этот сказал», *de-mi* (<*de imi*) «с этим (с ним)», *bo mijo* (<*bo imi-jo*) «для этого (для него)», *čimi* (<*čj imi*) *rang* «этой (девушки) цвет лица», *imon dü-n* «эти (рассказы) — ложь (суть)».

Как отсюда видно, в субстантивированном употреблении *im* по значению почти не отличается от 3 л. ед. ч. местоимения *av*, *avon* «он, они».

Для указания на дальний предмет служит местоимение *a* «тот». Оно также неизменяемо. Примеры: *a monda hamron* «те оставшиеся товарищи», *a merd be-še* «тот человек вышел», *a xani vote* «тот хан сказал»¹.

Происхождение этого местоимения для нас не совсем ясно. Возможно, что его можно сопоставить с древним *a*, сохранившимся в новоперсидском языке в редком слове *azul* «так, таким образом»; скорее же оно является сокращением личного местоимения 3-го лица *av*, произведенного от древней указательной основы *ava* (см. выше, стр. 114).

Субстантивно это местоимение не употребляется, и всегда понятие «тот (человек)» передается через *av* «он», а «те люди» — через *avon* «они».

Из литературного персидского языка заимствовано еще местоимение *hamun* «этот самый», редко употребляемое.

Как мы видим, два основных талышских указательных местоимения *im* и *av* принадлежат к северо-западному лексическому фонду, проникшему уже в древнеперсидский язык, и талышскому языку неизвестны новоперсидские *in* и *an*.

и) Местоимения определительные

К этой группе относятся местоимения возвратные:

1. *Ištan* «сам, себя»: *az ištān* «я сам», *tj ištān* «ты сам» и т. д., *ištān-iš jara žae* «он себя поранил», *ištān avon ajor bin* «сами они были всезнайки», *ištān e-bağine* «сам он упадет».

В номинативных предложениях имеется еще форма винительного падежа *ištāni*: *av ištāni žejēda* «он себя бьет».

¹ Из рассказа про ханские времена.

Īštan, следовательно, здесь выступает как имя существительное, обслуживающее все три лица и оба числа. Других форм, кроме *ĭštan* и *ĭštani*, язык не знает, так же как и множественного числа от *ĭštan*.

2. *Īšta* «свой». Эта форма выражает прилагательное и всегда предшествует определяемому имени; при склонении предлоги всегда ему предшествуют: *še di-šta* (< *de-šta*) *zoa* «он пошел со своим сыном», *havátšone ĭšta ka* «они продали свой дом», *pe-gátime ĭšta kitob* «я взял свою книгу».

Иногда в значении «свой» восстанавливается полная форма *ĭštan*. Это происходит при присоединении к *ĭšta* местоименных эргативных приставок: *ĭštánišon ka havate* «они продали свой дом». В данном примере *ĭšon* — не притяжательная местоименная энклитика со значением «их», «ихний», а эргативная приставка со значением «они» (*ĭštan-ĭšon* «свой они»).

Īšta, как прилагательное, также относится ко всем трем лицам и к обоим числам.

Этимология *ĭšta(n)* ясна. Это — н. п. *xištān*, ср. п. *xēštan: tan* (др. *tanu*) «тело», а *xēš* восходит к древнеиранской основе *hva*, санскр. *sva*.

Как и еврейско-татскому языку, талышскому неизвестна другая форма возвратного местоимения — н. п. *xod*, ср. п. *xvað*.

Приводим другие определительные местоимения:

1. *Hā, har* «каждый, всякий» (н. п. *hār*, пхл. *har*, др. п. *haruva*), ав. *haurva: hā zīne čoke* «всякое знание хорошо», *hā kas čok abīni* «не всякий человек бывает хорош (красив)».

2. *Hāma* «весь, всё, все». Форма также неизменяемая; обычно предшествует определяемому имени: *hāma kitóbim hānde* «я прочел всю книгу».

Дополняя и обобщая определяемое имя во множественном числе, *hāma* может стоять и позади его: *avon hāma šin* «все они ушли».

Производное от *hāma* обобщительное сложное местоимение *hāma-jurā* «всевозможный, всякого рода», — повидимому, персидское литературное заимствование.

к) Местоимения неопределенные и неопределенно-обобщительные

Местоимения неопределенные:

1) *kāsi, ĭkas, ĭgla* «некто, кто-то, какой-то человек»; с отрицательным глаголом дает отрицательное местоимение «никто»: *kāsi nĭvinde* «никто не увидел»;

2) *jo, jo-gla* «какой-то другой»: *ĭm jo kitóbe* «это — какая-то другая книга»;

3) *čt-i* «что-нибудь»: *čt-i bĭda ba-mĭ* «дай мне что-нибудь»;

4) *cāndi* «несколько»;

5) *kāli* (малоупотребительно) «некоторый, какой-то»: *kāli odamon* «некоторые люди»;

б) *heč* «какой-нибудь» (с отрицанием «никакой»). Гласный *e* производит ср. п. *ē* в слове *hēč*.

Суффикс *-i* в *či-i*, *čāndi*, *kāsi* — так называемое *ja-je vāhdāt*.

Местоимения неопределенно-обобщительные:

1) *hā kasi* «всякий, кто»: *hā kasi čol bo hamro bīkando, ištān e-baġine* «всякий, кто товарищу яму будет копать, сам (в нее) упадет»;

2) *hār-či* «все, что»: *hār či e-bakeš ba-šta oš, a boma bašta keče* «все, что ты нальешь в свой суп, попадет в твою ложку».

4. ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

а) Числительные количественные

1—*i*, 2—*dī*, 3—*se*, 4—*čo*, 5—*penj*, 6—*šaš*, 7—*hoft* | *haft*, 8—*hašt*, 9—*nav*, 10—*da* || *dā*, 11—*joŋza*, 12—*doŋza*, 13—*seŋza*, 14—*čorda*, 15—*poŋza*, 16—*šoŋza*, 17—*havda*, 18—*hažda*, 19—*noŋza*, 20—*vis*, 21—*vis-i i*, 22—*vis-i dī* и т. д., 30—*si*, 31—*si-vj i*, 32—*si-vj dī* и т. д., 40—*čil*, 50—*penjo*, 60—*šest*, 70—*hafto*, 80—*hašto*, 90—*navā*, 100—*sa*, 101—*sa-vj i* и т. д., 200—*dī sa*, 300—*se sa* и т. д., 400—*čo sa* и т. д., 1000—*hazo*, 10 000—*da hazo*.

Эти формы сравнительно мало отличаются от новоперсидских, и их отличия легко объясняются основными закономерностями талышской фонетики.

Особо следует отметить начальный **v** в слове *vis* «двадцать», воспроизводящий среднеперсидский и авестийский **v** этого числительного (*vīst*, *vīsa'ti*) и представляющий характерную черту исторической фонетики северо-западных наречий.

Можно также отметить внедрение носового заднеязычного **n** в числительных 11, 12, 13 и 19—*joŋza*, *doŋza*, *seŋza*, *poŋza*. Этого нет в персидских формах, но констатируется в других иранских языках, как, например, в курдском и татском. Это явление указывает на дальнейшее распространение по аналогии звука **n** числительного «пятнадцать» на другие числительные. В новоперсидском этот **n** проник только в *šānzdāh* «шестнадцать» [также и в среднеперсидском—*šanč-dah(um)*].

После числительных определяемое имя всегда сохраняет форму единственного числа и не принимает показателя множественности **-on**. Талышские тексты не дают примеров образования посредством показателя множественности **-on** самостоятельных числительных имен: единицы, десятки, сотни, тысячи, как в персидском языке.

Наиболее употребительным нумеративным словом при перечислениях предметов является *ġila*, *ġilai*, *ġla* — слово, повидимому, сокращенное из *ig* «один» и *la*; последнее в персидском имеет самостоятельное значение «слой», «складка», откуда, переносно, — «раз», например, *čānd la* «несколько раз», *do la* «двойной» и т. п. Талышские примеры: *še ġla ŷab* «три кувшина», *čo ġla tava* «четыре топора» и т. д.; *igla*, субстантивируясь, обозначает «человек», когда о нем уже упоминалось.

Равным образом *dj gla, se gla* и т. д. в таком же случае субстантивируются и обозначают «два, три человека» и т. д.: *hoft gla merd* «семь человек».

Gla, iglai в значении «один» выражает неопределенность (см. выше неопределенные местоимения, стр. 127) и может ставиться даже перед именем собственным: *glai Hjsain hes-be Mijonkú-ada* «жил-был некий Хусейн в Миянку».

К субстантивному *i* может присоединяться уменьшительно-ласкательный суффикс *-li* (см. выше, стр. 97), выражающий соответствующую характеристику данного лица или предмета: *ilisja šá-je* «одна (маленькая) девушка» в красной шерстяной рубашке», *ilikatoni* «а одна (маленькая) — в холстяной», *ilt hēs-be, ilt nē-be* «было что-то (хорошее), не было чего-то (хорошего)» (начало сказки).

При перечислении людей в качестве нумеративных слов используются *kas* «человек», реже — *nāfār* «человек»: *dj kas mijonkuž šeda bin* «два муянкунда шли себе».

По нашему мнению, в талышском числительном *i* следует видеть не древнее *atva, aeva*, переживающее в *ja-je vāhdāt*, а сокращение формы *ig*, выступающей в *ig-la*, и, следовательно, *g* в *ig-la* соответствует средне- и новоперсидскому *k* в *jāk* — остатку древнего дистрибутивного суффикса *-ka* (ср. пхл. *ēv-ak*).

б) Числительные порядковые

Суффикс, образующий числительные порядковые, тот же, что и в средне- и в новоперсидском, т. е. *-um, -om* (др. *-ama*), но в зависимости от исходного звука количественного числительного, к которому этот суффикс присоединяется, он вследствие ассимиляции получает разнообразие формы — варианты: *-im, -vim, -him, -om, -jim*.

1-й (неупотребительная форма была бы *ijm*), 2-й — *djvjm*, 3-й — *sejm*, 4-й — *čoom*, 5-й — *penjm*, 6-й — *šāšjm*, 7-й — *haftjm*, 8-й — *haštjm*, 9-й — *navjm*, 10-й — *davjm*, 11-й — *joñzahjm*, 12-й — *doñzahjm*, 13-й — *señzahjm*, 14-й — *čordahjm*, 15-й — *poñzahjm* и т. д., 20-й — *visjm*, 30-й — *sijjm*, 40-й — *čiljm*, 50-й — *penjohjm*, 60-й — *šestohjm*, 70-й — *haftohjm*, 80-й — *haštohjm*, 90-й — *navahjm*, 100-й — *sahjm*, 200-й — *djsahjm*, 1000-й — *hazohjm*.

«1-й» чаще имеет форму *ijn*, т. е. образуется посредством другого суффикса, именно суффикса *-in*, служащего для образования прилагательных (см. выше, стр. 109—110). Распространение также имеет арабское числительное *avval*, причем оно плеонастически может принимать суффикс *-minji*: *avvalminji*.

Суффикс *-minji* — сложного состава и разлагается на наращенный иранский суффикс *-um, in* и тюркский *-ji*. Он получил также большое использование, и формы *iminji* «первый», *djiminji* «второй», *dáminji* «десятый», *sáminji* «сотый», *hazóminji* «тысячный» и т. д., пожалуй, начали вытеснять вышеприведенные иранские формы. Примеры порядковых числительных: *djiminji polóšon hárde* «они съели второй плов»,

čoom-a šav be «была четвертая ночь», *oušüm roñzaháme* «луна на 15-м дне», *vist-i dīminji sórada inğlab artmīš be* «в 22-м году революция усилилась»¹.

Как всякие определения, талышские порядковые числительные предшествуют определяемому имени, причем, как мы видели, числительные, образованные с иранским суффиксом **-um**, принимают обычный для прилагательных неударный гласный **-a**, но числительные с суффиксом **-minji** этого гласного не принимают.

в) Числительные разделительные, множительные, дробные

Числительные разделительные образуются следующими способами:

1. Путем повторения количественного числительного: *gla-gla* или *glaili-gla* «по одному», *dī-dī* «по два», *se-se* «по три» и т. д.

2. Постановкой впереди количественного числительного определительного местоимения *ha* «всякий, каждый»: *ha penj rüž* «каждые пять дней».

3. Выражения «по целым дням», «по целым годам» и т. д. передаются предлогом *dī* «с» и множественным числом имен: *dī rüžon az tñi vīndanim* «целыми днями я тебя не вижу» (по целым дням...).

4. Последовательность «один за другим» передается описательно: *i badū-i-an dī*.

Числительные множительные — вдвоем, втроем и т. д. — передаются тюркским послелогом **-inä**, **-jinä**: *dījnä* «вдвоем», *séjnä* «втроем», *čojnä* «вчетвером», *penjinä* «впятером», *dájnä* «вдесятером».

«Вдвое, втрое, в два раза, в три раза больше» и т. д. выражаются описательно через *kara* «раз»: *ištī pul čimñki-ku dī kara vé-je* «у тебя денег в два раза (вдвое) больше, чем у меня».

Числительные дробные выражаются постановкой знаменателя в отложительном падеже с послелогом **-ada** и последующей постановкой числителя: *sé-ada i* «одна треть», *čóada i* «одна четверть», *pénj-ada se* «три пятых» и т. д.

Самостоятельные имена: для половины — *nimä*, для четверти — *čóak*, для пары — *git* (н. п. *joft*): *osmóno omai gít-a güšova* «с неба упала пара серег»²; здесь, как показывает неударный гласный **-a**, *git* утратило свое предметное значение и, как прилагательное, выражающее качество парности, получило соответствующее синтаксическое оформление посредством **-a**.

Проценты считаются не со ста, а с десяти и выражаются постановкой на первом месте этого числительного, а после него — числительного, выражающего количество процентов: *da jek* «10%», *da se* «30%» и т. д. Этот счет заимствован из персидского языка, на что указывает форма *jek*, а не *i* для «одного».

Числительные наречия см. раздел «Наречия» (стр. 134).

¹ Рассказывается про Ленкоранский район.

² Взято из «до-бейти».

НАРЕЧИЯ

Эта часть речи составляет в талышском языке довольно многочисленную группу настоящих наречных слов и имен, используемых в функции наречий, как это констатируется и для других иранских языков. Но значительным и характерным отличием талышского языка от новоперсидского является более ограниченное использование им других имен в их неизменной форме в качестве наречий. Это объясняется тем, что, с одной стороны, талышские имена существительные сохранили несколько падежных флексий и почти объединившихся с ними морфологически послелогов, чего нет в персидском языке, и используемых как специальные формы наречий; с другой стороны — тем, что не все прилагательные могут быть употребляемы в качестве наречий, как это утверждается для персидского языка составителями его грамматик¹.

Из прилагательных, не имеющих специального морфологического оформления, могут быть наречиями прилагательные качественные, выражающие цвет, окраску, масти, физические и, в частности, пространственные признаки предметов, вкусовые и осязательные ощущения, характерные физические свойства и признаки людей, их душевные качества, их социальные и другие признаки.

Из прилагательных морфологических исключается вся масса имен, образованных с суффиксом *-in*, а из прилагательных сложного состава — все, характеризующие человека и легко субстантивлируемые.

Наречия могут быть распределены по следующим категориям: времени, места, образа действия, в том числе количественной его характеристики, и модальные.

Каждая категория обладает некоторым количеством своих наречных слов, в общем не особенно значительным, а главным образом использует отдельные самостоятельные имена — слова, ей семантически необходимые, оформляя их разными способами: посредством суффиксов, предлогов, послелогов, копулятивными сложениями, повторением отдельных слов и т. д.

¹ «Как наречия могут употребляться: а) каждое прилагательное...» — К. Г. Залеман и В. А. Жуковский. Краткая грамматика новоперсидского языка, СПб., 1890, стр. 65.

«В персидском языке всякое прилагательное, употребленное без существительного, может быть наречием» — Мирза Джафар (с участием академика Ф. Е. Корша). Грамматика персидского языка, М., 1901, стр. 134.

«Каждое прилагательное в персидском языке может быть употреблено как наречие» — Р. Галунов. Грамматика персидского языка, М., 1922, стр. 43.

«В качестве наречия может употребляться любое прилагательное, которое при этом не изменяет своей формы» — Е. Э. Бертельс. Грамматика персидского языка, Л., 1926, стр. 75.

«Прежде всего наречием может являться всякое имя, имеющее значение прилагательного, и притом без всякого внешнего изменения» — А. Жирков. Персидский язык, М., 1927, стр. 134. (Везде разрядка наша. — Б. М.)

1. НАРЕЧИЯ ВРЕМЕНИ

Используются слова как талышские, так и арабские, выражающие как общее понятие времени, так и его отдельных отрезков: *vaxt* «время», *sāt*, *sā* «час», *sibh* «утро», *šav* «вечер», *šango* «вечернее время» («время ужина»), *mašta* «утро» и др.

Оформление этих слов в качестве наречий бывает следующее:

1. Префигируется указательное местоимение *imi* «этот» или неопределенное *heč* «какой-либо» (с отрицанием «никакой»): *im rūž* «сегодня», *īsā* «сейчас, тотчас», *heč vaxt* «никогда».

2. Употребляется суффикс единичности (ja-je vāhdät): *rūžt* «однажды» (персидское заимствование).

3. Ставится послелог *-ada*, выражающий местный падеж, на вопрос «где?»: *avasórada* или *bahárada* «весной» (от *avasor* или персидского *bahar* «весна»), *tovsónada* «летом», *zjmjónada* «зимой», *pózada* «осенью»; также: *bávada* «тогда» (из предлога *ba*, указательного местоимения, *av* и послелога *-ada*), *árada* «тем временем» (тюркское *¶ara* «промежуток, середина»).

4. Ставится послелог *-sai* (ковс. падеж от *sa* «голова»): *šangónásai* «под вечер, ко времени ужина».

5. Используется уже омертвевший послелог (суффикс) *-na*: *rona* и *roina* «раньше, прежде, позавчера», *ésana* «потом, опять», *kaina?* «когда?», *zína* «вчера», *maštana* «на утро, утром». Тот же суффикс мы находим в *maskinájo* «с утра», в котором к *-na* присоединилась падежная флексия *-o*, выражающая отложительный падеж.

6. Присоединяется падежная флексия *-o* (тот же пример).

7. Применяется сложение: прошедшее причастие⁺ имя существительное: *ota rūž* «завтра» (букв. «наступающий день»).

Кроме того, встречаются и талышизированные заимствования из персидского литературного языка, вроде *šívadam* «на рассвете» (н. п. *sobhdām*).

Этимология суффикса *-na* не ясна. Ав. *para-na* «вчера» дало в н. п. *paran*, с отпадением *a*. *Rona* из *roina*, конечно, можно сопоставить с н. п. *pārīna*, *pārīn* «древний, прошлый», где суффикс *-in* восходит к пхл. *īnak*. Этимология *zína* «вчера» следующая: тал. *zi*, н. п. *dī*, *dē*, пхл. *dēg*, *dek*, ир. *zyah*, др. п. *dyah*, др. инд. *hyas*.

Наречие времени, выражающее последовательность, — *badiga* «потом» восходит, видимо, к арабскому *ba'da*.

2. НАРЕЧИЯ МЕСТА

В качестве наречий места (на вопросы «где?», «куда?», «откуда?») также используются самостоятельные слова, оформляемые различными способами: *vjra* (*vra*), *jo* «место», *ton* «сторона», *va*, *na* «перед», *dūm* «хвост», *peš* «зад», *pe*, *pei* «верх», *ži* «низ», *gird* «круг».

Для их оформления используются: суффикс (падежный) *-o*, послелог *-ada*, предлоги *ba*, *čj*, комбинации предлогов *čj* и *ba* с суффиксом *-o*, вопросительное местоимение *kot* и *kon* «который» (форма *kon*—перед *j*),

местоименя неопределенное *heč* «какой-либо» (с отрицанием «никакой»), определительное *ha* и указательные *i*, *a*. Примеры на использование этих местоимений: *konjo?* «где?», *čj kónjo?* «откуда?», *ba ko vra?* «куда?», *heč joi* «нигде».

Особо следует отметить *ijo* «здесь» и *ajo* «там», архаическая фонетика которых воспроизводит древнее *y*, перешедшее в новоперсидском в *j* (*ja* «место»).

Примеры на оформление суффиксом *-o* для выражения отложительно-исходного падежа и, реже, падежа направительного: *tóno* «сбоку», *čai tóno* «мимо», *dũmo* «позади, назад», *dũmo tóno* «сзади, с задней стороны», *peš tóno* «сзади, назади», *pio* «сверху» (из *pe-o*), *pešo* «назад», *ži tóno* «снизу», *girdo* «кругом».

Оформление послелогом *-ada*: *žiada* «внизу», *ivrada* «вместе», *vada* и *nada* «вперед», *diaróada* «издали».

Оформление предлогом *ba*: *ba pe* «вверх», *ba va* «вперед, навстречу».

Оформление предлогом *ba* и суффиксом *-o*: *ba pešo* «назад», *ba girdo* «кругом».

Оформление предлогом *sa*: *sa pe* «вверх», *sa ros* «прямо».

3. НАРЕЧИЯ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ

Они составляют наиболее многочисленную группу слов, весьма разнообразных по своему оформлению:

1. Используются некоторые, сравнительно немногие прилагательные без изменения своей формы: *erjon* «дешево», *čatn* «тяжело».

2. Употребляются многие самостоятельные слова как талышские, происхождение которых не всегда ясно, так и тюркские, арабские и персидские: *ra* «быстро», *rabada* «скоренько», *rabadali* «ранехонько», *iti* «скоро», *birbız* «дыбом», *birhoz* «напрокат», *šatšür* «зигзагами», *hežo* «постоянно», *joim* «крепко, сильно» (ар. *qājim*), *halbət* «тайно, наедине» (ар. *xalvat*), *jo* «отдельно», *lap* «очень», *dobaradan* «снова, опять, затем» (перс. *do-barā*), *lazi* «немножко», *oso* «тихо, медленно» (перс. *ahestā*); тюркские: *birdam* «сразу, внезапно, вдруг», *alüsti* «немедленно, сейчас же», *javaš* «медленно».

3. Специально талышские суффиксы, образующие наречия образа действия, это — гласные: неударный *-o* и ударные *-i* и *-ia*. Наиболее употребительный, повидимому, *-o*: *čok* «хороший», *čoko* «хорошо». Иногда с предлогом *čj*: *či bárko* «сильно, громко», *čj bilindo* «громко».

Примеры на суффикс *-i*: *oškori* «явно», *filfuri* «немедленно» (ар. *fil-four*).

Пример на суффикс *-ia*: *aspia* «верхом».

Кроме того, в слове *joilina* «отдельно, в одиночку» мы находим тот же суффикс *-na*, который служил для образования наречий времени (см. выше). *Joilina* разлагается на *jo*, *joi*, суффикс уменьшительности *-li* и *-na*. Тот же суффикс *-na* в *siftanai* «сперва». В *hamajavo* «все вместе», повидимому, суффикс *-(j)avo*.

Другие способы образования наречий образа действия в общем те же, что и в персидском языке; для этого используются:

1) предлог *ba*: *ba šikīra* «навесу» (глагол *šikīrne* «тащить»), *ba i gav* «единогласно» (букв. «в один рот, одним ртом»);

2) предлог *ba* и имя существительное, образованное из прилагательного при посредстве суффикса *-i* (*ja-je mäsdäri*): *ba nūoni* «тайно, скрытно»;

3) числительное и имя существительное, оформленное или не оформленное суффиксом *-a* или послелогом *-ada*: *i kara* «один раз, однажды», *i dafa* «один раз», *dī roa* «пополам», *dī tarafa* «насквозь», *i kāranda* «сразу»;

4) вопросительное местоимение *či* и имя существительное: *či tahar?* «каким образом?» (перс. *če tour*), *čo konai?* «каким образом?» (перс. *če gunā*), *čiko?* (диалектно) «как?, каким образом?»;

5) отрицательные частицы *nī*, *ne* и имя существительное: *nī vai* «криво, в обход» (букв. «не вперед, не прямо»);

6) сложное наречие *ba i-an dī* «вместе», составленное из предлога *bā* и «один и два»;

7) повторение слова: *mānde-mānde* «мало-помалу», *gada-gada* «по-маленьку», *yoim-yoim* «крепко-накрепко», *be-be* и *še-še* «понемножку», *šat-šat* «криво-криво, совсем криво»; сюда же относятся и разделительные числительные: *dīkas-dīkas* «по двое» и др. (см. выше).

К этой же категории наречий образа действия следует отнести и количественные, выражающие количественную характеристику действия: *xali*, *xailak* (перс. *xeili*) «очень», *ve* «много, очень» (ср. п. *vas*, др. п. *vasiy*), *kat* «мало», *bark* «сильно», *tare*, *tīke* «немножко», *āxada* «настолько, так» (перс. *anādr*), *čāxada?* «насколько?» (перс. *če yādr*).

Āxada и *čāxada* могут принимать уменьшительный суффикс *-li*: *āxadali* «столечко», *čāxadali* «сколечко».

Другие количественные наречия: *čana* «несколько», *čānanda* «сколькo (ни)», *ānada*, *ānanda* «столько, что... так, что...»: *av ānada sīxāntš kārde ki čai zīvon daže* «он столько говорил, что его язык заболел»; *žīgo*, *žāgo*, *žōgo* «так, таким образом»: *žāgo kārđan* «так они делают».

* * *

На этом заканчивается раздел «Имена». О союзах см. «Синтаксис предложения», стр. 213.

II. ГЛАГОЛ

Талышская глагольная система разработана нами в основном на записанном нами фольклорном материале, опубликованном в 1930 г. Этот материал хорошо выявляет простую, безыскусственную речь талыша — селянина, пастуха, ленкоранца-простолюдина, сказочника, передающего сказки на доступном для всех языке¹. Кроме того, исполь-

¹ Подробно об условиях и обстановке, в которых нами производились эти записи, и об их содержании нами рассказано в предисловии к «Талышским текстам».

зованы грамматические материалы, записанные нами в Ленкоране при занятиях языком с образованными талышами, а также, частично, от разных лиц во время разъездов по стране. Сравнительно в меньшей степени мы использовали для некоторых разделов глагола и язык, отраженный в талышской части газеты «Красный Талыш» («Sia Tolış»), издававшейся в 30-х годах в Ленкоране; этот язык газеты значительно разошелся с языком народной массы, но представляет несомненный научный интерес.

Общая характеристика талышской глагольной системы

В фольклорных текстах нами зафиксировано около трехсот глаголов в весьма разнообразных глагольных и глагольно-именных формах, позволяющих достаточно полно представить всю систему спряжения и выявить ее специфику.

Все глаголы отчетливо разбиваются морфологически на три группы: на глаголы простые, на глаголы, предваряемые превербами, и на глаголы сложного состава.

Глаголов простых отмечено около девяноста, т. е. несколько менее одной трети всего количества. Около тридцати из них, т. е. около трети, придают талышскому языку большое своеобразие и усиливают еще более его расхождение с языком новоперсидским, поскольку эти глаголы либо вовсе не встречаются в этом языке и лишь частично могут быть констатированы в некоторых наречиях западного Ирана, либо настолько разошлись по форме с соответствующими новоперсидскими глаголами, что лишь более углубленный анализ и знакомство с талышской морфологией и фонетическими закономерностями, а также сопоставление с корнями древних иранских языков позволяют вскрыть и установить их историческую этимологию.

Около двадцати глаголов представлено в форме каузативной, понудительной, а поскольку образование этой формы также отлично от образования каузативов новоперсидских, они тоже усиливают своеобразие талышского глагольного фонда.

Глаголов второй группы, т. е. предваряемых превербами, примерно столько же, сколько и глаголов простых, т. е. около девяноста. Используемых превербов — пять: *o*, *e*, *pe*, *be*, *da*. Из них первые три — *o*, *e*, *pe*, некогда исторические предлоги, являются уже мертвыми в современном языке; превербы же *be*, *da* еще живы и имеют каждый свою сферу грамматического использования. Отмершие предлоги *o*, *e*, *pe* являются только превербами.

Глаголы с этими пятью превербами определяются в своей семантике добавочным значением, привносимым последними. Лишь в редких случаях беспревербный глагол не имеет самостоятельного значения и употребления.

Кроме предлога-преверба *da*, соответствующего н. п. *dār*, все остальные превербы образуют глаголы специфически талышские, и эта группа

глаголов способствует расхождению талышской глагольной лексики с новоперсидской.

Приводим перечень наиболее распространенных глаголов, использующих вышеперечисленные превербы.

Преверб *o*. Его основное значение — «назад», «обратно»; он придает глаголам также дополнительную семантику развязывания, открывания, отделения, заканчивания действия: *o be* «возвращаться», *o biŕie* «отрезать», *o bište* «жарить», *o garde* «поворачиваться, оборачиваться», *o gordjnie* «поворачивать», *o gate* «беречь, сохранять», *o giŕnie* «установить», *o ħande* «постилать, расстилать», *o hašte* «бросать, оставлять», *o karde* «развязывать, отвязывать», *o krje* «тащить обратно, назад», *o krnie* «перетаскивать (с места на место), тащить назад», *o pišonie* «рассеивать, разбрасывать», *o raxe* «оканчиваться», *o roħnie* «оканчивать, освобождать», *o šande* «трясти, махать», *o vašte* «переправляться», *o vohne* «перевозить».

Этот преверб может быть сопоставлен с древнеперсидским, авестийским и санскритским *ava*. В глаголах же *omute* «учить», *ome* «приходить» *o*, быть может, воспроизводит древнеперсидский и среднеперсидский *ā*, причем следует отметить, что в талышском языке этот преверб даже еще не слился с глаголом, поскольку от *omute* «учить» может быть образована форма *o ni mute* «не учить», а глагол *o me* «сходить вниз» (см. ниже) указывает на известную самостоятельность глагольной основы *me* (ср. с. п. *matan*, древнеперсидский корень *gm*).

Преверб *e*. Он выражает направление вниз, нахождение внизу: *e dasie* «нагибаться», *e doe* «закрывать, покрывать», *e garde* «спуститься обратно вниз», *e gate* «придавить, прижать, раздавить», *e giŕnie* «упасть», *e ħande* «бросать вниз, забрасывать» (о сетях), *e hašte* «вешать, свешивать вниз, подвешивать», *e karde* «вливать, сыпать, наливать», *e krje* «сползать вниз», *e kue* «вонзать, вбивать, втыкать», *e me* «сходить вниз», *e pište* «обвертывать, завертывать, заворачивать, накручивать», *e raxe* «повисать», *e sie* «оторваться, отстать, затеряться, упасть», *e šande* «махать», *e še* «сходить вниз», *e varde* «снимать, спускать вниз», *e vate* «снимать».

Этот преверб можно сопоставить со среднеперсидским *ēr* (ср. *ērtan*), ав. *ēdri*.

Преверб *pe*. Основное значение — направление вверх, нахождение наверху: *pe be* «вставать», *pe doe* «поднимать», *pe garde* «опрокинуться (кверху дном), перевернуться», *pe gate* «извлекать», *pe giŕnie* «встретиться, подняться, натолкнуться», *pe ħande* «бросить вверх», *pe karde* «поднимать, будить, надевать», *pe krje* «тащить вверх», *pe larze* «вздрагивать», *pe noe* «положить сверху, наверх», *pe ome* «наткаться», *pe pešte* «кутать, закутывать», *pe raxe* «освободиться», *pe sie* «сломаться», *pe šande* «рассыпать, засыпать, покрывать», *pe še* «влезать», *pe šome* «пить», *pe tate* «взойти, взобраться», *pe varde* «переправить, вытаскивать, извлекать», *pe vašte* «прыгать», *pe vate* «вырывать, выводить (цыплят)», *pe žande* «повесить, вздернуть».

Историческая этимология этого преверба, быть может, — ав. *pa'tti*.

Преверб *be*. Основное значение — выделение, удаление, отделение: *be γande* «выбрасывать», *be kɾnie* «вытаскивать», *be ote* «выходить», *be še* «выходить», *be vɾde* «вытаскивать, извлекать».

Этимология этого преверба — с. п. *bē* со значением «удаление», «отделение», а также «но», «во вне».

Преверб *da*. Соответствует н. п. *dār*: *da bie* «замерзнуть», *da čike* «прицепиться, пристать», *da čoknie* «паять, припаивать», *da giže* «сбиться с пути», *da gižnie* «спутать, запутать», *da gɟnie* «попасть» (во что-нибудь), *ba sa da gɟnie* «понять, догадаться», *da γande* «отправлять, набивать, наполнять», *da kɾje* «втащить, втянуться» (куда-нибудь), *da larze* «пробуждаться», *da mɔnde* «стать, становиться, начинать; бедствовать», *da ote* «войти, входить», *da na karde* «погонять», *da name* «набрасываться», *da nište* «купаться», *da noe* «класть, надевать, всунуть», *da das da noe* «смеяться над кем-нибудь, дурачить», *da pame* «мерить», *da pɾznie* «цедить, фильтровать», *da rase* «достигать», *da rave* «выть, лаять», *da riše* «мести, подметать», *da rame* «испугаться», *da sparde* «вручать», *da süe* «мазать, натирать», *da še* «входить», *da vɾde* «приходить, миновать», *da vase* «связывать, привязывать, запрягать», *da vižie* «вмещаться».

Третья группа глаголов — это глаголы сложные, более многочисленные, чем глаголы каждой из предшествующих групп. В «Талышских текстах» их отмечено более 120. Они составлены из значимого имени и вспомогательных глаголов. Последние довольно разнообразны, и на первом месте, как и в большинстве современных иранских языков, стоит глагол *karde* «делать» для образования глаголов переходных; на втором месте — глагол *be* «быть» для передачи глаголов непереходных и глаголов состояния, а затем и ряд других глаголов с более или менее ослабленной собственной семантикой, определяемой семантикой слова, составляющего первую часть сложения: *sae*, *sē* «брать», *doe* «давать», *žae*, *žē* «ударять», *kaše* «тянуть», *harde* «есть», *vinde* «видеть», *vɾde* «приносить». Следует сказать, что в простонародной талышской речи эта категория глаголов получила, как и в других бесписьменных иранских языках, сравнительно меньшее развитие, чем в письменном новоперсидском языке. В начавшем формироваться в 30-х годах письменном талышском языке глаголы сложного состава уже начинали занимать сравнительно большое место в общем фонде глагольной лексики.

Среди сложных глаголов, использующих вспомогательные глаголы *karde* «делать» и *be* «быть», отмечено около 15 глаголов, первую часть сложения которых составляют азербайджанские причастия на *-miš*, что указывает на влияние азербайджанского языка на язык тех талышей, которые живут в более близком соседстве и более тесном соприкосновении с азербайджанцами или даже подчас сами являются двуязычными, одинаково свободно пользующимися обоими языками и легко переходящими с одного на другой в разных сферах бытового и делового общения. Преувеличивать, однако, значение этого обстоятельства не следует, поскольку подобные тюркско-талышские глаголы имеют одновремен-

ные и вполне употребительные в народной речи чисто талышские со-ответствия, в которых тюркское причастие заменено каким-нибудь талышским словом.

Незначительную группу глаголов сложных составляют глаголы, использующие в первой части сложения имя существительное *sa* «голова», семантика которого в сложении с семантикой глаголов, составляющих основную вторую часть сложения, придает всему сложному глаголу оттенок начинания или заканчивания действия.

Как и в других современных иранских языках, в талышском глаголе также различаются две основы — презенса и претерита. Но по сравнению с персидским или таджикским языками, в которых обе эти основы отчетливо дифференцируются в отношении производства от каждой из них определенной группы времен и наклонений, в талышском языке грамматическое значение в глагольной системе основы презенса значительно меньшее, чем основы претерита, и последняя в ряде глаголов уже вытеснила первую, а в небольшом количестве глаголов продолжает на наших глазах ее вытеснять¹. Основы презенса некоторых глаголов мы уже не можем отметить в спряжении, и она продолжает переживать только в отдельных сложных именах существительных, в которых она является второй частью сложения.

Кроме основы презенса и основы претерита, талышский язык использует для спряжения, как и новоперсидский, форму причастия прошедшего времени на *-a* и, сверх того, чего не знает персидский язык, форму причастия будущего времени или долженствования, несколько расходящуюся с персидской.

Сравнительно с персидским, талышский язык обнаруживает в спряжении глаголов большой архаизм, так как сохранил не только полное использование флексии так называемого оптатива (древнего конъюнктива), почти не имеющего употребления в современном персидском языке, но также флексию условно-желательного наклонения (*conditionalis*), уже неизвестного новоперсидскому языку. Кроме того, талышский язык сохранил использование аугмента для образования формы имперфекта от основы презенса. Талышский глагольный префикс, соответствующий новоперсидскому *be-*, *bi-*, дифференцировался на *bi-* и *ba-*, используемых при образовании двух разных времен: *bi-* — для настоящего времени сослагательного наклонения, соответствующего так называемому аористу персидских грамматик, а *ba-* — для будущего I (простого).

Наряду с этим префиксом талышскому языку известно использование в виде постфикса (послелога) частицы *-da* для образования аналитической по происхождению, но уже синтетической в современном своем виде специальной формы презенса длительного, выражающего действие, происходящее в данный момент.

¹ Это легко подтверждается при сравнении некоторых глаголов, приводимых в трудах И. Н. Березина и П. Ф. Рисса, относящихся к 50-м годам прошлого века, с их нынешними формами, фиксированными в наших записях.

Большое, сравнительно с новоперсидским языком, использование в спряжении получила в талышском форма неопределенного наклонения (инфинитива) в значении глагольного имени.

Введена в спряжение также одна из двух, специфически талышских, форм причастия настоящего времени, чего также нет в персидском языке.

Самое же существенное отличие талышского спряжения от новоперсидского составляет наличие в нем эргативной конструкции, выдерживаемой при образовании той группы прошедших времен переходных глаголов, которые выражают действие совершенное, завершённое или результативное.

Такова общая картина талышского спряжения в сопоставлении с новоперсидским.

Для образования форм спряжения служат следующие основы, к которым непосредственно присоединяются личные окончания:

1) основа настоящего времени (презенса), восходящая к древнеиранской основе настоящего времени изъявительного наклонения (praesens indicativi);

2) основа прошедшего времени с суффиксами **-t** и **-d**, восходящая к древнему прошедшему причастию на **-ta**, например, *kard*, *gat*;

3) прошедшее причастие (participium praeteriti), образованное из основы прошедшего времени, расширенной суффиксом **-a**, например, *karda*, *gata*,

4) причастие долженствования (participium necessitatis), образованное путем присоединения к основе прошедшего времени окончания **-anin**, например, *kardanin*, *bardanin*.

Для образования настоящего времени, выражающего длительное действие данного момента, в виде основы используется форма инфинитива, исходящая всегда на **-e**, например, *karde*, к которой непосредственно присоединяется суффикс **-da**, к последнему же — личные окончания.

Все спрягаемые формы можно разделить на:

1) формы простые, использующие вышеприведенные основы, личные окончания, префиксы **bi-** и **ba-** и аугмент **a-**, и

2) формы описательные, образованные путем сложения с формами глагола существительного (verbi substantivi) и формами вспомогательного глагола *be* «быть».

Глагол существительный (связка; *verbum substantivum*)

Глагол существительный представлен только в форме глагольной связки, совпадающей с личными окончаниями. Он имеет только презенс, формы которого присоединяются энклитически к именам в предикативной функции:

Единственное число

1 л. *-im*, *-im*, *-jim*, *-m*

2 л. *-iš*, *-š*

3 л. *-e*, *-je*

Множественное число

1 л. *-imon*, *-imon*, *-mon*

2 л. *-ion*, *-on*

3 л. *-in*, *-n*

Формы *-im, -iš, -e, -imon, -ion, -in* присоединяются к основам с согласным исходом, формы же *-m, -š, -je, -mon, -on, -n* — к основам с гласным исходом.

Примеры на формы с согласным исходом основы:

1 л. ед. ч. — *az ba ti ašjy-im* «я в тебя влюблен» (*ašjy* «влюбленный»);

2 л. ед. ч. — *noxáš-iš* «ты болен» (*noxáš* «больной»), *mahbúb-iš* «ты любима» (*mahbub* «любимая»), *ločín-iš* «ты — сокол» (*ločín* «сокол»), *soib tijn-iš* «хозяин — ты» (еси; *tj(n)* «ты»), *tj čama dijšmún-iš* «ты — наш враг» (*dijšmun* «враг»);

3 л. ед. ч. — *bo mj-ro háife* «мне жалко» (есть; *haif* «жалко»);

1 л. мн. ч. — *ama ajór-imon* «мы — пройдохи» (*ajor* «пройдохи»);

2 л. мн. ч. — примеров нет; окончание *-ion* мы находим только в глагольной личной форме, а не в самостоятельном значении связки;

3 л. ед. ч. — *mahbúb-in* «они — любимы».

Примеры на формы с гласным исходом основы:

1 л. ед. ч. — *mj ve šo-m* «я очень рад» (*šo* «радостный»);

2 л. ед. ч. — *tj kattó-š* «ты — старшина» (*katto* «старшина»), *ve züido-š* «ты — большой притеснитель» (*züido* «притеснитель»);

3 л. ед. ч. — *jmsor hišgi-e* «в этом году засуха» (*hišgi* «засуха»);

3 л. мн. ч. — *imon dü-n* «они (т. е. эти слова) — ложь» (*dü* «ложь»).

Эти формы глагола-существительного, являясь энклитиками, естественно, ударения не принимают.

Отрицательные их формы следующие: ед. ч. — 1 л. *nim*, 2 л. *niš*, 3 л. *ni(je)*; мн. ч. — 1 л. *nimon*, 2 л. *nion*, 3 л. *nin*.

Много примеров на них во всех лицах и обоих числах дают формы настоящего времени изъявительного наклонения: *maséda-nim* «я не слышу», *oméda-niš* «ты не приходишь», *šéda-ni* «он не идет», *kardá-nimon* «мы не делаем», *hardá-nion* «вы не едите», *porséda-nin* «они не спрашивают»¹.

В 3 л. ед. и мн. ч. встречается также сложная форма презенса глагола-существительного, составленная из основы **hast, has** и окончаний: **-e** в единственном числе и **-ein, -in** во множественном числе: *héste, hése, hse, héstein, hésein, héstin*. Форма *hest* является, как известно, сама по себе формой 3 л. ед. ч. древнего *verbi substantivi* — *astí*, но получившей придыхание. Эта форма приобрела в талышском языке значение выражения бытия, существования, как и в новоперсидском, в отличие от приведенных выше форм *verbi substantivi*, имеющих значение простой связки (*copula*). Примеры: *hoft gla zuaš héste* «семь сыновей у него есть, имеется», *i-la sóada aygo do hse* «на одном дворе виноградное дерево имеется», *delon hésein bane šisě* «сердца суть подобны стеклу».

Прошедшее время образуется также только в 3 л. ед. и мн. ч. путем сложения той же основы **hest, hes** с прошедшим временем глагола *be*

¹ В наших грамматических записях отмечены также формы 1 и 2 л. ед. и мн. ч.: *hestim, hestin, hestimon, hestion, hest bim, hest biš, hest bimon, hest bion*, но, поскольку они ни разу не встретились в записанных нами из уст народа текстах, мы их не можем считать находящимися в живом употреблении и потому не вводим в грамматический очерк.

«быть» в единственном числе и *bin* во множественном числе: *dī glai žen hēsteš-be* «две жены было у него»¹, *hēs-be, niḡbe, bidūni xīdo heč kasi niḡbe* «было, не было, без бога никого не было», *glai Hisatn hēst-be Mijonkū-ada* «жил-был некий Хусейн в Миянку», *γazi ženi otnaš hēs-be* «у жены судьи был любовник».

Неопределенное наклонение (инфинитив)

Талышский инфинитив имеет две формы. Он образуется:

а) прибавлением к основе прошедшего времени глагола окончания **-e**: *karde* «делать» (осн. пр. вр. *kard*), *bame* «плакать» (осн. пр. вр. *bam*), *niḡšte* «сидеть» (осн. пр. вр. *niḡšt*) или

б) прибавлением окончания **-ie** к основе настоящего времени: *činie* «собирать, рвать» (осн. н. вр. *čin*), *krnie* «тащить» (осн. н. вр. *krn*).

Окончание **-e** соответствует новоперсидскому **-ān**, среднеперсидскому **-an**, древнеперсидскому **-anaiy** (в окончании **-tanaiy**); окончание **-ie** соответствует новоперсидскому **-idān**, среднеперсидскому **-itan**.

Отпадение **n** в форме **-e** инфинитива вполне соответствует законам талышской фонетики, равно как и выпадение интервокального **d** в форме **-ie** из **-ide(n)**.

Инфинитив одновременно является, как и в новоперсидском языке, глагольным именем. Он имеет, однако, значительно большее, чем в этом языке, использование как в синтаксисе, так и в морфологии, в частности в спряжении и в образовании новых абстрактных терминов².

Повелительное наклонение (императив)

Императив имеется только во 2 л. ед. и мн. ч. Формула его образования: для 2 л. ед. ч. — префикс **bi-** и глагольная основа, для 2 л. мн. ч. — префикс **bi-**, глагольная основа и окончание **-an**.

Глагольная основа или единая — у глаголов одноосновных, или же основа презенса — у глаголов двухосновных³.

¹ Этот и все следующие примеры взяты из сказок. «Было не было» и пр. — трафаретный зачин сказок, рассказываемых профессиональными рассказчиками, которые еще встречались в 1925 г. См. наши «Талышские тексты», стр. 19.

² Е. Бенвенист в своей работе об авестийских инфинитивах («Les infinitifs avestiques», Paris, 1935, стр. 111) дает совершенно неверное объяснение формы исхода талышского инфинитива. Незнакомый с нашими «Талышскими текстами», хотя и вышедшими за 5 лет до его работы, он базируется на неверных данных, почерпнутых им из устарелой работы Гейгера (в «Grundriss der iranischen Philologie»), для которого талышский инфинитив будто бы исходит на **-a**, который он сопоставляет с балучским **-ad** из суффикса **-aka**. Бенвенист принимает эту этимологию и по этому признаку объединяет талышский инфинитив еще с рядом северо-восточных языков — памирскими, согдийским, сакским, ягноби и т. д. Было бы очень желательно, чтобы некоторые западноевропейские иранисты потрудились знакомиться и с русскими иранистическими работами, чтобы не делать таких лягушечков.

³ О глагольных основах см. раздел «Классификация глаголов по их основам» (стр. 196).

Несколько глаголов в императиве употребляют факультативно обе основы презенса или претерита.

Примеры на императив глаголов одноосновных: от глагола *soxte* «делать» (что-нибудь конкретно) — *bj̄soxt*, *bj̄soxtan*, от глагола *pate* «варить» — *bj̄pat*, *bj̄patan*, от глагола *süte* «жечь» — *bj̄süt*, *bj̄sütan*, от глагола *vote* «говорить» — *bj̄vot*, *bj̄votan*, от глагола *rase* «достигать» — *bj̄ras*, *bj̄rasan*, от глагола *kj̄šte* «убивать» — *bj̄kj̄št*, *bj̄kj̄štan*.

Примеры на императив глаголов, сохранивших основу презенса: от глагола *žae* «ударять, бить» (основа презенса **žan**) — *bj̄žan*, *bj̄žanan*, от глагола *sae* «брать, покупать» (основа презенса **san**) — *bj̄san*, *bj̄sanan*.

Примеры на императив глаголов, в которых основа презенса еще не окончательно вытеснена основой претерита: от глагола *gate* «взять, схватить» (основа презенса **gi**) — *bj̄gi*, *bj̄gian* наряду с *bj̄gat*, *bj̄gatan*.

К этой категории можно присоединить и глагол *vinde* «видеть», использующий две разные основы от разных корней: *bj̄vind*, *bj̄vinnan* наряду с *bj̄bin*, *bj̄binan*.

Приведем императивы от основы презенса нескольких наиболее употребительных глаголов, отступающие от приведенной нормы: от глагола *be* «быть» (основа **b**) — *bj̄bi*, *bj̄ban*: *tj̄ rozi bj̄bi čimj̄ku* «ты будь доволен мною» (на 2 л. мн. ч. примеров нет), от глагола *še* «итти» (основа **š**) — *bj̄ši*, *bj̄šan*, от глагола *doe* «давать» (основа **da**) — *bj̄da*, *bj̄dan*, от глагола *noe* «класть» (основа **na**) — *bj̄na*, *bj̄nan*, от глагола *ome* «приходить» (основа **o**) — *bj̄oi*, *bj̄oan*, от глагола *varde* «приносить» (основа **va**) — *bj̄va* (|| *bj̄uva*), *bj̄uan*, от глагола *barde* «нести, уносить» (основа **ba**) — *bj̄ba*, *bj̄ban*.

Один из наиболее употребляемых глаголов *karde* «делать» образует императив: *bj̄ka*, *bj̄kan*. Основу **ka** следует считать сокращением основы претерита **kard**, возможно, образованной по аналогии с вышеприведенными, также очень употребительными глаголами *varde* «приносить», *barde*, «нести, уносить» и *harde* «есть, кушать».

Как мы видим, гласный элемент префикса **bj̄-** сливается, исчезает или претерпевает некоторые изменения, если глагол начинается с гласного или с губного звука: *boi* вместо *bj̄-o* от *ome* «приходить», *bj̄va* вместо *bj̄-va* от *varde* «приносить».

Глаголы сложные с поперечными *e*, *pe*, *o*, *be*, *da*, а также состоящие из имени (существительного, прилагательного, причастия) и вспомогательного глагола *karde*, в императиве префикса **bj̄-** не принимают: от глагола *pe nj̄šte* «садиться верхом, влезать» — *pe nj̄št*, от глагола *pe-gate* «поднимать» — *pe gat*, *pe-gi*, от глагола *e-še* «итти вниз, спускаться» — *e-ši*, от глагола *e-ome* «сходить, спускаться» — *e-vo* (<*e-o*), от глагола *e-varde* «спускать, приносить вниз» — *e-va*, от глагола *e-karde* «выливать» — *e-ka*, от глагола *o-gate* «сохранять, оберегать, давать приют» — *o-gat*, от глагола *be-karde* «выгонять» — *be kan* (2 л. мн. ч.), от глагола *da-base*, *da-vase*, «привязывать» — *da-bas*, *da-vas*, от глагола *šo doe* «бросать, оставляя» — *šo dai*, *šodan*, от глагола *čaš karde* «ожидать» — *čaš ka*, от глагола *paido karde* «находить» — *paido ka*.

При отрицании (запрещении) **bj̄-** заменяется префиксом **ma-** (паа. *mā*, индо-ир. *mā*): от глагола *bame* «плакать» — *mābam*, от глагола *karde*

«делать» — *máka*, от глагола *līve* «шевелиться, двигаться» — *máļiv*, от глагола *vote* «говорить» — *mávot*, от глагола *ome* «приходить» — *mávo* (из *ma-o*) и *mávoi: tī dī mī mávo!* «ты со мною не ходи!», от глагола *žae* «ударять, бить» — *mážan, mážanan*, от глагола *das žae* «прикасаться, трогать» — *das mážanan*, от глагола *še* «итти, ходить» — *máši*.

В глаголах, сложных, с вышеприведенными превербами или именами, частица **ma-** ставится непосредственно перед глаголом: от глагола *pe-ome* «натыкаться» — *pe-mávoi* (< *ma-oi*), от глагола *e-sie* «отрываться» — *e-másij*.

Ударение в императиве всегда падает на префиксы **bi-** в положительной форме и на **ma-** в запретительной.

Гласный элемент **i** частицы **bi-** подвергается изменениям не только в случае гласного начала глагола, но и в некоторых случаях при согласном его начале вследствие имеющейся в языке тенденции к вокальному сингармонизму и к ассимиляции согласных. Наряду с **bi-** нами в ряде случаев зарегистрированы формы **ba-, be-, bo-**. Примеры: от глагола *havate* «продавать» — *báhavat, báhvat*, от глагола *mānde* «оставаться» — *bómānd*, от глагола *doe* «давать» — наряду с обычной формой *bīda* отмечено *bēde*, от глагола *vote* «говорить» — наряду с *bīvot* отмечено также *bóvot, bóot*, во мн. ч. *bóotan*.

Личные глагольные окончания

1. После гласного исхода основы личные окончания глагола, кроме 3 л. ед. ч., совпадают с формами глагола существительного, т. е. в 1 л. ед. ч. **-m**, во 2 л. ед. ч. **-s**, в 1 л. мн. ч. **-mon**, во 2 л. мн. ч. **-on**, в 3 л. мн. ч. **-n**.

2. Если же основа имеет согласный исход, то между нею и этими окончаниями вставляются гласные элементы, характеризующие время и наклонение, именно:

а) для настоящего времени сослагательного наклонения (*praesens conjunctivi*) — гласный **i**;

б) для настоящего времени желательного наклонения (*praesens optativi*) — гласный **o**;

в) для будущего времени (*futurum*) — гласный **e**;

г) для простого прошедшего времени (*praeteritum*) непереходных глаголов, а также для прошедшего несовершенного времени (оно же условно-ирреальное и потенциальное — *imperfectum seu conditionalis et potentialis*) — гласный **i**.

3. Что касается 3 л. ед. ч., то тут имеются три случая:

а) в прошедшем-настоящем (*perfectum praesens*), с исходом основы на **a**, и в настоящем времени изъявительного наклонения (*praesens indicativi*), представляющем собою сложно-слитную форму также с гласным исходом на **a**, к этому гласному ничего не прибавляется;

б) в простом прошедшем времени (*praeteritum intransitivum*) к основе прибавляется личное окончание **-e**, независимо от того, исходит ли основа глагола на согласный или на гласный;

в) в тех же временах и наклонениях, в которых имеются вышеприведенные характеризующие их гласные, т. е. *i, o, i, e*, ими и заканчиваются формы 3 л. ед. ч.

4. В повелительном наклонении во 2 л. ед. ч. глагольная основа никакого окончания не принимает, а во 2 л. мн. ч. — окончание **-ап**.

Переходим к описанию спрягаемых форм по временам и наклонениям.

Спрягаемые формы, общие по временам и наклонениям у глаголов переходных и непереходных

1. ФОРМЫ ПРОСТЫЕ (НЕОПИСАТЕЛЬНЫЕ)¹

а) Настоящее время изъявительного наклонения (praesens indicativi)

Форма этого времени собственно слитно-сложная, но в настоящее время воспринимается как простая, т. е. как одно слово. Она образуется следующим образом: к инфинитиву присоединяется послелог **-da**, к последнему же — личные окончания: в единственном числе — 1 л. **-m**, 2 л. **-š**, 3 л. окончания не имеет (см. выше); во множественном числе — 1 л. **-мон**, 2 л. **-он**, 3 л. **-п**. Ударение всегда падает на конечный гласный инфинитива, т. е. на **e**. Примеры: от *be* «быть, становиться» — *bédam* «я бываю, я становлюсь», от *že* «йти» — *šédam* «я иду», от *vote* «говорить» — *votédam* «я говорю», от *karde* «делать» — *kardédam* «я делаю», от *žae* «ударять» — *žaedam* «я ударю», от *njvǐšte* «писать» — *njvǐštédam* «я пишу», от *mase* «слышать» — *masédam* «я слышу».

Приведенные примеры являются полными формами, но во многих глаголах при образовании этого времени наблюдаются отклонения от нормы, объясняемые фонетическими причинами, ассимиляцией согласных и тенденцией к сокращениям и стяжениям. Такие формы, естественно, встречаются часто в устной и быстрой речи в параллельном использовании с полными формами.

Отметим некоторые из таких изменений:

1. Глаголы с исходом инфинитива на **-te** теряют гласный **e**, и получается группа **td**, которая вследствие ассимиляции звонкого **d** суффикса глухому зубному **t** глагольной основы дает удвоение последнего; ударение при этом перемещается с исчезнувшего **e** на гласный предшествующего слога основы: от *vote* «говорить» — *votédam* > *vótdam* > *vóttam* «я говорю», от *gate* «брать» — *gatédam* > *gátdam* > *gáttam* «я беру», от *hǐte* «спать» — *hǐtédam* > *hǐtdam* > *hǐttam* «я сплю».

2. Глаголы, инфинитив которых исходит на **-de** с предшествующим плавным или носовым согласным, наряду с полными формами презенса обычно образуют и сокращенные формы, также с опущением целого слога **ed** и переносом ударения на гласный предшествующего слога основы: от *karde* «делать» — *kérdédam* > *kárdam* «я делаю», от *barde* «нести» — *bardédam* > *bárdam* «я несу, я уношу», от *varde* «приню-

¹ О форме повелительного наклонения сказано выше (см. стр. 141).

силь» — *vardédam* > *várdam* «я приношу», от *da-sparde* «поручать» — *da-spardédam* > *da-spárdam* «я поручаю», от *marde* «умирать» — *marédédam* > *márdam* «я умираю».

Аналогичное сокращение встречается и в некоторых глаголах, инфинитив которых исходит на **-šte**: от *niṽište* «писать» — *niṽištédam* > *niṽiṽštam* «я пишу», от *kašte* «сеять, сажать» — *kaštédam* > *kāštam* «я сею».

Глагол *zjne* «знать» образует сокращенную форму презенса *zjndam* и *zondam* из *zinédam*.

В устной речи наблюдаются также нередко случаи стяжения дифтонгов в один долгий гласный и образования дифтонга из двух смежных гласных (например, гласного исхода глагольной основы и окончания **-e**): от *doe* «давать» — *doidam* > *dódam* из *doédam* «я даю», от *kuē* «колотить» — *kuidam* из *kuédam* «я колочу» и т. п.

Приведем несколько примеров на образование презенса разных глаголов по лицам и числам.

Единственное число:

1 л. — примеры приведены выше;

2 л. — *šedaš* «ты идешь», *bédaš* «ты становишься», *kārdaš* «ты делаешь», *dóidaš* «ты даешь», *voṽedaš* и *voṽtaš* «ты говоришь», *zjndaš* «ты знаешь», *masédaš* «ты слышишь»;

3 л. — как сказано выше, к суффиксу **-da** никакого личного окончания не прибавляется: от *hande* «петь» — *handéda* «он поет», от *marde* «умирать» — *marédéda* «он умирает», от *nište* «сидеть» — *ništéda* «он сидит», от *pe-še* «подниматься, влезать» — *pe-šéda* «он поднимается, влезает», от *bame* «плакать» — *baméda* «он плачет», от *ome* «приходить» — *oméda* «он приходит» и т. д.

Множественное число:

1 л. — от *harde* «есть, кушать» — *hārdamon* (< *hardédamon*) «мы едим», от *vote* «говорить» — *voṽtamon* (< *voṽtédamon*) «мы говорим», от *kašte* «сеять» — *kāštamon* (< *kaštédamon*) «мы сеем», от *e-ṽande* «бросать, сбрасывать, забрасывать» (про сети) — *e-ṽāndamon* «мы забрасываем»;

2 л. — от *kuē* «бить, колотить» — *kuidon* (< *kuédon* < *kuédaon*) «вы колотите», от *vote* «говорить» — *voṽton* (< *voṽtédon* < *voṽtédáon*) «вы говорите», от *kjšte* «убивать» — *kjštédon* (< *kistédaon*) «вы убиваете»¹, от *zjne* «знать» — *zjndon* (< *zjnédon* < *zjnédaon*) «вы знаете», от *o-garde* «поворачиваться» — *o-gārdton* (< *o-gārdaon* < *o-gardédaon*) «вы поворачиваетесь»;

3 л. — от *karde* «делать» — *kārdan* (< *kardédan*) «они делают», от *ljve* «трястись, шевелиться» — *ljvédan* «они трясутся», от *anje* «рубить» — *anjédan* «они рубят», от *doe* «давать» — *dódan* (< *doidan* < *doédan*) «они дают», от *gate* «брать» — *gāttan* (< *gatédan*) «они берут».

Примечания: 1. Личное окончание 2 л. ед. ч. **-iš**, **-š** в говоре некоторых сунитских селений озвончается в **-iž**, **-ž**: *bédaž* «ты бываешь», *voṽtaž*, *voṽtaž* «ты говоришь», что объясняется, повидимому, более слабой общей тенденцией к оглушению в этом говоре звонких в конце слов.

¹ Пример из сказки.

2. Гласный *a* окончания 2 л. ед. ч. (-*aš*) иногда, при вялом произношении, слышится как *-i(š)*, *-e(š)*: *da-spárdeš* «ты вручаешь», *gándaš* «ты бросаешь», *mándaš* «ты остаешься», *vóttež* «ты говоришь».

3. О сокращенных формах глаголов, в основе которых имеются плавный *г* и носовой *в*, уже было сказано.

В отрицательном спряжении к суффиксу **-da** присоединяются отрицательные формы *verbi substantivi*: *nim*, *niš*, *ni*, *nimon*, *nion*, *nin*.

Единственное число:

1 л. — *zında-nim* «я не знаю», *maséda-nim* «я не слышу»;

2 л. — *vótta-niš* «ты не говоришь», *oméda-niš* «ты не приходишь», *mánda-niš* «ты не остаешься»;

3 л. — *šéda-ni* «он не идет», *bjída-ni* «он не режет».

Множественное число:

1 л. — *kárda-nimon* «мы не делаем», *zında-nimon* «мы не знаем»;

2 л. — *hárda-nion* «вы не едите», *vında-nion* «вы не видите»;

3 л. — *béda-nin* «они не становятся», *porséda-nin* «они не спрашивают».

* * *

Описанная форма настоящего времени выражает собою как всякое действие, происходящее в данный момент, так и действие, обычно совершаемое, действие или состояние, свойственное данному лицу.

Состав этой сложно-слитной формы весьма интересен. Входящий в него инфинитив, несомненно, имеет значение глагольного имени действия или состояния (масдара); суффикс **-da**, по нашему мнению, есть предлог *da-* «в», использованный постпозиционно, и все сложение с глагольными окончаниями, восходящими к формам глагола существительного и вполне с ним совпадающими, может быть буквально переведено как «я, ты и т. д. нахожусь в процессе такого-то действия или в таком-то состоянии»: *porsé-da-n* «они спрашивают» (т. е. они находятся в процессе спрашивания).

Построение настоящего времени позволяет предположить влияние азербайджанского языка или языка турецкого. В последнем, как известно, инфинитив в форме местного падежа и с личными аффиксами образует так называемое настоящее-длительное время, выражающее длительное действие, происходящее в определенный момент (ср. *almak-ta-jim* «я беру», инфинитив — *almak* «брать»).

6) Настоящее время сослагательного наклонения (*praesens conjunctivi*)

Эта форма образуется из того же префикса *bi-*, что и в императиве (с аналогичными изменениями его гласного элемента, см. выше, стр. 141), глагольной основы (единой — у глаголов одноосновных или основы презенса — у глаголов двухосновных) и следующих личных окончаний: в единственном числе — *-im*, *-is*, *-i*, во множественном числе — *-amon*, *-ion*, *-in*.

Таким образом, эта форма характеризуется наличием краткого гласного *i* как в составе префикса *bi-*, так и в личных окончаниях (за исключением 1 и 2 л. мн. ч.).

У глаголов сложных с превербами *e*, *pe*, *o*, *be*, *da* префикс *bi-* опускается, как и в императиве. В отрицательном спряжении он заменяется отрицательно-запретительными частицами *ni-* (*ne-* или *ma-*).

Главное ударение всегда падает на префикс *bi-*, превербы и частицы *ni-*, *ne-*, *ma-*. Приведем примеры.

Единственное число:

1 л. — *bíʋindim* «посмотрю-ка я, чтобы я посмотрел», *bíʋüštím* «помою-ка я, чтобы я помыл», *az čič bóotím (bóvotím, bívotím)?* «что я скажу, что мне сказать?», *i gula ba čič bíʋaním?* «этот кувшин обо что я ударю?», *az tikai bíhítím!* «ну-ка, я немного посплю!», *išta dinji bísaním!* «отдохну-ка я!», *az pídamni tñi bíʋoʋandím* «я не хочу тебя послать», *az níparím?* «разве я не полечу?», *či bíʋzním?* «что мне знать?», *az a koyazí bájo bíhandím* «чтобы для него я то письмо прочел».

2 л. — *bóvotíš (bívotíš)* «ты должен сказать, чтобы ты сказал», *imoni čok ó-gatíš toa čimí ome* «ты их (эти вещи) хорошо должен сохранить до моего прихода», *behüštüri bídaiš bá* «это снотворное средство ты ему дашь, чтобы ты дал», *toa čimí ome čiyin rád mábíš!* (из *rád be* «уходить») «до моего прихода ты отсюда не должен уходить!», *čaš mákaš (< mákardíš)* «ты не должен ожидать», *mávotíš* «ты не должен говорить, чтобы ты не говорил».

3 л. — *piše dá-níští* (глагол *da-níšte* «купаться») «он захотел выкупаться», *čai sanat be-mol bísaní* (глагол *sae* «покупать», основа презенса *san*) *vá báhvati* (глагол *havate* «продавать») «его занятие (промысел) было то, чтобы покупать товары и (их) продавать» (букв. «чтобы он покупал... и продавал»)¹, *babe pía merd ba vaziri aspi pé-níští* (глагол *pe-níšte* «сидеться верхом») «надо, чтобы старик сел верхом на лошадь везира»², *piše. ba-šta kái ó-gardí* «он хотел в свой дом возвратиться» (букв. «чтобы он вернулся»), *bída bíšü* (из *bíši*, глагол *še* «итти») «пусть он уйдет», *ó-ka (< ó-kardí)* «пусть он откроет», *kašte bígatí* (глагол *gate* «брать») «чтобы он схватил голубя», *bíʋzini* «чтобы он узнал», *bíʋindí* «чтобы он увидел», *níʋindí* «чтобы он не увидел», *bída báriši* «пусть он разобьется», *dástim či guláo bé-šü* (глагол *be-še* «выходить») «пусть моя рука вылезет из кувшина», *piše pé-kñni* (глагол *krnie* «поднимать») «он хотел перевернуть наверх», *ba hič vira da-náʋüži* «чтобы никуда она не поместилась», *i širri ba hič kasi nívotí* «чтобы этой тайны он никому не говорил».

Множественное число:

1 л. — *bóamon!* (глагол *ome* «приходить», основа презенса *-o*) «придем-ка мы!» (из *bí-o-amon*), *bíšamon!* (глагол *še* «итти») «пойдем-ка мы!», *bígatamon!* «возьмем-ка мы!», *bípatamon!* «сварим-ка мы!» *báhamoni*

¹ Пример взят из сказки.

² Также из сказки.

(из *bîhârdamon*, глагол *harde* «есть», сокращ. основа *ha*) «съедем-ка мы!», *bûamon!* (из *bîvamon*, глагол *varde* «приносить», сокращ. основа *va*) «принесем-ка мы!», *bîsanamon!* «возьмем-ка мы!», *pé-gatamon!* «поднимем-ка мы!», *gar bîžanamon!* (глагол *gar žae* «беседовать») «побеседуем-ка мы!», *bare ama i vîrada bîbamon* «надо, чтобы мы были вместе» (глагол *be* «быть»).

Примечание. Интересна форма *bîratun* «смерим» от глагола *ratûe*, *rate* «мерить»; эта форма является, повидимому, сокращением *bîramanon* — от основы презенса *rama* (*bi-rama-amon*).

2 л. — *γapu bîžânion* (глагол *žae* «бить», основа презенса *žan*) «чтобы вы затворили дверь, вы должны затворить дверь», *ba čimj pua bavótion* «вы скажете (должны сказать) моему отцу», *mîni badójon ba čimj pja kîštj* «вы отдадите (должны отдать) меня моему отцу на казнь», *šma malo bûajon* «вы приведете муллу», *čai ba pešta ašj? bîajon (bûajon)* «а после того вы приведете певцов-музыкантов», *bógatton* (< *bî-o-gat-ion*) «подержите (их некоторое время)», *bînajon* (без префикса *bî-*) «посмотрите», *šma pia kas kîje?* «кто тот человек, который вас любит?»¹

3 л. — *hiči sîxánada bé-nîšün* «чтобы они отнюдь от этих слов не отступали», *podšo hamue: Mammadi bîkîštjñ, bo ájo kabobjkan, bîdan bái, av baha* «царь приказал: пусть они Мамеда убьют, а для него (из него) сделают кебаб, ему пусть подадут, чтобы он съел» (из сказки), *pišone bîmandjñ* «они захотели остановиться», *Mammadi joilina da ro dáyjñdñ* «(они хотели) Мамеда одного по дороге пустить», *podšo hamuáše čai hürmat ó-gatjñ* «царь приказал, чтобы они ей оказывали уважение», *bóvoťjñ* «пусть они скажут» (из сказки).

Вследствие малой устойчивости талышского вокализма, некоторого влияния частичного сингармонизма гласных, явлений диалектного характера, тенденции к использованию сокращенных основ некоторых наиболее употребительных глаголов получается ряд отступлений от нормального типа образования этой глагольной формы и возможность образования форм, совпадающих с другими временами.

Употребление сокращенных основ глаголов *karde* «делать», *varde* «приносить», *barde* «уносить, нести», *harde* «есть, кушать» (**ka, va, ba, ha**) при стяжении конечных слогов дает формы конъюнктива, почти целиком, кроме ударения, совпадающие с формами будущего времени (futurum I, см. стр. 155). В то время как ударение в таких сокращенных формах непременно падает на префикс *bî-* (**ba-, be-**), в будущем времени оно падает на последний гласный основы *e*: *báhamon* (< *bîhâ-ton* < *bîhârdamon*) «чтобы мы съели», *bahámon* (< *bahardémon*) «мы съедем», *bábamon* (< *bîbârdamon*) «чтобы мы унесли», *babámon* (< *babardémon*) «мы унесем».

Полное совпадение, кроме ударения, получается у этих глаголов в формах 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени сослагательного наклонения с формами 2 л. ед. и мн. ч. повелительного наклонения: *bîka*

¹ Все примеры на 2 л. мн. ч. этой глагольной формы, ее прекрасно иллюстрирующие, нами взяты из сказок, помещенных в «Талышских текстах», стр. 92 и 114.

«сделай», *bjka* «чтобы он сделал»; *bjkan* «сделайте», *bjkan* «чтобы они сделали»; *bjha* (чаще *baħa*) «съешь», *bjha* «чтобы он съел»; *bjhan* «съешьте», *bjhan* «чтобы они съели».

Такое же совпадение этих форм мы находим в глаголах: *doe* «давать» и *poe* «класть», основы презенса которых исходят на *a*: от *da-noe* «положить» — *da-nan* «положите» и *danán* «чтобы они положили»; *Mam-madi danán ba dusax!* «пусть Мамеда посадят в тюрьму!»¹; *bjdan* и *bjdán* «дайте» и «пусть дадут»: *kabob bjdán bái!* «пусть ему дадут кебаб!»

Примеры на отступление в огласовке окончаний, гласных основы и префикса *bj-*, объясняемые тенденцией к частичному вокальному сингармонизму: *báhvati* «чтобы он продал» вместо *bjhvati*, *bjšan* «чтобы они взяли» вместо *bjšanan*, *bjmandan* «чтобы они оставались» вместо *bjmandin* и т. п.

Глаголы *be* «быть» и *še* «итти» показывают отступления в огласовке личных окончаний. Они не знают широкого *i* и заменяют этот гласный через *u*, *ü*, иногда переходящие в узкий *i*: *bišüm* «чтобы я пошел», *bebun* «чтобы они были».

Отсюда — почти полное совпадение форм *bešü* и *beši* «чтобы он ушел» с повелительным наклонением 2 л. ед. ч. *beši* «уйди».

Как показывают наши примеры, эта временная, с упором на будущее и одновременно модальная глагольная форма выражает, как и в новоперсидском языке, в главном предложении приглашение, побуждение к совершению действия, т. е. весьма близка по значению к повелительному наклонению; в придаточных предложениях она соответствует сослагательному наклонению (конъюнктиву) настоящего времени и употребляется главным образом в тех случаях, когда в главном предложении, им управляющем, глагольное сказуемое выражает тот или иной волевой акт (приказание, требование, намерение, желание, твердое решение).

в) Настоящее время желательного наклонения (*praesens optativi*)

Эта форма образуется, подобно предыдущей форме конъюнктива, также от единой глагольной основы или — специально — от основы настоящего времени глаголов двухосновных, префикса *bj-* и следующих глагольных окончаний: в единственном числе — для 1 л. **-om**, для 2 л. **-oš**, для 3 л. **-o**; во множественном числе — для 1 л. **-omon**, для 2 л. **-bon** (**on**), для 3 л. **-on**.

Таким образом, характерным, тематическим гласным этой формы является **o**, предшествующий личным окончаниям. В 3 л. ед. ч., как мы видим, личное окончание отсутствует.

Главное ударение и тут падает на префикс *bj-*, а второстепенное, более слабое, — на глагольное окончание.

Следует отметить, что наши тексты дают весьма мало примеров на 2 л. мн. ч., что, повидимому, объясняется семантической близостью

¹ Взято из сказки.

настоящего времени желательного наклонения с повелительным наклонением, более употребительным в главном предложении для 2 л. мн. ч., а также с настоящим временем сослагательного наклонения, часто употребляемым во 2 л. мн. ч. в предложениях зависимых, придаточных.

Форма опатива выражает в главном предложении сильное настойчивое желание субъекта, а в предложениях придаточных, реально-условных, неопределенно-относительных и неопределенно-обстоятельных она близка по употреблению с настоящим временем сослагательного наклонения, но придает обуславливаемому действию или состоянию оттенок того, что оно совершится или будет иметь место в будущем.

Приведем примеры на эту форму как в главном, так и в придаточном предложениях по числам и лицам.

Единственное число:

1 л. — А. *Az ba ti ğıbon ŝom* «да буду я твоей жертвой», *az ba-ŝti sa ğavon* букв. «да буду я кружиться вокруг твоей головы» (то же значение), *az bizonom! (zıne «знать»)* «пусть я узнаю!, о! чтобы я узнала!», *bınovnom tıni bı bandun!* «заставляю я тебя прогуляться по горам!», *tıni bıvındom, tıni bıbinom!* (от основ *vınd* и *bin*) «повидаю-ка я тебя!, посмотрю-ка я на тебя!»

Б. *Az ha rüz a sıxanı nımasom (mase «слышать»)* «если я ежедневно не буду слышать тех слов», *mı ve ŝom ŝımani bıvındom* «я очень рад, что увижу вас», *ägär paido nıkom* (или *nıkardom*) «если я не найду», *häraina ğm leına nıžatom* «если я на этой свирели не буду играть».

2 л. — А. *Sori haŝ maŋg bınavoŝ* «да скитаешься ты восемь месяцев в году», *tı ğımi jo boŝ!* «о, будь моей невестой!», *kulaton süjo do boŝ!* «да станешь ты черным деревом на погорелом месте!», *at bıdoŝ gatel* «ты непременно прикажешь его поймать!», *mıni ba jod da-banoŝ!* «(непременно) ты должен меня вспомнить!», *fıkr bıkoŝ!* «ты должен подумать!»

Б. *Ha vaxti vaŝi bıboŝ...* «всякий раз, как ты окажешься голодным...», *har vaxti bı kójo dá-mandoŝ...* «всякий раз, как ты окажешься в каком-нибудь деле бессильным...», *hারণonä dı zü bıŝanoŝ...* «в случае, если ты силой возьмешь...», *häraina paido nıkoŝ...* «в случае, если ты не найдешь...», *ägär tı mını ğııın be-koŝ...* «если ты меня отсюда выведешь...», *ägär tı mını bıŝanoŝ...* «если ты меня возьмешь...», *ägär tı moi va nıdoŝ...* «если ты рыбу (в море) не выпустишь...», *asp aspi tonıku da-basoŝ...* «если ты лошадь привяжешь около другой лошади...», *aıılmand bóboŝ...* «если ты будешь разумной...», *dı tambalı bınavoŝ...* «если ты будешь с лентяем гулять (водиться)...»

3 л. — А. *Otaŝ é-ğno!* «пусть огонь упадет (поразит)!»¹, *parçın bıŝüto* «пусть забор сгорит!», *ğai gávada ğai žıvon bıŝüto* «в его рту язык пусть сгорит», *ba maza nıŝol* «пусть он не идет на чапатычное поле!», *hanı nıvo ájol [ome «приходить», основа презенса o(vo)]* «пусть он больше не приходит туда!», *av Mammadı bavon bırıŝno!* «пусть он

¹ Этот и все последующие примеры на 3 л. наст. вр. опатива взяты из наших «Талышских текстов» — «до-бейти» и сказок.

Мамеда им доставит!», *djšmen bġmijo!* (основа презенса от *marde-mij*) «враг да умрет!», *dīm sijo bō!* «да будет он с черным лицом (опозоренным)!», *ai pe-vato!* «пусть он его вырвет!»

Б. *Podšo āgār bōoto...* «царь, если скажет...», *čġmj zua bġbo...* «сын у меня если будет...», *āgār mag bġgato čġmj badani...* «если смерть овладеет моим телом...», *bé-nešo...* «если он не выйдет...», *háraina hamusériš bġpio...* «если он своих соседей будет любить...», *ġštġ xaba doġo čaton bġraso...* «если весть о тебе дойдет с той стороны моря...», *ba dāsim dā-gġno...* «если она (рубашка) попадет мне в руки...», *šġše báršio...* «если стекло разобьется...», *ba hā vraī šanin bo...* «куда бы он ни вознамерился итти...», *hār kasi ba sa āt-sa bġništo...* «всякий, кто на него сядет...», *hār kasi zūlm bġko...* «всякий, кто будет совершать притеснения...», *ġm neila nġbo...* «если этой свирели не будет...», *āgār čairiš zard bġbo...* «если его борода окажется рыжей...», *hār kasi dū bōvoto...* «всякий, кто скажет ложь...», *ba hā vīlaāti bġpio še...* «в какую сторону он захочет пойти...», *hār kasi vġniāda xun be-šo...* «у кого из носу кровь пойдет...», *hār kasi čol bo hamro bġkando...* «всякий, кто для товарища яму будет копать...», *hā ki čġmj joġi ba mġ xabai bġdo...* «всякий, кто о моей милой мне подаст весть...», *hā kasi dandon bġdažo...* «всякий, у кого заболит зуб...», *hār kasi ba-šta sai ġm kġlo bġno...* «всякий, кто эту шапку на свою голову наденет...», *ba hā kasi dās bġbu...* «на чью руку оно (кольцо) придется...», *hār kasi ba-šta aġġista péko...* «всякий, кто на свой (его) палец наденет...», *hār kasi ġ sūrfa ó-ġando...* «всякий, кто эту скатерть расстелет...»

Множественное число:

1 л. А. — примеров нет.

Б. *Hā joī šanin bġboton* «куда бы мы ни вознамерились пойти».

2 л. — А. *Honaš mákajon* «вы не кричите (не должны кричать) ему вслед», *lovaš mákajon* «вы не умоляйте (не должны умолять) его».

Б. — примеров нет.

3 л. — А. *Dabon bġgardon!* «пусть обычаи изменятся!», *bġda sġpon bōon!* «пусть собаки придут!», *boónġm bġmason!* «пусть мои братья услышат!», *šamoron bġġknon čaili zġvonil!* «пусть громадные змеи ужалят ее язычок!»¹

Б. — примеров нет.

Эта форма, которую мы называем *praesens optativi*, восходит к древнему сослагательному наклонению, которое перед окончанием изъявительного наклонения вставляло гласную примету *a* и, следовательно, удлиняло тематический гласный *a*. Этому долготому *ā* по норме талышской фонетики соответствует долгое *ō*.

Талышскую форму *praesens optativi* можно назвать прекативной.

От древних форм в среднеперсидском еще сохранялись формы обоих чисел 3-го лица *-ā*, *-ānd*; в новоперсидском же встречается только 3 л. ед. ч. *-ad*, и лишь в старом повтическом языке употреблялись прекативные формы и 1 л. ед. ч., вроде *mirām* «чтобы я умер»,

¹ «Талышские тексты», стр. 178.

образованные, возможно, по аналогии с 3 л. ед. ч., а в Шах-Наме и 2 л. ед. ч., вроде *bādi* «чтоб ты был», *mabādi* «чтоб ты не был».

Талышский язык, как мы видим, обнаруживает больший архаизм, сохраняя формы всех лиц и обоих чисел, т. е. всю парадигму. Кроме того, он использовал эту форму также для выражения реального условия со специальным оттенком ожидания обязательного, неременного его выполнения в будущем.

г) Общая форма прошедшего несовершенного (длительного) и условно-ирреального (*imperfectum seu conditionalis*)

Эта форма, которую можно назвать также формой *potentialis*, т. е. формой наклонения, выражающего возможность действия и его желательность, образуется следующим образом: она составляется или из общей (единой) глагольной основы, или из основы презенса у глаголов двухосновных, из префикса (аугмента) *a-* и из личных окончаний: в единственном числе — 1 л. *-im*, 2 л. *-is*, 3 л. *-i*, во множественном числе — 1 л. *-ion*, 2 л. *-ion*, 3 л. *-in*.

Таким образом, характерной гласной приметой этой формы является *i* — узкий гласный, предшествующий обычным глагольным личным окончаниям, совпадающим с формами глагола существительного, т. е. в единственном числе — для 1 л. *-m*, для 2 л. *-š*, а во множественном числе — для 1 л. *-ion*, для 2 л. *-on*, для 3 л. *-n*. В 3 л. ед. ч., как мы видим, окончания нет, и оно заканчивается самой гласной характеристикой *i*, подобно тому как 3-е лицо в *praesens conjunctivi* и в *praesens optativi* также заканчивается на свои характерные тематические гласные: в первой форме — на *i*, а во второй — на *o*, присоединяемые к глагольной основе.

Вторым характерным гласным элементом описываемой формы является префикс — аугмент *a-*.

Ударение обычно падает на этот префикс, если он на втором месте от конца глагольной формы.

В отрицательном спряжении префигируется частица *na-*, гласный которой сливается с гласным префикса, образуя долгое *ā*; иногда же гласный *a* частицы отрицания совершенно вытесняет гласный *a* префикса, не вызывая удлинения.

Перед префиксом *a-* иногда возможна постановка еще префикса *ba-*, теряющего тогда свой гласный элемент.

Описываемая глагольная спрягаемая форма используется в трех случаях:

1) для выражения длительного прошедшего действия, так называемого имперфекта-дуратива, а также действия повторяемого или обычно совершаемого;

2) для выражения в главном предложении желания (*optativus*);

3) для выражения в условных предложениях условия ирреального, не соответствующего действительности (значение *conditionalis-potentialis*).

Приведем примеры на эти три использования по лицам и числам.

Единственное число:

1 л. — imperfectum-durativum — *ávaim* (<*a-vard-i-m*) *ba-štaka* «я, бывало, привозил в свой дом», *pi-ášim* (<*pe-a-š-i-m*) *ba víza do* «я, бывало, влезал на ореховое дерево», *čájo pi-anáim* (<*pe-a-na-i-m*) *bj aspi* «потом я навьючивал на свою лошадь», *mir Ahmed xani káiku yulluy ákaim* «я исполнял службу в доме мир Ахмед-хана», *bárza bolo ábitm* «я была высокого роста», *išta sai agórdjnim* «я кое-как изворачивался»; optativus — *bákaim* (<*ba-a-ka-im*) *méxaka parčin gjrdo joil* «я хотела бы сделать ограду с гвоздями вокруг моего милого друга!»¹

2 л. — imperfectum-durativum — *tj ba čjmi hič nai nāvoiš* (<*na-a-v(o)-i-š*, *ome* «приходить», основа *o*, перешедшая в *vo* между двумя гласными) «ты ко мне навстречу обычно совсем не выходила», *čjmi boji kam adjzdiš?* «мой сад по ночам ты разве мало обворовывал?»²;

optativus — *tj náhais* (*harde* «есть», основа *ha*) *táta nün!* «не ел бы ты горячего хлеба!»

3 л. — imperfectum-durativum — *čaš ákai* (<*akardi*) «он сторожил», *kojabaili ávoi* (<*a-(v)o-i*, *ome* «приходить») «коджабайлинец, бывало, приходил», *glai yab ágati se man* «один кувшин вмещал три мана», *glai sinov karde nájini* «один плавать не умел», *zúmand bezüi áhai* (<*áhardi*) «сильный бессильного поедал», *ha joi čoka kina ábi* «где только красивая девушка ни была», *ánavi* «он погуливал», *ábai* (<*ábardi*) «он уносил, уводил», *ávoti* «он говаривал»;

conditionalis-potentialis — *čai pešt ási* «его спина сломалась бы», *a merd ámandi ba sa kai kumisa i sor* «тот человек оставался бы на крыше целый год», *av mjni ov nákai* (<*nákdardi*) «облако меня в воду не превращало бы»³, *pišik mjni náhai* (<*náhardi*) «кошка меня не ела бы», *sipa mjni ná vužni* «собака меня не гоняла бы», *mora čjmi pul nádjzdi* «мышь мои деньги не воровала бы», *mjnada voš inavoi* «из меня дождь не шел бы» [в *inavoi i*, повидимому, не органическое, а протетическое; *inavoi* — отрицательная форма от *avoi* (см. выше)], *ištj lüz nádažt* «твой живот не болел бы» (*daže* «болеть»).

Множественное число:

1 л. — imperfectum-durativum — *kosbett ákaimon* «мы занимались торговлей» (промышляли), *dáada i ádaimon* (*doe* «давать», основа *da*) «из десяти одну [часть] мы отдавали (платили)», *akini ákaimon* «мы посева делали» (засевали), *ba podšo ro-an ásoxtimon* «для царя дороги также строили», *bj go akášimon* «на быках, бывало, тащили», *mol nojo ádaimon* «скотину мы держали»;

optativus и conditionalis-potentialis — примеров нет.

2 л. — примеров в текстах не имеется.

3 л. — imperfectum-durativum — *čamáku pul ásanin* «с нас деньги (из года в год) брали», *žjgo koon nič nánjin* «таких дел они совсем не знали», *ve ba-i-an-dj ášin* «они очень друг на друга похо-

¹ Из «до-бейти».

² Из сказки.

³ Из сказки.

дили», *Mijonkú-ada ba sa kattósa ayilmānda odam hič ázjin* «в Миянку никого умнее старосты не знали», *žǫgo gulla áyandin, muzi ážanin* «так они стреляли, что муху убивали», *dǫ kas šinov ázjin karde* «два человека плавать умели», *dǫrs ádan* «они давали уроки» (*ádan* < *ádatn*); optativus — *tǫni ba éxšada ba mǫ bádatn!* (< *ba-a-da-i-n*) «о, если бы тебя мне отдали по любви!»¹

Примечания: 1. В глаголах сложных с превербами *e*, *pe*, *be* гласный *e* переходит, как мы видели, в *i* перед префиксом (аугментом) *a*—: *pi-anaim* вместо *pe-a-na-i-m* «я накладывал сверху», *i-ákm* вместо *e-a-kum* «я сбрасывал вниз, стряхивал», *pi-ašandim ba pǫlo* (от *pe-šande* «насыпать, налить») «я наливал в плов, подаивал», *bi-ákrni* вместо *be-ákrni* (от *be-krnie* «вытаскивать») «он вытаскивал», *čadira i-ada* вместо *e-ada ba-šta sa* (от *e-doe* «надевать, покрывать») «покрывало она надевала на свою голову».

2. В отрицательных формах перед *na-*, *nā-* иногда встречается, как мы отметили, протетическое неорганическое *i*: *pia žen ba čimi sa dǫ čotča ináku* «старуха меня по голове половником не била бы» (< *i-na-a-ku-i*, глагол *kie* «бить») ².

3. От этого протетического *i* следует отличать положительные формы 3 л. мн. ч. от основы *ka* глагола *karde* «делать», которые мы встречаем в следующем стихе: *Tolǫson tǫk inaka, kina bolo rǫk inaka* «талыши обрабатывают чалтыки (рисовые поля), рост девушек уменьшают (делают маленьким)». Мы объясняем эту форму как прошедшую из сложения *in*—3 л. мн. ч. глагола существительного и причастия настоящего времени *aka* глагола *karde* «делать».

4. Приведем несколько примеров на предшествование аугменту *a*-префикса *ba-* (см. выше): *glai bilbil bābim, bāgardim ba jihuni* «если бы я была словом, то полетела бы по свету», *sijo kiža bābim...* «если бы я была кукушкой...», *sǫji saǫǫx bābim...* «если бы на твоей голове булавкой я была...», *ba sa zilfi bāšim* «на твои кудри я бы прилетела (села)».

Описанной формы новоперсидский язык уже не знает. В среднеперсидском она переживает еще в оптативе на *e*. Она должна быть возведена к древнеиранскому оптативу, который прибавлял *i* к основам на *a* и *ya* к другим основам. В санскрите в атематическом типе окончание *-ya*, в авестийском — *ya*, в древнеперсидском в 3 л. ед. ч. — *-iya*: *ava janiya* «он мог бы убить».

В авестийском тематический гласный с *i* дает *āi* и суффикс оптатива в основах изъявительного наклонения с исходом на тематический гласный был *ōi*, *āe* перед личными окончаниями, начинающимися с согласного, и *au* — перед окончаниями, начинающимися с сонантов: *baroiš* «ты должен нести, ты нес бы», *haššaya* «я поощрил бы, я подгонял бы».

Что же касается префикса *a*— аугмента, то, поскольку описанная форма одновременно используется также для выражения прошедшего действия или состояния и должна была, как показывают сохранившиеся двухосновные глаголы, раньше образовываться исключительно от основы настоящего времени, предшествуемой префиксом *a*-, в этом гласном элементе мы видим переживание того приращения (аугмента), которое характеризует образование от основы презенса формы имперфекта в санскрите и в древнеперсидском.

¹ Из сказки.

² Из сказки; речь кошки.

Описанная форма в своем использовании вполне совпадает с формой новоперсидского претерита с исходом на долгое *i* (в старом языке *e*), которая также выражала длительность прошедшего действия и использовалась для выражения ирреального условия, а также для выражения желания и возможности.

В среднеперсидском (в пехлеви) этот гласный элемент ставился в конце спрягаемых форм для выражения *Conditionalis*'a¹. Он имел форму *hē*, и в нем видят 3 л. ед. ч. опатива глагола существительного (*hē* < *hait*, санскр. *syāt*), т. е. со значением «о если бы было, было бы!»

д) Будущее время I (*futurum I*)

Будущее время образуется из глагольной основы глаголов одноосновных или прошедшей основы глаголов двухосновных путем отбрасывания окончания *-e* инфинитива, префигирования частицы *ba-* и суффиксирования личных окончаний: в единственном числе — 1 л. *-em*, 2 л. *-eš*, 3 л. *-e*, во множественном числе — 1 л. *-emon*, 2 л. *-eon* || *-ion*, 3 л. *-en*.

Примета этой формы — узкий *e*; он имеет тенденцию перед последующим *o* переходить в *i*.

Ударение всегда падает на этот гласный *e*.

Парадигма спряжения глагола *karde* «делать»: *bakardēm* — *bakardēs* — *bakardē*, *bakardēmon* — *bakardēon* — *bakardēn* «я сделаю, ты сделаешь и т. д.»

Аналогично образованию вышеописанных парадигм спряжения *praesens conjunctivi*, *praesens optativi*, *imperfectum conditionalis*, формы будущего времени делятся на следующие составные части: префикс, основу, гласную характеристику (как бы тематический гласный) и личные окончания.

В 3 л. ед. ч. будущего времени также личного окончания не имеется, и эта форма тоже исходит на тематический гласный *e*, как и 3 л. ед. ч. настоящего времени сослагательного наклонения, опатива и несовершенного условного, которые также в этом лице исходят на свои соответствующие тематические гласные: *i*, *o*, *i*.

Если основа глагола начинается с гласного, то *a* префикса *ba-* им поглощается: от *ote* «приходить» — *botēm*, *botēs*, *botē*, *botēmon*, *botējon*, *botēn* «я приду, ты придешь» и т. д. Если же основа сама исходит на гласный, то при встрече последнего с гласной приметой *e*, последняя им вытесняется, а ударение переходит на конечный гласный основы: от *doe* (осн. *do*) — *badōm* «я дам», от *noe* (осн. *no*) — *banōm* «я положу», от *krnie* (осн. *krni*) — *bakrñimōn* «мы потащим». Но можно встретить и дифтонгические формы: *badoim* «я дам», *banoim* «я положу».

Четыре глагола — *karde* «делать», *barde* «нести, уносить», *varde* «приносить» и *harde* «есть», наряду с полными формами будущего времени, чаще образуют сокращенные, от основ *ka*, *ba*, *va*, *ha*. При-

¹ См.: K. Salemann. *Mittelpersisch*, «Grundriss der iranischen Philologie», Bd. I, Abt. I, стр. 315.

меры: *bakám* «я сделаю», *babám* «я понесу», *bavám* «я принесу», *bahám* «я скушаю». Ударение всегда падает на гласный основы, т. е. на **а**.

При образовании будущего времени глаголов сложных с превербами *о*, *е*, *ре*, *бе*, *да*, а также после глаголов сложных, состоящих из имени и вспомогательных глаголов *бе* «быть», *карде* «делать», *сае* «братъ», *дое* «давать», *жае* «бить», *каше* «тащить», *харде* «есть», *винде* «видеть», как эти превербы, так и первые именные части сложных глаголов трактуются как самостоятельные элементы, и префикс **ба-** ставится после них, непосредственно перед глаголом. Примеры: *ó-bakardém* «я развяжу», *é-bašém* «я сойду вниз», *pé-bašém* «я влезу, взойду наверх», *dá-banóm* «я положу», *diá bakám* «я посмотрю, буду поджидать», *пою badóm* «я буду содержать, сохранять, скрывать», *injimiš babémon* «мы устанем» и т. п.

Вследствие тенденции к частичному вокальному сингармонизму префикс **ба-** иногда в устной речи и индивидуально слышится как *bj-* или *bo-*: *bjám* (вместо *bahám*) «я поем», *bobám* (вместо *babám*) «я понесу» и т. п.

У некоторых глаголов можно подметить отступления от нормы образования будущего времени: от *da-base*, *da-baste* «привязывать», *da-vabastém*, *da-vabasém* «я привяжу»; вследствие диссимляции **ба** перешло в **ва** во избежание произнесения двух одинаковых смежных слогов с **в** (*da-babastém*); *zjне* «знать» в 3 л. ед. ч. будущего времени дает *bane* вместо *bazne* с выпадением **з**, но получает при этом особое значение: «глянь-ка!», «вишь ты!», «и видит он, что!»

Диалектно окончание 3 л. м. ч. **-ен** дифтонгизируется: *bažein* (вместо *bažen*) «они ударят» (из *bažaen*).

В глаголах с исходом инфинитива на **-ie**, **-ije** в личных окончаниях происходит стяжение **ie** в **i**: от *kṛnie* «тащить» — *bakṛnímon* «мы тащим».

Примеры на образование будущего времени по лицам и числам:

Единственное число:

1 л. — примеры даны выше.

2 л. — *babéš* «ты будешь», *bažéš* «ты ударишь», *bapiéš* «ты захочешь», *bavindéš* «ты увидишь», *baznéš* «ты узнаешь», *hārči bakaštéš*, *ai badavéš* «что посеешь, то пожнешь».

3 л. — *bavoté*, *booté* «он скажет», *bakjšté* «он убьет», *dá-baramé* «он испугается», *é-baraxe* «он повиснет», *é-baṛande* «он сбросит вниз».

Множественное число:

1 л. — *bakardémon* и *bakámon* «мы сделаем», *babardémon* и *babámon* «мы понесем», *bavardémon* и *bavámon* «мы принесем», *ó-bakṛnímon* (< *ó-bakṛniémon*) «мы перетащим», *dá-basūmon* (< *da-basüémon*) «мы натрем», *bačínímon* (< *bačiniémon*) «мы сорвем, снимем, сожнем».

2 л. — *babéjon* «вы будете», *bahardíjon* (< *bahardéon*) «вы съедите», *bašion* (< *baséjon*) «вы пойдете», *bavotíon* (< *bavotéjon*) *ba čimj pua* «вы скажете моему отцу».

3 л. — *bakardén*, *bakán* «они сделают», *babén* «они будут», *bavotén* «они скажут», *bagatén* «они схватят», *da-banón* «они встанут, вложат».

е) Отрицательное спряжение будущего времени

Отрицательные формы спряжения будущего времени представляют весьма значительный интерес. Имеются два способа их образования. При первом способе, который можно назвать нормальным, впереди ставится частица *ní*, всегда предшествующая префиксу *ba-*: *ní babé* «он не будет», *ní botémon* «мы не придем», *ní bamasén* «они не услышат», *ní bavindé* «он не увидит», *ní bahardé* «он не съест» и т. д.

Второй способ, также очень употребительный, использует отрицательные формы глагола существительного *nim niš, ni, nimon, nion, nin*, присоединяемые к одной из наличных в талышском языке форм причастия настоящего времени (см. ниже, стр. 192), получающей в данном использовании значение причастия будущего времени и образуемой из префикса *a* и основы глагола (глаголов одноосновных) или основы презенса (глаголов двухосновных). Примеры: *vote* «говорить», *avot* «говорящий, имеющий говорить», *avótnim* «я не буду говорить, я не скажу» (букв. «я не есмь имеющий говорить»).

Приведем примеры таких причастий настоящего (будущего) времени некоторых наиболее употребительных глаголов: *aka* «делающий», *aši* «идущий», *abi* «бывающий», *avo* «приходящий», *asan, asa* «берущий», *azan, azjn* «знающий», *amard* «умирающий», *avot* «говорящий», *ada* «дающий».

Примечание. Глаголы *sae* «брать» (осн. *van*) и *zjne* «знать» (осн. *zin*) с исходом основы презенса на *i* должны были бы, при присоединении к ним форм *nim, niš, ni* и т. д., давать усиление (удвоение) звука *v*. Между тем такого усиления не слышится (по нашему впечатлению): *aziniš* «ты не узнаешь, ты не сможешь», *asdnimon* «мы не купим, мы не возьмем». Возможно, что в глаголе *sae* форма *asa* уже начала вытеснять форму *asan* под действием аналогии с часто встречающимися формами *aka* «делающий», *ada* «дающий» и другими.

Ударение всегда падает на коренной гласный основы; окончания *nim, niš, ni* и т. д. никогда ударения не получают.

Приведем примеры на отрицательную форму будущего времени по лицам и числам.

Единственное число:

1 л. — *ba ti vjra adánim* «я тебе места не дам», *hič tjni šo adánim* «я ни за что тебя не брошу», *jšta kina ba-štj zua adánim* «свою дочь за твоего сына я не отдам»¹, *ba hova adánim* «сестре я не отдам», *az bova akánim* «я не поверю», *néfni akénim* «я не буду проклинать», *jšťj-ku az räd abjnim* «я от тебя не уйду», *azjnim sē* «я не смогу взять».

2 л. — *ba tarif avóniš* «тебя невозможно описать» (букв. «под описание ты не подойдешь»), *ti mjni bjrte azjniš* «ты меня не сможешь срубить», *ti dij barde azániš* «ты не сможешь похитить сердце», *djzi azjniš karde* «ты не сможешь украсть», *dū azéniš vote* «ты не сможешь солгать».

3 л. — *abjni, abóni, aböni* «этого не будет, это невозможно», *amásni* «он не услышит», *jšťj hukm hič joi ašini* «твой приказ никуда не пойдет» (т. е. не сможет быть выполнен), *ba vaj avóni* «не будет годиться», *ba sa avóni* «не закончится, не придет к концу», *čjmi zu*

¹ Из сказки.

avîškîni ba boi «силы моей нехватит для вьюка», *ägâ rost abîni* «если он не поправится», *žîgo dū abóni* «такой лжи не бывает, такая ложь невозможна, не сможет быть», *fîrsat avóni ba das* «случай не придет в руки», *vîl bui adáni* «роза не будет пахнуть, не пахнет», *adáni* «он не даст», *asáni* «он не возьмет».

Множественное число:

1 л. — *ama avótnimon* «мы не скажем», *ama î çazi harde azînimon* «мы этого гуся съесть не сможем, не сумеем», *asánimon* «мы не купим».

2 л. — *hič jo vite azînion* «вы никуда не сможете убежать».

3 л. — *avótnin* «они не скажут».

Как видно, преобладающее число примеров выражает будущее время и лишь очень немногие одновременно могут быть переведены и настоящим.

Примечание. Глагол *zîne* в значении «мочь», «уметь что-нибудь делать» образует также своеобразную отрицательную форму 1 л. ед. ч.: *nîmena* «я не смогу, я не сумею», *nîmena varde* «я не смогу принести». Эта форма может быть объяснена пропуском *z* в основе *zna* (< *zan*), а гласный *e* — ослаблением префикса *a*: *nîm-e-la* < *nîm-a-zna* < *nîm-a-zan*. Ср. выпадение *z* в форме *bane* (< *bazne*) «он сможет» (см. выше).

Вышеописанная форма будущего времени (*füturi I*) выражает: 1) действие или состояние, имеющее произойти или наступить в будущем, и 2) действие, обычно совершаемое в настоящем времени. В последнем употреблении она соответствует использованию в новоперсидском языке формы так называемого аориста без префикса *be-*, которая, как известно, встречается в пословицах, поговорках, общих сентенциях и т. п. Приведем два примера из «Талышских текстов»: *ama, jema šavi, xosijátmon žîgó-e: çonaçî ba ka heli bakámon, vahde basémon, a sobuni da-basümon ba šîçî, da* «мы в ночь на пятницу такой обычай имеем: мы, бывало, гостя в дом зовем (позовем), приглашаем (пригласим), этим мылом камень натираем (натрем)»¹, *av loka batošé, ba goi bo bažé, bomé, róada osmon sado bakardé, go baramé, lokon hama hjrd babén; bomé badi, bavotén ki...* «он наточит, бывало, деревянных блюд, нагрузит на корову, пойдет себе по дороге, а небо (вдруг) как загрохочет! корова испугается, все блюда разобьются на мелкие куски. Придет он в деревню, а ему скажут...»

ж) Причастие будущего времени или долженствования (*participium futuri seu necessitatis*)

Это форма образуется путем присоединения окончания *-anin* к основе глаголов одноосновных или к основе прошедшего времени глаголов двухосновных. Примеры: от *še* «итти» — *š-anin* «имеющий, намеревающийся, долженствующий итти, пойти», от *ome* «приходить» — *om-anin* «имеющий, долженствующий притти», от *harde* «есть» — *hard-anin* «намеревающийся есть, кушать», от *voçande* «посылать» — *voçand-anin* «намеревающийся посылать, послать», от *vinde* «видеть» — *vind-anin* «долженствующий увидеть, видеть».

¹ Из анекдота про неверную жену кадия.

з) Будущее II долженствования или необходимости (*futurum II necessitatis*)

Оно образуется из будущего причастия или долженствования, или необходимости, служащего основой, и личных окончаний глагола: в единственном числе — *-im, -is, -e* и во множественном — *-imon, -ion, -in*.

Ударение всегда падает на гласный *i* последнего слога основы.

Будущее долженствования служит для выражения действия или состояния, имеющего или долженствующего совершиться или иметь место в будущем, а также для выражения намерения, сильного желания совершить определенное действие. Примеры:

1 л. ед. ч. — *az hova vindaninim* «я непременно должен увидеть сестру, я очень хочу увидеть сестру».

3 л. ед. ч. — *glai pía žen ba-štj xidmät omanine* «какая-то старуха очень хочет (намерена) к тебе притти», *γazi šango γáza polo hardanine* «судья сегодня вечером намерен (обязательно будет) есть плов из гуся».

Примеров на другие лица и на множественное число «Талышские тексты» не дают.

При отрицательном спряжении к упомянутому причастию присоединяются отрицательные формы *verbi substantivi*: *az tñi héjoi voran-danin nim* «я тебя ведь никуда не намерен посылать».

Талышскую форму причастия будущего времени и основанную на ней форму будущего II или долженствования можно сопоставить с аналогичными формами, наличными в татском говоре горских евреев Кавказа¹. В нем глагол *bire* «быть» дает форму *birenin*, которая, будучи снабжена личными суффиксами, соответствует латинскому *futurus sum* — *birenin-üm*.

В талышском суффиксе *-anin* можно видеть сложение из *an* и *in*. *An* есть (старое для талышского языка) полное окончание инфинитива, потерявшего в его нынешней форме конечный *n* и сузившего *a* в *e*; а в *in* мы видим тот же суффикс *-i*, который в новоперсидском языке, присоединяясь к инфинитиву, образует так называемое причастие будущего времени; в конечном же *n* мы усматриваем такой же неорганический звук, как и в *n* соответствующей формы татского языка. Суффикс *-i* новоперсидской формы причастия будущего времени тот же, который служит для образования относительных прилагательных и который в среднеперсидском языке имел форму *ik*².

2. ПАРАДИГМА СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛА *BE* «БЫТЬ»

Глагол *be* в талышском выражает два значения: «быть» и «стать, сделаться», как и в некоторых других современных иранских наречиях. Он имеет большое использование как глагол вспомогательный для образования описательных временных форм, которые будут изложены ниже.

¹ См.: В. С. Миллер. Очерк морфологии еврейско-татского языка, стр. 15.

² Ср. также широкое использование суффикса *-in* для образования относительных прилагательных, почти вытеснившего суффикс *-i*.

Даем парадигму спряжения этого глагола, подтверждая ее примерами из «Талышских текстов».

Настоящее время изъявительного наклонения

В основе этой формы лежит инфинитив *be*.

Единственное число — 1 л. *bédam*, 2 л. *bédaš*, 3 л. *béda*.

Множественное число — 1 л. *bédamon*, 2 л. *bédaon*, 3 л. *bédan*.

Эта форма, которую можно охарактеризовать как простую слитную и которую мы уже проанализировали (см. выше, стр. 144), разлагается ясно на три слившиеся части: инфинитив *be*, послелог *-da* и личные окончания, совпадающие с формами *verbi substantivi*. Буквальный перевод был бы: «в бытии я нахожусь, ты находишься» и т. д.

Примечания: 1. В народной поэзии встречаются и удлиненные формы с разложением долгого *e* основы на *-ije*, *ije*: *Ovsum poñzdaháme*, *gřdoš bijéda*, *káštalim natamóne*, *hřdoš bijéda* «луна на пятнадцатом дне, круглой она становится, мною посеянное — не закончено, мелким оно оказывается (становится, выходит)».

2. Форма презенса изъявительного наклонения имеет чаще значение «я становлюсь, я делаюсь», нежели «я бываю»: *ha mángada az se rűž dang bédam* «каждый месяц я на три дня становлюсь сумасшедшим»¹ (по-персидски было бы *mišävám*); *dí mi yom bédáš ja ná?* «со мною ты породнишься ли (родственником станешь ли) или нет?»

3. В отрицательном спряжении мы имеем обычно формы: *bédanim*, *bédantš*, *bédani*, *bédanimon*, *bédanion*, *bédanin*. Пример: *zénal čo dama bédaniž?* (ж диалектное озвончение ž) «жена! почему ты не разговариваешь?»

Образование остальных времен и наклонений

Остальные времена и наклонения образуются или от основы презенса (согласный элемент **b**), или от прошедшего причастия *ba*.

Личные формы, образуемые от основы презенса, следующие: а) *imperativus*, б) *imperfectum*, в) *praeteritum I*, г) *praesens optativi* и д) *futurum*.

От основы прошедшего причастия образуется *praeteritum II*.

Прошедшее причастие является первой частью следующих сложных форм: а) прошедшего условного (*praeteritum conditionalis*) и б) давно (или прежде) прошедшего (*plusquamperfectum*).

Кроме того, еще имеется сложная форма имперфекта (*imperfectum compositum*), первой частью которой является неизменяемое *beda*, входящее в состав слитной формы настоящего времени изъявительного наклонения, а второй частью — спрягаемые формы претерита I.

Формы, образуемые от основы презенса

1. Простая форма имперфекта: *ábim* — *ábíš* — *ábi* — *ábiton* — *ábion* — *ábin*. Ударение всегда падает на префикс (аугмент) **a**: *bárza bolo ábim* «я была высокого роста», *xani ásrada há joi čoka kinä ábi*, *ábiakrni*, *abai bošta kai* «в ханское время, где только ни была (бывала) красивая девушка, . . . он ее тащил, приводил в свой дом».

¹ Из анекдотов, переведенных с персидского,

Объяснение значения этой формы, одновременно выражающей также и ирреальное условие, и возможность, дано выше (см. стр. 152).

2. Прошедшее простое имеет две формы: одну — со значением «быть» и другую — со значением «стать», с оттенком перфективности.

Прошедшее простое I со значением «быть» (*praeteritum I*): 1 л. ед. ч. — *bim* (*bĭm, bēm, bīme, bĕjĭm, bijem, būm*), 2 л. ед. ч. — *biš*, 3 л. ед. ч. — *be* (*bĕje, bĭje, bi, bō*), 1 л. мн. ч. — *bimon*, 2 л. мн. ч. — *bion*, 3 л. мн. ч. — *bin* (*bĭn, bĕn*).

Вышеприведенные варианты 1 л. ед. ч. и 3 л. ед. и мн. ч. засвидетельствованы в народной поэзии. Примеры: *sĭa sĕfi bīme doĭ bāšada* «красным яблоком я была на верхушке дерева», *sūtim, sūtim, hā joi, dalĭ bĕjĭm az!* «я сгорела, я сгорела (от любви), о милый, сумасшедшей я стала!»¹, *lĭva xazon bĭje doĭ bāšada* «листья пожелтели на верхушке дерева», *avon čōka gulla-γand bin* «они были хорошими стрелками», *čata ženon tūkada ben* «наши женщины были на чалтычных полях», *ama ki injimiš bimon* «мы ведь устали (усталые были)».

Прошедшее простое II со значением только «стать» и с оттенком перфективности (*praeteritum II*): 1 л. ед. ч. — *bam* (*bām*), 2 л. ед. ч. — *baš*, 3 л. ед. ч. — *ba*, 1 л. мн. ч. — *bāmon*, 2 л. мн. ч. — *bāon*, 3 л. мн. ч. — *ban*. Примеры: *ašĭγ bam* «я влюбился», *azmiš baš* «ты ошибся», *ča čič ba?* «что с ним случилось?», *rajjät čai ba* «крестьяне — его стали»², *ĭm ko ba rōna avasōrada* «это дело случилось прошлой весной».

Настоящее время желательного наклонения (*praesens optativi*)

1 л. ед. ч. — *bĭbot* (*bobŭm*), 2 л. ед. ч. — *bĭboš* (*boboš, boš*), 3 л. ед. ч. — *bĭbo* (*bĭbu, bo*), 1 л. мн. ч. — *bĭbomon* (*bĭbamon*), 2 л. мн. ч. — *bĭboon* (*bĭbojon*), 3 л. мн. ч. — *bĭbon* (*bĭbun, bebun*).

Эта форма восходит к древнему конъюнктиву (см. выше, стр. 151). Ее значение — выражение сильного желания — «чтобы я стал! пусть я стану! да буду я!»: *žĭgo ba so dávoiš az tånho bōbŭm* «ты так бы вошел во двор, чтобы я была (в то время) одна! (а я пусть буду одна)», *hā kasi homsüä bevāje, kučmiš bĭbul* «у кого сосед негодный, пусть тот сам переселится!», *hār kas jĭvada pul nābu (nĭbū), čavĭ ba vužur šei hadere* «у кого в кармане денег не будет, у того на базаре дела пропащие», *hozo bĭbul* «пусть он будет готов, чтобы он был готов!», *dĭnjo gĭrda bĭbo* «пусть весь свет соберется! (т. е. все люди)».

Будущее (*futurum*)

1 л. ед. ч. — *babĕm*, 2 л. ед. ч. — *babĕš* (*beš*), 3 л. ед. ч. — *babĕ*, 1 л. мн. ч. — *babĕmon*, 2 л. мн. ч. — *babĕjon*, 3 л. мн. ч. — *babĕn*.

1 л. ед. ч. — *gušĭ vōtše: az hā rŭž a sĭxanĭ nĭ masom, az kalxan babĕm* «ухо сказало: „если я каждый день не буду слушать слов, я стану щитом“».

¹ Из «до-бейти».

² Из рассказа про ханские времена («его» — т. е. ханскими).

2 л. ед. ч. — *asılmand beş (babéş)* «ты станешь благородным», *çij kai avora babéş* «ты уйдешь из дома бродить по свету», *dij tambalı bina-voş, tambal babéş, dij kosibi binavoş kosib babéş* «с лентяем будешь водиться, лентяем станешь, с трудящимся поведешься, трудящимся станешь».

3 л. ед. ч. — *ío bi tino mālija ni babe* «здесь для тебя исцеления не будет», *dij zūmli oboda bē, rai xaroba babé* «кто благодаря тиранству процветал, тот скоро погибнет», *av čok babé* «он поправится», *hamxui babé* «он станет одного (с другим) нрава».

1 л. мн. ч. — *ama hama yar babémon* «все мы утонем».

На 2 и 3 л. мн. ч. примеров в «Талышских текстах» не имеется.

Отрицательные формы образуются двояко:

а) или путем постановки перед глагольной формой частицы отрицания *ni*, на которую тогда падает главное ударение: 1 л. ед. ч. — *ni babem*, 2 л. ед. ч. — *ni babeş*, 3 л. ед. ч. — *ni babe*, 1 л. мн. ч. — *ni babemon*, 2 л. мн. ч. — *ni babejon*, 3 л. мн. ч. — *ni baben*;

б) или путем помещения этой же частицы после формы *abi* (*abo, abö*), *abini, aboni*.

Abini имеет значение не только «не будет», но и «не бывает», «невозможно»: *haikel poki suráte, hande abini, çij dilí gatájo hašte abini* «талисман тот — чистого человека, прочесть его невозможно, освободиться от овладевшего сердцем тоже невозможно»¹, *mijon čatma bavon čo hol abini?* «между соединенными бровями почему родинки не бывает (не может быть)?»

Abini иногда допускает перестановку двух составных частей и принимает форму *ni-j-abi*: *heikalim loh ba loh hande nijabi, ni!* «мою талисманную книжку листок за листком прочесть нельзя! нет!», *dilim gata jo hašte nijabi, ni!* «возлюбленного, взявшего мое сердце, бросить нельзя, нет!»²

Повелительное наклонение (imperativus)

2 л. ед. ч. — *bibi (bébi) — ti čimj zua bibi!* «ты будь моим сыном!»

2 л. мн. ч. — *biban* (примеров нет).

Прошедшее причастие

Имеет форму *ba* и образует следующие времена:

1. Прошедшее время условного наклонения (praeteritum conditionalis). Это — сложная форма, состоящая из прошедшего причастия *ba* и спрягаемых форм, самостоятельно, повидимому, не используемых: *baim — baiš — bai — baimon — bajon — bain*.

Единственное число — 1 л. *bá baim*, 2 л. *bá baiš*, 3 л. *bá bai*.

Множественное число — 1 л. *bá baimon*, 2 л. *bá bajon*, 3 л. *bá bain*.

Ударение всегда падает на причастие *ba*.

¹ Из «до-бейти».

² Также из «до-бейти».

Эта форма выражает или ирреальное условие, относящееся к прошлому времени, или пожелание, чтобы что-нибудь оказалось случившимся в будущем, т. е. она имеет ту же самую семантику, что и новоперсидская форма, так называемая «предположительная» — *budā bāsām*. Пример: *ägār az züdo bá baim* «если бы я (в прошлом) был насильником»¹.

При отрицании частица *na* непосредственно примыкает к формам *baim*, *baiš*, *bai* и т. д., отделяя от них прошедшее причастие *ba*: *ägār katto bá nabai* «если бы старшина не был (не оказался)».

2. Давнопрошедшее (преждепрошедшее) время (*pluquamperfectum*). Оно образуется из прошедшего причастия *ba* и спрягаемых форм претерита I, т. е. *bim* — *biš* — *be* — *bimon* — *bion* — *bin*.

Ударение падает на причастие *ba*.

Единственное число: *bá bim*, *bá biš*, *bá be* (*bjá be*, *bjá be*, *bá bi*).

Множественное число: *bá bimon*, *bá bion*, *bá bin*.

1 л. ед. ч. — *glai biłbił bábim* «я был раньше (прежде) соловьем», *stjo kiža bábim* «я была (раньше) кукушкой», *saji sanjax bábim* «я была в твоей голове шпилькой»².

3 л. ед. ч. — *gláili sef bábí*³ «было одно яблочко», *Šangul γapu pēš-tada nio bjá be* «Шангул был спрятан за дверью».

Прошедшее время (несовершенное) — сложная форма (*imperfectum II compositum*)

Образуется из формы *béda*, входящей в имперфект I, и претерита I глагола *be* «быть», т. е. *bim*, *biš*, *be* и т. д.

Единственное число — 1 л. *béda bim*, 2 л. *béda biš*, 3 л. *béda be*.

Множественное число — 1 л. *béda bimon*, 2 л. *béda bion*, 3 л. *béda bin*.

Встречается еще неспрягаемая форма *ban*, произведенная, повидимому, от глагола *be* (быть может, 3 л. мн. ч. претерита II), но имеющая своеобразную семантику, именно: присоединяясь к глагольному сказуемому, она выражает субъективное отношение рассказчика к излагаемому событию, и при этом с некоторым оттенком неожиданности, удивления — «смотри-ка!, скажи, пожалуйста!, что не вышло это!, вишь ты!» и т. п.: *i kas héste, ban, višáda!* «и оказывается, что в лесу есть какой-то человек!», *lef čai sa pe rad bae, ban!* «одеяло с нее, оказывается, сползло!», *sipi, sipi dóidaže, ban!* «и белым светом, оказывается, так оно и светится!»⁴.

3. СЛОЖНЫЕ (ОПИСАТЕЛЬНЫЕ) ВРЕМЕНА И НАКЛОНЕНИЯ

Описательные времена и наклонения, использующие во второй части сложения спрягаемые формы глагола *be* «быть», следующие:

1) прошедшее II несовершенное, сложное (*imperfectum II compositum*),

¹ Из сказки.

² Из «до-бейти».

³ Форма *bábí* в данном примере может быть, впрочем, истолкована как форма перфекта с добавочным префиксом *ba-* (*ba-abi*).

⁴ Из сказки про Шаминадина.

- 2) прошедшее время желательного наклонения (*praeteritum optativi*),
- 3) прошедшее время условно-желательного наклонения или возможного (*praeteritum conditionalis seu potentialis*),
- 4) будущее II долженствования (*futurum II necessitatis*),
- 5) давнопрошедшее время изъявительного наклонения (*plusquamperfectum indicativi*).

а) Прошедшее несовершенное II, сложное (*imperfectum II compositum*)

Наряду с простой формой прошедшего несовершенного времени изъявительного наклонения, описанной выше, имеется и другая форма для выражения длительного действия в прошедшем, образованная из слитной формы настоящего времени и глагола *be* «быть». Спрягаемый глагол ставится на первом месте в неизменной форме, состоящей из инфинитива и суффикса *-da*, или, что то же, 3 л. ед. ч. сложно-слитной формы презенса (см. стр. 144), а на втором месте — спрягаемые формы претерита I глагола *be*, т. е. *bim*, *biš*, *be*, *bimon*, *bion*, *ben*.

Ударение падает на конечный *e* инфинитива.

Единственное число:

1 л. — от *čarde* «пасти» — *čardéda bim* «я пас», от *žae*, *žē* «бить» — *leina žéda bim* «я играл на свирели».

2 л. — примеров нет.

3 л. — *vóttá (votéda) be* «он говорил», *šéda be* «он шел», *šjréda be* «он смеялся», *glai asbo oméda be* «один всадник подъезжал», *paréda be* «он летал, перелетал», *roméda be* «он пахал», *zónda be (<zjnéda be)* «он знал», *jüida be (<jüéda be)* «он грыз», *navéda be* «он разгуливал, искал».

Множественное число:

1 и 2 л. — примеров нет.

3 л. — *šéda bin* «они шли», *pátta bin (<patéda bin)* «они варили», *batméda bin* «они плакали».

При отрицании частица *nĭ* ставится непосредственно перед вспомогательным глаголом, разрывая его с основным: *roméda nĭ be* «он не пахал».

Эта форма выражает, так же как и вышеописанная, длительное прошедшее действие. Повидимому, в настоящее время она более употребительна, чем форма имперфекта I, являющаяся, несомненно, более древней. На образование формы имперфекта II, как можно предположить, повлияла соответственная тюркская форма типа *gelmekde idim* «я подходил».

б) Прошедшее время желательного наклонения (*praeteritum optativi*)

Эту же форму можно назвать желательно-сослагательным наклонением прошедшего времени. Она образуется из прошедшего причастия

спрягаемого глагола и настоящего времени желательного наклонения глагола *be*, т. е. *bot*, *boš*, *bo*, *bóton*, *bóon*, *bon* (без префикса *vi-*).

Эта форма выражает:

1) в главном предложении—пожелание, чтобы какое-нибудь действие оказалось уже совершившимся, происшедшим; *bozi davordá bo* «пусть сокол пролетит (окажется пролетевшим)»;

2) в предложениях реально-условных—обусловленность действия в будущем: *ägär bozi davordá bo...* «если сокол пролетит... (окажется пролетевшим в будущем)».

В новоперсидском языке функции этой формы исполняет так называемое «прошедшее предположительное время» персидских грамматик; она же иногда именуется вторым будущим (*futurum II*).

в) Прошедшее время условного наклонения (*praeteritum conditionalis*)

Образуется из прошедшего причастия спрягаемого глагола и следующих условных форм (*conditionalis*) глагола *be*: *baim* — *baiš* — *bai* — *báimon* — *bájon* — *bain*.

Эта форма выражает:

1) условное действие, не осуществившееся в прошлом;

2) пожелание совершения действия или наступления состояния, также относящихся к прошлому времени по сравнению со временем лица говорящего.

Примеры на второй случай:

1 л. ед. ч. — *ägar ba sa haisa hišta baim...* «если бы я (тогда) сидел на осле...»

3 л. ед. ч. — *ägär katto ba nabai...* «если бы староста тогда не был... (не присутствовал...)»

г) Будущее II желательного наклонения (*futurum II optativi*)

Образуется из причастия будущего времени спрягаемого глагола и настоящего времени желательного наклонения глагола *be*, т. е. *bïbot*, *bïboš*, *bïbo*, *bïbóton*, *bïbóon*, *bïbon*.

Эта форма служит для выражения:

1) в главном предложении—пожелания совершения действия или наступления состояния, долженствующего иметь место: *šanin bïboš* «пусть тебе придется идти, чтобы тебе было необходимо пойти»;

2) в предложениях придаточных—реально-условных, неопределенно-обобщительных—непременную обусловленность действия, долженствующего произойти в будущем: *ha joi šanin bïbóton, bašíton...* «куда бы нам ни пришлось пойти, мы пойдём...» (букв. «куда бы мы ни оказались долженствующими пойти...»), *ba ha vilaäti šanin bïboš...* «в какую бы страну тебе не пришлось пойти... (ты не оказался долженствующим пойти...)».

Примечание. Других сложных форм от причастия долженствования наши тексты не засвидетельствовали, но теоретически вполне возможно допустить образо-

ваши в этой «долженствовательной» форме и ряде других времен и наклонений претерита с использованием глагольной связи, или претерита с использованием претерита от *be*, т. е. *bim*, *biš*, *be* и т. д., или условного наклонения с условной формой от *be* — *baim*, *baiš* и др.

д) Давнопрошедшее время изъявительного наклонения (*plusquamperfectum indicativi*)

Эта сложная форма, служащая для выражения так называемого давнопрошедшего времени и использующая форму причастия прошедшего времени спрягаемого глагола и прошедшего I глагола *be* «быть», будет нами рассмотрена ниже. Она входит в группу трех прошедших времен, в которых, в зависимости от переходности или непереходности глагола, спряжение строится в первом случае эргативно, а во втором — номинативно.

Спряжение прошедших времен, дифференцируемое по переходности или непереходности глаголов

Прошедших времен изъявительного наклонения три: простое прошедшее (*praeteritum*), прошедшее совершенное (*perfectum*) и давнопрошедшее (*plusquamperfectum*).

1. ПРОШЕДШЕЕ ПРОСТОЕ (PRAETERITUM)

а) Спряжение глаголов непереходных

Прошедшее простое глаголов непереходных образуется следующим образом.

К глагольной основе прошедшего времени, получаемой у всех глаголов одинаково — путем отбрасывания конечного *e* инфинитива, присоединяются следующие личные окончания:

Единственное число	Множественное число
1 л.: <i>-im</i> (<i>-im</i> , <i>-mi</i> , <i>-em</i> , <i>-ōm</i> , <i>-ūm</i>)	1 л.: <i>-imon</i> (<i>-imun</i> , <i>-mon</i>)
2 л.: <i>-iš</i> (<i>-eš</i>)	2 л.: <i>-ion</i>
3 л.: <i>-e</i> (<i>-ē</i> , <i>-i</i> , <i>-ā</i> , <i>ō</i>)	3 л.: <i>-in</i> (<i>-in</i>)

Личные окончания, как мы видим, те же, которые служат для образования прошедшего несовершенного времени условного наклонения (*imperfectum conditionalis*) и являются формами *verbi substantivi*. Приведем примеры.

Единственное число:

1 л. — *bim* (*būm*) «я был», *šim* (*šem*, *šemi*, *šimi*) «я пошел», *ništim* «я сел», *navim* (*navem*, *navēmi*) «я гулял», *hištim* «я заснул, лег спать», *pé-būm* «я встал».

2 л. — *šiš* (*šeš*) «ты пошел».

3 л. — *be* «он был», *še* «он пошел», *vite* «он побежал», *aište* (*aištī*) «он встал», *nave* «он (по)гулял», *e-ginīe* «он упал», *mānde* «он остался», *o-gārde* «он повернулся», *da-ginīe* «он попал», *aršīe* «он сломался», *šire* «он засмеялся».

Множественное число:

1 л. — *vítimon* «мы побежали», *mándimon* «мы остались», *njštimon* «мы сели», *hjtimun* (*hötimun*) «мы заснули, мы легли спать», *pe-ráximon* «мы освободились», *o-váštimon* «мы переправились», *bímon* «мы были», *šímon* «мы пошли».

2 л. — *o-gárdion* «вы обернулись».

3 л. — *márdin* «они умерли», *e-gjínin* «они упали», *hjtín* «они заснули», *vítin* «они побежали».

Ударение, как общее правило, в глаголах, основа которых исходит на согласный и инфинитив которых, следовательно, оканчивается на *e*, падает на гласный основы, а в глаголах с исходом инфинитива на *-ie* — на *i*: от *vite* «бежать» — *vítim* — *vítitš* — *víte* — *vítimon* — *vítion* — *vítin*, от *e-gjnie* «падать» — *e-gjním* — *e-gjnitš* — *e-gjnie* — *e-gjnímon* — *e-gjníon* — *e-gjínin*.

Эта форма претерита выражает факт совершения действия или наступления состояния в прошлом без указания на соотносительность этого времени с моментам речи или на результативность действия и потому, по своему употреблению, в общем соответствует персидскому простому прошедшему (*rāftām* «я ушел», *gorixtām* «я убежал»).

б) Спряжение глаголов переходных

Переходные глаголы в прошедшем простом, так же как в прошедшем совершенном и в давнопрошедшем (см. ниже), строятся эргативно, в чем заключается их коренное отличие от способа образования этого времени в языках новоперсидском, таджикском, осетинском, татском, мазендерани, гилеки, лурских и их сходство с преобладающим большинством других иранских языков.

Эргативное построение, неправильно именуемое в иранистической литературе «пассивным», образуется путем прибавления к прошедшей основе глагола эргативных показателей (суффиксов) активно действующего субъекта и гласного элемента *e*.

Эргативные показатели, снабженные гласным окончанием *e*, в талышском языке следующие:

Единственное число	Множественное число
1 л.: <i>-ime</i> , <i>-jme</i> , <i>-me</i>	1 л.: <i>-jione</i> , <i>-imone</i> , <i>-imine</i> , <i>-mone</i>
2 л.: <i>-e</i> , <i>-i</i> , <i>-j</i>	2 л.: <i>-one</i>
3 л.: <i>-še</i> , <i>-že</i> , <i>-iše</i> , <i>-jše</i>	3 л.: <i>-jšone</i> , <i>-ižone</i> , <i>-žone</i> , <i>-žone</i>

Эргативные показатели присоединяются энклитически. Ударение, как правило, падает на гласный основы прошедшего времени. Пример: от *karde* «делать»: ед. ч. — *kárdime*, *kárde*, *hárdjše*, мн. ч. — *kárdjione*, *kárdone*, *kárdjšone*.

При отрицательном спряжении непосредственно перед глаголом ставится частица *pi*; в глаголах же сложных с превербами *o*, *e*, *pe*, *be*, *da* или составленных из имени и какого-нибудь вспомогательного глагола, частица *pi* ставится между превербом и глаголом или между

именем и вспомогательным глаголом. Например, *paido ni kárdiše* «он не нашел».

Вышеприведенные суффиксальные эргативные комплексы разлагаются на две части: собственно эргативный показатель и элемент *e*, в котором следует видеть глагольную связку (новоперсидский *-āst*). Обе эти части могут быть свободно разъединены: эргативный показатель может быть отделен от глагольной основы и легко присоединен к любому члену предложения; элемент же *e* (*copula*) в таком случае непосредственно присоединяется к глагольной основе.

Примеры присоединения эргативных суффиксов к отдельным членам предложения:

1) к прямому дополнению:

а) к имени существительному — *ča go ria-m pe-gáte* «я пошел по следу той коровы» [букв. «я взял след той коровы»: *ča go* «той коровы», *ria* «след», *-m* «я», *pe-gáte* «взял» (вместо *ča go ria pe-gát-ime*)], *įštán-an dūz-im vot* «сам же правду я сказал» (*įštán-an* «сам же», *dūz* «правду», *-im* «я», *vot* «сказал» (вместо *įštán-an dūz vót-ime*), *si tįman-šun ista* «тридцать туманов они взяли» (вместо *si tįman istāšune*), *a púl-im dóe* «те деньги я отдал» (вместо *a pul do-me*), *tavá-žon pe-gáte* «топоры они взяли» (вместо *tava pe gátšone*), *av-įš kįšte* «его он убил» (вместо *av kįštįše*);

б) к личному местоимению, имеющему теперь в косвенном падеже семантику винительного падежа, — *amánšun gáte* «нас они схватили» [*aman* (вместо *amani*) «нас», *-šun* «они», *gáte* «схватили» (вместо *amani gátšone*)], *mįnšun gáte* «меня они схватили» (вместо *mįni gátšune*);

2) к косвенному дополнению:

а) к имени существительному — *ba katto-ž šįkajat karde* «он пожаловался старосте» [*ba katto* «старосте», *-ž* «он», *šįkajat* «жалобу», *karde* «сделал» (вместо *ba katto šįkajat kárdiše*);

б) к личному местоимению в косвенном падеже, имеющему семантику дательного падежа, — *bo ai-ž nūn nóe* «для него он хлеб положил» [*bo* «для», *ai* «него», *-ž* «он», *nūn* «хлеб», *nóe* «положил» (вместо *bo ai nūn nóže*)], *báižon (<ba-ai-žon) vóte* «ему они сказали» (вместо *bai vótšone*);

3) к определению, выраженному притяжательным местоимением: *čįmįš glai múaxol bįrįe* «мою он одну косу отрезал» [*čįmį* «мою», *-š* «он», *glai* «одну», *múaxol* «косу», *bįrįe* «отрезал» (вместо *čįmį glai múaxol bįrįše*);

4) к обстоятельственным словам: к наречию образа действия — *áxta-šon kūai* «так они побили» [*áxta* «так», *-šon* «они», *kūai-e* «побили» (вместо *áxta kūášone*);

5) к первому, именному, члену глагольного сказуемого: *ai nišonįš dóe* «его он указал» [*ai* «его», *-š* «он», *nišon dóe* «указал» (вместо *ai nišon dóše*)], *ba vó-mon dóe* «мы провеяли» [*ba* «на», *vo* «ветер», *-mon* «мы», *dóe* «дали» (вместо *ba vo dómone*), *čaš-įš kárde* «он поджидал» [букв. *čaš* «глаз», *-įš* «он», *karde* «делал» (вместо *čaš kárdiše*)].

Примечания: 1. Как видно из некоторых примеров, при таком отделении эргативных суффиксов глагольной связки *e* может и не произноситься; тогда глагольное сказуемое сводится к одной основе прошедшего времени, например, *dūzim vot* «я сказал правду», *púl-im do* «я дал деньги» и т. д.

2. Ввиду того, что эргативный суффикс 2 л. ед. ч. представляет собою довольно неустойчивый и качественно несколько неопределенный гласный звук (*e, i*) и если он не совпадает по звучанию с глагольной связкой *e*, то во всяком случае бывает близок к ней, разложение всего суффиксального комплекса с выделением связки представляет трудности, а иногда и совсем невозможно.

Приведем примеры, где все же эти два гласных элемента достаточно четко различимы: *imóni čí ke várde?* «их от кого ты принес?» (*imón* «их», *i* «ты», *čí ke* «от кого», *várd-e* «принес»); *míni voγande* «меня ты послал» (*mín* «меня», *i* «ты», *voγand-e* «послал»).

Но в следующих примерах в конечном *e* глагольной формы следует, по нашему мнению, видеть уже не глагольную связку, а эргативный показатель 2 л. ед. ч.: *tí čimí zāhmāt ba bod dóe* «ты мой труд погубил» [*tí* «ты», *čimí* «мой», *zāhmāt* «труд», *ba bod* «на ветер», *dóe* «дал» (пустил)], *tí čič vóte?* «ты, что сказал?», *tí ní píe* «ты не захотел», *bo čí návárde?* «зачем ты не принес?», *ásp-an dóe* «и лошадь ты отдал».

Особенно ясно это видно из двух последних примеров, в которых отсутствует выражение местоименного подлежащего «ты».

Приведем примеры на прошедшее простое переходных глаголов по всем трем лицам и обоим числам как с вхождением эргативных суффиксов в глагольное сказуемое путем присоединения всего суффиксального комплекса к глагольной основе, так и с разложением этого комплекса на составные части с присоединением эргативных показателей к отдельным членам предложения, выраженным другими частями речи.

1 л. ед. ч. — *zín-ím-e* «я узнал», *hāšt-ím-e híada* «я оставил на посе-
се», *e-kárd-ím-e ba segazi* «я насыпал в мешок», *bárd-ím-e ba vožor*
«я понес на базар», *havát-ím-e vožóranda* «я продал на базаре», *nija*
lokní-m-e «кувшин я потряс», *šta šo dóm-m-e* «я бросился» (букв. «себя
я бросил»), *boi-mi gandim pe-no ba aspi* «вьюк пшеницы я положил на
лошадь» (*boi* «вьюк», *-mi* «я», *gandim* «пшеницы», *pe-no* «положил»,
ba aspi «на лошадь»), *go-m dūšai* «корову я подоил» (*go* «корову»,
-m «я», *dūšai* «подоил»), *ka-m darit* «дом я подмел» (*ka* «дом», *-m* «я»,
darit «подмел»), *nūin-om pat* «хлеб я испек» (*nūin* «хлеб», *-om* «я», *pat*
«испек»), *paní-m gat* «сыр я взял» (*pani* «сыр», *-m* «я», *gat* «взял»),
pas-ím kišt «овцу я убил» (*pas* «овца», *-ím* «я», *kišt* «убил»), *ba ro-m*
da-γand «в путь отправил», (*ba ro* «в путь», *-m* «я», *da-γand* букв.
«бросил»), *dada-m čol kard* «отца я похоронил» (*dada* «отца», *-m* «я»,
čol «могила», *kard* «сделал»), *sūk-ím va-dóe* «петуха я отпустил» (*sūk*
«петуха», *-ím* «я», *va-dóe* «отпустил»), *dia-m kard-e* «я посмотрел» (*dia*
«глаз», *-m* «я», *kard-e* «сделал»), *zumsoni pua-m kárd-e* «арбуз я раз-
резал» (*zumsoni* «арбуз», *pua* «часть», *-m* «я», *kárd-e* «сделал»), *bo čí*
mí žígo javób-ím mase? «почему я такой ответ услышал?» (*bo čí* «по-
чему», *mí* «я», *žígo* «такой», *javob* «ответ», *-ím* «я», *mase* «услышал»).

В последнем примере эргативный показатель плеонастически повто-
ряется в составе сложного предиката.

2 л. ед. ч. — *avon kónjo vinde?* «их где видел ты?», *tí zoa kána*
zánde? «ты сына когда родила?», *imi ba-šta anğıšta há vaqt pe karde*

«его на свой палец всякий раз как ты наденешь» (букв. «ты надел»), *mīñi vīnde* «меня ты увидел» (*mīñ* «меня», *-i* «ты», *vīnde* «увидел»).

3 л. ед. ч.:

а) *av pát-iše* «он сварил», *γazi pe-gát-še lavo* «судья взял палку», *žen oš e-kárd-iše* «женщина суп вылила»;

б) *odám-iš voγānde* «человека он послал», *čamá-ku-š nalok pie* «от нас (*čamá-ku*) он (-š) налог потребовал», *čáiku xaba-š gáte* «у него он спросил» [букв. «известие (*xaba*) он (-š) взял (*gáte*)»], *mèrd ištán-iš šat kárde* «человек нагнулся» [букв. «себя (*ištán*) он (-iš) кривым (*šat*) сделал»], *ba-šta ženi-š vóte* «жене он сказал», *katto xatlak fíkr-iš kárde* «староста долго раздумывал» [букв. «мысль (*fíkr*) он (-iš) сделал»].

1 л. мн. ч.:

а) *aspon sa γandímone* «лошадей мы пустили», *ai pátemon* «его мы сварили», *ai hálmon* «его мы съели» (*harde* «есть» — сокращенная основа **ha**);

б) *šangonámun harde* «мы поужинали» [букв. «ужин (*šangona*) мы (-mun) съели»], *šártúkmon kṛni ba ka* «чалтык мы стащили домой», *dárzemun da-vást(e)* «снопы (*dárz*) мы связали», *devánmun ka* «мы сжали» [букв. «жатву (*devan*) сделали»], *čáxada móimon gáte* «сколько рыбы (*moi*) мы (-mun) наловили»;

2 л. мн. ч. — примеров нет.

3 л. мн. ч.:

а) *vardīšone išta tavon* «они принесли свои топоры», *nīznašone é-várde* «не смогли спустить вниз», *arīštīšone xīm̄b* «они сломали кувшин», *e-pištīžone ba kīra* «они привязали на жеребенка»;

б) *išta olatōñiṣon šo-dóe* «свои одежды они сбросили», *ba-šta dūš-šon nōe* «на свои плечи они положили», *ávīšon e-várde čj dōada* «его они сняли с дерева», *pózadašon kašre* «осенью они посеяли», *báižon* (< *ba-at-žon*) *vóte* «ему они сказали».

В отрицательном спряжении как переходных, так и непереходных глаголов частица **nī** ставится непосредственно перед глаголом: *či xaniku xájim nīvīnde* «от хана добра (*xat*) я (-im) не видел», *mī bibi nī pie* «я госпожу не просил» (букв. «желал»), *hič nīvotše* «ничего он не сказал», *nīdošone bama* «не дали нам», *žen dama nībe* «жена в разговор не вступила».

2. ПРОШЕДШЕЕ-НАСТОЯЩЕЕ ИЛИ ПЕРФЕКТ (ОНО ЖЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ; PERFECTUM-PRAESENS)

Как в претерите, так и в прошедшем-настоящем времени (перфекте) проводится различие в спряжении глаголов переходных и непереходных, так как переходные глаголы относятся к эргативной конструкции.

Это время образуется из прошедшего причастия на **-a**, к которому в непереходном спряжении присоединяются те же личные окончания, а в переходном — те же эргативные показатели (суффиксы), что и в претерите.

По своему значению талышский перфект в общем соответствует новоперсидскому так называемому прошедшему-настоящему времени, т. е. выражает прошедшее действие, результаты которого продолжают в настоящем, или наступившее состояние, продолжающееся в настоящем.

а) Спряжение глаголов непереходных

Пример: глагол *g̃nie* «упасть», прошедшее причастие — *g̃niá* «упавший».

Единственное число: 1 л. — *g̃niá-m* «я упал», 2 л. — *g̃niá-š* «ты упал», 3 л. — *g̃niá* «он упал»; множественное число: 1 л. — *g̃niá-top* «мы упали», 2 л. — *g̃niá-on* «вы упали», 3 л. — *g̃niá-n* «они упали».

Ударение везде падает на конечный гласный а причастия.

В 3 л. ед. ч. личное окончание не прибавляется. Причастие уже само по себе, включая представление о 3 л. ед. ч., является финитной глагольной формой по своему значению в спряжении.

Перфект глагола *be* «быть» (т. е. *ba: bam — baiš — ba — bámon — báon — ban*), как мы говорили, имеет ту особенность, что выражение результативности вместе с тем приводит к изменению семантики глагола на «стать», «сделаться», вместо «быть».

Примеры спряжения непереходных глаголов по лицам и числам:

1 л. ед. ч. — *g̃niám* «я упал», *do-mándám* «я оказался в безвыходном положении» (перс. *dār mandā ām*), *ašj̃y bam* «я влюбился» (перс. *ašey sodā ām*), *omám* «я пришел» (перс. *amādā ām*), *az rj̃svo bam* «я опозорился» (перс. *mān rosva šodā ām*).

2 л. ед. ч. — *omáš* (*omaž, umaš*) «ты пришел», *aištáš* «ты встал (и стойшь)», *ništáš* «ты сел (и сидишь)», *azmiš baš* «ты ошибся», *kónjo t̃j̃ móada baš?* «где ты родился?» (букв. «от матери сделался»), *inj̃imiš baž* «ты измучился», *o-g̃niáš* «ты устал».

3 л. ед. ч. — *ša ba neči* «он ушел на охоту», *čič ba?* «что случилось?», *gami ša* «корабль ушел», *jol ba* «он стал большим, вырослым, вырос», *mūz ništá* «муха села», *av tasá* «он захлебнулся», *dj̃z vitá* «вор убежал», *ba čim̃i han da-ša* «он мне приснился» (букв. «в мой сон вошел»), *osj̃n b̃isk arj̃šjá* «мельничного колеса втулка сломалась», *be-ša* «он вышел», *o-gardá* «он обернулся».

1 л. мн. ч. — *Abos bag̃íku-an be-šámon* «из-под (власти) Аббас-бека мы вышли».

2 л. мн. ч. — примеров нет.

3 л. мн. ч. — *omán* «они пришли» (перс. *amādā ānd*), *be-šan* «они вышли» (перс. *birun šodā ānd*), *ništán* «они сели», *mordán* «они умерли», *arj̃šján* «они сломались».

Примечания: 1. Формы перфекта нескольких безобъектных глаголов, в составе основы которых имеются носовые или плавные в, г, л, могут полностью совпасть со стяженными формами презенса тех же глаголов, отличаясь от них только ударением; именно — в формах перфекта последнее всегда падает на конечный гласный а, тогда как в формах презенса — на гласный глагольной основы. Далее даем примеры.

Презенс — полная форма	Презенс — со- кращ. форма	Перфект
Гл. <i>karde</i> : <i>kardédan</i> «они делают»	<i>kárdan</i>	<i>kardán</i> «они сделали»
Гл. <i>mārde</i> : <i>mārdédan</i> «они умирают»	<i>márdan</i>	<i>mardán</i> «они умерли»
Гл. <i>o-garde</i> : <i>o-gardédan</i> «они воз- вращаются»	<i>o-gárdan</i>	<i>o-gardán</i> «они возвра- тились»
Гл. <i>e-γande</i> : <i>e-γandédamon</i> «мы за- брасываем»	<i>e-γándamon</i>	<i>e-γandámon</i> «мы забро- сили»

2. Иногда в индивидуальном произношении нами в этой форме отмечалось «эканье» — произнесение конечного *a* причастия, как очень широкого *e*: *šān* «они пошли» (вместо *šan*), *omāš* «ты пришел» (вместо *omáš*).

б) Спряжение глаголов переходных

Эргативные суффиксальные комплексы те же, что и в претерите, но, поскольку они присоединяются всегда к гласному исходу основы, т. е. к *a*, они имеют всегда следующий вид: **-me**, **-i**, **-še**, **-šone**, **-one**, **-šone**.

Во 2 л. ед. ч. *i* обычно открепляется от причастной формы, а глгольная связка совсем не употребляется.

Суффиксальные комплексы могут — совершенно так же, как и в претерите — разлагаться, и эргативный показатель может прикрепляться к другим членам предложения, выраженным разными частями речи. Примеры по лицам и числам:

1 л. ед. ч.:

а) *kaštá-me* «я посадил», *bjriá-me* «я отрезал», *kardá-me* «я сделал», *gatá-me* «я взял», *šjštá-me* «я вымыл», *vardá-me* «я принес», *anjá-me* «я нарубил», *hardá-me* «я съел», *hakim vardá-me* «я привел врача;

б) (с отделением эргативного суффикса): *saát-īm xoš kardá* «я выбрал счастливый час», *čič-īm kardá?* «что я сделал?», *ba jija-m mama vardá* «в вымени я принесла молока», *ba šox-um alaf vardá* «на рогах я травы принесла», *čai langón-īm e-pjštá* «его ноги я связал», *boz-me vardá* «я принес сокола».

2 л. ед. ч. — *aráyi hardá?* «ты выпил арак?», *de čiči e-pista?* «ты чем связал?», *mjñi ba dard da noú* «меня ты страданиям подвергла».

3 л. ед. ч. — *kjštá-še* «он убил», *voγandá-še* «он послал», *peštá-še* «он обвязал», *da-noáše* «он положил, вложил», *tožniá-še* «он погнал», *votá-še* «он сказал», *kardá-še* «он сделал», *da-parznjá-še* «он нацедил», *masá-še* «он услышал», *e-doá-še* «он закрыл», *zjñá-še* «он узнал, понял».

При подразумеваемом или уже раньше упомянутом субъекте эргативный показатель не прикрепляется, и одна только форма причастия в достаточной степени выражает понятие 3 л. агенса: *šo doá* «он бросил», *vindá* «он увидел» и т. д.

Равным образом, когда действующее лицо уже выразно именем существительным в эргативном падеже или местоимением, эргативный показатель не ставится: *γazi glai γaz sa* «кадий (судья) гуся купил» (*sa*, а не *saše*), *ai hukumat kardá ío* «он здесь правил» (*kardá* вместо *kardáše*).

1 и 2 л. мн. ч. — примеров нет.

3 л. мн. ч. — *e-γandāšone ba čol* «они бросили в колодец».

Значение этого времени и его отличие от простого претерита хорошо видно из следующего примера: *Ibrahim-im čólada be-várdjme, vrdáme ba manzil* «Ибрагима я из колодца вытащил (*be-várdjme* — претерит, сообщается только факт) и принес домой» (*vardá-me* — перфект, сообщается результат действия: «где он сейчас и находится»).

Примечание. Тогда как в предложениях, в которых глагольное сказуемое выражено претеритом, довольно часто, как мы увидим ниже, наблюдаются случаи смешения двух конструкций — эргативной с номинативной, при выражении сказуемого переходных глаголов перфектом подобные случаи, повидимому, могут встретиться значительно реже. Это может быть объяснено морфологически — именно отчетливым и резким выделением в эргативном построении перфекта причастия прошедшего времени, с обязательным ударным конечным -а, позволяющим четко ограничивать эту часть глагола от эргативных показателей, которые к тому же в 1 л. ед. ч. и в 1 и 3 л. мн. ч. начинаются с не подвергающихся изменениям согласных. В 3 л. ед. ч., как мы видели, эргативный показатель не требуется, и сама форма прошедшего причастия на -а является личной.

3. ДАВНОПРОШЕДШЕЕ ИЛИ ПРЕЖДЕПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ (PLUSQUAMPERFECTUM)

Эта описательная сложная форма, как и соответствующая ей по значению новоперсидская — *kārdā budām*, образуется из причастия прошедшего времени с наращенным а и прошедшего простого времени вспомогательного глагола *be* «быть».

В спряжении давнопрошедшего времени также проводится различие между глаголами переходными и непереходными.

а) Спряжение глаголов непереходных

Спрягаемый глагол имеет форму причастия на -а и спрягается в прошедшем простом вспомогательный глагол *be*: *bim — biš — be — bimon — bion — bin*.

Ударение всегда падает на конечный -а причастия, вспомогательный же глагол присоединяется энклитически, и вся сложная форма представляет одно произносительное целое: глагол *njšte* «сидеть» — ед. ч. — 1 л. *njštá bim*, 2 л. *njštá biš*, 3 л. *njštá be*; мн. ч. — 1 л. *njštá bimon*, 2 л. *njštá bion*, 3 л. *njštá bin*.

Примеры спряжения давнопрошедшего времени по лицам и числам:

1 л. ед. ч. — *az šá bim ba sa ovísa* «я ходил за водой», *az čand vaxt bē šábim?* «сколько времени прошло, как я ушел?», *rūži káda njštá bim* «однажды я сидел дома».

2 л. ед. ч. — *ba kó vra sá biš?* «ты куда ходил?»

3 л. ед. ч. — *ai hjtá be* «там (*ai < ájo*) он спал, лег спать», *b-ai regniá be* «с ним он встретился», *í kas e-gjiniá be* «один человек ушел», *glai díada da-vardá be* «одной деревней он проходил», *čama glai kag e-siá be* «наша одна курица затерялась», *Šangul γapu pēštada nio bjá-be (bá be)* «Шангул за дверью спрятался», *eimá be* «он спустился вниз» (<*e-me* < *e-ome*).

1 л. мн. ч. — *šá bimoh* «мы ушли».

2 л. мн. ч. — примеров нет.

3 л. мн. ч. — *pe-šá bin* «они влезли, взошли наверх».

При глаголах непереходного действия эта форма выражает, что данное действие, относящееся ко времени, которое предшествовало времени, когда об этом говорится, уже тогда было завершено. При глаголах движения и состояния она выражает также длительность действия в прошлом и потому может переводиться на русский язык формами прошедшего несовершенного или соответствующими видами: *az šá bim ba sa ovísa* «я ходил за водою», *ba ko vra šá biš?* «куда ты ходил?», *glai díada da-wardá be* «он проходил одной деревней», *ništá bim káda* «я сидел дома».

При отрицательном спряжении частица *ni* непосредственно предшествует вспомогательному глаголу *be*, привлекая на себя ударение: *haši hala pe-ma ni-be* «солнце еще не взошло, не восходило».

б) Спряжение глаголов переходных

В спряжении глаголов переходных эргативное построение принимает следующий вид: вспомогательный глагол *be* всегда стоит в 3 л. ед. ч. претерита (*be*), а эргативные показатели *-m*, *-š*, *-mon*, *-on*, *-šon* присоединяются к форме прошедшего причастия на *-a* спрягаемого глагола. Они так же, как и в претерите и в перфекте, могут от нее отделяться и прикрепляться к другим частям речи, выражающим прямое или косвенное дополнение и обстоятельства. В 3 л. ед. ч. также никакого эргативного показателя не требуется. Приведем спряжение глагола *karde*: ед. ч. — 1 л. *kardá-m be*, 2 л. *kardá-be*¹, 3 л. *kardá-š be*; мн. ч. — 1 л. *kardá-mon be*, 2 л. *kardá-on be*, 3 л. *kardá-šon be*.

Ударение также всегда падает на *-a* причастия.

Примеры по лицам и числам:

1 л. ед. ч. — *kqštá-m be* «я посеял», *nisanđá-m be* «я посадил», *gatá-m be* «я взял».

Примечание. Указанные формы с прикреплением эргативных показателей к прошедшему причестию являются преобладающими, но все же нередки и случаи употребления для выражения субъекта действия самостоятельного личного местоимения в эргативном падеже, т. е. *mí* (*mín*): *mí ba tí šič kardá be?* «что я тебе сделал?»

2 л. ед. ч. — *čimí bóy-í kam dízdá-be?* «мой сад мало ты обворовывал?»² (суффикс *-í* прикреплен к прямому дополнению *boy* «сад»).

3 л. ед. ч. — *šišta-š be* «она вымыла», *noá-š be* «он положил», *sa-ž be* «он купил, взял».

Примеры на отделение эргативного суффикса: *vošún-iš vořandá be* «войско он послал», *tór-iž noá be* «сети он закинул (разостлал)».

Примечание. Связь эргативного суффикса с причастием может быть так слаба, что он может даже оказаться вне границ предложения, в которое он входит.

¹ Во 2 л. ед. ч. эргативный показатель, как правило, присоединяется не к глагольному сказуемому, а к какому-нибудь другому члену предложения.

² Из сказки про Шамнадина.

и перейти в другое, например из придаточного в главное, с прикреплением к одному из членов последнего: *a mój-š ki gata be* «рыба, которую он поймал» (букв. «та рыба, он которую поймал»).

Очевидно, что в таких случаях уже нельзя говорить об определенном типе спряжений, а следует в них видеть особые, отступающие от нормы синтаксические построения, допустимые в народной речи.

На 1 и 2 л. мн. ч. примеров не имеется.

3 л. мн. ч. — *e-γandá-šon be ba čol* «они бросили в колодец», *Ibrahimi-šon anjá be* «Ибрагима они порезали, изранили».

В данном примере имеется контаминация с номинативным построением; поскольку *Ibrahim* — логический объект, прямое дополнение стоит в винительном падеже.

При отрицании частица *nĭ* непосредственно предшествует вспомогательному глаголу: *pe-gatá-šon nĭ-be* «они не вытащили».

Контаминированные формы эргативных построений

При изложении системы талышского спряжения нами уже было приведено немало примеров контаминированных эргативных конструкций, которые частично были подвергнуты анализу.

Приведем теперь в систематическом изложении главные виды таких контаминаций эргативных предложений с номинативными, а также дадим примеры семантического ослабления эргативных местоименных приставок, подготавливающего почву для образования более сложных форм смешанных номинативно-эргативных построений, что в дальнейшем должно привести постепенно к полному вытеснению эргатива в талышском языке.

Исходя из морфологического выражения субъекта и объекта, мы подвергнем анализу следующие группы построений, теоретически охватывающие все возможные случаи контаминаций и представленные у нас достаточным количеством примеров.

Субъект может быть выражен: 1) именем существительным, 2) полной формой личного местоимения, 3) местоименной эргативной приставкой.

Объект может быть выражен: 1) именем существительным, 2) полной формой личного местоимения.

Объект никогда не может быть выражен местоименной приставкой, поскольку последняя характеризует только субъект действия. В этом как раз и заключается специфика использования в талышском языке этих приставок, которые, как мы уже видели (стр. 123—124), еще не приобрели функций выражения possessивности при именах существительных, а равно и выражения косвенных падежей при глаголах. Таким образом, они воспроизводят положение, существовавшее в среднеперсидском языке и незнакомое новоперсидскому.

Возможны следующие комбинации в морфологическом выражении субъекта и объекта:

- 1) субъект — имя существительное, объект — имя существительное;
- 2) субъект — имя существительное, объект — личное местоимение;

3) субъект — личное местоимение, объект — имя существительное;
4) субъект — личное местоимение, объект — также личное местоимение;
5) субъект — местоименная эргативная приставка, объект — имя существительное;

6) субъект — местоименная эргативная приставка, объект — личное местоимение.

Перейдем к рассмотрению всех этих типов предложений, исходя для каждого из них из его теоретически правильного и подтверждаемого примерами построения.

1. Субъект — имя существительное, объект — имя существительное. В правильно построенном предложении субъект выражается падежом эргативным, объект — падежом анэргативным.

Примеры правильного построения: *žení lavo bárdjše báiku* «жена палку принесла ему», *ɣonaɣi palos e-doáše* «гость паласом закрыл (свою голову)».

Субъекты *žen* и *ɣonaɣ* стоят в эргативе, объекты *lavo* и *palos* — в анэргативе.

Контаминация, сравнительно довольно редкая, выражается в том, что субъект стоит не в эргативе, а в номинативе; объект же остается в анэргативе. Оба падежа выражены формой имени, совпадающей с основой: *žen oš e-kárdjše* «женщина похлебку вылила», *päläng jara žáše* «тигр рану нанес».

Отсутствие эргатива при имени субъекта (*žen* вместо *žení*, *päläng* вместо *pälängí*) восполняется эргативной приставкой при глаголе (*kárdjše* вместо *kárde*, *žáše* вместо *žae*).

Дальнейшая ступень контаминации — когда субъект стоит в эргативе, а объект — в аккумулятиве. Этот вид контаминации уже далее отводит структуру предложения от эргативности, поскольку вводит важный элемент, специально характеризующий номинативное построение, т. е. аккумулятив для выражения объекта, что заставляет предполагать, ввиду соотносительности аккумулятива с номинативом, что формально суффикс *-i* уже ослаблен в своей эргативной семантике и приравнивается к именительному падежу. Пример: *čama nemeki hardá muzi* «нашу соль (*nemeki*, *i* — аккумулятива) съела муха (*muzi*, *i* — в ослабленной семантике эргатива)».

2. Субъект — имя существительное, объект — личное местоимение. Правильное построение: *žení av o-roxniše* «женщина его освободила», (*žení* стоит в эргативе, *av* — в анэргативе), *žení av ža ba duan* «женщина его повесила для просушки», *koliki ama gátše* «буря нас захватила» (*ama* — анэргативный падеж).

Отступление от правильного оформления объекта мы находим в следующем примере: *xuní mǐ bardá be* «кровь меня залила».

Здесь объект выражен не прямой формой личного местоимения 1 л. ед. ч. *az*, а косвенной — *mǐ*. В связи с этим следует заметить, что в настоящее время сфера употребления прямой формы *az*, видимо, уменьшается; чаще всего мы встречаем *az* в конструкциях с глаголами непереходными, безобъектными или с глаголами состояния; в спряже-

нии глаголов переходных *az*, как мы видели, встречается уже плеонастически для выражения субъекта, когда таковой передан эргативной местоименной приставкой, и такое плеонастическое употребление этой формы способствует ускорению процесса разложения эргативного построения и замены его номинативным. В связи с таким ограниченным дополнительным грамматическим использованием *az* находится, несомненно, и тот факт, что косвенная форма *mĭ, mĭn* во многих случаях уже воспринимается как именительный падеж, поскольку от нее образована путем прибавления суффикса *-i* форма *mĭnĭ* для выражения аккузатива (см. выше). Таким образом, в примере *xunĭ mĭ bardā be* семантика *mĭ* в противопоставлении семантике *mĭnĭ* может выражать падеж прямой, т. е. тот самый, который в номинативном построении передается формой *az*, и в этом смысле произошло семантическое сближение этих двух форм: прямая форма *az*, которая должна была бы выразить анэргатив, заменена формой *mĭ*, начавшей приобретать дополнительную семантику, которая в новоперсидском языке привела, как известно, к исключительному ее использованию как прямого падежа — именительного¹.

Отступление от правильного построения мы находим, далее, в следующем примере: *xan mĭnĭ voġandāše* «хан меня послал».

Здесь уже вся первая часть предложения — с субъектом и объектом — построена по номинативной конструкции: *xan* лишен суффикса *-i*, *mĭnĭ* — аккузатив, и лишь глагол сохранил эргативную структуру, но при наличии именительного и винительного падежей в начале предложения можно сомневаться, сохраняет ли приставка *še* в сознании говорящего свою эргативную функцию и не сблизилась ли она функционально с глагольным окончанием. Это построение знаменует собою ступень, уже непосредственно предшествующую полному вытеснению эргатива.

Еще пример: *pālāng ai e-gatāše* «тигр его подмял»; *pālāng* также лишен суффикса *-i*, *ai* — косвенный падеж от *av* «он», который здесь может иметь значение только винительного падежа, поскольку субъект уже выражен отдельным именем существительным, а не падежа эргативного. Таким образом, единственно правильным, независимо от контекста, переводом может быть только: «тигр его подмял», а не «он подмял тигра».

3. Субъект — личное местоимение, объект — имя существительное. Примеры правильного построения: *ai nūn hārde* «он хлеб съел», (*ai* — эргатив, *nūn* — анэргатив), *mĭ dĭzd gāte* «я вора поймал»² (*mĭ* — эргатив, *dĭzd* — анэргатив).

Отступление от этой схемы выражается прежде всего в том, что субъект ставится в прямой форме: *av zikka že* «он закричал» (букв. «крик ударил»; *av*, а не *ai*), *az pūlim doe* «я деньги дал», *az xorak hardame* «я пищу съел».

¹ В курдском языке еще не наблюдается такого семантического и функционального сближения *az* и *мын*, как в талышском.

² Из сказки про Шамадина.

Az здесь выступает уже в ослабленной семантике, как только что было сказано, ввиду наличия одновременно и эргативной приставки.

Дальнейшая перестройка эргатива на номинатив выражается во введении для выражения объекта аккузатива: *az xan jili e-kuáme* «я кинжал вытащил», *av gátše čimj dasí* «он схватил мою руку»; *xan jili* и *dasí* — аккузативы, *az* и *av* — прямые местоименные формы, подкрепленные, однако, в своем значении эргативными приставками при глаголах, уже сблизившимися по существу с глагольными окончаниями.

Az и *av* по своему функциональному использованию уже более тесно связаны с объектом, стоящим в аккузативе, чем отдельно взятые глагольные предикаты, снабженные эргативными приставками, при которых немыслимы формы *xan jili* и *dasí*, а возможны только *xan jil* и *das*.

4. Субъект — личное местоимение, объект — тоже личное местоимение. Примеров на эту схему в наших текстах весьма мало, и мы их заимствуем в большей части из наших грамматических материалов.

Выражение и субъекта, и объекта личными местоимениями — довольно редкое явление, потому что обычно в таких случаях субъект выражается местоименной эргативной приставкой, а объект стоит в анэргативном падеже, т. е. представляет прямую форму местоимения; при этом выражение объекта всегда предшествует выражению субъекта эргативной приставкой, что вполне естественно (см. ниже).

Во всех имеющихся у нас примерах, кроме одного, объект выражен аккузативом; формы личных местоимений, выражающих субъект, имеют поэтому функцию грамматических подлежащих и, следовательно, представляют именительный падеж.

Таким образом, в этих построениях мы видим уже последнюю ступень разложения эргативной конструкции. Примеры: *tj miní voyande* «ты меня послал», *ama avoni voyándimone* «мы их послали», *az šimani voyándime* «я вас послал», *šima miní voyándone* «вы меня послали», *ama tjni voyándimone* «мы тебя послали», *avon amani voyándiššone* «они нас послали».

Во всех этих примерах личные местоимения, выражающие субъект, стоят в прямом, т. е. именительном, падеже.

Единственный пример, в котором объект выражен местоимением в его прямой, анэргативной форме, мы находим в следующей фразе: *az avim voyandáme ba Karbalo* «я его послал в Кербелу».

Это построение ближе к эргативному, отступление от которого выражается лишь в использовании — плеонастическом — прямой формы субъекта *az* наряду с местоименной эргативной приставкой. Это указывает на начало ослабления семантики приставки, что подтверждается еще и ее излишним дублированием — присоединением ее же, кроме глагола, и к *av*, выражающему объект.

5. Субъект — местоименный эргативный суффикс, объект — имя существительное. Эта схема интересна тем, что дает наибольшее, максимальное число примеров нормальной эргативной конструкции. *Agens* во всех трех лицах и в обоих числах передается эргативными

приставками, в чем и выражается их основная специфика в построении спряжения талышских переходных глаголов в вышеуказанной группе времен.

Характерной чертой этого построения является также очень частое прикрепление эргативной приставки не к глаголу, а к объекту, который занимает тогда первое место в предложении. Это обстоятельство, возможно, немало способствовало тому, что приставки дольше всего в таком положении удерживают свое основное использование и функционально менее сближаются с глагольными личными окончаниями, что, естественно, наблюдается при присоединении их к глагольной форме, т. е. выражают субъект, а не грамматическое лицо.

Примеры нормального построения предложения по вышеуказанной схеме: *ka:m (ka-m) darit* «дом я подмел», *pásim kišt* «овцу я убил», *sobúnim havat* «мыло я продал», *ka:bóbışon hard* «кебаб они съели», *ko:ázı gáte?* «письмо взял ты?»

Если предложение начинается с глагольного предиката, что бывает реже, то эргативная приставка присоединяется обязательно к нему, а не к объекту: *pe-gátıme airi* «я взял кинжал».

Еще реже, повидимому, встречаются случаи присоединения эргативной приставки к глаголу, несмотря на то, что объект ему предшествует: *çimj zoa gatášun be* «моего сына они взяли».

В этом примере место эргативной приставки определено, повидимому, тем, что здесь имеется сложная глагольная форма давнопрошедшего времени, в которой она слишком тесно связана с формой прошедшего причастия *gata* и оказалась как бы включенной в предикат, как бы в него инкорпорированной. Выделение приставки из него и прикрепление к объекту, т. е. *çimj zuášon gatá be*, слишком выделило бы эргативность *-şon*, уже функционально сближающегося с глагольным окончанием 3 л. мн. ч.

Другой пример: *gu davášımone ba xaman* «быка мы привязали к току». В этом примере предпочтение присоединения эргативной приставки к глаголу, а не к дополнению, может быть объяснено краткостью, односложностью *gu*: к односложному слову прикрепилась бы двусложная энклитика.

Отступления от нормального построения, которое в общем выдерживается, все же достаточно многочисленны и разнообразны:

1) объект (имя существительное) стоит не в анэргативе, а в аккумулятиве: *Ibrahimí gatáš be* «Ибрагима он схватил», *pálängí pe-gátše* «тигра он взял», *vazirí várdışone ba podšo majlis* «везира они привели на собрание к царю»;

2) к объекту, стоящему в аккумулятиве, прикреплена эргативная приставка: *merdí-ž kuáže* «человека он побил», *Ibrahimí-şon ža* «Ибрагима они ударили»;

3) наконец, полное завершение процесса перестройки эргативного построения на номинативное мы имеем в следующем примере: *bašta das varda bim a xanjılı* «в свою руку я взял тот кинжал». Здесь объект стоит в аккумулятиве, а в глагольной форме давнопрошедшего

времени субъект выражен не эргативной приставкой (следовало бы *varda-m be*), а формой этого времени, но номинативного строя, т. е. личным окончанием во вспомогательном глаголе *be (bim)*. *Varda bim* — образование по аналогии непереходных глаголов: *nįšta bim* «я сидел», *hįta bim* «я спал» и т. п.

б. Субъект также выражен местоименной эргативной приставкой, объект же — полной формой личного местоимения. При обычной, нормальной конструкции на первом месте — объект, на втором — местоименная приставка, к нему прикрепляемая; объект стоит в анэргативе: *ávįš kįšte* «он (-įš) его (*av*) убил», *avįš kűá* «его он побил», *amanšon e-gatá bā gullā* «нас они обстреляли (пулями)», *amánšon asir kārde* «нас они захватили»¹, *įmžon pe-gáte* «его они подняли», *avónmon maf kārde* «их мы уничтожили».

Особое положение занимает косвенная форма местоимения 1 л. ед. ч. *mį, mįn*, которая, как уже нами было указано², используется в эргативных конструкциях для выражения объекта вместо *az*, т. е. выражает падеж анэргативный, пассивный. Примеры: *mįnįš ba žū bardá* «меня он силою увез», *mįnįš voųande ba viša* «меня он послал в лес», *mįnįšon gáte* «меня они схватили», *mįnį kónjo bagamį kārde?* «меня ты где полюбил?»

При этой схеме сильный толчок к разложению эргативной конструкции дает новообразование аккузатива; наряду с *mįnįš voųande* «меня он послал» можно встретить и *mįnį voųandáše*, где *mįnį* — аккузатив. Эти два оборота чередуются без особого затруднения в речи одного и того же лица, хотя второй оборот все же используется реже.

Еще примеры: *amanį gátšone* «нас они взяли», *tįnį bagámon kārde* «тебя мы полюбили», *tįnį pídašone* «тебя они требуют» (букв. «желают»).

Итак, главным показателем разложения эргативных построений является введение аккузатива для выражения объекта. Если он при этом сочетается с введением именительного падежа для субъекта, то эргативная приставка, сохраняемая лишь в глагольном предикате, уже почти полностью теряет свое содержание, десемантизируется и быстро идет по пути своего полного уравнивания с глагольным личным окончанием. В предложении *az šįmanį voųandįme* «я вас послал» — эргатив *-įm(e)* почти совсем совпал по значению с глагольным окончанием непереходных глаголов, как, например, *az hįttim* «я заснул», *az vítim* «я побежал» и т. п. Стоит лишь отпасть глагольной связке *e*, как совпадение будет и формальным.

Итак, предварительным этапом в этом процессе разложения эргативного построения является ослабление семантики эргативных приставок, о чем в смешанных конструкциях сигнализируют еще следующие явления:

1) дублирование и подчас даже триплирование этих приставок в предложении, прибавляемых одновременно к разным его членам;

¹ *Ama* может изменяться на *aman* при присоединении эргативных приставок.

² См. «Синтаксические функции личных местоимений».

2) плеонастическое их использование в предложении при выражении субъекта именем существительным в эргативе или полной формой личного местоимения в косвенном падеже.

Примеры дублирования:

1 л. ед. ч. — *dada-m matt-em pe-gat* «я взял тело мертвого отца», *xeili-mi manfaat-im karde* «много я барыша получил», *pul-im girda-m karde* «деньги я забрал».

3 л. ед. ч. — *a marda-ž pe-nšánd-iže ba nego* «того умершего он посадил на быка», *bai-ž vót-še* «ему он сказал».

Примеры триплирования:

3 л. ед. ч. — *xído mñn-iš av tñn-iš ničada-š xalx kardá* «бог меня и тебя из ничего создал»¹.

1 л. мн. ч. — *molón-mon pe-gátimone* «имущество мы забрали», *av-imon hišk kárd-ime* «его мы высушили».

3 л. мн. ч. — *čai nana sa-šon bñr-i-šone* «его матери голову они отрезали»².

Приведем примеры на плеонастическое выражение субъекта. Некоторые из них уже имеются в вышеприведенном материале. Здесь могут быть два случая:

1) субъект уже выражен именем существительным: *kolíki ama gátše* (вместо *gate*) «сильный ливень нас захватил», *žení av oroxniše* (вместо *oroxnié*) «женщина его освободила»;

2) субъект выражен личным местоимением: *ai žia-š dabáse* «он веревку привязал», *mí čaxu gatá-m be* «я схватил нож», *mí řáz-im pída* «я хочу гуся».

Выводы. Основной причиной смещения эргативной конструкции с номинативной и постепенного ее изживания является, несомненно, непосильная для первой борьба с преобладающими сейчас в языке номинативными построениями и их системой личных глагольных форм, явившейся результатом общей тенденции языка к унифицированному выражению субъекта всяких аспектов действия. Но есть причины и более частные:

1. Особо выделяемый и семантически важный член предложения, например, прямое дополнение (объект), стоящий на первом месте, способен привлекать на себя эргативную приставку, которая затем снова воспроизводится, прикрепляясь к другому члену, с которым она синтаксически теснее связана: *sa-šon bñr-i-šone* «голову они отрезали» (см. и другие вышеприведенные примеры).

2. Факторы морфологические:

а) имена существительные с исходом на *-a*, как общее правило, не принимают эргативного оформления (т. е. *-i*) при выражении субъекта. Поэтому такие имена не дифференцируются внешне по двум падежам — эргативному и анэргативному, и невозможность такого их противопоставления друг другу не может не влиять на устойчивость эргативных построений вообще;

¹ Взято из сказки.

² Взято из сказки.

б) показатель множественного числа имен **-он** также не допускает дифференциации имен по двум падежам и, кроме того, в построении номинативном он передает падеж именительный.

И все же, несмотря на уже далеко продвинувшийся процесс разложения эргативных предложений, эргативные приставки до сих пор сохраняют свою формально грамматическую действительность и устойчиво держатся в построениях, в которых они выражают *agens'a* переходного и законченного действия и в которых объект представлен именем существительным или полной формой личного местоимения.

Спряжение глагола *pie* „желать, хотеть, любить“

В талышском спряжении этот глагол занимает особое положение, судя по имеющимся у нас материалам. С одной стороны, он является глаголом переходным, объектным, а с другой — относится к категории так называемых «глаголов чувствования», имеющих в языках Кавказа не только эргативную, но и так называемую дативную конструкцию, как, например, в грузинском языке.

Тогда как в талышском спряжении, как мы видели, все переходные глаголы строятся эргативно только в той группе прошедших времен, которая выражает полную завершенность действия и формально образуется от причастия прошедшего времени, глагол *pie* «желать, хотеть, любить» строится эргативно также в прошедших временах действия незавершенного и, кроме того, во всех других временах и наклонениях, относящихся к номинативному спряжению. Таким образом, сфера применения эргативности в этом глаголе несравненно шире, чем в обычных глаголах переходного действия. Повидимому, в этом обстоятельстве мы вправе видеть переживание в талышском языке более древнего положения вещей, представленного в языках Кавказа.

Приводим талышские материалы:

Прошедшее простое (*praeteritum*); основа прошедшего времени *pi*:

1 л. ед. ч. — *mĭ nĭ pie* «я не хотел (захотел)».

3 л. ед. ч. — *čamā-ku-š nalok pie* «от нас он потребовал налог».

Прошедшее-настоящее (*perfectum*); причастие прошедшего времени *piā*:

1 л. ед. ч. — *piā-me* «я хотел (захотел)»; плеонастически, с местоименным выражением субъекта — *mĭ piā-me*.

3 л. ед. ч. — *piā-še* «он пожелал, он полюбил».

1 л. мн. ч. — *piā-mone* «мы пожелали».

3 л. мн. ч. — *piā-šone* «они пожелали».

Давнопрошедшее (*plusquamperfectum*):

3 л. ед. ч. — *āv-iš piā-be* «он ее любил» (*āv* — прямая форма: «он», «она»).

Настоящее время изъявительного наклонения (*praesens indicativi*):

1 л. ед. ч. — *mĭ piāda* или, плеонастически, *mĭ piāda-me* «я хочу», *mĭ ŷāz-ĭm piāda* «я хочу гуся», *mĭ ištĭ saŷliŷĭ piāda-me* «я желаю твоего

здоровья», *az pídám-ni* «я не хочу». В последнем примере мы имеем контаминированное употребление как прямой формы личного местоимения *az*, так и эргативной местоименной энклитики *-m*: *pída-m-ni*.

2 л. ед. ч. — *tjñ-an pída?* «и ты хочешь?», *ägä tj pída* «если ты хочешь», *tj čeci pída?* «чего ты хочешь?», *čamá-ku čeci pída?* «от нас ты чего хочешь?»

3 л. ед. ч. — *piéda-že* «он хочет», *čič pída-š(e)?* «чего он хочет?», *pída-š ni* «он не хочет», *hamusio-rö-š pída-ni* «соседей он не любит (хочет)», *áv-jš-an sübh haši pe-noma čamá-ku-š hozo pída* «он этого утром от нас до восхода солнца готовым требует (хочет)».

1 л. мн. ч. — *pída-mone* «мы хотим».

3 л. мн. ч. — *pída-šone* «они хотят».

Прошедшее несовершенное I (длительное; imperfectum I continuum):

3 л. ед. ч. — *ve apí-še* «он очень любил».

Прошедшее несовершенное II (сложное; imperfectum II compositum); используется так же, как и прошедшее несовершенное I для выражения условия нереального, но только отнесенного к прошлому:

2 л. ед. ч. — *ägä pída nj be* «если бы ты не хотел».

3 л. ед. ч. — *pída-š be* «он хотел», *Karamí glai kiná-ž pída be* «Карам любил одну девушку», *hákaina pída-š be báha* «всякий раз, когда он хотел поест».

Настоящее время желательного наклонения (praesens optativi): *hārainā hamuser-iš bj pio...* «всякому, кто соседям добра пожелает (соседей полюбит)...»

Прошедшее время условного наклонения (praeteritum conditionalis): *há kasi gilai kina piá-š bai bape ba kina mahani bābasti* «всякий, кто полюбил бы девушку, должен был бы сочинить для нее песенку».

Таковы талышские материалы.

В тех языках, в которых четко выражена так называемая дативная конструкция, как, например, в грузинском, она состоит в том, что в дательном падеже при глаголах чувствования ставится субъект чувствования, который по толкованию исследователей этой конструкции является вместе с тем объектом воздействия на него лица, возбуждающего в нем данное чувство. В такой постановке субъекта заключается будто бы отличие этих глаголов как от тех, в которых реальный субъект действия выражается эргативным, активным падежом, так и от тех, в которых субъект выражается номинативом (именительным), т. е. от глаголов непереходных, глаголов действия безобъектного, например, глаголов движения и глаголов состояния.

В талышском языке, как и в значительном числе языков Северного Кавказа, такого выделения особого спряжения глаголов чувствования не наблюдается: они вполне приравнены к глаголам переходно-объектным, в которых субъект выражается эргативом.

О глаголах чувствования — *verba sentiendi* — и их трактовке в языках разных систем имеется очень большая литература. Крупнейшие

исследователи приходили к заключению, что это — глаголы «безличные», идущие по особому «объективному» типу спряжения. Они исходили из того, что процессы, выражаемые этими глаголами, не являются будто бы результатом волевого акта переживающего их лица, но что, наоборот, само лицо оказывается предметом воздействия этих процессов и поэтому, само по себе, не может стоять в падеже субъекта. Эта точка зрения, отражающая общую концепцию приоритета «пассивного» восприятия внешнего мира человеком перед «активным», подкрепляется тем, что переводы, например, грузинских дативных конструкций на европейские языки позволяют видеть в этих конструкциях аналогию к оборотам вроде *il me plait, il me souvient, es gefällt mir, it seems me* «мне хочется», «мне нравится», «мне голодно» и т. п.

Другие исследователи ставят под сомнение «безличность» этих оборотов, правильно считают такие дативные построения также личными, но только видят субъект не там, где он есть. Строй таких глаголов они именуют объективным, но, по сути дела, продолжают ту же пассивную концепцию, противостоящую активной. Последовательнее всего этот взгляд проводился в статье Быховской «Объективный строй *verba sentiendi*»¹, оперирующей фактами грузинского языка. В ней утверждается, что грузинское «я люблю» *mi-quar-s* в буквальном переводе значит «мне (*mi*) любим (*quar*) он (*s*)» и что, таким образом, *s* есть местоименный показатель не объекта, а субъекта, вызвавшего чувство, и одновременно показатель грамматического субъекта (3 л. ед. ч.). Отсюда автор делает вывод, что дативное построение не безличное, но особая объективная конструкция глаголов чувствования. Эта объективная конструкция передает глагольную форму *quar* причастием страдательного залога европейских языков, и автор объявляет показатель «прямого» падежа — *s* местоименным показателем субъекта, вызвавшего реальные чувства. Можно ли согласиться с утверждением, что то, что в европейских языках является объектом, в иберийских языках (в данном случае — в грузинском) является субъектом, и что *mi-quar-s* значит не «я люблю его», а «он внушает любовь мне»?

Талышские материалы находятся в полном согласии с теми языками Кавказа, которые не знают «дативной» конструкции глаголов и которые строят их эргативно и показывают нам, что субъект чувствования, так же как и всякий другой субъект переходного действия, стоит в падеже косвенном, эргативном, а не в прямом, анэргативном.

Поэтому перевод талышского предложения *av pida-me* как «он любим мне (или мною)», был бы совершенно неадекватен, а единственно правильным является перевод «я его люблю». Возможно приписывать объекту способность вызывать чувства в субъекте, но эта способность не есть активный психологический акт, а пассивное качество объекта; активность же связана только с реальным субъектом чувствования. Последний испытывает определенные чувства, они вносят изменения в его прежнее состояние, активизируют его, и эта активизация от-

¹ «Язык и мышление», тт. VI—VII, 1936.

ражается в языке путем использования специального активного, т. е. эргативного, падежа.

В талышском языке местоименные эргативные приставки при любом переходном глаголе (теперь уже только в определенной группе прошедших времен) выражают субъект действия—действия совершенного. Глагол «желать» выражает субъект действия будущего, не имеющего еще внешнего материального выражения, но тем не менее также действия, как психологического акта, а не только состояния, поскольку никакой материальный акт немислим без предварительной обусловленности этим психологическим актом. «Желать» — это также действовать, и при том действовать *par excellence*, поскольку «желание» — первоисточник всякого последующего конкретного материального акта, хотя и само обусловлено материальной базой.

Этим, по нашему мнению, вполне объясняется та большая сфера применения в талышском языке эргативной конструкции при глаголе «желать», чем при всех других переходных глаголах. Этот глагол выражает волевою направленность субъекта, лежавшую в основе всей его материальной деятельности, без ограничения по временам и модальным аспектам в ее грамматическом выражении.

Наша попытка объяснить трактовку глагола «желать» в талышском языке относится только к одному из многих глаголов чувствования, не претендует на обобщительное ее распространение на трактовку глаголов этой категории в других языках и прежде всего должна быть проверена на материале языков иранских¹, очень многие из которых представляют аналогию с талышским и смогут дать значительно больше фактов для разработки проблемы *verba sentiendi*².

Неспрягаемые глагольные формы

1. НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Использование инфинитива (о его форме см. стр. 141) следующее:

1. Он служит для выражения намерения, цели и соответствует так называемому достижательному наклонению (латинский «супин»); эту форму получает глагол дополняющий, зависимый от главного и им управляемый. Употребление инфинитива вполне соответствует его использованию в русском языке: *b'đam paté* «я отдам сварить», *b'đa gaté* «прикажи поймать, схватить», *badóm da-γandé* «я прикажу набить (соломой), наполнить», *šin bo boa ħirie* «они пошли покупать виноградное

¹ Глагол *pie* отмечен, например, в говоре Ardistāni, записанном Н. W. Bailey в 1932 г. в Исфгане (см. «Bulletin of the School of Oriental Studies, VII, 4; Н. W. Bailey. Iranian Studies, IV). Им записаны формы, совпадающие с талышскими: *pi-et, pi-ed, pi-eš, pi-etun, pi-edun, pi-ešun* (praesens), *pi-aš* (praeteritum).

² Примеры на глаголы восприятия в иранских языках были приведены в нашей статье (1935, стр. 310). Их конструкцию мы, по тогдашней нашей терминологии, именовали «пассивной». Из талышских примеров там приведен глагол «спать»: *ba si niħite* «сытой мне не засыпалось».

сусло», *ša be bi moj gaté* «он ушел ловить рыбу», *šim ba ŋija navai (navē)* «я пошел бродить по горам», *šémon ai kšté* «мы пошли его убивать», *šémon bā pizā žē* «мы пошли нарезать камыша», *oma ba mol havaté* «он пришел товары продавать», *ša ba tük nišandé* «он ушел чалтык сажать».

После глаголов *zjine* «знать, уметь, быть в состоянии», *da-mānde* «начинать, браться за что-нибудь», *aište* «начинать, приниматься за что-нибудь» (букв. «вставать»), безлично-отрицательных глагольных форм *abīni* и *niṃena* «невозможно» глагольное дополнение, как и в русском языке, выражается формой инфинитива: *aište sijé* «он начал смеяться, он засмеялся», *aište navé* «он начал гулять, он принялся искать», *da-māndim leina žē* «я начал играть на свирели», *da-mānde vité* «он стал убежать, он побежал», *da-mānde bamé* «он начал плакать», *zjirno zjinda žaé* «он умеет играть на зурне», *hardé azjīnimon* «мы не можем съесть», *hāzjine voté* «он не смог сказать», *avon sai (sae) niṃzne* «они не смогли купить», *niṃzne sobit kardé* «он не смог доказать», *niṃznašone paido kardé* «они не смогли найти», *niṃzname omé* «я не смог притти», *zjindani havaté* «он не может продать», *hašte abīni* «невозможно оставить, покинуть», *jan doi (doé) sáxte* «отдавать душу (расставаться с жизнью) тяжело»¹.

Зависимый глагол, выражаемый инфинитивом, не обязательно должен следовать за глаголом, управляющим, но, как мы видим, может также ему предшествовать.

2. Инфинитив, далее, используется в значении глагольного существительного (масдара) и в этой функции имеет в письменном талышском языке чрезвычайно большое использование, облегчая создание всевозможных abstracta, столь необходимых для литературного языка. В народной же речи масдары представлены сравнительно скудно, в языке письменном они зато весьма обильны. Приведем примеры из газеты «Sja Toljš» («Красный Талыш»): *hande* «чтение, учение», *majburi hande* «обязательное обучение», *düz kai (<kae <karde)* «построение», *sosializm düz kai* «построение (строительство) социализма», *da-še* «вхождение», *ba hol da-še* «превращение», *kjirnije* «таскание», *bo kjirnije* «перевозка грузов, транспорт», *o-mute* «обучение», *o-njmute* «необучение», *o-kjirnije, o-kjirne* «вытаскивание», *ba nav o-kjirne* «выдвижение» (букв. «вперед вытаскивание»), *o-gate* «сохранение, содержание», *ŋjivvada o-gate* «сохранение в силе», *pe-gate* «взятие, поднятие», *ba uçot pe-gate* «взятие на учет», *še* «ход, хождение», *ba nav še* «прогрессирование (шествие вперед)», *doe* «давание, дача», *güš doe* «слушание» (букв. «давание уха»).

Весьма многочисленны сложные abstracta, второй частью которых являются глаголы *be* «быть» и *karde* «делать».

Примеры: *i be* «единство, единение» (*i* — один), *paido be* «нахождение» (в непереходном значении), *pez be* «близость, нахождение вблизи, сближение», *tovin be* «ускорение (*tovin* «скорый»), *maf be* (из

¹ Из «де-бейти».

mahv) «уничтожение, гибель», *zijod be* «увеличение», *jām be* «соединение, собрание», *jām karde* «собираание» (в переходном значении), *subut karde* «утверждение, доказательство», *dāgeš karde* «изменение», *paido karde* «нахождение» (в переходном значении), *istismor karde* «эксплуатация», *mijóno ros be* «появление» (букв. «из середины поднятие»).

Значительная часть таких abstracta образована от арабских масдаров, которые уже сами по себе выражают данное понятие. В талышском же языке они под несомненным влиянием и новоперсидского, и азербайджанского языков, использующих такие же типы сложных глаголов, воспринимаются как имена действия или состояния в сложении с *be* и с *karde*.

Такие глагольные имена (масдары) могут склоняться и образовывать падежи как флективные, так и аналитические, предложно-последнего типа.

Флективный отложительно-направительный падеж, суффикс **-o:** *i gla rükü be-šéjo* «через речку чтобы перейти (*be-še* «переходить, выходить»), для перехода через речку».

Послеложный падеж с **-ro** для выражения цели и причины: *šim ba bijor bo devan kardé-ro* «я пошел на чалтычное поле, чтобы жать (для жатвы, для делания жатвы)».

Послеложный падеж с **-ada** для выражения падежа местного, локального: *ištj votéada hozómon* «по твоему слову мы готовы».

В падежах, выражаемых предлогами, форма инфинитива остается неизменной и не принимает, как следовало бы ожидать, суффикса общего косвенного падежа **-i:** *to sa čai boa ome* «до его брата прихода», *i sã manda ba čavon ome* «один час остался до их прихода», *ba kište adánim* «я на убийство (казнь) не отдам».

К глагольным именам существительным могут также присоединяться местоименные энклитики: *bame* «плакать», *bamájim (baméjim) pešam be* «мой плач стал моим занятием»¹.

Мы уже видели (стр. 144), что глагольное имя в местном падеже вошло в состав слитно-сложной формы презенса: *voté-da-m* «я говорю (в говорении я нахожусь)». Оно же, как мы увидим ниже, используется в местном падеже, но с послелогом **-ada**, а не **-da**, для выражения деепричастия (герундия).

2. ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Глагольных форм, соответствующих деепричастиям, талышский язык знает две:

1. Для выражения того, каким образом происходило, происходит или будет происходить длительное или повторяемое действие, т. е. на вопросы «как?, каким образом?», используется повторенная форма инфинитива: *bame-bame omédan* «они подходят плача»², *tj de roi še-še bóot* «ты, по дороге идучи, все говори», *e-name-e-name bĩši* «пригибаясь

¹ Из колыбельной песенки.

² Из фольклора.

к земле, иди», *ba-šta sa küe-küe b̄iši* «по своей голове колотя, иди»¹, *a merd pije-pije vótše* «тот человек, бежа, говорил», *vite-vite še ba ka* «бегом он направился домой», *mānde-mānde* «мало-помалу, постепенно» (букв. «оставаясь, оставаясь»).

Как видно из примеров, эта форма, целиком соответствуя по значению глагольному наречию, может быть вполне адекватно передана по-русски деепричастиями настоящего времени.

2. Другая форма, соответствующая русским деепричастиям, следующая: к форме инфинитива прибавляется окончание (послелог), выражающее местный падеж, причем конечный гласный *e* перед начальным *a* послелога обычно переходит в *i*.

По-русски эта форма может переводиться или деепричастием, когда субъект действия, ею выражаемый, совпадает с субъектом действия главного предложения, т. е. является одним и тем же лицом, или придаточным предложением времени, когда субъекты разные. Специально ограниченной временной семантики эта форма не имеет, показывая лишь одновременность действия или состояния, ею выражаемого, с действием или состоянием, выражаемого глагольным сказуемым главного предложения, и потому по-русски она должна передаваться временем главного предложения.

Примеры на одно и то же подлежащее: *az tožniada...* «я, скача верхом...», в то время, как я скакал верхом...» (букв. «я, при скакании верхом»), *sa ba žié bíada* «будучи с опущенной вниз головой» (букв. «при бытии с опущенной вниз головой»), *glai hakim t̄ibasoī da-várđiada...* «один врач, по кладбищу проходя...» (букв. «при его прохождении...»), *káada bíada* «дома находясь, дома будучи, во время бытия дома», *čai žen m̄ardiada vótše* «его жена умирая, сказала» (букв. «во время умирания...»), *h̄jriđada omia da* «после покупок возвращаясь», *xaba gatiada bavotén* «узнавши, (люди) скажут», *zamini kandiada haft x̄imb ŷiz̄il pur paidoš k̄arde* «копая землю, он нашел семь кувшинов, полных золота», *imrū išta jójim v̄inde ba ka šiada* «сегодня я своего милого видела, домой идучи», *išt̄i šū šiada...* «твой муж, уходя...», *háma kona vahton pe-gatéda...* «взявши (учитывая) все прежние времена...»

Примеры на разные подлежащие: *Mammad o-gárdiada ai k̄im̄iŷi gatá* «в то время, как Мамед возвращался (*o-gárdiada*), его схватил Кымых», *tava-š pe-gáte, zájada m̄üz parā* «он поднял топор, и, в то время как он (им) ударил (*zájada*), муха улетела», *t̄i b̄jriada miša bagi gatéda* «в то время как ты (лес) рубишь, объездчик тебя задерживает»², *ba viša šemi, biłbiłim gáte, ba xalȳi dójada, d̄iłim nigate* «в лес я пошел, соловья поймал, когда его людям отдавал (*dójada*), сердца я не удержал», *i aylon čim̄i šiada nībe* «этих детей, когда я уходил (букв. «при моем уходе»), не было».

Эта форма — по существу масдар в местном падеже — нередко может быть передана по-русски соответствующим именем существительным: *t̄i umiáda* «при твоём приходе», *vájada rās k̄ardiada* «на

¹ Из фольклора.

² Из рассказа про ханские времена.

свадьбе при танцовании» (*rās karde* «танцовать»), *čāvada zijod māndiada* «при остатке (получении остатка) от него»

Примечания: 1. Формы *karđéda*, *pe-gatéda*, вместо *kārđiada*, *pe-gātiada*, образованы прибавлением послелого *-da*, а не *-ada*. В этом мы склонны видеть влияние аналогии азербайджанских деепричастных форм на *-da*.

2. В говоре некоторых суннитских селений форма послелого *-anda* (а не *-ada*), ближе воспроизводящая форму *andar*: *čájo ýjǰáku úmānda* «оттуда, с гор, возвращаясь».

Формы глагольно-именные, причастия (*participia*)

1. ПРИЧАСТИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ НА -А (*PARTICIPĪUM PRAETERITĪ*)

Причастие прошедшее в талышском языке в известной степени лишь формально может быть названо термином «причастие прошедшего времени». Хотя оно, как и прошедшее причастие в новоперсидском языке, образуется от так называемой прошедшей глагольной основы, с изменением гласного исхода инфинитива *e* на *a*, но признак прошедшего времени далеко не так отчетливо его характеризует; временная семантика его, как мы увидим ниже, подчас включает и признак времени настоящего.

Исторически форма этого причастия восходит к древнему причастию с суффиксом **-aka**.

В самостоятельном использовании в функции определения талышское причастие расходится в своей семантике с новоперсидским прошедшим причастием и в отношении залога.

Рассмотрим отдельные случаи.

1. Семантика причастия глаголов переходно-объектных в основном пассивная. Здесь можно различать следующие случаи:

а) Причастие определяет имя существительное, которому оно по общему правилу всегда предшествует:

от *umite* «учить» — *umitá bóz-įš* «ты обученный сокол», от *gate* «брат» — *gatá moi* «пойманная рыба», *gatá dars* «полученный урок», от *tat karde* «разогревать» — *tat kardá nün* «подогретый хлеб», от *doe* «давать» — *čimj doá davo* «мною данное лекарство», от *kárde* «делать» — *kardá koon* «созданные дела», от *süte* «жечь» — *süta delon* «сгоревшие сердца», от *pate* «варить» — *ņipatá šit* «несваренное молоко», от *larz gate* «дрожать от лихорадки» — *larz gata odam* «одержимый лихорадкой человек».

Во всех этих примерах семантика прошедшего причастия пассивная и формально соответствует страдательному залогу в построениях номинативного строя.

Примечание. В последнем примере *larz gatá odam* «одержимый лихорадкой человек» *larz gatá* имеет также пассивную семантику, но по своему происхождению является активным оборотом. В нем можно усмотреть влияние тюркского языка, в котором развернутые определения, предшествуя определяемому, вначале представляли собою законченное предложение, характеризующее определенный предмет: *larz gatá* — букв. «лихорадка его схватила человек».

б) Таковую же пассивную семантику имеют эти причастные формы, употребленные в более самостоятельной функции, не определения, а выражения объекта — прямого дополнения. В таком употреблении они легко субстантивируются. Примеры: *gatá hardášone* «взятое они съели», *čimj votá* «мною сказанное, мои слова».

в) В тех же случаях, когда причастие, являясь само в функции определения какого-нибудь активно действующего существа, само управляет именем существительным, находящимся по отношению к нему в положении прямого объекта, его семантика всегда активная, и оно соответствует причастию действительного залога в номинативных построениях: *a xoli gatá kas* «тот ветвь ухвативший человек» (*xol* «ветвь» стоит в аккумулятиве), *čama nemekí hardá müzi* «нашу соль съевшая муха» (*nemek* «соль», аккумулятив — *nemeki*), *djili gatá jo* «сердце захвативший друг» (*djil* «сердце», аккумулятив — *djili*).

Как мы видим, во всех трех вышеприведенных случаях форма причастия выражает прошедшее время, но в отношении залога является нейтральной, так как активность или пассивность ее семантики определяется ее синтаксическим положением.

г) Когда действие, выражаемое глаголом, является более или менее постоянной характеристикой действующего лица, причастная форма, передавая в функции определения как бы признак последнего, содержит идею настоящего времени и соответствует причастию настоящего времени номинативных построений: *šma piá kas* «вас любящий человек» (*pie* «любить»), т. е. «ваш друг», *kotan romá kas* «плугом пахущий человек» (*rome* «пахать»), т. е. «пахарь», *še njujštá kašiku* «он пошел к пишущему человеку» (*njujšte* «писать»), т. е. «к писцу».

2. Переходим к глаголам безобъектным и глаголам состояния. Семантика причастий этих глаголов соответственно всегда сохраняет значение непереходности, среднего залога: *a mandá kas* «тот оставшийся человек» (*mande* «оставаться»), *a mandá šejon* «те оставшиеся вещи».

Глагол *njšte* «сидеть» дает причастную форму, переводимую на русский язык причастием настоящего времени: *doi bijnada njšta kas* «под деревом сидящий человек». Этот глагол имеет в талышском языке два значения: 1) безобъектного действия, движения — «сесть», 2) и состояния — «быть сидящим», как результат первого значения глагола. Это второе значение и определяет семантику настоящего времени формы *njštá*.

Особое положение и использование получает причастие глагола *be* «быть», т. е. *ba*. Представляя морфологически, несомненно, форму причастия прошедшего времени (из *budä*), оно тем не менее нейтрально в отношении времени и может одинаково выражать как прошедшее, так и настоящее время.

В значении причастия настоящего времени оно употребляется, как можно предположить, под влиянием синтаксических конструкций азербайджанского языка в оборотах, соответствующих таким определительным предложениям русского языка, в которых относительное местоимение «который» стоит в косвенном падеже. Эти обороты выра-

жают принадлежность данного признака определяемому предмету, являющемуся логическим подлежащим главного предложения. Примеры: «Человек, у которого глаза голубые, борода желтая, зубы редкие, имя которого Хандон, местожительство которого Хамадан, деньги его будут находиться в отверстии тандыра» (печи для печения хлебов) — *čašon-iš kavu ba kasí* букв. «глаза его голубые бывающий человек», *ríš-iš zard ba kasí* букв. «борода его желтая бывающий человек», *dandón-iš vjžg ba kasí* букв. «зубы его редкие бывающий человек», *nóm-iš Xandon ba kasí* букв. «имя его Хандон бывающий человек», *manzil-iš Hamdon ba kasí* букв. «местожительство его Хамадан бывающий человек».

В переводе на турецкий язык причастие *ba* было бы передано причастием настоящего времени глагола *olmak*, т. е. *olan*, а связь признака с предметом выразилась бы в присоединении местоименных аффиксов к определяющим его именам существительным: *gözleri mavî (olan) odam*, *sakalı sarî (olan) odam*, *dişleri seirek (olan) odam*, *adı-Xandon (olan) odam*...

То или иное временное содержание *ba*, т. е. значение прошедшего или настоящего времени определяется как общим смыслом всего предложения и контекстом, так и — в случае глаголов сложных, в которых глагол *be* является вспомогательным, — конкретной семантикой самого глагола. Примеры: *haši ba vra* «место (*vra*), на котором есть солнце (*haši*)», букв. «солнце на нем бывающее место» — здесь семантика настоящего времени; *čj nio ba vráo aište* «он встал с места, в котором был спрятан» (*nio be* «быть спрятанным, скрытым») — здесь семантика прошедшего времени¹.

Причастие на *-а*, кроме функции определений, симплексных и комплексных, заменяющих придаточные предложения, может также иметь функцию деепричастия.

Такие деепричастия могут передаваться на русский язык или соответствующими же деепричастиями прошедшего времени, или целыми придаточными предложениями времени: *áz-an išta sa-m pegatá šédam* «и вот я, голову взяв, иду», т. е. «иду, голову очертя, куда глаза глядят» (*sa pe-gatá* — причастие в значении деепричастия, *m* — эргативный показатель 1 л. ед. ч.); *haši pe-ma* «солнце, взойдя» (*pe-(o)má* — причастие, в значении деепричастия), *haši pe-ma* может быть также переведено «когда солнце взошло»; *i saat mandá* «когда оставался (остался) один час».

В своем значении деепричастий эти причастия могут для большего временного уточнения принимать послелогии или послеложные наречные слова: *kina čai sįxanon masa ba pešt* «девушка, его слова выслушав, после того как его слова выслушала», *hardáku ba peš(o)* «(он) поевши, (он) после того как поел».

В последнем примере *hardá*, получивши послелог *-ku*, выражающий исходный падеж, является именем существительным со значением «состояние его как поевшего». Эта конструкция могла сложиться также

¹ См. ниже «Причастные обороты» (стр. 202).

под влиянием турецкого оборота) *jemek den sonra* «после принятия пищи», использовавшего, однако, форму инфинитива *jemek* «есть, кушать» как отглагольное имя.

2. ВТОРАЯ ФОРМА ПРИЧАСТИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Эта форма образуется из глагольной основы (единой или основы прошедшего времени) и префикса *bj-*: от *gate* «брать, взять», — *bjgat* «бравший, взявший», от *djzdie, djzde* «воровать, красть» — *bjdjzdzd* «обворовавший, обворовывавший», от *doe* «давать» — *bjdo* «давший, дававший», от *vote* «говорить» — *bjvoot* «сказавший, говоривший», от *marde* «умирать» — *bjmarra* «умерший». Примеры: *a čimj boj bjdjzdzd ĩm-e* «тот, мой сад обворовывавший, — этот человек (есть)»¹, *a merd še ča moi bjdai toniku* «тот человек пошел к продавшему (рыбу)», *vótše ba „imjšt, dj mjšt“ bjvoti* «он сказал (человеку), говорившему „одна горсть, две горсти“, *tj béši ba moi hvoatj toniku* «ты ступай к продавшему рыбу», *tj moi bjgati, a moi djbara va bjdoil* «ты, эту рыбу поймавший, и ту рыбу снова в море пустивший!», *ča bjmarđi pj* «того умершего отец». В предпоследнем примере в *bjgati* и *bjdoi* мы видим присоединение к этой форме причастия детерминирующего суффикса *-i*. Это можно объяснить тем, что в данной фразе надо было избежать смешения с формой повелительного наклонения *bjgat* (*tj moi bjgat*) значило бы «ты рыбу поймай!»; повелительное же наклонение глагола «давать» *bjda* также близко по звучанию к *bjdo*.

Приведенные примеры указывают на то, что семантика этой формы — семантика прошедшего времени, но что в видовом отношении глагольное действие не дифференцируется: оно может быть однократным, многократным, длительным.

3. ПРИЧАСТИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ (PARTICIPĪUM PRAESENTIS)

Об образовании причастия настоящего времени уже бегло было сказано при описании отрицательной формы спряжения будущего I (см. стр. 157). Оно образуется из основы настоящего времени глагола и префикса *a-*.

Чаще всего эта форма причастия встречается у нескольких наиболее употребительных глаголов, имеющих односложную основу с исходом на *-a-*: от *karde* (основа *ka*) — *aka* «делающий», от *barde* (основа *ba*) — *aba* «носящий, уносящий», от *varde* (основа *va*) — *ava* «приносящий», от *harde* (основа *ha* вместо *hard*) — *aha* «едающий, кушающий».

К ним еще следует присоединить очень употребительное причастие глагола *doe* «давать» — *ada* «дающий».

Причастие глагола *že* «итти» имеет форму *aši*.

Причастие глагола *be* «быть» имеет форму *abi*. Это причастие малоупотребительно и встречается, повидимому, только в состве *abi-ni* «невозможно» (см. спряжение глагола *be* «быть»). Возможно, что неиспользование формы *abi* следует объяснить тем, что прошедшее

¹ Из сказки про Шамнадина.

причастие того глагола «быть» *ba*, как мы видели, имеет одновременно семантику настоящего времени, что позволило его широко использовать для образования новых имен существительных и специальных терминов (см. стр. 107).

В причастиях глаголов сложных с превербами *e, pe, o, be, da* последние, повидимому, вытесняют начальный а причастной формы: глагол *e-gate* «брать снизу, приподнимать» (перен. «помогать»), причастие настоящего времени *e-gi* вместо *e-gi: kaši e-gim ni* «за руку меня берущего (человека) нет, помогающего мне нет».

Причастия настоящего времени, так же как и причастия прошедшего времени, широко используются для образования сложных имен существительных и прилагательных (см. стр. 107)¹.

* * *

О причастии будущем или долженствовании см. стр. 158.

Страдательный залог

В народной устной речи встречается, повидимому, только один способ образования страдательных оборотов и их спряжений. Он состоит в постановке спрягаемого глагола в форме прошедшего причастия на *-a* (см. стр. 189), которая тогда всегда имеет пассивную семантику, и использовании в качестве вспомогательного глагола спрягаемых форм претерита II глагола *be* «быть», т. е. *bat—baš—ba—bámon—báon—ban*; последние, как мы знаем, имеют семантику не «бытия», а «становления», т. е. соответствуют значению новоперсидского глагола *šodān* «делаться, становиться», используемого для образования страдательного спряжения.

Примеры: *čai divonxana vāda javahirat sa dava bo noá ba* «перед его судебным залом драгоценностей сто верблюжьих вьюков было положено», *vindjše glai zanjir e-haštá ba* «он увидел: цепь спущена была», *nava gi biria ba* «внука шея перерезана была»², *hairon činía ba* «цветы сорваны были», *čič njojštá ba?* «что же написано было?», *gilai ka héste, šja karpičada, oñdūa ba di semendi* «есть дом, из красного кирпича, он был смазан цементом».

¹ В материалах П. Ф. Рисса, отражающих талышский язык ровно столетней давности, мы встречаем следующие причастия настоящего времени, образованные по этому типу, который Рисс именует деепричастным: *a vind* (т. е. *a vind*), «по-татарски» — *gögen* «видящий»; *a pi* (т. е. *a pi*), «по-татарски» — *istejen* «желающий, любящий»; *a na* (т. е. *ana*), «по-татарски» — *bilen* «знающий»; *a ka* (т. е. *aka*), «по-татарски» — *iken* (так!). (О талышцах, их образе жизни и языке, «Записки Кавказск. отд. Русского географ. о-ва», т. III, Тифлис, 1855, стр. 28).

Из парадигмы отрицательного спряжения глагола *vind* в настоящем времени в транскрипции Рисса также легко усматривается использование этого причастия с отрицательными формами глагола существительного: *Az nimə vind* (т. е. *az nim avind*), *Ty nišvə vind* (т. е. *ti neš avind*), *Av nimə vind* (т. е. *av ni avind*), *Ama nyməna vind* (т. е. *ama nimon avind*), *Šyma niona vind* (т. е. *šfma nion avind*), *Avon nina vind* (т. е. *avon nin avind*). «Не ездите» П. Ф. Риссом было переведено формой: «*ašin nion*», т. е. собственно *nion ašin*. (Там же, стр. 35).

² Пример из сказки.

Таким образом, поскольку в народном языке для страдательного спряжения использован только в качестве вспомогательного глагола претерит II глагола *be* «быть», в котором этот глагол имеет свою особую семантику, и поскольку этой временной формой¹, повидимому, пока ограничивается страдательное спряжение, следует заключить, что оно еще не достигло полного развития, какое получило в новоперсидском языке использование всех временных форм глагола *šodān*, как вспомогательного, который успел уже настолько утратить свое первоначальное значение, что во всех временах страдательного спряжения соответствует глаголу «быть».

Несколько иное положение мы находим в страдательных оборотах, которые широко стали применяться в 30-х годах в начавшем формироваться письменном языке. В нем они получили значительное развитие вследствие двух причин:

1) влияния русского языка и необходимости часто передавать на талышский русские страдательные обороты и страдательные залоги переходных глаголов;

2) возможного также влияния соответственных азербайджанских оборотов, особенно с причастиями на **-miş**. Примеры: *hama zijōda pulon ba amanati kassa doá bĭbu* «все излишние деньги в сберегательную кассу пусть будут сданы» (презенс опатива), *ġġraatxonon sápe rahbarati zumand kardá bĭbu* «над читальнями руководство усилено да будет» (презенс опатива), *komsomolon uzva haxon ġirdá ba* «комсомольские членские взносы собраны» (перфект), *heč ġıla tadbir pe-gata ba ni* «никакое решение не принято» (перфект), *dġ mánge ki saġasi dars doá béda* «два месяца как уроки политграмоты даются» (презенс), *ġmsor 13 hektar zamínada de túmi cája plantasiġa e-ġandá babé* «в этом году на 13 гектарах земли будет заложена чайная плантация» («будет засеяна семенами чайная плантация»; будущее I), *kaon majburġiġa šġklada kardá baniġe* «работы должны быть проведены в обязательном порядке» (будущее II долженствования).

Понудительная (каузативная) форма глаголов

Сравнительно значительное число талышских глаголов (более 30) образует так называемую понудительную форму инфинитивов. Последняя сообщает глаголам среднего или возвратного (по смыслу) залога значение глаголов переходных; некоторые из них при этом придают глаголу значение каузативное, понудительное, причинения действия.

Способов образования этой понудительной формы несколько, но все они в общем близки друг к другу.

1. От глаголов одноосновных форма инфинитива образуется присоединением к основе, исходящей на согласный, окончания **-ovġie**: от *ġġre* «смеяться» — *ġġrovġie* «заставить смеяться, смешить», от *harde* «есть» — *hardovġie* «кормить, питать, заставить есть», от *larze* «дро-

¹ И притом, вероятно, только на 3-м лице.

жать» — *larzovnie* «приводить в дрожь, заставить дрожать», от *turse* «бояться» — *tarsovnie* «пугать, устрашать», от *pixe* «гнить» — *pixovnie* «гноить, заставить гнить», от *gile* «кипеть» — *gilovnie* «кипятить», от *vite* «бежать» — *vitovnie* «заставить бежать, прогонять», от *karde* «делать» — *kardovnie* «заставить делать».

Примечания: 1. Некоторые из приведенных форм в устной речи испытывают фонетические изменения: так, например, наряду с *larzovnie* встречается *lorzunie*, со стяжением *ov* в *u* и с переходом гласного основы *a* в *o*; наряду с *gilovnie* отмечена форма *gilvnie* — с метатезой, перестановкой: *ju* — *vj*.

2. Еще столетие назад П. Ф. Рисс записал понудительную форму глагола «бежать» — *vižune*. В наших записях наряду с *vitovnie* отмечен также близкий по значению глагол *vižnie* в значении «прогонять». Эта форма, несомненно, образована от основы презенса *viž* (н. п. *goriz*), еще не окончательно вытесненной основой претерита *vit* (н. п. *gorixt*, ср. п. *virēxtan*).

2. Ко многим, также одноосновным глаголам в инфинитиве к основе присоединяется не окончание **-ovnie**, а только **-nie(ne)**, но с одновременным изменением гласного основы **a** на **o**: от *raxe(rahe)* «освободиться, падать» — *roxnie (rohnie)* «уронить, выпустить из рук», от *o-raxe* «оканчиваться» — *o-roxnie* «освобождать, освободить», от *pare* «летать» — *pornie (porne)* «заставить летать, вспугнуть (птицу)», от *tase* «захлебываться, задыхаться» — *tosnie* «душить», от *take* «лопаться, трескаться» — *toknie* «заставить затрещать», от *nave* «гулять, искать» — *novnie* «прогуливать», от *bame* «плакать» — *bovnie (< bomnie)* «заставить плакать», от *o-garde* «поворачиваться» — *o-gordjnie (o-gordonie)* «поворачивать, повертывать», от *čave* «крутиться» — *čovnie* «крутить, заставить ходить кругом, пасти (скот)», от *vaze* «дуть» — *o-vaze* не отмечено, но *o-vozne* «перевозить, переправлять».

В эту же группу следует включить еще следующие глаголы, в которых также происходят изменения гласного основы (внутренняя флексия), но другого типа, а именно: **a** переходит в **i** — *rase* «достигать», *rišnie* «доставлять» (впрочем, в письменном языке отмечена и правильная форма — *rosnie*); **i** переходит в **o** — *da-čike* «приставать, прицепляться», *da-čoknie* «заставить приклеиться, припаивать, спаивать», *lije* «трогаться, шевелиться», *lovnie* «шевелить, трогать».

3. Наконец, некоторые, также одноосновные глаголы (преимущественно те, которые имеют исход на **г** и на **ž**) образуют понудительную форму глагола, путем прибавления к основе окончания **-nie**, но без одновременного изменения гласного основы: от *krie (krje)* «тащиться, влечься» — *křnie* «тащить, влечь», от *o-krie* «тащиться назад» — *o-křnie* «тащить назад», от *djrie* «разрываться» — *dřnie* «разрывать», от *bjrie* «резать» — *bjřnie, břnie, bjřnie* «заставить резать», от *da-giže* «сбиться с пути» — *da-gižnie* «сбивать с пути, запутать, спутать».

4. Приведем ряд глаголов, засвидетельствованных нашими материалами только в их понудительной форме: *tožnie* «гнать» (от *tože*, н. п. *tazidān, taxtān*, ср. п. *tazanidan*), *o-vozne* «перевозить» (см. выше, *vaze* «дуть»), *loknie, loxnjie, lokune* «качать, трясти, двигать», *tikne* «жалить, ударять» (ср. глагол *tik žē* «жалить»), *tjřnie* «чесать», *kārnjie, kārne* «рубить, жать», *da-parznie* «цедить, процеживать».

5. Глаголы *da-vunie* «проводить перед чем-нибудь» и *pe ivunie* «протыкать», повидимому, образованы от соответствующих непонудительных форм — *da-ome* «входить» и *pe-ome* «наткаться»; слог *vu* из *vo(o)* есть основа презенса глагола *ome*, и в форме *vo* эта основа засвидетельствована в других формах данного глагола. Глагол *otunie* «заплетать», быть может, образован от не засвидетельствованного в наших текстах глагола, соответствующего н. п. *amadän* «устраивать, готовить».

Суффикс (примета) каузатива, имеющий, как мы видим, в талышском формы *-ovni*, *-uni*, *-ni*, возможно сблизить со среднеперсидским суффиксом, имеющим ту же функцию *-ēn -īn*. Эта форма преобладала в среднеперсидском, тогда как суффикс *-ān*, в настоящее время господствующий в новоперсидском, встречался в нем сравнительно редко. В таком случае талышский каузативный суффикс представляет собою более старую форму, чем новоперсидский.

Быть может, особый тип образования понудительной формы мы встречаем еще в суффиксе *-t*, который нами засвидетельствован только в одном глаголе: *arište* «разбиться», *arište* «разбить»¹.

Других способов образования глагольных каузативов, например, соответствующего продлению гласного *a* глагольной основы (ср. н. п. *gäštän* → *gaštän*, *nešestän* → *nešastän*), в талышском языке не имеется.

Классификация глаголов по основам

Форма талышских инфинитивов значительно расходится с формой инфинитивов новоперсидского литературного языка. Законы талышской фонетики привели, во-первых, к отпадению конечного *n*, а, во-вторых, к значительному сокращению формы инфинитивов вследствие общей тенденции языка к сокращению слов путем стяжения слогов, выпадения звонкого зубного *d* и плавного *g* в интервокальном положении, качественных и количественных изменений гласных и т. д. (см. раздел «Фонетика»).

Общее для всех глаголов без исключения гласное окончание инфинитивов — довольно узкий ударный *e* (н. п. *-än*, ср. п. *-an*, др. п. *-anaiy*).

При сопоставлении талышских инфинитивов с новоперсидскими, исходящими на *-tän*, *-dän*, *-idän* и *estän*, выясняется следующее:

1. Инфинитивов на *-tän*, в талышской форме — на *-te*, удержалось сравнительно небольшое число: *kašte* «сеять», *kjšte* «убивать», *hašte* «оставлять», *hjte* «спать», *gate* «брать», *bofte* «ткать», *da-rište* «мести» и несколько других.

У некоторых же глаголов звук *t* уже находится на пути к исчезновению; так, например, глагол *baste* «связывать» имеет дублетную

¹ Ср. курдский, в котором имеется группа глаголов, образующих от основы настоящего времени «непереходный инфинитив», а от основы прошедшего времени — «переходный» с *t*.

форму — *base* (группа **st** сперва в силу ассимиляции дала **ss**, а затем — простое **s**).

2. Инфинитивы на **-dän**, в талышской форме — на **-de**, хорошо удержались только в группах с плавным **г** и носовым **n**: *karde* «делать», *marde* «умирать», *barde* «нести» *varde* «приносить», *hande* «читать», *mande* «оставаться», *γande* «бросать», *šande* «посылать».

Во многих же весьма распространенных глаголах, по закону выпадения интервокального **d**, окончание **de** не удержалось совсем: *ome* «приходить», *doe* «давать», *noe* «ставить, класть» (н. п. *nehadän*), *žae*, *žē* «ударять» (н. п. *zädän*), *sae*, *sē* «брать, покупать» (н. п. *setädän*).

3. Инфинитивы на **-idän** по тому же закону получили:

а) форму **-ie**, как в глаголах *bīrie* «резать», *dīrie* «разрывать», *rīžie* «рушиться, обваливаться» (н. п. *rizidän*, *rixtän*), *čīnie* «рвать, собирать» (н. п. *čīnidän*, *čidän*), так и в глаголах в понудительной форме с окончаниями **-ovnie**, **-unie**, **-nie**, соответствующими н. п. **-anidän**: *dīrnīe* «разрывать», *tarsovnie* «пугать», *pornīe* «заставить полететь, вспугнуть» (н. п. *pāranidän*), *rīšnīe* «доставлять» (н. п. *rāsanidän*);

б) или с выпадением **i** — форму **-e**: — *tarse* «бояться», *larze* «дрожать», *rase* «достигать», *mole* «тереть», *tase* «задыхаться», *toše* «стричь» (н. п. *tārašidän*), *o-garde* «поворачиваться», *take* «лопаться» (н. п. *tārākidän*) и т. п.

4. Окончания инфинитива, которое соответствовало бы н. п. **-estän**, ср. п. **-istan**, талышский язык не знает.

Таким образом, все талышские инфинитивы оканчиваются либо на **-e**, либо на **-ie**.

Инфинитивы на **-ie** соответствуют очень небольшой части новоперсидских инфинитивов на **-idän** и в форме на **-nie** характеризуют все понудительные глаголы.

По употреблению в спряжении глагольных основ все талышские глаголы распадаются на две основные группы: на глаголы с одной основой — одноосновные и на глаголы с двумя основами — двухосновные.

1. ГЛАГОЛЫ ОДНООСНОВНЫЕ

Большая часть талышских глаголов — одноосновные в том смысле, что по всему спряжению проходит только одна основа: или основа претерита, или основа презенса.

На основе претерита построено спряжение глаголов, имеющих следующие формы инфинитива:

а) Глаголов с инфинитивом на **-te**: *kašte* (*kašt*) «сеять», *kīšte* (*kīšt*) «убивать», *nīvīšte* (*nīvīšt*) «писать», *šīšte* (*šīšt*) «мыть», *gate* (*gat*) «брать», *hīte* (*hīt*) «спать», *nīšte* (*nīšt*) «сидеть», *vīte* (*vīt*) «бежать», *arīšte* (*arīšt*) «разбивать», *bīšte* (*bīšt*) «жарить», *da-rīte* (*da-rīt*) «мести», *dūte* (*dūt*) «шить», *bofte* (*boft*) «ткать», *vašte* (*vašt*) «дуть»¹, *vote* (*voť*) «говорить».

¹ У П. Ф. Рисса для *vašte* дано значение «искать» (стр. 63).

Примечание. Глагол *gate* (н. п. *gereftān*) еще сохраняет иногда основу презенса *gi* (н. п. *gir*), редко используемую параллельно с основой претерита *gati*, *bigi* и *bigian* «возьми, возьмите» наряду с *bigat*, *bigatan*; *pé-gi* «подними» наряду с *pé-gat*. Глагол *vite* (н. п. *gorixtān*) в своей каузативной форме *vužnie*, *vižnie* «прогонять» выявляет также, как мы видели, свою основу презенса. Сто лет назад основы презенса этих двух глаголов, повидимому, еще не начали вытесняться основами претерита. У И. Н. Березина от глагола *gate* «брать» основа настоящего времени *gi*, а у П. Ф. Рисса от глагола *vite* «бежать» основа настоящего времени в повелительной форме *vizin*.

б) Глаголов с инфинитивами на **-de**, с предшествующими носовыми, т. е. **-nde**: *hande* (*hand*) «читать», *γande* (*γand*) «бросать», *mānde* (*mānd*) «оставаться», *šānde* (*šānd*) «посылать» и т. п.

в) Глаголов с инфинитивами на **-de** с предшествующим плавным **r**, т. е. на **-rde**: *karde* (*kard*) «делать», *barde* (*bard*) «нести, уносить», *varde* (*vard*) «приносить», *harde* (*hard*) «есть», *marde* (*mard*) «умирать», *ašmarde* (*ašmard*) «считать», *asbarde* (*asbard*) «поручать», *čarde* (*čard*) «пасться».

Особенность первых четырех глаголов на **-rde**, т. е. *karde*, *barde*, *varde*, *harde*, как мы видели, та, что, наряду с полными основами претерита — *kard*, *bard*, *vard* и *hard*, в народной речи употребительны почти исключительно сокращенные формы *ka*, *ba*, *va* и *ha*. В них, впрочем, с таким же основанием можно видеть и сокращения основ презенса этих глаголов, поскольку они в народной речи используются как для образования времен и наклонений, производимых от претерита, так и времен и наклонений, производимых на основе презенса.

Примеры:

1. Глагол *harde* «есть»: настоящее время сослагательного наклонения — *pida be bāha* «он хотел съесть», *bīham* «чтобы я съел», *bīhamon* «чтобы мы съели»; прошедшее несовершенное — *ahāimōn* «мы ели», *ahai* «он ел», *nāhaiš* «ты не ел» («не ел бы»); будущее I — *avon bahān* «они съедят»; инфинитив — *hai* (*hāe*) *azīntmon* «съесть мы не сможем»; императив — *bīha* «ешь», *bīhan* «ешьте»; претерит — *ahāimōn* «его мы съели».

2. Глаголы *karde* «делать», *o-karde* «отворять», *e-karde* «спускать вниз, наливать, проливать»: императив — *bīka* «делай», *bīkan* «делайте», *ó-ka* «отвори», *é-maka* «не проливай», *ó-makan* «не отворяйте»; настоящее время сослагательного наклонения — *az dia bīkam!* «посмотрю-ка я!», *bīkamon!* «сделаем-ка!»; имперфект (условное наклонение) — *ákaim* «я делал», *akāimōn* «мы делали», *čaš akai* «он поджидал (бы)»; претерит — *γāhr kai* (*kaé*) «он рассердился», *diá-šon nīkai* «они не посмотрели», *devān-mun ka* «мы сжали», *tóvjs kae* «он обратился к ней, приказал ей»; перфект — *e-kāimone* «мы сложили»; будущее I — *é-bakeš* и *é-bakaš* «ты нальешь», *bakām* «я сделаю», *akānim* «я не сделаю»; настоящее время желательного наклонения — *ägār paido nīkoš* «если ты не найдешь», *hār kasi ba-šta aḡgišta pé-ko* «всякий, кто его (кольцо) на свой палец наденет», *hār kasi zūlm bīko av xeir nībābā*, «кто других притесняет, тот добра не увидит»; инфинитив — *baneš ka* «ты сможешь сделать» (*ka < kai < kae*).

Примечания: 1. В презенсе опатива *ko* имеется *o*, соответствующее долготу *ā*, характеризующему это наклонение. В талышском *o* получилось стяжение двух *a*: 1) *a* гласного основы и 2) *a* характеристики опатива.

2. В презенсе и в построенном на его основе сложном описательном имперфекте (*imperfectum II compositum*) основа *kard* не подвергается сокращению в *ka*: *kardédam*, *kárdam*, *kardéda bim*, *kárda bim*.

По нашему мнению, это должно быть объяснено тем, что семантика этих форм слишком тесно связана с полной формой инфинитива, являющегося здесь глагольным именем, поставленным в локативном падеже. Не допускают в этом времени сокращения своих основ и три других глагола с исходом инфинитива на *-rde*: *barde* «уносить», *varde* «приносить» и *harde* «есть, кушать».

Приведем примеры на другие времена и наклонения этих глаголов, где их основы сокращаются на *ba*, *va*, *ha*:

1. Глагол *barde* «уносить»: императив — *bjábá* «унеси», *bibán* «унесите»; настоящее время сослагательного наклонения — *bjábám?* «унести мне?, унесу-ка я!»; будущее I — *az bjábám dj-šta* «я повезу с собою», *bobáš* «ты увезешь, похитишь»; имперфект (условное наклонение) — *ábai* «он уносил бы».

2. Глаголы *varde* «приносить», *be-varde* «выводить, извлекать»: императив — *bía*, *búa* (< *bjva*) «принеси», *bían*, *búan*, *büan* «принесите», *bé-uan* «вырвите, извлеките»; настоящее время сослагательного наклонения — *büamton* «чтобы мы принесли», *bé-vamton* «чтобы мы извлекли», *rüan bé-va* «чтобы он вытащил масло», *bíajon!* «чтобы вы привели!»

Примечание. Основа *va* сохраняется в этом наклонении полностью только в глаголе сложном, с превербом *be*: *be-varde* «извлекать», а без него глагол *varde* теряет свой согласный элемент *v* и основа звучит *a*.

Претерит — *glai tášt-iš váe* «она принесла таз», *i dasa ašj-iš váe* «он привел труппу музыкантов (ашугов)», *hakim-jm va bāt* «я привел ему врача»; будущее I — *tjñi bavám* «я тебя отведу», *ku! ba ka bavá-ton* «тыкву домой мы отнесем»; имперфект (условное наклонение) — *ávaim ba-šta ka* «я приносил (бы) к себе домой».

Примечание. Сокращенной формы от глагола *marde* «умирать», т. е. *ma*, не имеется, но зато этот глагол в редких случаях обнаруживает основу презенса *mí* (н. п. *mir*). Отмечена форма опатива *bjmijo* «пусть умрет»¹. В народной повзнии могли законсервироваться старые формы, уже вымирающие в современном языке.

Основу презенса мы находим:

а) В ряде глаголов с инфинитивом на *-e*, непосредственно присоединяемых к основе и соответствующих н. п. *-idän*: *nave (nav)* «гулять, разыскивать» (н. п. *nävídän* «двигаться, шататься»), *rase (ras)* «достигать», *tarse (tars)* «бояться», *düše (düş)* «дойти», *toše (toš)* «стричь, брить», *kaše (kaš)* «тянуть», *take (tak)* «лопаться, трещать», *mole (mol)* «тереть», *pare (par)* «летать», *larze (larz)* «дрожать», *garde (gard)* «вращаться», *anje (anj)* «резать», *dave (dav)* «сжинать», (н. п. *derävi-dän*), *rame (ram)* «пугаться», *raxe (rax)* «освобождаться», (н. п. *rähidän*, *rästän*), *süe (sü)* «мазать, тереть» (н. п. *saïdän*).

Поскольку окончание *-idän* свелось к *e*, естественно, с отпадением последнего остается основа презенса.

¹ Из «до-бейтя».

б) В значительном количестве глаголов с инфинитивом на **-e** и на **-ie**, уже не употребляемых в новоперсидском языке или ему, повидимому, даже совсем неизвестных, у которых после отбрасывания **-e** остается основа презенса: *bame (bam)* «плакать», *hore (hor)* «молоть», *mase (mas)* «слышать», *e-name (e-nam)* «наклоняться», *gile (gīl)* «кипеть», *rīve (rīv)* «реветь», *sīre (sīr)* «смеяться», *vije (vī)* «вить», *vaše (vaš)* «светить», *daže (daž)* «болеть», *sie (si)* «сломаться», *krie (kri)* «тащиться», *pie (pi)* «желать, любить».

2. ГЛАГОЛЫ ДВУХОСНОВНЫЕ

К ним следует отнести следующие категории:

1. У глаголов с инфинитивом на **-ie** основа претерита получается путем отбрасывания **-e**, а основа презенса — путем отбрасывания **-ie**: *činie* «рвать, собирать», основа претерита *čini*, основа презенса *čīn* (конечный **n** этой основы отражает древнеиранскую классную примету *nu*); *rīsnie* «доставлять», основа претерита *rīsnī*, основа презенса *rīsn*; *vitounije* «гнать», основа претерита *vitounī*, основа презенса *vitoun*; *gīnie* «падать», основа претерита *gīnī*, основа презенса *gīn*.

2. Два глагола *doe* «давать» и *noe* «класть» имеют соответственно: основы презенса *da* и *na*, претерита *do* и *no*; *do* < *dod* восходит к древней основе на *ā(dā)*, ср. п. *dādan*, н. п. *dadān*, *no(e)* — сокращение *nihā*, ср. п. *nihādan*, н. п. *nehadān*.

3. Глаголы *žae* «бить» и *sae* «брать» имеют соответственно: основы претерита *ža* и *sa*, презенса — *žan* и *san*.

4. Два глагола *be* «быть» и *še* «итти» имеют соответственно: основы претерита *be* и *še*, а основы презенса только согласные элементы **b** и **i**.

5. Как уже было сказано, три глагола — *vite* «бежать», *gate* «брать» и *marde* «умирать» — сохраняют, хотя уже в очень редком употреблении, обе основы: *vit* и *viĵ* || *viž*, *gat* и *giĵ*, *mard* и *mi*.

6. *Vož* — основа презенса глагола *vote* «говорить» — уже не выявляется в спряжении, а только наличествует в сложных именах: *badvož* «клеветник», *dūavož* «лжец». *Vož* восходит к древнеиндийскому и авестийскому корню *vač*, ср. п. *āvāč*, *āvāĵ*, н. п. *āvāz* «голос». У И. Н. Березина мы еще находим отдельное слово *vaj* «слово». У П. Ф. Рисса же имеется только основа претерита: *bovoŋ ba mī ožan i sīxan* «скажи мне еще раз это слово».

7. Глагол *ome* «приходить», как и н. п. *amādān*, имеет две основы: презенса *o*, *oi*, соответствующий долготу *ā*, и претерита *om*. Повелительное наклонение — *boi* «приди», *bóan* «придите», перфект — *omat* «я пришел» (н. п. *amādā ām*).

Особое положение занимает глагол *vinde* «видеть». С древнейшей эпохи в иранском глаголе со значением «видеть» используются два корня (две основы): для презенса *vain*: др. инд. *vē-na-ti*, ав. *vaēn*, др. п. *a-vaina*, ср. п. *vēnam*, н. п. *binām*, и для претерита *dī*: ав. *ditavu*, др. п. *didty*.

Переживания корня *dī* мы теперь в талышском находим только в составном глаголе *dīa karde* «смотреть», где *dīa* — н. п. *didā* — имеет

значение «глаз». П. Ф. Рисс¹ еще отмечает глагол *дией* «смотреть», вполне соответствующий по форме н. п. *didān*. Но уже в его время, видимо, в большем употреблении был глагол *vinde*, который им зарегистрирован в следующих фразах: *ama hama ai vinde* «мы все его видели», *mavind* «не смотри»². Он дает и всю парадигму спряжения этого глагола. И. Н. Березину известен этот глагол лишь в форме основы прошедшего времени. В настоящее время основа претерита почти совсем вытеснила основу презенса, но все же в одном из записанных нами «до-бейти» (см. «Талышские тексты» № 70) мы ее находим: *gīl bičīn, boi, bīnamon, šav gīl bičīn boi, bīnamon!* «розу сорви, приходи, посмотрим, ночную розу сорви, приходи, посмотрим!»³

* * *

Подведем итоги нашей классификации глаголов по их основам. Все глаголы распадаются на две основные группы — глаголы одноосновные и глаголы двухосновные.

1. Глаголы одноосновные используют одну основу по всему спряжению. Эта основа является или основой претерита, или основой презенса.

1) На основе претерита построено спряжение:

а) всех глаголов с инфинитивом на **-te**: *kašte* «сеять» (*kašt*);

б) глаголов с инфинитивом на **-de**, с предшествующим **r** или **n**: *asbarde* «поручать» (*asbard*), *hande* «читать» (*hand*).

Среди глаголов на **-rde** особо выделяются четыре глагола: *harde* «есть», *varde* «приносить», *barde* «нести», *karde* «делать», в которых, наряду с полной основой претерита *hard, vard, bard, kard*, в народной речи в большем употреблении их сокращенные формы — *ha, va, ba, ka*.

2) На основе презенса построено спряжение:

а) глаголов, в которых конечный **-e** инфинитива соответствует окончанию **-idān** новоперсидских глаголов: *rase* «достигать» (*ras*);

б) глаголов с инфинитивами на **-e** и **-ie**, неизвестных новоперсидскому языку или уже вышедших в нем из употребления, в которых по отбрасывании окончания **-e** только исторический анализ вскрывает основу презенса: *rīve* «реветь» (*rīv*), *pie* «желать, любить» (*pi*).

2. Глаголы двухосновные — это те, которые строят свое спряжение соответственно на двух основах: презенса и претерита. В эту группу глаголов входят:

а) Все глаголы с инфинитивом на **-ie**, в которых **-ie** соответствует

¹ См. П. Ф. Рисс. Указ. соч., стр. 64.

² Там же, стр. 36 и 70.

³ Особенность образования основы претерита *vind* (*vin + d*) глагола *vinde* «видеть» та, что эта основа построена на базе древнего корня *vain*, издревле давшего основу презенса. Такое же новообразование основы претерита мы находим в некоторых других иранских языках, например в языках Памира. (См.: W. Geiger. Die Pamir-Dialekte, § 59: «... in vielen Fällen wird der Präteritalstamm durch Anfügung von t, d aus dem Präsensstamm neugebildet: w. *vīn-: vind*; sq. *vein-: vand*; sch. *vin-: vint* — sehen, während im neupersischen die zwei Wurzeln, aw. *vaen* und *di* sich ergänzen». «Grundriss der iranischen Philologie», Bd. I, Abt. 2, стр. 322).

новоперсидскому окончанию инфинитива **-idän**. Значительное число этих глаголов является каузативным. Основа претерита получается путем отбрасывания **-e** и, следовательно, исходит на **-i**, основа же презенса — путем отбрасывания **-ie** и, следовательно, имеет согласный исход: *čnie* «срывать»: *čini* и *čin*.

б) Глаголы: *doe* «давать», *noe* «класть», *žae* «бить», *sae* «брать, покупать», *že* «итти», *be* «быть», *ome* «приходить».

в) Глаголы: *vite* «бежать», *gate* «взять», *marde* «умирать» и *vote* «говорить», лишь пережиточно сохраняющие основу презенса.

Особое положение занимает глагол *vinde* «видеть», сейчас одноосновной (*vind*), но основа которого является новообразованием на базе древнего корня *vain*, *vaen*, давшего основу презенса, с прибавлением **d** от другого корня *di*. Пережиточно и этот глагол сохраняет основу презенса **-bin**.

Возможно, что дальнейшее, более углубленное изучение талышской глагольной лексики обнаружит еще некоторое количество глаголов, оставшихся нам не известными, но мы думаем, что и они найдут себе место в рамках разработанной нами классификационной схемы.

Причастные обороты

Причастные обороты с одним из причастий прошедшего времени получили в талышском письме широкое распространение, что, несомненно, приходится приписать влиянию аналогичных тюркских конструкций.

1. Особенно часто используется причастие прошедшего времени от глагола *be* в его значении «бытия», именно *ba*. Форма причастия прошедшего времени, образуемая от глагольной основы прошедшего времени и суффикса **-а**, как мы видели, лишь условно может быть названа причастием прошедшего времени, так как в разных синтаксических использованиях включает в себя также признак времени настоящего. Это подтверждается и переводами ее на турецкий язык, в котором ей соответствуют причастия настоящего времени от глаголов *olmak* «быть» и *bulunmak* «находиться», т. е. *olan* (в отрицательной форме *olmajan*) и *bulunan*.

Примеры: *de-šta ba yuvon* «с силой, у него имеющейся» (по-турецки *kendine maxsus olan güçle*), *jo bistonónada ba havzon* «дыни, находящиеся в других огородах» (по-турецки *baška bostanlarda olan kavun*), *kanóada ba majagi rüsni* «свет маяка, находящегося на берегу моря» (по-турецки *deniz sahilinde bulunan farosun işi*), *ba muhariba zidd ba kason* «люди, противящиеся войне» (по-турецки *harbe karşı olan insanlar*), *hüşada ba donon* «зерна, находящиеся в колосе» (по-турецки *baişakta bulunan daneler*).

Эти конструкции, являющиеся определениями имени, по-русски, как мы видим, передаются также причастиями, но могут переводиться и придаточными определительными предложениями с «который». Например, *čj buržuazija čoka xadim ba sosjaldemokraton* «социал-демократы,

которые являются хорошими слугами буржуазии» (по-турецки *buržuaların iyi hizmetçileri olan sosjaldemokratlar*).

Причастная конструкция может быть развернута в законченное предложение, состоящее из главного и определительного придаточного. В том случае, когда в главном и придаточном разные подлежащие, в русском переводе, естественно, причастный оборот становится невозможным и должен быть заменен придаточным определительным предложением; турецкий же перевод остается точной калькой талышской фразы. Примеры: *vtša kam ba vjron* «местности, в которых мало леса» (букв. «леса мало будучи местности»); по-турецки *ormanları az olan yerler*); *rütubat ijan tül nıba vjrada müçak abjını* «в местах, в которых нет сырости и грязи, комаров не бывает» (по-турецки *rutubat ve çamur olmayan yerlerde siiri sinek olmaz*).

2. Приведем теперь примеры причастных конструкций того и другого вида с другими глаголами:

а) Причастные конструкции при одном подлежащем:

benizomatı karda hırdanon «дети, учиняющие беспорядок»¹ (по-турецки *gürültü kopan çocuklar*);

ba çand fujon baxş karda vjron «места, разделенные на несколько арыков» (по-турецки *bir kaç arıza ayrılmış yerler*);

doon vjlon poimol karda melón-an héşin «имеются и черви, губящие цвет деревьев» (по-турецки *ayaçların çiçeklerini mahv eden kurtlar da var*);

çj jami dıjno zahmatkaşon de Lenini nišo doa ro šin, sédan-an «трудящиеся всех стран пошли и идут по пути, указанному Лениным» (по-турецки *bülün ülkelerin emekçileri Leninin gösterdiği yol-ile gitmiş ve gitmekte dirlir*);

çj Boku kommuna düz karda hamrónada 26 kasi dustáşon kárde «они бросили в тюрьму двадцать шесть человек из товарищей, организовавших Бакинскую коммуну» (по-турецки *Bakü komününü kurmuş olan arkadaşlardan jirmi altısını hapis-haneje attılar*).

б) Причастные конструкции при двух подлежащих:

davlatónış çj dáso be-şa kapitaliston dinj nıñjstın «капиталисты, из рук которых ушли их богатства, не сидели спокойно» (по-турецки *vardıkları ellerinden kaçmış olan kapitalistın rahat kalmadılar*);

çama pe-nışta asbon «лошади, на которых мы сели верхом» (по-турецки *bindijimiz atlar*);

çama e-voa vjra «место, на котором мы сошли (с коней)» (по-турецки *indijimiz yer*);

çama şa ro «дорога, по которой мы шли» (по-турецки *jürüdümüz jol*).

Приведем в заключение пример развернутого причастного определения, интересный тем, что в нем порядок членов почти полностью воспроизводит порядок членов в турецком переводе, а кроме того,

¹ Фраза взята из статьи, помещенной в книжке для чтения, о необходимости строгой дисциплины в школе.

присоединяется к определяемому имени (*xol-bašon* «концы ветвей») местоименный аффикс 3 л. ед. ч. **-iš**, совершенно излишний по нормам талышского синтаксиса: *či doon ba haši dija kardə toni xol-bašoniš* «концы ветвей деревьев, смотрящие в сторону солнца» (порядок слов в талышском предложении: «деревьев солнца смотрящие в сторону концы ветвей их»; по-турецки *güneşe doyrə bakan ağaçların tepeleri başları*).

Как видно из вышеприведенных примеров и их турецких переводов, талышское причастие типа *kardə* переводится на турецкий язык тремя способами:

а) причастием настоящего времени на **-an**: *benizomatı kardə* «учиняющий беспорядок» (по-турецки *gürültü kopan*), *dija kardə* «смотрящий» (по-турецки *bakan*);

б) причастием прошедшего-настоящего времени на **-miş**: *baxš kardə* «разделенный» (по-турецки *airilmiş*), или также сложной формой из того же причастия на **-miş** плюс причастие настоящего времени от глагола *olmak* — *olan*: *düz kardə* «организовавший» (по-турецки *kurmuş olan*), *be-ša* «ушедший, убежавший» (по-турецки *kaçmış olan*);

в) формой на **-djk** || **-dik** с аффиксами принадлежности, выражающей прилагательное с различением лиц при существительном: ср. передачу *čama pe-ništa* через *bindijimiz* во фразе «лошади, на которых мы сели», *čama ša* — через *jürüdüümüz* во фразе «дорога, по которой мы идем (или шли)» и *čama e-voa* — через *indijimiz* во фразе «место, на котором мы сошли (с коней)».

В отделе морфологии, посвященном причастиям, даны еще примеры причастных оборотов в народной речи, зафиксированной нашими «Талышскими текстами»¹.

Синтаксис предложения

Наши «Талышские тексты» отражают главным образом речь сельского населения и частью язык профессиональных рассказчиков и потому представляют собою довольно ограниченный материал для синтаксического использования. Преобладают простые, чаще всего краткие, бессвязочные, нераспространенные предложения, а предложения сложно-подчиненные сравнительно очень немногочисленны, и придаточные предложения представлены в них далеко не всеми видами.

Особое положение занимают привлеченные нами к разработке печатные материалы, изданные в 30-х годах, вроде популярных брошюр, книжек для школьного чтения, а также талышеязычные части вышедшей в Ленкоране азербайджанско-талышской газеты «Красный Талыш» («*Sja Tolış*»). Язык этих произведений выявляет сильное влияние азербайджанского синтаксиса. Их мы анализируем отдельно, после изложения синтаксиса талышской народной речи.

¹ Принимаю мою искреннюю признательность уважаемому Э. В. Севортьяну за перевод на турецкий язык большей части приведенных здесь талышских примеров.

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В талышском языке отчетливо выступают как синтаксические грамматические категории следующие члены предложения: подлежащее, сказуемое, дополнения (прямое и косвенное), определение и обстоятельственные слова. При установлении их места в предложении и относительного значения в нем некоторых из них следует проводить различие между предложениями номинативными и эргативными.

Эргативное построение имеет место, как мы видели, только в группе переходных глаголов и лишь в группе прошедших времен, образованных от прошедшей основы глагола типа *kard* и прошедшего причастия типа *karda*.

Как в номинативном, так и в эргативном предложениях главными членами являются подлежащее и сказуемое. Определение же и обстоятельственные слова для того и другого типа предложений являются членами зависимыми и несамостоятельными.

Что касается дополнений, то следует дифференцировать дополнения прямые и косвенные, учитывая эргативность или номинативность предложений. Косвенное дополнение, как в том, так и в другом случае, является членом предложения хотя и самостоятельным, но второстепенным. Прямое дополнение в номинативном предложении тоже может быть охарактеризовано как член предложения самостоятельный, но второстепенный. В эргативном же предложении прямое дополнение есть главный член, так как наличие его, фактическое или подразумеваемое, является необходимым условием эргативного построения в такой же степени, как и наличие подлежащего и сказуемого, — условием, вытекающим из переходности глагольного сказуемого.

Основная грамматическая связь в номинативном предложении устанавливается между подлежащим и сказуемым, в эргативном — между подлежащим, сказуемым и прямым дополнением.

Из способов выражения синтаксических отношений в том и в другом типе предложений отмечаются следующие: согласование, управление, интонация и ударение, ритмические группы и синтагмы, порядок слов.

Согласование имеет место в отношении подлежащего и сказуемого только в номинативных предложениях: сказуемое согласуется с подлежащим в лице и числе соответствующими глагольными окончаниями¹.

В эргативных предложениях такого согласования не происходит, поскольку форма глагольного сказуемого остается неизменной и в лице, и в числе; только в разных степенях разложения этой конструкции и приближения ее к номинативной и функционального сближения эргативных приставок с личными глагольными окончаниями можно говорить об ограниченных формах согласования подлежащего со сказуемым.

Управление, как синтаксический прием, выявляется в синтаксической группе имени в определительной связи двух имен, во-первых, в оформлении детерминативным суффиксом *-i* имен существительных, определяющих другие имена существительные, и, во-вторых, в офор-

¹ Подробнее о согласовании подлежащего и сказуемого в числе см. стр. 209.

млении суффиксом **-а** имен прилагательных качественных, определяющих имена существительные.

Из фонетических средств выражения синтаксических отношений большое значение имеет ударение¹, выделяющее и объединяющее ритмические группы, на которые распадается предложение, а также перерывы голоса для вдоха-паузы.

Порядок членов предложения в общем свободный, ограничиваемый только следующими положениями:

1. Все определения и группы определений всегда, без всяких исключений, предшествуют словам определяемым, так что здесь мы имеем положение, диаметрально противоположное тому, которое имеет место в новоперсидском языке (так называемый персидский «изафет»).

2. В нормальной неэмоциональной речи сказуемое следует за подлежащим и стоит в конце предложения.

3. Любой член предложения может быть выделен логическим ударением, может переменить свое обычное место (инверсия) и даже занять его в начале предложения.

2. ПОРЯДОК СЛОВ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Место подлежащего

В предложении простом, состоящем из подлежащего, сказуемого и дополнения, прямого или косвенного, подлежащее с его определением, выраженное отдельным словом (именем существительным или полной формой личного местоимения), занимает первое место в предложениях, как номинативных, так и эргативных. Приведем примеры.

Подлежащее — имя существительное. Номинативный строй: *čonča arišie* «ложка сломалась», *hamro bai votéda* «товарищ ему говорит», *xósa zua bjšil* «прекрасный юноша, иди!» Эргативный строй: *asboi sáe* «всадник взял», *davüşí vóte* «дервиш сказал».

Подлежащее — личное местоимение. Номинативный строй: *az tü kam* «я поплюю», *tĭn-an išta araxči e-pjšta bai* «и ты, если бы свой араччин привязал», *avon vĭtĭn* «они убежали», *ama čĭ nomi bĭnaton?* «мы какое имя дадим?», *šĭma ħoim bĭġġian!* «вы крепко схватите!» Эргативный строй: *mĭ masáe* «я слышал», *avon gáte* «они схватили».

Но подлежащее, выраженное эргативной приставкой (энклитикой), не может, естественно, занимать самостоятельного места и присоединяется, как мы видели (стр. 167—168), к одному из других членов предложения — к глагольному сказуемому, к именной части сложного глагольного сказуемого, к прямому или косвенному дополнению — и, следовательно, позиционно объединяется с этими членами в одну акцентуальную группу:

1) прикрепление к глагольной основе глагольного сказуемого — *voť-šon-e* «они сказали», *ža-še i šĭli* «он дал пощечину», *bĭrd-iž-e ba divun-xana* «он отнес в судебное место»;

¹ См. раздел «Фонетика», стр. 68.

2) прикрепление к именной части сложного глагольного сказуемого: *tedarúk-iš vînde* «он сделал приготовления», *rîk-iž kârde* «он рассердился», *javób-iž dóe* «он дал ответ»;

3) прикрепление к прямому дополнению: *tavá-žon pe-gate* «топоры они взяли», *čavon guš-iš bîrie* «уши их он отрезал», *púl-iš ve dóe* «денег он много дал», *bo či išta molón-i nahvate?* «зачем свои товары ты не продал?»;

4) прикрепление к косвенному дополнению: *ba kattó-šon vârde* «к старосте они привели»¹.

Место сказуемого

Обычно сказуемое замыкает предложение как в номинативных, так и в эргативных построениях. Номинативный строй: *mîní bó-či yándaš?* «меня зачем ты покидаешь?», *žen áište* «жена встала», *glai mûz omai* «муха прилетала», *dúada kafe ništá* «на дереве голубь сидел», *tj kattó-š!* «ты — старшина (еси)!» Эргативный строй: *ai vînde* «он увидел», *fayîri vote* «бедняк сказал».

В эргативных предложениях, в которых подлежащее — субъект, выраженный эргативной приставкой, сказуемое, составляя с ним одно акцентуальное целое, также сохраняет нормально последнее место в предложении (примеры см. выше).

Место дополнений

Прямое дополнение обычно помещается между подлежащим и сказуемым — в обоих типах предложений.

Номинативный строй: *az ištj gi bažem* «я твою шею перерублю», *asp aspi batjrne* «конь коня почесывает», *čoka tanü nün bapate* «хорошая печка хлеба печет». Эргативный строй: *Ibrahîmi a nün áše* «Ибрагим тот хлеб взял», *pia merdí a behüštüri e-káše* «старик-то снотворное средство вылил»², *mj čavon lübüt bîriáme* «я их губы отрезал», *mj čiçim kardá?* «я что сделал?»

Как отсюда видно, падежное оформление прямого дополнения не влияет на его место в предложении: в номинативных предложениях оно выражено аккузативом, а в эргативных — падежом анэргативным.

Косвенное дополнение, так же как прямое, ставится между подлежащим и сказуемым: *xanî ba ženi vóte* «хан женщине сказал».

При наличии одновременно и прямого, и косвенного дополнений прямое непосредственно предшествует сказуемому, а косвенное предшествует прямому: *ba noka lavo búal* «слуге палку принеси!»

Место обстоятельственных слов

Обстоятельство времени обычно стоит на первом месте в предложениях обоих типов: *bj vaxta da glai mûz ome* «в это время муха прилетела», *ésana a gla sa baše ba ov harde* «потом, другая голова

¹ Сказа из фольклора. «Староста» часто выступает в анекдотах, нами записанных еще в дооктябрьскую эпоху.

² Из сказки.

идет воду пить», *ésa avon oman* «теперь они приехали», *in sur baši ba gija* «в этом году он пойдет в горы», *šangona adžzdi* «по ночам он воровал»¹.

Обстоятельство места стоит возможно ближе к глагольному сказуемому, ему предшествуя: *í kast 'de roi oméda* «кто-то по дороге идет», *ba ke šédas?* «куда ты идешь?», *mjini konjo bagami kárde?* «меня где ты полюбил?», *az-an čaγno da-várdim* «я же оттуда прошел».

Обстоятельство образа действия, характеризуя глагольное действие, нормально также помещается возможно ближе к глагольному сказуемому, за ним следующему: *zua úžnan baše* «юноша снова идет», *mjiniš ba zū barda* «меня насильно он взял»², *čimj hamro bār k tašiše* «мой спутник очень жаждет», *įštj čaš čok babe* «твои глаза исцелятся» (букв. «хорошо станут»), *tj i zanjir bo čt o-šandaš?* «ты эту цепь зачем трясешь?», *ba ma zūlm ve kardéda* «нам притеснений много он делает»³, *havo žįgo gom be* «погода такая (столь жаркая) была», *vinda kason žįgo bavoten* «увидевшие будут так говорить», *osto osto pajéda sa piai* «медленно, медленно она поднимается вверх».

Место определений

Как зависимые члены предложения определения составляют одну синтаксическую группу с определяемыми и всегда им непосредственно предшествуют. В зависимости от синтаксической функции определяемого имени существительного определение, следовательно, находит свое положение в группе подлежащего или прямого либо косвенного дополнения. Образую с определяемым один акцентуальный комплекс, определение или не получает никакого ударения, или же получает ударение только второстепенное, главное же падает на определяемое имя.

Определение без ударения: *įm sá* «тотчас», *įštj ká* «твой дом», *a mérd* «тот человек», *tata óš* «горячий суп», *čt kásšon vārde* «четыре человек они привели», *glai toljš* «один талыш».

Определение с второстепенным ударением: *čonča gáviž vінде* «ложки „рот“ он увидел», *kanà kattó-šon vārde* «прежнего старосту они привели», *ayilmànda odám* «умный человек», *yašānga fíkr* «превосходная мысль».

3. ИНВЕРСИЯ

При желании говорящего выделить какой-нибудь член предложения посредством логического ударения позиция в предложении такого члена может отступать от обычной.

Такая инверсия имеет место чаще всего у дополнений и обстоятельственных слов:

1) прямое дополнение после сказуемого: *arištjšone xltmb* «они сломали кувшин», *pe gátže gandjm* «он взял пшеницу», *žaše*

¹ Из сказки про Шамадана.

² Фраза из сказки.

³ Рассказ про царя-тирана. Перевод с персидского.

ba šeituni dimí šili «он нанес шайтану пощечину»¹, *küidon t-an-dj* «они колотят друг друга», *Esna xabaš sae čimi sabab tajironku* «Эсна спросила причину этого у купцов», *podšo ba amáliš vārde vaziri sīxan* «царь привел в исполнение слова везира»;

2) косвенное дополнение после сказуемого: *lavo būa bo móku* «палку принеси мне», *katto glai hūkm doše bai* «старшина приказ дал ему», *katto vote ba Hīsaini* «староста сказал Хусейну», *kina hūkm-iš kārde ba gamiči* «девушка дала приказ лодочнику»;

3) обстоятельства после сказуемого: а) обстоятельство места — *glai pia merd hést-be vájo* «один старик был там», *avjž bārde ba osio* «его он повел на мельницу», *az pebanjštém ba hai* «я сяду верхом на осла», *jm dizi bíkjštīm ba niada* «этого вора я убью в этом кувшине», *gjnīe ba zamin* «он упал на землю», *Esna išta kanízjš noše išta vjráda* «Эсна свою служанку поставила на своем месте», *pia žen omai ba xjdmāt* «старуха пришла на службу» (к царю, т. е. с ходатайством к царю)²; б) обстоятельство образа действия — *māndin ba šjkjra* «они остались на весу».

4. СОГЛАСОВАНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО СО СКАЗУЕМОМ В ЧИСЛЕ

При анализе согласования этих двух членов предложения или отсутствия такого согласования в талышском языке надо исходить из того или иного содержания категории множественности, которое выявляется в каждом отдельном случае. Множественность может выражаться или как разъединенное множество отдельных единиц, или же как включающая в себе идею собирательности. Последняя опять-таки может выступать или как коллективная совокупность предметов, или как сплошная масса однородных предметов. С другой стороны, единственное число, логически противопоставляемое множественному, может выступать в талышском языке как неформальное имя, очень часто выражающее также коллективную множественность или общее собирательное нерасчлененное понятие.

Рассмотрим отдельные случаи согласования.

1. И подлежащее, и сказуемое оформлены множественным числом. Имя — подлежащее, — оформленное множественным числом, выступает в сознании говорящего и в сознании лиц, к которым обращена его речь, как разъединенное множество отдельных предметов. Примеры: *kolxozi arabon ezjīmšon varda be* «колхозные повозки уже доставили дрова», *čata pe-njšta asbon de havasi pijéda bin* «лошади, на которых мы ехали верхом, шли охотно», *íjo ba darsi lozim ba avejon hesin* «здесь для уроков необходимые вещи имеются», *moja tasarrüfat-an kolhoz ban* «рыболовецкие хозяйства также стали колхозами», *rajonon komonin?* «районы — какие?» (просьба о перечислении всех ленкоранских районов), *kali hjrda doon vinda béda bin* «несколько маленьких деревьев

¹ Из анекдота. Перевод с персидского.

² Из сказки.

виднелись», *javi hūšon odami biļindj rós ba bin* «колосья ячменя поднимались в рост человека», *i jur-an hamporon hésin* «имеются и такие поля», *hirdanon ba tatil va doa bá bin* «дети были отпущены на каникулы».

В этих примерах, как мы видим, одушевленность или неодушевленность предметов значения не имеет, равно как категория «людей», «разумных существ» не противопоставляется категориям других предметов.

Итак, во всех этих случаях основным условием постановки сказуемого во множественном числе является конкретное представление говорящим разьединенного множества известных ему и его собеседникам предметов.

2. Подлежащее стоит в единственном числе, а сказуемое — во множественном числе. Имя — подлежащее — содержит понятие собирательности, неразьединенной множественности, как коллективной совокупности, не расчленимой легко на составные части. Примеры: *čama gala gjáda noŷo dótda bin* «наши стада в горах паслись» (букв. «содержались»), *gándjimon hūša sašon ba haši ton šat karda bin* «пшеничные колосья в солнечную сторону головы склонили».

3. Сказуемое стоит во множественном числе, а подлежащее выражено каким-нибудь местоимением указательно-обобщительным, включающим идею собирательной множественности. Примеры: *hama čáiku avittin* «все от него убежали», *hama, žen-merd, ba xaman šin* «все, и женщины, и мужчины (букв. «женщина — мужчина»), на молотьбу пошли», *hama ba jarga gjrda bišon* «пусть все соберутся в кружок».

При наличии двух подлежащих — местоимения «я» и какого-нибудь имени — сказуемое ставится в 1-м лице множественного числа: *az de-šta tamazoa šimon* «я со своим двоюродным братом (мы) пошли», *az de Xalili ijo ništimon* «я с Халилем здесь сели».

Сравнительно реже встречается другой тип согласования: когда подлежащее оформлено множественным числом, а сказуемое — единственным: *hamsujon to sa xabado be...* «соседи, как только услышали...», *gandjima darzon süte* «пшеничные снопы сгорели», *pūsa yabon duta be* «кожаные сосуды были сшиты», *im doon banai noxašina doon čída be* «эти деревья словно больные деревья казались», *ža alafon gjrda béda be* «скошенные травы собирались».

В последнем примере единственное число сказуемого можно объяснить тем, что подлежащее «травы» содержит идею собирательности, как сплошной массы предметов, не допускающих расчленения.

Приведем еще примеры постановки сказуемого в единственном числе при плюральном подлежащем в эргативных предложениях: *im mašimon čj dijovižon kai lap sjoŷkiš kárde* «эти машины труд крестьян очень облегчили», *čj bando oma ovaizon im vjronis lištáše* «с гор пришедшие потоки эти места снесли» (букв. «слизнули»). В обоих примерах «машины», «потоки», несмотря на свое оформление показателем множественности **-он**, выступают, по существу, как неразложимые понятия некоей коллективной совокупности: «машины» — как конкретно

выраженное понятие «машинизации», а «потоки» — как дающие общую идею наводнения.

При анализе этого типа согласования следует, кроме момента семантического (содержания категории множественности и ее выявления в каждом отдельном случае), остановиться также и на моменте внешнем, именно — влияния эргативных построений на номинативные. В этом отношении весьма поучительны примеры, нами приведенные, в которых мы констатируем оформление глагольного сказуемого в страдательном залоге, и вот почему: страдательный залог является в талышском языке еще сравнительно весьма мало развитой грамматической формой, и притом почти только в письме. Но в нем используется та же глагольная форма прошедшего причастия, что и в эргативных конструкциях: ср., например, вышеприведенное предложение: *püsa yabon duta be* «кожаные сосуды были сшиты». В эргативных предложениях, по самому их существу, эти причастные формы всегда неизменны и оформлены в единственном числе. Глагольное сказуемое ассоциируется с понятием множественности лишь тогда, когда эргативная приставка множественности **-jšon** (3 л. мн. ч.) непосредственно примыкает к сказуемому, что, как мы знаем, бывает далеко не всегда: «они его побили» может быть передано или через *av küššone*, или же, что бывает также часто, через *áv-jšon küšš-e*, т. е. с примыканием эргативной приставки к прямому дополнению. В этом последнем случае глагол-сказуемое сам по себе еще не выражает идеи множественности. По нашему мнению, такие эргативные построения могли повлиять на образование предложений, в которых глагольное сказуемое имеет оформление страдательного залога, но стоит в единственном числе при множественном числе подлежащего; страдательная конструкция, с невыраженным субъектом: *püsa yabon duta be* «кожаные сосуды были сшиты» почти совпадает с эргативной, в которой субъект плюральный — «они»: *püsa yabónšon duta be* «они сшили кожаные сосуды» Расхождение только в отсутствии эргативного показателя 3 л. мн. ч. **-šon** в первом случае.

5. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Вопрос выражается соответствующими вопросительными словами (местоимениями, наречиями), на которые падает как силовое ударение, так и интонационное: *tj mjni čó háštaniš ba-šta pa ka?* «ты меня отчего не пускаешь в дом моего отца?», *tj ío bóči mándaš?* «ты здесь для чего стоишь?», *bóči hat azjnimon?* «почему съесть мы не сможем?», *tj kónjo šédaš?* «ты куда идешь?», *osmónada čánda asva hése?* «на небе сколько звезд (есть)?», *čič bā?* «что случилось?»

2. Вопрос может выражаться одной только интонацией, выделяющей семантически важное слово: *žéna! dij-i gáte?* «жена! вора ты поймала?»¹, *masédaš?* «ты слышишь?», *čok raftar kárda ja dij zülmi raftar kárda?* «хорошо ли он обращается или тиранически обращается?»², *tj mjni*

¹ Взято из анекдота.

² Вопрос задается о царе-тиране. Перевод с персидского.

zondaš? «ты меня знаешь?», *išta bija zirno zīnda žai?* «твой брат на зурне умеет играть?», *ištj bo ime?* «твой брат — этот?»

Местоположение членов вопросительного предложения то же, что и утвердительного, и особым синтаксическим строем вопросительные предложения от утвердительных не отличаются.

6. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ

Эти предложения также в расположении членов не отличаются от утвердительных; частица отрицания примыкает к глагольному сказуемому, непосредственно ему предшествуя, или за ним следуя (см. раздел «Отрицательное спряжение», стр. 157).

7. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВВОДНЫЕ (ВНОСНЫЕ)

Примеры: *ti, ajab be, io omāiš* «ты, удивительно это было, сюда пришел», *i xšan, žīgo bīzīn, bemanō sxāne* «это слово, так сказать (букв. «так знай»), бессмысленное слово».

8. БЕЗЛИЧНЫЕ ОБОРОТЫ

При неопределенно-множественном подлежащем глагольное сказуемое ставится:

1) в страдательном залоге, в 3 л. ед. ч. при переходных глаголах: *bī rūada vēja moi gata bēda* «в этой реке много ловится рыб» («многие рыбы ловятся»);

2) в действительном залоге, в 3 л. мн. ч.: *Ali sud kārda bin* «Алия судили», *osmoni de zamīni ba jandj dačika rija ufuk vōttan* «черту (букв. «след, тропинку»), по которой смыкаются небо с землей, называют горизонтом», *ba čama di dī gla deven karde mašīnšon varde* «в нашу деревню доставили две жатвенные машины»;

3) в действительном залоге, во 2 л. ед. ч.: *čāna ba bandi sā-pe šēda biš, āna sarin bēda be* «чем выше подыматься (букв. «ты подымешься») на гору, тем становится холоднее», *har či kāštaš be-šēda* «все, что ни посеять (букв. «ты посеешь»), всходит».

В безличных предложениях большое использование получает глагол *be* «быть» в формах 3 л. ед. ч.: *babē* в значении «можно», «возможно», а также «надо»; *abīni* «невозможно, не бывает»; *bēda* «можно», *bēda be* «было можно»; дополняющий глагол ставится в инфинитиве: *babe zīne* «можно (надо) знать», *ha hūšada sa dou ašmarde bēda be* «на каждом колосе сто зерен сосчитать можно было».

Интересно безличное образование от непереходного глагола в форме страдательного залога: *de asbi šējadaī ba gija ra rasa bēda* «едучи верхом на лошади, быстро до гор можно доехать» (букв. «достигается»), где глагол стоит не в инфинитиве, а по аналогии форм страдательного залога — в форме причастия прошедшего времени.

Персидскому глаголу *bajestān* и его безличной форме *bajād* в талышском соответствует *bape*. Зависящий глагол, как и в персидском,

ставится в настоящем времени сослагательного наклонения, так что фактически получаются личные глагольные конструкции: «мне надо» — «надо, чтобы я...»: *dj̄ m̄j̄, bape, γot b̄ibi* «тебе надо со мною породниться», *bape čai káda b̄jmandjm̄* «мне надо оставаться в его доме».

Отметим еще употребление безличного глагола «казаться», «виднеться»: *čijda* «кажется, виднеется», *čijda be* «казалось, виднелось».

9. ПРЕДЛОЖЕНИЯ СЛИТНЫЕ

Разговорная речь знает вообще только простые, нераспространенные предложения и не испытывает потребности для соединения однородных членов в соединительном союзе *va* «и», возможно вошедшем в язык, как и в другие иранские языки, из арабского.

При перечислении однородных предметов используются соединительные частицы *j̄* и *an*, обе энклитические. Частица *j̄*, — повидимому, иранский союз *u* — встречается только в составных именах числительных, после 20: *víst-j̄ í* «21», *víst-j̄ dj̄* «22» и т. д. Энклитика же *an*, — возможно, древнее *ham* — имеет большое употребление, служа для перечисления однородных предметов и присоединяясь к каждому из них: *daviš-an, pia žén-an otain ba podšo ka* «и дервиш, и старуха пришли в дом царя»; *an* может присоединяться также только в предпоследнему из перечисляемых предметов: *daviš še, aγgište, sülfa, i-an xalča várdjše* «дервиш пошел, кольцо, скатерть и один коврик принес».

An может иметь значение усилительное: *šēš, ásp-an doe, omēš* «пошел ты, и лошадь (к тому же, вдобавок) отдал и пришел назад»; *an* имеет также значение русского союза «а» и энклитики «же»: *üzäg artmiš be, í taraf-an uzvon b̄jšta bisavodatí lávvišon kárde* «кружок разросся, а, с другой стороны, его члены ликвидировали свою безграмотность», *čimí-an sabab áve...* «причина же того та, что...»

Союз *vā* в наших текстах в слитных предложениях встречается изредка только в языке профессиональных рассказчиков: *Mammad bame vā vótše...* «Мамед заплакал и сказал...», *Hoja Nasir γardaštjy be dj̄ xoja Seft vā čai toníku i šavγonay be* «Ходжа Насир побратался с ходжа Сефи и у него остался (гостем) на ночь», *í gla séfada bábin vā vē ba-i-an-dj̄ ášin* «от одного яблока они произошли и очень один на другого походили».

Значительное использование союз *vā* как в простых и слитных предложениях при перечислении однородных предметов, так и в сложносочиненных мы видим в рассказе комсомольца¹, язык которого, несомненно, отражает литературный азербайджанский.

Разделительный союз *ja* или *ja nā*. *Ja* служит для разделения однородных членов предложения, как и в персидском; *ja nā* используется в вопросительных слитных предложениях, причем ставится в конце их, не требуя повторения глагольного сказуемого: *ba t̄j̄ nūn došone ja nā?* «тебе хлеба они дали или нет?»

¹ См. Талышские тексты», стр. 60, 61.

10. СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В наших текстах этот тип предложений представлен сравнительно немногочисленными примерами, главным образом в сказках, записанных от профессиональных рассказчиков. Отмечены сложноподчиненные предложения: дополнительные, определительные, времени, цели, условные, неопределенно-относительные, неопределенно-обстоятельственные; единичными примерами представлены и некоторые другие виды, например, следствия, причины.

11. ПРИДАТОЧНЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Чаще всего они вводятся после главного предложения без всякого союза. Семантика глагола-сказуемого главного предложения сама по себе достаточна для установления синтаксической связи главного предложения с придаточным и ее содержания.

Примеры таких асиндетических построений: *omain glai hovzi toniku, v'indjšone hovzi d'flada glai sef e-šeda, be-šeda* «они пришли к водоему, увидели, (что) в бассейне одно яблоко то погружается, то выходит (на поверхность)», *Esna zjnáše Mammad čai toniku oma* «Эсна узнала, (что) Мамед к ней пришел», *v'indjše Mammed neziki kárdani* «увидела, (что) Мамед с ней не сближается», *v'indjše gami ša* «он увидел, (что) корабль ушел», *čiči vinda ba m'jku omédaniš?* «что ты увидел, (что) ко мне не приходишь?»

В таких асиндетических построениях обычно синтаксическую функцию связи обоих предложений выполняет пауза, замыкающая главное предложение.

Реже дополнительное предложение вводится союзом *ki* «что»: *Esna masáe ki tajirun Mammadi navédan* «Эсна услышала, что купцы Мамеда ищут», *járijšon kaše ki xoja Nasir oma bo mol havate* «они кликнули клич, что ходжа Насир приехал товар продавать».

12. ПРИДАТОЧНЫЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В наших текстах все они вводятся тем же союзом *ki*, сохраняющим значение относительной частицы — древнего местоимения. Все они отмечены лишь в языке сказок и не встречаются в народной речи¹. Примеры: *xaba b'įdam ba t'į čiči k'įm'įj'į kináku ki viša d'flada mandá be* «сообщи тебе о дочери Кымыха, которая осталась в лесу», *a molónj ki róada o-gardá be* «те товары, которые с дороги вернулись», *hamun honi sáiku e-me ki čai pja ájo k'įm'įj'į bardá be* «у того самого ключа он остановился, у которого его отца унес Кымых», *hamun ba v'jráda b'įna ki Mammádjš ča'j'įn varda* «чтобы на то самое место доставил, откуда (от которого) он Мамеда привез».

¹ Особое развитие в письме, как мы видели выше (стр. 202), получили причастные обороты, часть которых по-русски переводится придаточными относительными предложениями.

Ki в значении «который» передает также и косвенные падежи определяемого имени, не требуя, как в персидском литературном языке, дальнейшего падежного уточнения описательным путем, именно посредством повторения личного местоимения 3-го лица. Талышский язык вкладывает в определительное *ki* гораздо более общее содержание и использует его для выражения не только прямого падежа, но и любого из косвенных падежей, как это делает и персидский разговорный язык.

В следующем примере определительного предложения мы находим вместо *ki* использование частицы *či*, имеющей также значение относительного местоимения более общего содержания — «какой», «каковой», причем придаточное предложение предшествует главному: *čimj rj či sanat akai, ǰz-an a sanati bakam* «мой отец, каким промыслом занимался, я тоже тем промыслом буду заниматься» (т. е. я буду заниматься тем промыслом, каким занимался мой отец); повторение слова *sanat* «промысел» определяемого имени в придаточном предложении с *či* является, конечно, более прегнантным способом определения.

13. ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ УСЛОВНЫЕ

В языке сказок эти предложения почти неизменно вводятся союзом *ǰgār, ǰgā* «если». При условии реальном, соответствующем действительности и относимом к будущему действию или состоянию, в придаточном предложении глагол ставится в настоящем времени желательного наклонения (*praesens optativi*), а в главном предложении — или в будущем времени, или в настоящем в значении будущего: *ǰgār čai soib paido bǰbu, ba čai soib bǰdam* «если его хозяин обнаружится, его хозяину я отдам», *ǰgār paido nǰkom, bāvada zǰne ki xǰdo pǰdaš ni ama i vǰrada bǰbatom* «если я не найду, тогда нужно будет думать, что бог не хочет, чтобы мы были вместе»¹, *ǰgār tǰ mǰni bǰsanoš ǰz tǰni be-bakardem* «если ты меня возьмешь, я тебя выведу (из темницы)», *ǰgār tǰ mǰni čayǰn bé-koš, hič tǰni šo adānim* «если ты меня отсюда выведешь, я ни за что тебя не брошу».

Вместо настоящего времени желательного наклонения сказуемое придаточного предложения может быть поставлено и в прошедшем времени, когда обусловленное будущее действие представляется говорящему как бы уже совершившимся: *ǰgār čimj kinā be, ištǰ zua be ǰz ištā kina badom ba ištǰ zua* «если у меня (букв. «моя») дочь будет (букв. «была, родилась»), а у тебя (букв. «твой») сын будет (букв. «был, родился»), я свою дочь отдам за твоего сына».

Союз *ǰgār* иногда может отсутствовать в языке сказок, и условный смысл предложения устанавливается формой опатива глагольного сказуемого, обязательным предшествованием придаточного предложения главному и общим контекстом: *čimj zua bǰbo ištǰ kina, ištǰ kina bǰda ba čimj zua* «у меня сын (если) будет, у тебя же — дочь, свою дочь отдай за моего сына».

¹ Из сказки про Маммеда, сына Ходжа Насира.

Бессоюзные конструкции исключительно господствуют в пословицах и поговорках: *asp aspi toniku dabasoš, hamrang nı́babe, hamxui babé* «(если) ты лошадь привяжешь около другой лошади, она не станет одной масти, а станет одного (с той) нрава», *dı́ tambalı́ bınavoš tambal babeš, dı́ kosı́bi bı́navoš, kosı́b babeš* «с лентяем будешь водиться (букв. «гулять»), лентяем станешь, с работающим будешь водиться, трудолюбивым станешь»¹.

В условных предложениях ирреальных («если бы») сказуемое как придаточного, так и главного предложений ставится в имперфекте, выполняющем функцию настоящего времени условно-возможного наклонения (*conditionalis potentialis*) и наклонения условно-желательного; союз *ägär* может при этом наличествовать, но столь же часто и отсутствовать: *mı́ züido bábaım, sıpa mıni nāvuzni* «если бы я был насильником, собака меня не отгоняла бы».

Если условие относится ко времени, предшествующему времени главного предложения, в нем глагол вместо имперфекта ставится в форме уже не настоящего, а прошедшего времени условного наклонения (*praeteritum conditionalis*), которая составляется описательно из прошедшего причастия спрягаемого глагола и имперфекта глагола *be* «быть»; в главном же предложении сказуемое ставится в имперфекте: *ägär tı́ coko vında bai, tı́ náhaiš táta nün* «если бы (прежде) хорошо смотрел, ты не ел бы горячего хлеба».

Наконец, если оба действия, как главного, так и придаточного предложений, относятся ко времени, предшествующему тому времени, когда об этом говорится, то в обоих предложениях сказуемые ставятся в прошедшем времени условно-желательного наклонения (*praeteritum conditionalis*): *ägär ba sa háisa ništa baım, az eo rüz gin bā bim* «если бы я сидел верхом на осле, я уже четыре дня как пропал бы».

Приведем теперь несколько примеров из письменных текстов. Союз *ägär* в условных предложениях видоизменен в *ägām*; употребление его факультативно, но в общем более распространено, чем в языке крестьянского населения. В предложениях реального условия мы наряду с формой опатива встречаем и форму настоящего времени сослагательного наклонения. Опатив, повидимому, предпочитается в тех случаях, когда глагольное сказуемое выражает волевое действие.

Примеры:

1) реальное условие: *ägām bı́ çaxi gı́lai yaış dayandoš, da yaışı a tıktı́ hā jura maşini ba ko babe da-γande* «если к этому колесу ты привяжешь (букв. «набросишь») ремень, то другим концом ремня можно будет заставить работать всякого рода машины» (*dayandoš* — опатив), *išta dimi ba naşı be-şat bı́gardı́nımon, rósa kaşı taraf ı́bla, çara kaşı taraf haziri babe* «если мы повернемся лицом к восходу солнца (востоку), то по правую руку будет юг, по левую — север» (*bı́gardı́nımon* — настоящее время сослагательного наклонения, *praesens conjunctivi*);

¹ Другие примеры см. в «Талышских текстах» — в пословицах № 14, 15, 35.

2) нереальное условие; примеры даются на действие или состояние, предшествующее тому времени, когда об этом говорится, — *praeteritum conditionalis*: *ägām či maktabi tintzom čas kardā bai, jodo be — ne aši* «если бы он был внимателен к школьным порядкам, то он не позабыл бы», *im darzon ägām de kána ģaida kuamon bai, bāvada babe čata kolhoz-bajon i mang bīkūlšin* «если бы молотили снопы старыми способами, тогда нашим колхозникам надо было бы трудиться целый месяц».

14. ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННО-ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ И НЕОПРЕДЕЛЕННО-ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ

По своему содержанию эти предложения близко примыкают к предложениям реального условия, а по оформлению глагольных сказуемых в главном и придаточном предложениях с ними тождественны.

Вводными союзами служат следующие неопределенные местоимения: *har, hā* «всякий, кто», *hār kasi, hā kasi* «всякий, кто, кто бы ни», *har či* «все, что, что бы ни», *hāraina* «кто бы то ни было», *hā vrai* «куда бы ни», *hār vaxti* «когда бы ни».

В придаточном предложении мы находим настоящее время опатива, в главном — будущее время: *har ģullōģi bīpio čai čō nāfāriku, a čō nāfār bājo hozō bakarde* «какую службу он ни потребует от тех четырех человек, те четыре человека ему ее выполнят», *hār kasi ba sa āi sa bīništo, xalča ai baborde* «всякого, кто на него сядет, коврик того понесет», *hār kasi čol ba hamro bīkando, ištān e-baģine* «всякий, кто колодец (яму) товарищу выкопает, сам в него упадет», *hāraina a javahirat ba podšo ka nišo, podšo mi ni bakīštī* «как бы там ни было, если эти драгоценности в царский дворец не будут доставлены, царь меня убьет», *hār vaxti bi kōjo damandoš, a aŋġište pé-ka ba-šta aŋġišta* «всякий раз, как (во всякое время, когда) ты окажешься в затруднении в каком-нибудь деле, надень то кольцо на свой палец», *ba hā vrai šanin bo, baše* «куда бы он ни задумал идти, он пойдет».

Когда будущее действие представляется как бы уже совершившимся, глагол придаточного предложения может быть поставлен в претерите: *hāraina sa dava bo hozō niše, ištī sai badom bīrie* «во всяком случае, если 100 верблюжьих вьюков драгоценностей не окажутся (букв. «не оказались») приготовленными, я твою голову прикажу отрезать»¹.

В пословицах и поговорках имеются примеры постановки как в придаточном, так и в главном предложениях будущего времени: *hār či e-bakeš bašta oš, a boma ba-štī keče* «все, что нальешь в свою похлебку, попадет в твою ложку», *hār či bakašteš, ai badaveš* «все что посеешь, то и пожнешь».

Употребление этого будущего времени изъявительного наклонения объясняется отсутствием в такого рода предложениях модальных оттенков, требующих желательного или сослагательного наклонения.

¹ Из сказки.

15. ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ

Эти предложения имеют два способа выражения: или посредством деепричастной формы глагола с исходом на *-ada*, или посредством союзов, вводящих или замыкающих предложения.

Деепричастная форма, образуемая присоединением к инфинитиву (масдару) послелогога *-ada*, т. е. окончания местного падежа, употребляется обычно для выражения одновременности действия или состояния как в главном, так и в придаточном предложениях, и переводится временем главного предложения: *Mammad dusaxánada bíada çj kímjyj podšo kina ašjy be bai* «в то время, когда Мамед находился в темнице, царя Кымыха дочь в него влюбилась», *hjrídada omíada bašemom podšóku* «когда мы возвращаемся с закупки товаров, мы идем к царю»¹, *xalx xaba gatiáda bavoten* «народ, когда узнает, скажет».

Этот деепричастный оборот получил также весьма широкое использование в письме. Приведем примеры из «*Seinə Sor*»: *toson béjadi išta gala ba viša bárdan* «когда наступает лето, они свои стада угоняют в лес», *hirdanon çj maktábo va dojadi muallimon bavon kali daspardajon došon be* «когда дети были отпущены из школы, учителя дали им несколько заданий», *bávada gjlai jasavul omjada dijoviži dij atakij* «тогда (бывало), когда приходил есаул, у крестьянина сердце трепетало».

Возможность выражения формой деепричастия на *-ada* всех основных времен объясняется тем, что по происхождению она является глагольно-именной формой, выражающей действие или состояние, сопутствующее действию или состоянию, выраженному в главном предложении, и специального признака времени в себе не заключает.

Союзы времени, наиболее часто используемые: *váxtj*, *váxtj ki* «когда», *há kaina* «когда, в то время когда», *tosa* «как только», вводящие придаточное предложение. Кроме того, имеется особый причастный оборот, замыкаемый союзом-послелогом *ba pešt*, *ba pešta* «после того как, после». Примеры: *váxtj ki ama šabxonimon karde, avon i-jar-dj jir bakan* «когда мы произведем ночное нападение, они друг друга перебьют», *váxtj mašta be, Mammad ášte* «когда наступило утро, Мамед встал», *hákana pídaš be bjši* «когда он намеревался уйти», *dai žen mjni tosa vinde. . .* «тетка меня как только увидела. . .», *tosa imi vinde hama žen-merd ba xaman šin* «как только это увидели, все женщины и мужчины пошли на место молотьбы», *hamsujon tosa xabado be. . .* «соседи, как только узнали. . .»

Конструкция с союзом-послелогом *ba pešt*, *ba pešta* требует постановки глагола придаточного предложения в форме неизменной — причастия прошедшего времени и, таким образом, лица и числа действующего лица (лиц) не выражает. Повидимому, этот оборот возник под влиянием аналогичной азербайджанской конструкции с послелогом *-sogra*.

¹ С подношениями. (Из сказки про Мамеда, сына Ходжа Насира).

Примеры из сказок: *in šehri handa ba pešt, avon hama šin bašta kaon* «после того, как они прочитали эти стихи, они пошли по домам», *čimi vota ba pešt, kina di zoa dās ba gardan bin* «после того, как он (или они) это сказал (или сказали), девушка с юношей обнялись», *ba šahr oma ba pešt, jārīšon kaše* «после того, как они прошли в город, они клякнули кляч», *ba gami ža ba pešt, ištān še ba vožor* «после того, как на корабль он погрузил (товар), он сам пошел на базар».

Приведем примеры из письменных материалов: *se sahat ro ša ba pešta, Razgov rasain* «после того, как они прошли три часа пути, они достигли Разгова», *ba čai sīxanon gūš doa ba pešta, vītše...* «после того, как он услышал его слова, он сказал...», *ovaiz o-kīrija ba pešta, ājo cōka alaf bēda* «после того, как сойдет вода (наводнение), там бывает хорошая трава».

Как мы видим из последнего примера, подлежащие главного и придаточного предложений могут быть и разные.

Весьма часто *ba pešta* присоединяется и к форме инфинитива, т. е. глагольного имени существительного, и тогда, естественно, особого придаточного предложения времени не образуется: *di maṅg gamōada mānde ba pešta, ūžnan ba Lanjon o-gardīn* «после проведения двух месяцев на летнем пастбище они возвратились в Ленкоран», *čai harde ba pešta, de nube bo da-nište šin* «после питья чая они по очереди пошли купаться», *dīngada išta koj oroxne ba pešta, ba maktab bišūm* «после окончания своего дела на мельнице я пойду в школу».

Встречается и бессоюзное построение придаточного предложения времени: предшествование главному предложению и контекст в достаточной мере обеспечивают понимание синтаксической связи: *javi deven oraxa niže, gāndīmon hūša sašon ba haši ton šat kardā bin* «молотба ячменя еще не закончилась, (когда) колосья пшеницы уже склонились в солнечную сторону».

16. ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЦЕЛИ

Так же, как и дополнительные предложения, предложения цели в речи обычно следуют за главным без всякого союза, и синтаксическое отношение цели устанавливается, с одной стороны, семантикой глагола главного предложения, а с другой — обязательной постановкой управляемого глагола в настоящем времени сослагательного наклонения.

Примеры бессоюзного подчинения: *ništīn išta dīnji bišanīn* «они сели (чтобы) отдохнуть», *še ba vožor nūn bišanī* «он пошел на базар (чтобы) купить хлеба», *hamuaše imi jol bīka* «он приказал (чтобы) он ее сделал старшей», *pīdašni ama ī vīrāda bišbatōn* «он не хочет (чтобы) мы были вместе», *bārdīše ai bāha* «он понес его (чтобы) съесть».

Как мы видим, эта конструкция применяется как в случае одного подлежащего в главном и придаточном предложениях, когда по-русски глагольная форма, выражающая цель, представлена инфинитивом, так и при разных подлежащих.

В языке сказок изредка встречается и заимствованный из литературного персидского языка союз *ki* «чтобы»: *Esna izniš sae išta moáku ki čavon toníku im šehri bóvotj* «Эсна попросила позволения у своей матери, чтобы перед ними прочесть эти стихи», *Ismail podšo hūkmīš kárde ki Mammad ʔošuni pe-gatj* «Исмаил-царь отдал приказ, чтобы Мамед взял войско», *damánda in sarrofatj kárde ki bīzjnjn čai káda ki béda* «они начали заниматься меняльным делом, чтобы узнать, кто находится в его доме».

В текстах, особенно в языке переводов с русского, союз *ki* получил, естественно, большое использование: *buržuazija de-šta ħama ʔuvva ħarakat kárda ki piħa kapitalizm čj cólíku xīlos bīka* «буржуазия всеми силами старается вытащить из ямы загнивший капитализм».

Придаточным предложениям цели русского языка соответствуют также и особые обороты, получившие довольно большое использование. Они изредка встречаются и в разговорном языке, но, как можно предположить, особое распространение они могли получить в нарождавшемся письменном языке под влиянием азербайджанских аналогий в переводах с этого языка на талышский. Этот оборот состоит в постановке глагольного имени (масдара) в направительно-целевом падеже с флексией *-o*, т. е. в супине.

Пример из «Талышских текстов»: *i la rúkū be-šéjo, gláisuni pard noá be* «чтобы перейти через речку, мост положили».

Примеры из «*Seinə Sor*»: *hūkumat čj kolxozbajon zahmati sjvík kardéjo vē külséda* «правительство очень старается, чтобы облегчить труд колхозников», *ama išta kaštoron doštéjo vē vjráda čol kándamon* «мы, чтобы оросить свои посевы, во многих местах копаем колодцы», *kaí tosponejo ezim girda kárdan* «чтобы отапливать дом, дрова заготавливают», *bo ovi be-vardejo-an mašin hése?* «есть ли машина, чтобы извлекать воду?», *avon bo hitéjo ba čodo da-šin* «они, чтобы спать, вошли в шатер»¹.

17. ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИЧИНЫ

Они следуют за главными и вводятся союзом *sāpinā ai ki, sapinaí ki* «по той причине, что» или (что особенно часто встречается в письме) выражаются конструкцией из глагольного имени (инфинитива) и послелога *sabínada*, в котором можно предположить деформированную кальку азербайджанского *sebebinden*. Смешение двух форм — азербайджанской и талышской — в одну искаженную облегчалось функциональной близостью тюркского отложительного падежа *-dan* и талышского послелога *-ada* (из *-anda*), одной из функций которого также является выражение отложительного или исходного падежа. Примеры: *nīznaše še putíku sapina ai ki put paréda be bī da*

¹ Нами отмечен интересный случай присоединения притяжательного местоименного суффикса к такому глагольному имени, оформленному «целевым» падежом, объясняемый влиянием тюркских конструкций: *divoži bo kaštejoš zamin nībe* «у крестьянина для его посева земли не было».

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ТАЛЫШСКОЙ ЛЕКСИКЕ

В своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин говорит, что «грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики»¹. Об основном словарном фонде языка И. В. Сталин говорит, что в него «входят и все корневые слова, как его ядро», что «он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живёт очень долго, в продолжение веков и даёт языку базу для образования новых слов»². О словарном составе языка И. В. Сталин говорит, что он «изменяется... путём пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п.»³

Если нам удалось в некоторой, очень несовершенной степени разъяснить грамматический строй талышского языка, то, к сожалению, мы не сможем с достаточной полнотой дать исследование лексики этого языка в свете указаний И. В. Сталина и, таким образом, полнее осветить сущность специфики талышского языка, определяемой, наряду с грамматическим строем, и его основным словарным фондом. Проблема основного словарного фонда иранских языков является весьма сложной. Она может быть разрешена в иранистике лишь после изучения лексики всех главных современных иранских языков и обобщения результатов такого изучения. В каждом отдельном иранском языке должна быть поставлена проблема выяснения его основного иранского фонда и его словарного состава и должно быть определено их взаимоотношение. Так эта проблема должна быть поставлена и для талышского языка. К сожалению, талышская лексика, которой мы располагаем, недостаточно обильна, чтобы мы смогли поставить перед собою проблему словарного состава этого языка в его отношении к основному словарному фонду. Мы надеемся в наших дальнейших работах заняться углубленным анализом талышской лексики, а в настоящей работе вынуждены ограничиться лишь отдельными замечаниями.

Вся основная талышская лексика является иранской. Преобладающее большинство талышских слов наличествует в других иранских языках,

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 25.

в формах более или менее измененных, в соответствии с закономерностями исторической фонетики этих языков. Без особого труда сопоставляются талышские слова — что мы и делали — с соответствующими персидскими словами, с учетом специфических закономерностей талышской фонетики, которые нами и выявлялись путем таких сопоставлений.

В этом лексическом слое следует выделить сравнительно небольшое количество слов, иногда представляющих собой продукт новейшего терминотворчества, в которых персидские формы взяты без изменений, требуемых талышской фонетикой. В виде примера приведем слово *xorak* «пища», в котором сохранилось интервокальное *г*, наряду с *poa* «часть, кусок», в котором это *г* исчезло; или *heikaltaraši* «скульптура», в котором вторая часть сложения, по нормам талышской фонетики, должна была бы звучать *toši*. Слово «ячмень» имеет две формы: *jav*, как в персидском, и *yav*, с начальным *у*, — в форме, следовательно, наличной как в некоторых современных иранских языках (осетинском, памирском, кашанском), так и в мертвых (авестийском, пехлеви).

Некоторое число талышских глаголов отсутствует в персидском языке, вроде *pie* «любить», *bame* «плакать», *sie* «ломаться», но они наличны в отдельных иранских диалектах; другие глаголы значительно изменили свою форму, вроде *gaxe* «освобождаться» (перс. *rāhidān*), или значение, вроде *sīre* «смеяться» (перс. *sorudān* «петь»).

Заемствования из тюркских языков как имен, так и, особенно, причастных форм на *-miš*, послуживших к образованию многих составных глаголов, весьма значительны. Приводим ниже далеко не исчерпывающий перечень таких причастных форм.

Весьма значительно количество арабских слов. Они могли войти двояким путем: или через литературный персидский, или через азербайджанский. Следует предложить, что преобладающая часть их вошла в талышский язык вторым путем, так как она была использована в талышском письме, начавшем создаваться в новейшую, советскую эпоху, когда в общем процессе социалистического строительства, организации новых форм хозяйственно-культурной жизни особенно укрепилась связь талышского народа с азербайджанским и усилилось влияние языка азербайджанского. В последнем же, как известно, весьма значителен процент лексики арабской.

Количество русских слов к концу 30-х годов, к которым относятся наши материалы, было не особенно значительно. Для суждения о современном положении у нас не имеется материала. Возможно, что количество русских слов возросло в связи с общим подъемом культуры талышей и укрепилось в разговорной речи.

Примеры на арабские, русские и тюркские заимствования нами приведены на стр. 28—31, где мы говорим об оформлении в талышском языке этих заимствований.

Приводим еще два перечня — довольно подробных, но также не исчерпывающих — слов двух категорий: имен абстрактных, образованных с помощью суффикса *-ati*, и имен прилагательных с суф-

фиксом **-in**, о которых мы подробно говорим в главе, относящейся к словопроизводству.

Составные талышские глаголы, использовавшие тюркские причастные формы на **-miş**

keçmiş be «простить, извинить»
azmiş be «ошибаться, заблудиться»
alaşmiş be «трудиться»
talaşmiş be «спешить»
közermiş be «тлеть»
injîmiş be «обижаться»
havaslanmış be «возьмечь охоту»
aljšmiş be «привыкать»
saçılmış be «рассыпаться»

yarışmış be «смешивать»
pozmiş karde «портить»
allatmış karde «обманывать»
axmiş be «течь»
bayışlamış karde «дарить»
bastamış karde «начинать»
kuçmiş be «переселяться»
tanıştırmış || tanıştırmış karde «знакомить»

Отвлеченные имена существительные с суффиксом **-ati**

agentati «должность агента, агентство»
agranomati «агрономия»
ayati «господство, владычество, хозяйничание»
ajiyati «бдительность»
akinciati «занятие земледелием»
alverati «занятие торговлей»
arabaçiatı «извозный промысел»
arbobati «права помещика, положение помещика»

askarati «военная служба»
avomati «наивность»
baitarati «ветеринарное дело»
badbaxtati «несчастье»
barobarati «равенство»
barobarçiatı «уравниловка»
barzati «величие, возвышенное положение»

başçiatı «главенство»
baştasaatı «своевременность»
beyaidati «невнимательность»
beehtijotati «неосторожность»
bejati «наличие, бытность»
bekoati «безработица»
beumidati «безнадежность»
bexezionati «бессемейность»
biabruçiatı «бессовестность»
bjstonçiatı «занятие огородничеством»
boatı «братство»
brigadirati «бригадирство»
çarçiatı «занятие разносчика»
çatinati «трудность, затруднительность»

dageşati «обмен, изменение, извращение»
darzijati «портняжничество»
dasdabazati «ловкость»

djdimati «лицемерие, двурушничество»
djlatı «сердечность»
duzjati «справедливость»
erjonati «дешевизна»
fahlatı «черная работа, поденщина»
godışati «хождение, ход»
gamiçiatı «занятие лодочника»
ğaravulçiatı «караульная служба»
ğiraçiatı «занятие отдачей в наймы, в извоз»

ğaravulçiatı «караульная служба»
ğiraçiatı «занятие отдачей в наймы, в извоз»

ğonijati «вес»
ğulati «рабство, порабощение»
halolati «правомерность»
harj-marjati «беспорядок, анархия»
heikaltaraşati «занятие скульптурой»
hesjati «существование»
hisobdorati «счетоводство»
hjkmdorati «единоличная власть, монархия»

hjkmonati «властвование»
hjdnanati «детство, малолетство»
hğre-hğuatati «купля-продажа, торговая»

hosonati «легкость»
hozoati «готовность»
hukumatati «власть, господство»
joxsulati «бедность, нищета»
i bejati «единение, единство»
inspektorati «инспектирование»
istjylolati «независимость»
istjxolati «производство»
i tarafati «односторонность, пристрастие»

jamjati «ассоциация»
jazbati «привлекательность»

jazbijatsizati «непривлекательность»
javobdahandati «ответственность»
joati «обособленность»
joilinati «индивидуальность»
kamjati «меньшинство»
kamsavodati «малограмотность»
kassirati «должность кассира»
kolhozčiatı «состояние в колхозе»
komakati «оказание помощи, содей-
 ствие»
komandanati «комендантская служба»
komisjonati «комиссионерство»
komsomolati «состояние в комсомоле»
kotibati «секретарство, должность се-
 кретаря»
kontrolati «должность контролера»
krepostnojati «крепостное состояние»
kučoyonati «переселение»
mahsuldorati «производительность»
manəčiatı «препятствование»
masulijatsizati «безответственность»
ministirati «должность министра, ми-
 нистерство»
mılkıjati «право собственности»
mızdıati «поденщина, поденная ра-
 бота»
moldorati «занятие скотоводством»
mudirati «директорство, управление»
mustamlakain bejati «колоннальное
 положение»
nečiatı «промысел охотника»
nızomati «порядок, упорядоченность»
nıbejati «небытие, отсутствие»
porozıjati «неудовлетворенность»
poħašijati «болезнь, болезненное со-
 стояние»
ofainati «созидание, творчество»
oportunistati «оппортунизм»

osnogati «кузнечный промысел»
ozodati «свобода, свободное состоя-
 вие»
pijonerati «пионерство»
rozıunati «разложение, порча»
rokizati «чистота, опрятность»
raftorati «образ действий»
raçabati «соперничество»
rahbarati «руководство, направление»
roħatati «покой»
ruħbarzati «воодушевление, подъем»
sadrati «председательствование»
safarbarati «мобилизация»
sahlankorati «нерадение, небрежение»
salomatati «здоровье»
santimentalati «сентиментальность»
sinfati «классовое положение»
soħibati «присвоение, овладение»
šodkomati «веселье, радость»
šojati «радость»
tanbalati «леность»
tamizati «чистота, опрятность»
tarafgirati «пристрастие»
taxsirkorati «виновность»
timončiatı «занятие изготовлением
 циновок»
umuminati «всеобщность»
uzvati «членство, состояние членом»
vejati «большинство»
višačiatı «управление лесным хозяй-
 ством»
ħajonatkorati «предательство»
xıjolčiatı «мечтательность»
xısusıjati «частная собственность»
xołčačiatı «занятие тканьем ковриков»
xošbaxtati «счастье»
zarbainati «ударничество»
zıjod bejati «увеличение»

Относительные имена прилагательные с суффиксом -in

adovatin «враждебный»
alaftin «травянистый»
asosin «основной»
bahrin «полезный»
barobarin «равный»
bazagin «разукрашенный»
beasosin «неосновательный»
bevağgin «беззвучный»
čerkin «грязный»
dabdabain «грандиозный»
dandonin «зубчатый»
darağain «ступенчатый, постепенный»
daulatın «богатый»
diğğatin «внимательный»
donin «зерновой»

enerğığain «энергичный»
erdenin «земляной, землистый»
esaatin «теперешний»
etiborin «достойный доверия»
farahin «радостный»
ğardin «пыльный»
ğlin «глиняный»
ğılmain «розовый»
ğurraın «громовой, раскатистый»
ğatin «окончательный»
ğıvvaın «плодородный»
ğudratın «мощный, сильный»
ğıvvatın «сильный, крепкий»
ħağğın «истинный»
ħağğurın «всяческий, всякого рода»

hamišaīn «постоянный»
hardaīn «съедобный»
haroratin «жаркий, горячий»
hatarafin «всесторонний»
havzin «зеленый»
haždaīn «восемнадцатый»
hįrdajašin «малолетний»
hušin «песчаный»
ibtidoīn «первоначальный»
ijn «первый»
ijurin «однородный»
isįxanin «однословный»
ixtijorin «самоуправляющийся»
izahatin «разъяснительный»
įmsorin «этого года»
įnglobin «революционный»
įailin «одиночный»
įasoratin «смелый»
įinsin «породистый»
įonin «одушевленный»
įurin «однородный»
kanaīn «старый, дряхлый, старческий»
kamųiveīn «маломощный»
lakaīn «запятнанный»
lozįmin «необходимый»
malumin «известный»
manfaatin «полезный»
mansabin «должностной»
maroyin «заботливый»
masulijatın «ответственный»
millionin «миллионный»
mįstin «медный»
motorin «моторный»
mubarizin «боевой, воинствующий»
mustamlakaīn «колониальный»
muzdin «латный»
namusin «честный»
naštın «первоначальный»
nidoīn «звательный» (грамм.)
nįyaīn «серебряный»
nįtmanaīn «образцовый»
poxašin «большой»
pidbaīn «очередной»
ordenin «орденоносный»
osunin «железный»
oxin «последний»
passivin «пассивный»
rejneīn «верхний»

perosaīn «вращенный, выращенный»
разведенный»
pičin «меховой»
rįkin «гневный, гневливый»
ruanin «масляной, маслянистый, жир-
ный»
sadįxin «искренний»
sahatin «почасовой»
saīn, saın, sap «головной, главный,
высший»
sangin «тяжелый»
sapejin «верхний»
sarin «холодный»
savodin «грамотный»
silahin «вооруженный»
sįnnin «возрастной»
sįyin «каменистый»
sįvolin «вопросительный»
sįxanin «однословный»
sohibin «присвоенный»
šarakatin «акционерный»
šarafın «почетный»
šartin «условный»
šiddatin «силовый, крепкий»
šisaīn «стеклянный»
šoın «радостный»
šoxin «рогатый»
šuurin «совнательный»
taahhudin «обязательный»
taajjubin «удивительный»
taįrubin «опытный, испытанный»
tarixin «исторический»
tahminin «приблизительный»
telein, telen «золотой»
tovin «быстрый»
umumin «всеобщий»
vangin «звонкий»
vasitaīn «посредствующий, косвен-
ный»
vein «большой»
xairin «полезный, хороший»
xįsusin «частный»
xol-bašaīn «развеселый, веселый»
zarbaīn «ударный»
zehnin «умственный»
zįjonin «вредоносный, вредительский»
zįjneīn «нижний»

МЕСТО ТАЛЫШСКОГО ЯЗЫКА В ГРУППЕ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

В числе других иранских языков место талышского языка легче всего устанавливается в отношении фонетическом. Талышская фонетика отличается характерными чертами, свойственными северо-западной группе иранских языков в ее противопоставлении юго-западной, представителями которой являются новоперсидский и таджикский языки. Кроме того, многочисленные талышские слова выявляют некоторые черты, характеризующие среднеиранский период персидского языка, а несколько отдельных талышских слов выявляют черты глубокого архаизма.

В главе, посвященной фонетике, нами уже приводились некоторые исторические этимологии. Здесь мы перечислим главные особенности исторической фонетики талышского языка.

1. Ав. **z** в талышском языке сохраняется, тогда как в новоперсидском ему соответствует **d**. Примеры: *zjne* «знать», ав. *zā-nān-ti* «они знают», н. п. *danestān*; *zomo* «зять», ав. *zamatar*, н. п. *damad*; *az* «я», ав. *azəm*, др. п. *adam*.

2. Ав. **s**, соответствующее др. п. **š**, н. п. **h**, в талышском сохраняется. Примеры: *rjuos* «лисица», др. инд. *lopa-sá*, ср. п. *rōpās*, н. п. *rubah*; *pas* «овца», ав. *pasu*, ср.: ав. *fšu-pāna*, ср. п. *pah*.

3. Крайне характерно для талышского языка изобилие слов со звуком **ž**, весьма, как известно, редким в новоперсидском, в котором этому звуку соответствует **z**. Это **ž** происходит или из древнего **ǰ**, например: *žen* «женщина», ав. *jāni*, н. п. *zān*; *žae* «ударять», ав. и др. п. *jan*, н. п. *zādān*; *žie* «жить», ав. и др. п. *juv*, н. п. *zistān*; или из древнего **č**, например: *vīžor* «базар», ср. п. *vāčār*, н. п. *bazar*; *rūž* «день», др. п. *raučah*, ср. п. *rōč*, *rōž*, н. п. *ruz*; *ži* «низ, внизу», ав. *hača-adairi*, паз. *azēr* н. п. *zir*; древнее **č** в интервокальном положении сохранилось в предлоге *čj* «из» (< *hača*).

4. Начальное древнее **y** сохранилось в отдельных словах, тогда как в новоперсидском оно в них перешло в **j**: *yav* (*jav*) «ячмень», ав. *yava*, н. п. *jou* (*jav*); *í-jo* «здесь», *á-jo* «там», н. п. *in-ja*, *an-ja*, ср.: ср. п. *vujā* «место».

5. Авестийской группе **ʒr** в северо-западном иранском соответствует группа **hr**, в новоперсидском — **s**. На это соответствие талышский язык сейчас не дает примеров, так как обычно приводимые

в подтверждение такого соответствия слова для «сына» и «трех» в нем сейчас не наличествуют: вместо древнеперсидского и авестийского *puδra* «сын», откуда последующая северо-западная форма *puhr* и *pur* и юго-западная *pus(ar)*, имеется слово *zoa* «рожденный»; имя числительное «три» — ав. *θrāyo* — тоже не сохранилось в своем среднеиранском северо-западном виде, а заменено н. п. *se*. Но следы его как будто существуют в керганрудском говоре талышского языка, нами не изучавшемся. В нем «три» не *se*, а *haié*. Это слово мы находим в работе де Моргана¹. В *haié* конечное *e*, повидимому, простая связка (сорула, 3 л. ед. ч), а *hai* раньше могло звучать *hrai*, так как в середине слова *г* в талышском языке легко исчезает. См. приведенные нами примеры двух глаголов: *havate* «продавать» из *fra+vaxš* и *hamue* «приказывать» из *fra+ma*, где *fra*, перейдя в *hra*, дало затем *ha*. В таком случае форму *hai* можно возвести к авестийскому слову *θrāyo* «три».

6. В отдельных словах в талышском сохранилась и древняя группа **rt, rδ**, перешедшая позднее в северо-западном иранском, с метатезой, в *hr || hl*: *pard* «мост», ав. *parətu*, но в среднеперсидском — *puhl*, давшее в новоперсидском *pol*.

7. Древняя группа **rz**, перешедшая в новоперсидском в плавный **l**, также представлена некоторыми талышскими словами: *barz* «высокий», ав. *bərəz*, н. п. *bala*; *da-parznie* «цедить, фильтровать», *parzan* «сито», н. п. *paludān*².

8. Большое количество талышских слов имеет начальное **v**, которому в среднеперсидском и авестийском также соответствует этот звук, но в новоперсидском — **b**: *vo* «ветер», ав. *vāta*, н. п. *bad*; *va* «перед», ав. *wara*, н. п. *bār*; *ve* «много, очень», ав. *vahyah*, н. п. *beh*; *voš* «дождь», ав. *vara*, н. п. *bareš*; *vjini* «нос», ав. *vaēna*, ср. п. *vēnik*, н. п. *bini*; *vist* «20», ав. *vīsatti*, ср. п. *vīst*, н. п. *bist*; *vahišt* «рай», ав. *vahišta*, н. п. *behešt*; *vev* «вдова», ав. *vidavā*, ср. п. *vēvak*, н. п. *bivā*; *vaju* «невеста, сноха», др. инд. *vadhu*, н. п. *bāyu(g)*; *va* «снег», ав. *vafra*, н. п. *bārf*; *vi* «ива», ав. *vaēti*, ср. п. *vēt*, н. п. *bid*; *viša* «лес», ав. *varəša* др. инд. *vrkšá* «дерево», ср. п. *vēšak*, н. п. *bišā*; *vinde* «видеть», ав. *vaēn*, н. п. *bin*; *vite* «просеивать», ср. п. *vēxtan*, н. п. *bixtān*; *vang* «крик», арм. *wang*, н. п. *bang* и т. д. В некоторых словах в новоперсидском мы находим соответственно начальное **g**: *vāk* «волк», ав. *vəhrka*, н. п. *gorg*; *vijl* «цветок», арм. *vard*, н. п. *gol*; *vaz* «дикий», ав. *varaza* «дикая свинья, кабан», ср. п. *varāz*, н. п. *goraz*; талышское слово *vaz* — сокращение от *varaz*, ср.: *vāz-a huk* «кабан». В глаголе *vite* «бежать» (о другом, омонимичном, см. выше) имеется соответствие начального *vi* новоперсидскому *go*.

¹ См. его «Langues et dialectes du Nord de la Perse, Mission scientifique en Perse, V, Études linguistiques, Dialectes talyches», стр. 261—288, где приводятся списки слов по двум говорам — Ленкорана и Керганруда.

² Хорн («Grundriss der Neuperischen Etymologie», Strassburg, 1893, стр. 62) возводит *paludān* к *paiti + aluden*, но Хюбшман («Persische Studien», Strassburg, 1895) отвергает эту этимологию, не давая, однако, своей собственной.

9. Характерной чертой для многих иранских наречий является переход древней иранской начальной группы **dv** в **b** в противоположность новоперсидскому языку, где **dv** перешло в **d**. Переход **dv** в **b** наличествует в талышском слове *ba* «дверь», ав. *dvar*, др. п. *duvara*, н. п. *dār*.

10. Отметим еще обычное для талышской фонетики выпадение **d** (из древнего **t**) в интервокальном положении, характерное для группы западных, точнее северо-западных, иранских наречий, в противоположность новоперсидскому языку: *doe* «давать», н. п. *dadān*; *noe* «класть, ставить», н. п. *nehadān*; *zoa* «сын», н. п. *zadā* и т. д.

11. Переходя к лексике, отметим, что в талышском языке наличествуют четыре из пяти слов, приводимых Гейгером, как характерные (по его мнению) для всех безразлично иранских диалектов, но отсутствующие в персидском языке. Эти слова следующие: *vote* «говорить» (н. п. *goftān*), древний $\sqrt{vač}$, *šipa* «собака», *mang* «месяц» и *šīt* «молоко» (ав. *xšvoipta*).

Вышеперечисленные признаки, почти исключительно фонетические, ясно показывают, что талышский язык является весьма типичным представителем северо-западной группы иранских языков, бытующих на территории исторической Великой Мидии.

Но одних фонетических признаков, разумеется, недостаточно; они должны быть дополнены признаками морфологическими и синтаксическими. Но и при таком дополнении мы все же не сможем установить точного места талышского языка среди других иранских языков. Последние так далеко разошлись друг от друга в характерных чертах своих фонетических систем, своей морфологии и синтаксиса, что указать среди них точное место талышского языка представляется невозможным. Это было бы возможно, если бы иранистика уже разработала такую научную классификацию иранских языков, которая учитывает все существенно важные и принципиальные признаки каждого иранского языка, характеризующие как его статику, так и основные этапы его эволюции. В такой классификации каждый вновь изучаемый иранский язык легко находил бы свое место.

Подобная классификация, чтобы быть научной, должна быть разработана методами марксистского языкознания. Такая классификация должна будет отразить реальную, а не фиктивную, надуманную историю иранских языков, в тесной увязке с марксистски построенной историей самих языковых коллективов.

Естественно, что буржуазная лингвистика даже не ставила себе задачей создание подобной классификации. Эта работа должна явиться завершением будущих работ советских иранистов по изучению современных иранских языков как Советского Союза, так и зарубежных.

Пока же, вместо такой будущей классификации, мы имеем лишь географическо-геометрическую схему, в которой все иранские языки, на основании нескольких фонетических признаков, распределяются на три горизонтальные полосы «изоглосс» — северную, среднюю и южную, и в добавок к ним — на две вертикальные — восточную и западную.

Проблемы классификации иранских языков мы косались в нашей работе, опубликованной 14 лет назад¹. Затронутая нами проблема с тех пор не получила никакой дальнейшей разработки и освещения, хотя, повидимому, была оценена тогда положительно².

В упомянутой статье мы привели немало фактов архаизмов и переживаний в современных иранских языках и указывали на необходимость изучения расхождений в области морфологии и синтаксиса.

Важность изучения не только схождений в языках, но и их расхождений для построения сравнительно-исторических грамматик и языковых классификаций совершенно очевидна. Ведь расхождения современных иранских языков и составляют оправдание для существования и признания отдельных языков, сводимых затем лингвистами в семьи и системы.

В той же работе мы специально останавливались и на явлениях эргативного строя, который мы, следуя принятой в иранистике терминологии, тогда неправильно называли «пассивным». На необходимость учитывать при любой классификации иранских языков эргативные построения мы указывали еще ранее в нашей работе «О диалекте города Шустера»³.

Возвращаясь к вопросу об определении места талышского языка среди иранских языков, мы должны констатировать, что, кроме выше-приведенного его фонетического уточнения, мы ничего дать не можем. Уточнить его положение по переживаниям в нем эргативности мы также не можем, потому что проблема эргативных построений в современных иранских языках до сих пор по-настоящему не ставилась и не изучалась.

¹ См. сборник «Академии Наук СССР», 1935, стр. 293—319.

² Мы имеем в виду берлинского ираниста К. Хаданка, признавшего нашу работу важной для иранистики («eine wichtige Abhandlung»). — «Deutsche Literaturzeitung», 7 Febr., 1937, Heft 6, стр. 226.

³ Сборник «Иран», т. III, 1929, стр. 93.

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ

В заключение попытаемся самокритично оценить проделанную нами работу с точки зрения тех методических требований, которые должны предъявляться ко всякой иранистической работе, имеющей своим содержанием описание фонетической и грамматической систем еще мало или вовсе не изученного иранского языка, к тому же почти бесписьменного, каким является язык талышский. Попытаемся установить, в какой мере наша работа удовлетворяет — и удовлетворяет ли вообще — этим требованиям и дает ли она или не дает что-либо новое для освещения выдвигаемой нами проблемы построения классификации иранских языков с позиций марксистского языкознания.

1. Всякий иранский язык должен изучаться в тесной увязке с историей говорящего на нем коллектива и специально с теми моментами в его истории, которые получали в нем отражение, как в его фонетической системе, так и в грамматическом его строе в целом.

Вопросов этногенеза талышей и древнейших эпох исторического существования этого народа мы совсем не касались. В данной работе мы не ставили себе целью также исследование постепенного наступления на талышеязычные области тюркских племен и народов и постепенного оттеснения ими талышей и их языка на юг. Эта историческая проблема потребует дальнейших специальных изысканий в области топонимики этой части Закавказья, с привлечением разнообразных письменных источников, как персидских и арабских, так и — для новейших эпох — русских. Эту работу мы предоставляем историкам Ирана, Закавказья и прилегающих областей Передней Азии. Их работы, несомненно, много дадут для освещения вопроса о двуязычии талышей, о взаимовлиянии обоих языков и о хронологизации фактов такого влияния.

2. Изучаемый иранский язык интересен для нас именно как язык преобладающей части населения, язык массовый. Таким массовым языком является язык сельскохозяйственного населения Талыша. Наш грамматический очерк базируется на материале именно такого массового языка талышей и разработан в основном на текстах разговорных и фольклорных, записанных нами лично из уст местных жителей — крестьян. Язык же нарождавшейся письменности нами трактовался

раздельно и специально при выявлении его синтаксических конструкций, не известных языку народному, бесписьменному.

Переходим к отдельным частям работы.

3. В нашем фонетическом очерке, прослеживая влияние соседства с талышами тюркоязычного населения и в известной степени двуязычия талышей, мы этими факторами старались объяснить явления частичного вокального сингармонизма, ассимиляции прогрессивной и регрессивной, качественное изменение фонемы *ц* в направлении ее более переднего артикулирования и появление (спорадическое) звука *џ*, чуждого талышскому вокализму.

Ряд явлений консонантизма — придыхательность глухих смычных, неполнозвонкость *mediae*, особенности артикулирования заднеязычных — мы отнесли к переживаниям звуковой системы кавказского субстрата, переходившей в иранский язык.

Наша фонологическая характеристика талышского языка весьма не полна и, конечно, потребует дополнительных исследований. Выделение фонемного состава в новоизучаемом языке, к тому же почти бесписьменном, является задачей нелегкой. Наши материалы, кроме того, недостаточны, записывались нами на слух и не имеют под собою прочной инструментальной базы. Но, с другой стороны, для выделения в каком-нибудь языке его фонемного состава, разумеется, недостаточно уточненного описания артикулирования звуков в их разнообразных фонетических положениях и в противопоставлениях их количественных и качественных признаков. Поскольку фонемы являются не просто звуками, а звуками смыслоразличающими, работа по их выделению в языке предполагает в исследователе достаточно полное знакомство с данным языком, с его грамматическим строем и лексикой. В начале нашей работы по исследованию талышского языка у нас, естественно, такого знакомства не могло быть, что в некоторой мере не могло не отразиться на разработке нами главы, посвященной талышской фонетике.

Грамматическая нагрузка отдельных звуков делает их устойчивыми даже в тех случаях, когда в силу условий их фонетического положения они, казалось, должны были сильно редуцироваться, если и не совсем исчезать. Поэтому при выявлении талышского вокализма, на который особенно ложится эта грамматическая нагрузка, мы считали необходимым ее отмечать, например, указывая на то особое значение, которое имеют некоторые гласные в сериях глагольных окончаний, служа для дифференцирования времен и наклонений.

В целях пополнения наших сведений о талышском вокализме мы сопоставляли его с вокализмом персидского языка, еще, правда, далеко не изученного¹.

¹ Так, например, Хори, подытоживая свое изложение вокализма новоперсидского языка («Grundriss der iranischen Philologie», Lautlehre, § 15—17), только перечисляет все случаи соответствия новоперсидских долгих и кратких гласных древним гласным, из которых они произошли, причем дает пять случаев сокращения послед-

Возникает принципиальный вопрос: в какой мере древние языки могут привлекаться исследователями современных иранских языков для разъяснения фонологических систем последних? Привлекать их в порядке сопоставлений, по нашему мнению, конечно, следует, но делать из таких сопоставлений какие-нибудь принципиальные, обязывающие выводы едва ли возможно. Надо признать, что фонологически древние языки не изучались, что нам известны не столько фонетические древние системы, сколько перечень звуков, отраженных графикой, и что самые эти звуки в своем звучании известны нам лишь неточно. Вспомним, например, полемику большинства иранистов со школой Андреаса, доказывавшей произношение долгого *ā* как *o*. Графические системы древних языков — крайне несовершенны. Вспомним положение в пехлеви. В лучшем случае (для авестийского языка) мы имели лишь намеки на качественные оттенки звуков. Сами по себе древние материалы слишком скудны, язык их архаизирующий, тематика авестийского текста специфическая, большей частью религиозная. О разговорном языке народных масс, который не мог не существовать и в те древние эпохи, у нас сведений нет. Лишь отдельные разговорные слова проникали в древние памятники письменности, а формы этих слов нарушали установленные фонетические закономерности. Так, например, в древнеперсидском имеется слово *nyāka* (< **ni-āvaka*), которое считалось среднеперсидским на том основании, что в древнеперсидском языке *ava* еще не стягивалось в *ā* долгое; оно могло попасть в древнеперсидский текст только из современной ахеменидам разговорной формы¹. Также и *ḍūra-vāhara*, название древнеперсидского месяца, как показывает эламитский текст, в эпоху ахеменидов произносилось уже как *ḍūr-vār* со стяжением в *ā* слога *āha*. Какие же выводы должен сделать иранист-историк языка о реальном звучании древнеперсидского *ā*? Наш общий вывод тот, что освещение вопросов фонологии современных иранских языков, установление фонологической системы каждого из них должно происходить лишь на основе тщательного изучения материала самих этих языков.

Наш фонетический очерк разработан — мы признаем это — недостаточно подробно, лишь в пределах возможностей, предоставляемых нашим материалом. Но все же наша разработка этого материала, как мы полагаем, сможет быть использована в будущем при построении классификации иранских языков по признакам, характеризующим их звуковой состав.

них, столько же случаев их удлинения, двенадцать случаев их качественного изменения и шестнадцать случаев образования в новоперсидском долгих гласных в результате стяжений древних слогов. Но никакого исследовательского момента мы в этом изложении не находим, никаких обобщений или выводов из всех этих многочисленных констатаций он не делает и никакой системы новоперсидского вокализма в связи с его историей он не дает.

¹ См. Oswald, Szemerényi. Contributions to Iranian Lexicography, «Journ. of Amer. Orient. Soc.», v. 70, № 4, 1950 (oct.—dec.), стр. 226—236.

4. Переходим к морфологии и синтаксису. Расхождения современных иранских языков в морфологии и синтаксисе не менее значительны, чем их расхождения фонетические, и могут дать не менее богатый материал для их будущей классификации.

При изучении этих расхождений можно наметить следующие этапы.

Прежде всего должны быть учтены эргативная конструкция предложений и ее переживания в борьбе с номинативной. О важности изучения этой конструкции мы говорить не будем, чтобы не повторяться. Скажем лишь, что без ее учета совершенно невозможно дать правильное освещение ни падежным, ни глагольным системам иранских языков. Проблема эргативности в них, конечно, не сводится, как полагают некоторые лингвисты, к наличию некоего дополнительного эргативного падежа, который механически может быть присоединен к традиционной серии иранских исторических падежей или их остатков в современных языках. Эргативный строй затрагивает целый комплекс проблем, как то: отсутствие различения имени и глагола, полисемантизм глаголов, превалирование видовой характеристики глагольного действия над временной, иные, расходящиеся с современными нам, представления о переходности и непереходности глаголов, специфическую трактовку глаголов чувствования, выражение в одном словесном комплексе не только действия и субъекта его, но и его объекта, и т. д. и т. п.

Разработка по-новому проблемы эргативности, окончательный отказ от приписывания ей какой-то пассивности и от наименования ее таким термином помогут нам разъяснить и историю возникновения нынешнего страдательного залога.

Нам кажется, что наши посильные попытки осветить на талышском материале сложную проблему эргативности в иранских языках окажутся бесполезными и для тех иранистов, которые, исходя из наших позиций, будут изучать в своих языках проблему эргативности и обнаружат иногда явления, гораздо более архаичные и сложные, чем те, которые мы констатировали в талышском языке.

Перейдем теперь от «до-истории» к истории, хотя такое разграничение, конечно, весьма условно, как и самые термины.

История иранских языков, начальная дата которой определяется случайно до нас сохранившимися памятниками авесты и древнеперсидского, показывает, как известно, что в древнейшем периоде эти языки были флективными и что вся последующая эволюция иранских языков сводится к постепенному разложению этого древнеиранского состояния, к утрате флексий, приведшей некоторые из них (каковы, например, персидский и таджикский) к законченному аналитическому состоянию.

Следовательно, историческое изучение иранских языков должно идти по линии прослеживания изживания ими флективного строя как в области глагола, так и в области имени, а именно — прослеживания перехода их от древней многопадежной системы к системе сначала трех, а затем двух падежей и, в конце концов, к полной утрате падежных флексий и замене флективного склонения аналитической системой выра-

жения падежных отношений посредством предлогов и послелогов; прослеживания постепенной утраты глагольных флексий, замены их описательными способами выражения времен, наклонений и видов, а также прослеживания смещения серий глагольных окончаний или приспособления какой-нибудь серии их для выражения других функций, как, например, древних флексий оптатива к выражению имперфекта (что мы находим, например, в ягноби и хорезмийском и что мы констатируем и в талышском) или древних флексий конъюнктива — для спряжения претерита переходных глаголов в осетинском языке¹.

Нам кажется, что в нашей разработке талышской падежной системы совершенно отчетливо выявляется флективная трехпадежность в смысле сохранения, наряду с именительным падежом, совпавшим с основой, падежей исторических — генитива и аблатива; но вместе с тем наше разъяснение функций, выполняемых этими двумя формами, особенно функций родительного падежа, не имеет ничего общего с исторической падежной системой, представленной в древних иранских языках (т. е. в авесте). В талышской глагольной системе мы констатировали также исторически архаическую черту — сохранение флексий древнего оптатива.

При разработке синтаксиса иранисты, естественно, ввиду расхождения языков, должны будут применять каждый свои, более уточненные методы его разработки, обусловленные спецификой их материалов. Но общим требованием должно быть изложение частей речи в тесной увязке с их синтаксическим использованием в предложении. Что же касается отдела так называемого синтаксиса предложения, то для иранских языков положение создается весьма сложное, и он должен разрабатываться по каждому языку с учетом его специфики, в частности, специфики его эргативности, степени взаимосвязи членов предложения с частями речи, определяемой степенью его морфологичности. Естественно, далее, что языки старописьменные, литературные дают совершенно иные возможности для разработки синтаксиса предложения, чем языки бесписьменные, отражающие только речь устную, разговорную. Мы выделили все же главу о синтаксисе талышского предложения, главный материал для которой дали нам немногочисленные образцы нарождавшейся письменности.

Немалое значение для синтаксиса иранских языков приобретает проблема двух противоположных, в них наблюдаемых, способов постановки определения и определяемого — предшествования первого второму или, наоборот, его следования за вторым. Второй способ, т. е. последование определения определяемому, четко представлен в персидском и таджикском языках с их изафетом. Изафет, как известно, проникает иногда из персидского языка в языки с противоположным строем; этот строй, ярким представителем которого является талышский язык,

¹ Мы следуем гипотезе Вс. Миллера. В. И. Абаев объясняет осетинскую форму несколько иначе, видя в ней «перифрастическое» образование (конъюнктив вспомогательного глагола «быть»); см. его «Осетинский язык и фольклор», т. I, 1949, стр. 563.

оказался весьма благоприятным для развития уже в талышском языке ряда причастных определительных конструкций, возникших, по нашему мнению, под влиянием соответствующих азербайджанских. На этих конструкциях мы сочли нужным особо остановиться.

Немаловажной темой должно также явиться прослеживание в иранских языках тех или иных форм агглютинации, особенно в системах склонения. Мы отметили черты агглютинативности в талышском склонении и считаем эту агглютинацию вторичной, развившейся в некоторых иранских языках, как, например, в осетинском, в результате утраты падежных флексий и замены их функций послелогоми, остановившимися на пути своего превращения в будущие падежные флексии. В талышском языке процесс агглютинации облегчается, как мы отметили, специфическими для талышской фонетики процессами — стяжением слогов и сокращениями формы слов нередко до одного слога, гласным исходом детерминированного имени и др. Термин «вторичный» приложим к таким явлениям агглютинации только в том случае, если признавать «первичным» то языковое состояние, которое должно было предшествовать состоянию флективному. Много в талышской падежной системе типологически сближается с осетинским языком. Талышский язык хотя и развивался на каком-то, предположительно, кавказском субстрате, но исторически является результатом разложения языка флективного типа, который в новейший исторический период мог подвергнуться влиянию только тюркского языка. Поэтому в его агглютинативном склонении мы не можем видеть системы, «построенной по образцу и подобию современных кавказских языков, картвельской и восточногогорской групп»¹, как это принималось для осетинского языка В. И. Абаевым.

Ни с какими современными кавказскими языками талышский язык в контакте не находится, а в тот исторический период, когда он дошел до ступени своего современного аналитического развития, способствовавшего развитию форм агглютинации, он, как мы сказали, соседствовал только с азербайджанским языком.

Та или иная степень развития этой вторичной агглютинации также должна войти, как важный классификационный признак, в систему будущей классификации иранских языков.

Мы коснулись лишь некоторых проблем, вызываемых изучением талышского языка, как и вообще всякого иранского языка, особенно малописьменного. Многих проблем мы вовсе не затронули в нашем очерке, и они не получили в нем освещения. Так, например, мы не затронули крайне важной темы лексики, переноса значений слов, их истории — темы, особенно важной для освещения реальной истории языка и говорящего на нем народа.

В заключение мы хотели бы сказать, что какой бы области языка ни коснулись исследования иранистов, везде красной нитью проходят, вплоть до наших дней, переживания архаических моментов в языке, вроде недостаточной разграниченности времен и наклонений, слабой

¹ В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 99.

дифференцированности самих наклонений, нечеткого различения времен, полисемантизма глаголов, неразличения залогов, нечеткости категорий единичности и множественности, определенности и неопределенности имени и т. д. и т. п. Эти отражаемые в языке архаические моменты, расхождение формы с содержанием, иранисту все время приходится держать в поле своего исследовательского внимания, и большой опасностью явился бы недоучет их при разъяснении содержания той или иной грамматической или лексической формы в каждом периоде эволюции языка, так как этот недоучет направил бы на неверный путь исследователя, оперирующего только четко отработанными терминами современных грамматических категорий и понятий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРЕВОД НА ТАЛЫШСКИЙ ЯЗЫК ПЯТИ ОТРЫВКОВ ИЗ МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ¹

I

Avropa sápe sogna gárda-áv-an kommunismi sognaj. Im sogna talin (sangisar) kardéjo čj kana Avropa tamom yjvovon í ban: Papa (čj kašišon jol) ijan Podjšo, Metternix ijan Hizo, čj Fransa radikalón ijan čj Almanija polison.

Kjve a muxalifatčija firya ki čai hukumati sáisa njšta dešmenon ai kommunistatijada badnom kardáš njbu? Kjve a muxalifatčija firya ki, pidaš bu, ba čj muxalifati lap ba nav ša vakilon (nümajandon), pidaš bu-an, ba-šta murtajia dešmenon rjšvo aka kommunizma tühmati ba péšo ogordnijaš njbu?

Čj faktiku di-gla nattja be-šéda-či Avropa tamom hukumatón hani kommunizmi gilai yjvova hisob karda.

Hani kommunistón jšta fikon, jšta maxsadón, jšta orzujón čj tamom dįnjo váda oško vote ijan ba čj kommunizma sogna nayilon va jšta firya manifesti gate vaxt rasa.

De maxsadi-jan čj muxtalifa millatón kommunistón ba London girđa ban, ijo Ingilis, Firang, Alman, Italiya, Filmand ijan Danimárka zjvónada jm manifest düz karda ba.

«Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские.

Где та оппозиционная партия, которую ее противники, стоящие у власти, не ославили бы коммунистической? Где та оппозиционная партия, которая в свою очередь не бросала бы клеймящего обвинения в коммунизме как более передовым представителям оппозиции, так и своим реакционным противникам?

Два вывода вытекают из этого факта.

Коммунизм признается уже силою всеми европейскими силами.

¹ Q. Marqs ijan F. Engels. Qommuniste fergə manifesti. Voqu, 1933 r.

Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии.

С этой целью в Лондоне собрались коммунисты самых различных национальностей и составили следующий «Манифест», который публикуется на английском, французском, немецком, итальянском, фламандском и датском языках»¹.

II

Esátna dawláta hokimijat, ýázi čí tamom buržuazja şıñfi umümina kóon idara aka kometáo čij ni.

Buržuázja taríxada jóla darajáda ınglobına rol hanákış karda. Buržuázja, hokimátış ba das varda vırónada tamom fiodal, patrijarxal, idil-tija (ba čas ýaşanğ ačija) aloyónış vıloş karda.

Au (buržuazja) čij fiodalon ala-buláina aloyónis be rahmin şındinije, a aloyon ki insonónış ba-šta «tabiı amr akajon» bándiş karda be, insonon mtjónada anjax gılat aloyaş noičipláya manfaati (interest), bedil «xalısa pula» aloyaş nóse.

Au-dindóra xıjolčijati, şvaltjóna xosjaton, meşšana nozıka dilat (sentimentalati) čij xudbinati manfaaton bijáina óvadaş tosnişe.

Au čij insoni išta etibóriş ba mubadila ýeimati pegordnişe, de-šta zahmati ýazanj karda ba be haxhisóba ozodatijon vıra, be insofına tıjaráta ozodatış mühkam kárdşe. Xılasa de dini ijan de sajosiya ranğon (illuzion) ba parda da-gata ba-istismori, de oşkóa hajosıza istismori avázış kárde.

Tóba ésat hürmatin hisob abj ijan to ba ésat de ixlosoti fıki dija karda ba ha júra faqlıjati čai xoşbaxtati rüšníkuş buržuázja mahrumış kárde.

Au-hakimi, vakili, kaşıši, şairi, elmina odami ba-šta mızdi pe-gordnişe.

«Современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии.

Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль.

Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат, 1951, стр. 30.

эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой.

Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников»¹.

III

A vositaj ki buržuázja dej ai fiodalizmi ġándše, ésat a vosita ba ċi buržuázja ištani zid pe-ġarda. Amo buržuázja, neki bo-stáno mag ava vositon hozoš karde, ba vaxtada de ġm vosita jaġġ aka odamóni son-esatnani fahlóniġš, proletaróniġš ba maidóniġš vārde.

Buržuázja jáani kapital inkiġsof kardé-kardé, proletar-an esátna fahla sġnf-an inkiġsof kárda, imon anġax ko paido kárda vaxton baznen žije, ko-an bávada paido bakan, kaina čavon zahmat kapital zijod baka; ištani de adáda (de ġila-ġila) hisobi havvate majbur ba fahlon, tijarátada banai havvata moli bin, bi čimi ġoriġš-an ba ċi rayabati tamom tasadifon, ba či vġžori tamom taraddüdon i darajáda tüš omédan.

Či mašinon ve be ijan či zahmati baxš be natġjáda proletaron zahmat či išta ha júra istiġyolliġjátiġš, de-mi-ġan ba i vra fahlan ba-šta taraf ha júra okġirniġa ġiġwóniġš ġin kárdase. Fahla či maġšni soġa alova béda, čaiku anġax sof hoson (soġa) či hamáisa ra umüta ba usülon (haraičaton) talab kárda béda. Bi čimi ġoriġš-an bo fahlájo oko doa ba xarġon babe vote anġax bo čai živišġiġo ijan bo čai nasli (avlodi) pe-nġsiġje-ro ba žimont loġim ba vosġtóna ġilai béda. Amo či moli, jaáni či zahmati ġeimat ba či moli istehsóla xarġon barobáre. Ba čimi ġoriġše ki či zahmati beġazbatti (ġazbiġjatisġzati) zijod be-be zahmáta hax-an ba kam béda. Hala ġm-an káme; či maġšini tatbi ijan zahmáta baxš zijod be-be, či zahmati ġatemón-an (hajman) zijod béda. Im ja či ko sahaton zijod kárda, já-an müajan vaxtiġo (fosilájo) talab kárda ba zahmati zijod karde, či maġšnon či harakaton tovin be natġjáda ba maidon be-šéda.

«Оружие², которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, *пролетариев*.

В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т. е. капитал, развивается и пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал. Эти рабочие,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 34—35.

² В переводе неточно — «орудие» (*vosita*).

вынужденные продавать себя поштучно, представляют собою такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому в равной мере подвержены всем случайностям конкуренции, всем колебаниям рынка.

Вследствие возрастающего применения машин и разделения труда, труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего. Рабочий становится простым придатком машины, от него требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы. Издержки на рабочего сводятся поэтому почти исключительно к жизненным средствам, необходимым для его содержания и продолжения его рода. Но цена всякого товара, а следовательно и труда, равна издержкам его производства. Поэтому в той же самой мере, в какой растет непривлекательность труда, уменьшается заработная плата. Больше того: в той же мере, в какой возрастает применение машин и разделение труда, возрастает и количество труда, за счет ли увеличения числа рабочих часов, или же вследствие увеличения количества труда, требуемого в каждый данный промежуток времени, ускорения хода машин и т. д.»¹

IV

To ba ésat ba tamom harakaton çî kamjati harakat ba ja-an bo çî kamjati xatrîjo (interesîjo) ba. Proletari harakat bo jóla vejati xatrîjo çî jóla vejati müstaxîla harakatônin. Proletartjat çî esatna jamojati sof žijna tabaxáje, rasmija jamijati taškil aka tabaxónada tamom düz ba sapéna dütabajon (nadstroika) vîlo kardá ba nîbu ba sápe áште, jštani düz karde azîni.

«Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество»².

V

Ama xîsüsína mîlkijati layv karde sabínada šjma ba haijon da-šédon. Amo šjma esatnanî jamijátada xîsüsína mîlkijat bo çî jamijáta üzvon dğada návîjo layv kardá ba; av (xîsüsi mîlkijat) anjax bo çî dáada navî minnatî žijada nîbéjo žijeda.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 39—40.

² Там же, стр. 45.

*Amani bo ájo mizammat kardon ki ama çê jamijati vëina hissa mij-
kijatiþ nêbe navê abjra mijkijati mahv kardëmon pida.*

*Kommunizm çê heç kasi dâso ijtimaîja baþon (mahsûlon) sohbatî
ixtîjorî sâidani, av anjax de sohbatî vaþta çî jo kasi zahmatî mahkum
karde xitîjorî sâida.*

«Вы приходите в ужас от того, что мы хотим уничтожить частную
собственность. Но в вашем нынешнем обществе частная собственность
уничтожена для девяти десятых его членов; она существует именно
благодаря тому, что не существует для девяти десятых. Вы упрекаете
нас, следовательно, в том, что мы хотим уничтожить собственность,
предполагающую в качестве необходимого условия отсутствие собствен-
ности у огромного большинства общества.

.....

Коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения обще-
ственных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого
присвоения поработать чужой труд»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 50.

**ПЕРЕВОД НА ТАЛЫШСКИЙ ЯЗЫК
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ГЛАВЫ ДОКЛАДА И. В. СТАЛИНА
О ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ СССР**

Či SSRI-i Toža Konstitusija ahamijjat

Tosa panj mangi davom aka ba hama xalya mizokira natijon goroš ehtimol karde babe ki Konstitusija projekt čj im Kurultaj tarafu bagam kardə banine. (Ba ovasija ovašta gurrajna dāsa čakon. Zəl ba sa poisa ros beda.)

Čangılavoi ruži ba pešta Soveta Ittifoγ ba hovuža sosialista demokratiizmi asosi goroš onoa abja ba tožo, sosialista Konstitusija molik banine.

Im, SSRI-ada čj sosializmi γalaba fakton haxada, čj SSRI-i zahmatkašon kapitalizmi γulatiku ozod be fakton haxada, SSRI-ada hovuž, to sa čai oxo davom aka demokratiya γalabon fakton haxada soja ijan jiyjam, vjete babe ki, protokoli stilada bahs aka gılai tarixija dokument banine.

Im kapitalista mamlakatónada de miljonon nomusina odami nasattišon akaša ijan kašejada abja čj SSRI-ada hani ba žimon davonija bejš šahodat ada gılai dokument banine. (Gurraina dāsa čakon.)

Im SSRI-ada ba žimon davonija ba či jo mamlakatónada-n ba dirjisi ba žimon davonija banin bejš šahodat ada dokument banine. (Gurraina dāsa čakon.)

Amo čimiku žogo natija bešeda ki ba SSRI-i toža Konstitusija mijonxalya ahamijjati doa ba γeimāt, čatin čj haddiku zijoda be bizni.

I sat čj fašizmi lila lapa čj fahla sinifi sosializma harakoti ba haxitu egata ijan čj stivilizasiyjna alami sof čoka odamon demokrata jahdon ba tul epusniya gılai vaxtada, SSRI-i toža Konstitusija ba fašizmi na sosializmi ijan čj demokratiya maγlub karde nižabejš avjta gılai ittihoma akt banine. (Dāsa čakon.) Čj SSRI-i toža Konstitusija išt ba fašista barbarati ziddi mišboriza barda kason hamajo maanaviya komag ijan haiyatina gılai dajaγ banine. (Gurraina dāsa čakon.)

Čj SSRI-i toža Konstitusija bo SSRI-i xalyono hanijan ahamijjatiš vei. Čj SSRI-i Konstitusija, bo kapitalista mamlakatónada ba xalyono harakata proγrama ahamijjatiš bižú-an, bo SSRI-i xalyono, bana čavon

bašartijatt ozod karde jabháda ba miḥorizon jamí, bana čavon ḡalabon jami ḡilai ahamijjatíš hése. Davarda ba miḥortza ijan mahrumijjaton roj natijáda čama ḡalabon samaraku bahs aka išta Konstitusijaman be, xaš ijan farahine. Čama odamon bo čičijo pereze ijan alamíšimula tgrixija ḡalaba čoknai ba das vardešon zjine xaš ijan farahine. Čama odamon ekarda bol-bola xuni ba hadara niḡbe ijan čimi natlja doeiš zjine xaš ijan farahine. (Veda kaša dása čakon.) Im, čama fahla sinift, čama divo-žon, čama zahmatkaša intelligensija maanavijajihato purasbob kardeda. Im bana pijovneda ijan čama haxina iftixora fikfami barz kardeda. Im čama bašta ḡiḡva bova karde mehkam kardatjan či kommunizmi toža ḡalabon ba das varde roada bo toža miḥorizajo moblizasija kardeda. (Gurraina ovgsija, hama zal ba sa poisa ros beda. Gura «ura» hama dei sado: «Bižijo hamro Stalin!» Yurultai ba sa poisa ros beda «Internasional» handeda. «Internasional» handa ba pešta nubasatin ovgsija bino beda. «Ural», «Bižijo čama rahbar hamro Stalin» vaḡgon.)

Значение новой Конституции СССР

«Судя по результатам всенародного обсуждения, длившегося почти 5 месяцев, можно предположить, что проект Конституции будет одобрен настоящим Съездом. **(Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Зал встает.)**

Через несколько дней Советский Союз будет иметь новую, социалистическую Конституцию, построенную на началах развернутого социалистического демократизма.

Это будет исторический документ, трактующий просто и сжато, почти в протокольном стиле, о фактах победы социализма в СССР, о фактах освобождения трудящихся СССР от капиталистического рабства, о фактах победы в СССР развернутой, до конца последовательной демократии.

Это будет документ, свидетельствующий о том, что то, о чем мечтали и продолжают мечтать миллионы честных людей в капиталистических странах, — уже осуществлено в СССР. **(Бурные аплодисменты.)**

Это будет документ, свидетельствующий о том, что то, что осуществлено в СССР, вполне может быть осуществлено и в других странах. **(Бурные аплодисменты.)**

Но из этого следует, что международное значение новой Конституции СССР едва ли может быть переоценено.

Теперь, когда мутная волна фашизма оплевывает социалистическое движение рабочего класса и смешивает с грязью демократические устремления лучших людей цивилизованного мира, новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы. **(Аплодисменты.)** Новая Конституция СССР будет моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведут ныне борьбу против фашистского варварства. **(Бурные аплодисменты.)**

Еще большее значение имеет новая Конституция СССР для народов СССР. Если для народов капиталистических стран Конституция СССР будет иметь значение программы действий, то для народов СССР она имеет значение итога их борьбы, итога их побед на фронте освобождения человечества. В результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед. Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты. **(Продолжительные аплодисменты.)** Это вооружает духовно наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперед и поднимает чувство законной гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма. **(Бурная овация. Весь зал встает. Громовое «ура». Общие возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!» Съезд стоя поет «Интернационал». После исполнения «Интернационала» овация возобновляется. Крики: «Ура!», «Да здравствует наш вождь товарищ Сталин!»)**¹.

**ТРИ СТАТЬИ ИЗ КНИЖКИ „СЕЙНА СОР“ (третий год)
ДЛЯ КОЛХОЗНЫХ ШКОЛ, ИЗДАНОЙ В БАКУ В 1931 г.**

Piaon Šūra

Rajab di-se kara vindáš be maktába hırdanon pja ba maktab gırda ban, šūra kárdan.

Anjaγ zında nıbe avon bi ıjlásada či háxada sıxan kárdan.

I rüz Rajab či įšta pjakuš xabaš sai:

İli pjal Maktábada či pjaon šūra bóči lozıme? Rajabi pja či sıxáno xóšįš omai, vıtše: Čimį zoa! Či pjaon šūra bo maktabıjo ve xairįš hese. Bi ıjlásada maktabi tamir karde háxada sıxan kárda bin. Maktábada kali nırása avejon tadorik kárdęjo maslahat kárdan. Bo zımsonıjo ezım hozo karde, bo jatıma ijan jüxsüla hırdanóno be pul kitob, daftar hırijo pul gırda kárdan. Maktábada ijan káda bo hırdanon salomatatıjo čęra vından. Žıyo pjaon hese, avon bi žıyo ıjlas omédanin, ba maktabi koon komag kárdanin, pjaon ba maktab gırda bėjada, bapé šıma ba pjaon įšda vında kónku hax-hisob bıdanan.

Agam žıyo bıbü, pjaon-an įšda hırdanon ba maktab vıęandęjo rozi baben, ba maktabıjan komag bakarden.

ПЕРЕВОД

Совещание отцов

Раджаб видел два-три раза, что отцы детей-школьников собрались в школе и совещаются (между собой). Только он не знал, о чем они говорят на этом собрании.

Однажды Раджаб спросил своего отца:

— Папаша! Для чего нужны совещания отцов в школе?

Отцу Раджаба понравился этот вопрос (букв. «слово») и он сказал:

— Сын мой! От совещаний отцов в школе для школы бывает большая польза. На этом собрании они говорили о ремонте школы. Они совещаются и о заготовлении некоторых недостающих в школе предметов, о заготовке на зиму дров. Они собирают деньги, чтобы купить книги и тетради для сирот и для бедных детей, не имеющих денег.

Они ищут средств (чтобы обеспечить) здоровье детей, как в школе так и дома.

Но есть и такие отцы, которые не приходят на такие собрания и не помогают школьным делам. Когда отцы собираются в школе, надо, чтобы вы давали им отчет о своей работе (букв. «о сделанных вами делах»).

ПРИМЕЧАНИЯ

Vindaš be: плюсквамперфект от *vinde*, 3 л. ед. ч., эргатив; *gırda ban*: претерит от *gırda be*, 3 л. мн. ч., здесь *be* — вспомогательный глагол, имеет значение «стать, сделаться»; *kárdan*: презенс, 3 л. мн. ч. от *karde*; *zında nıbe*: из *zında nıbe* — имперфект, 3 л. ед. ч. от *zıne*, в отрицательной форме; *pıakuš* = *pıa-ku-š* — аблатив от *pıa* «отец», *ı* — эргативный показатель 3 л. ед. ч., связанный с гл. *xaba sae* «спрашивать»; *saı (sae)*: претерит от гл. *sae* (н. п. *setädän*); *ili: -li* — ласкательный и уменьшительный суффикс, присоединенный к числительному *i* «один», переносящий оттенок ласки на *pıa* «отец»; *çı sıxáno: o* — падеж аблатива; *xóšiš omai*: эта идиома вошла в талышский язык из новоперсидского, что подтверждается малообычным использованием местоименного суффикса 3 л. ед. ч. *-iš* в функции притяжательного местоимения (н. п. *xóšiš amäd*); *bo maktabıjo: maktabıjo* = *maktab + i + (jo)*, здесь падежный суффикс *-o*, выражая «дательный пользы» («для кого»), с целевой установкой, требует постановки имени в косвенном падеже, т. е. в снабжении его суффиксом *-i*, чего не требуется, когда тот же суффикс *-o* выражает противоположное значение исходности, отложительности, т. е. аблатив; *bı ijlásada: bı*, как местоимение указательное — ближнего предмета, нередко встречается в статьях «Seina Sor» вместо обычного *ım, im*, и в этом, повидимому, следует видеть влияние азербайджанского языка (*bu*); *tamir karde*: инфинитив в значении масдара; *háxada (hax-ada)*: несомненный тюркизм (*haxında*); *sıxan kárda bin*: имперфект, 3 л. мн. ч.; *tadorik kardéjo: o* в функции выражения супина от масдара, *tadorik karde* «заготовлено», т. е. выражает цель (см. выше — *bo zimsonıjo* «для зимы» или ниже — *bo salomatatıjo* «для здоровья»); *daftar hırıjo*: ср. *tadorik kardéjo*; *çara*: персидское заимствование, его талышская форма должна была бы быть *çoa*; ср. *roa* из *parä*; *salomatati*: форма, интересная плеонастическим присоединением суффикса *abstracta -ati* к арабо-персидскому *salamät*; *béjada*: деепричастие от *be*; *ışda*: интересна неустойчивость в передаче группы *-ıt* (см. раздел «Фонетика»); *kónku*: из *koón-ku*; *bıdanan*: императив, 2 л. мн. ч. от гл. *doe*; *vırandéjo* = *vırande* плюс суффикс *-o*; *baden*: будущее 3 л. мн. ч. от *be*; *bakarden*: то же от *karde*, обычно разговорная форма — *bakan*.

Ov došte koon

Çı Bokü pedagoži texnikümi talabónada se kas tovsonı ta'tılı vaxtı ba Mamüsta dı çı išta hamro Karimi kai yonay oma bin. Yonay oma kasónada gılai Saljonıž, gılai Boküz, gılai-an yaraboıjız be. Yonayon ba tuki dıja karde šın. Karimi pıa ovarosi kárda be. Yonayon bı žıyo tuk došte taajjúbşon kárde: İjo ovi çı rújo de jóla jujon vúrdan, peşo a ovi ba 5—6 hırda ju baxş kárden, ha kas de-šta ju ovi išta tuki dostéda. Bimij an «ovarosi» vıřdan.

Saljonıža yonay vıřte:

Çama vıráda ovi çı kürti rújo be-vúrdan. Rü kano dı gla çax nádan; çı çaxon gılai jol, gılai-an rük béda, hám-an dándontn béda. Bımon gılai asp da-bástan. Gada çax gardıjadatı çai dandonon jóla çaxı-jan gordınéda. Ba jóla çaxı gılai yaışşon pe-vontıja, ba yaışsada banai godüši

püsa çabon duta ba. Im çabon ba ru e-çândtjadai çî Kürt óvada bavon pur béda; ba pe pe-kîrnîjedat ba gada sel e-méda. Çîçîn-an de çujon šéda.

Yaraboçîža çonay vîťše:

Ama išta kaštoron doštéjo ve vîrâda çol kândamon. Ovi çî zamîni žîjo be-vârdamon. Ov çî çólo ba çol oméda, oxo ba zamîni dîm be-šéda. Ba žîçyo ovon «Kahrîz» vîťdamon.

Karîmî pîa vîťše:

Êsat ha ko de mašîni vînda béda. Bo ovi be-vardéjo-an mašîn hése? Saljonîž vîťe:

Bâle, hése: çama vîrâda de mašîni çî Kûro ov be-vârdan. Bî mašînon «motor» vîťdan.

ПЕРЕВОД

Оросительные работы

Три человека учащихся Бакинского педагогического техникума во время летних каникул приехали в селение Мамуста погостить в доме своего товарища Карима. Из трех приехавших гостей один был сальянец, один — бакинец и один — карабаец. Гости пошли посмотреть чалтычный посев. Отец Карима его орошал. Гости удивились тому, как орошают чалтычный посев; здесь воду проводят из реки большими арыками; затем (ту) воду разделяют на 5—6 малых арыков; каждый человек) орошает свой чалтычный посев водою своего арыка. Это и называют орошением.

Гость сальянец сказал:

— В нашей местности воду проводят из реки Куры. На берегу реки ставят два колеса; одно колесо — большое, а одно бывает маленьким и вместе с тем зубчатым. К ним привязывают лошадь. В то время как малое колесо вращается, зубцы его вращают большое колесо. К тому большому колесу прикреплен (букв. «прикрепили») ремень; к тому ремню приделаны (букв. «пришиты») кожаные сосуды вроде подойников. Эти сосуды, когда погружаются в воду, наполняются водою Куры; колесо их поднимает (букв. «тащит») вверх и вода (затем) направляется (букв. «идет вниз») в маленький поток, а оттуда расходится по арыкам.

Гость карабаец сказал:

— Чтобы оросить наши посева, мы копаем во многих местах колодцы. Воду мы выводим из-под земли. Вода идет от колодца к колодцу (и) в конце концов выходит на поверхность земли. Такие воды (такое орошение) мы называем «каризами».

Отец Карима сказал:

— Теперь всякая работа делается машинами. Есть ли машины, чтобы извлекать воду?

Сальянец сказал:

— Да, есть. В наших местах воду из Куры поднимают (букв. «выводят») машиной. Эти машины называют моторами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Talabónada: аблатив на *-ada*; *oma bin*: плюсквамперфект от *ome*; *oma*: причастие прошедшего времени; *dija karda*: инфинитив, выражающий достигаемое наклонение; *karda be*: имперфект (из *kardéda be*); *tük došte*: инфинитив — глагольное имя (посева орошение); *taaǰǰubson karda*: претерит, 3 л. мн. ч., эргативное построение (от *taaǰǰub karda*); *vardan*: презенс, 3 л. мн. ч., от *varde* из *vardédan*; *kardan*: то же от *karda*; *dostéda*: презенс, 3 л. ед. ч. (от *došte*); *bimǰǰi-an*: из *bi-imi-an*; *im*: указательное местоимение «это, тот»; *vǰǰdan*: из *vǰǰtédan*, *votédan*, презенс, 3 л. мн. ч. от *vote*; *vǰǰdáda*: локатив от *vǰǰra*; *rǰǰjo*: аблатив от *rǰǰ* (падежный суффикс *-o*); *nódan*: презенс, 3 л. мн. ч., от *noe*; *béda*: презенс, 3 л. ед. ч., от *be*; *bǰǰmon* < *bǰǰǰmon*, букв. «этим» (дат. падеж); *da-bástan*: презенс, 3 л. мн. ч., из *da-bastédan* (от *da-baste*); *gardǰǰadai*: деепричастие от *gardie*, обычное *garde* (н. п. *yǰǰrdidǰǰn*); *gordǰǰnéda*: презенс, 3 л. ед. ч., от *gordǰǰne*, *gordǰǰnie* — принудительная форма от *garde*, *gardie* «вращаться»; *ba-bǰǰ a* «тому», дат. падеж от *a* «тот»; *pe-vonija*: перфект, 3 л. мн. ч., эргативное построение (гл. *pe-vonije* состоит из следующих составных частей: проверб *pe*, основа *vo(o)* от гл. *ome*, ее принудительная форма *vonǰǰ* и окончание *-e*; *pe-vonije* — букв. «заставить пройти вверх», «произить», «проткнуть»); *duta ba*: перфект, 3 л. мн. ч., от *dute*, эргативный показатель *-son* не повторен; *e-ǰǰandiadai*: деепричастие от *e-ǰǰande* букв. «бросать вниз»; *bavon*: из *bǰǰ avon*; *pe-kǰǰrǰǰjedai*: деепричастие от *pe-kǰǰrǰǰnie*; *e-méda*: презенс, 3 л. ед. ч., от *e-me*; *doštéjo*: гл. *došte* плюс суффикс *-o* для выражения цели; *kandamon*: презенс, 1 л. мн. ч., от *kande* из *kandédamon*; *zǰǰjo*: аблатив от *zǰǰ* «низ, из-под низу»; *vinda béda*: страдательный залог презенса, 3 л. ед. ч., от *vinde* (*ko vinde* «делать, устраивать»); *be-vardéjo*: гл. *be-varde* с суффиксом *-o* для выражения цели.

Çama maktabi kooperativ

Ama išta maktábada bo-štáno kooperatǰǰvǰǰmon duz karda. Maktabi hǰǰrdanon hama bǰǰ kooperatǰǰvi úzvin. Kooperatǰǰv ba-šta uzvon molǰǰ erjon havátda. Íjo ba darsi lozim ba avejon hésin.

Kooperatǰǰvi gordenéjo hǰǰrdanónada se kas vǰǰzǰnǰǰja ba. Ímon šédan, čǰǰ hǰǰkǰǰmatǰǰ mayazenónada bo maktabi kooperatǰǰvǰǰjo lozim ba avejon sáidan. Čǰǰ hǰǰrdanónada gǰǰlat sádre, gǰǰlat katib, gǰǰlat-an xazǰǰnačǰǰje.

Ímon hǰǰ se máǰǰgada í kara báma hax-hisob dóidan. Ama navko bo darsǰǰjo lozim ba avejon čǰǰ jo kasǰǰkü ba bohóa ǰǰǰmat sáida bimon. Ésat išta kooperatǰǰvada ham erjon hǰǰrǰǰjedamon, háǰǰm-an čama zǰǰjóda pulon ba dükončǰǰijon jǰǰf da-šédani.

Ama, de zǰǰǰjo, í tóno kooperatǰǰvi koon ümütédamon, í tóno-an išta ehtǰǰjoǰi ni kǰǰrdamon.

Yáizi imǰǰ, čama kooperatǰǰv išta ǰǰzánǰǰada ba jatim ijan jǰǰxsǰǰla hǰǰrdanon be pul-kitob, daftar tjan jo avejon dóida.

ПЕРЕВОД

Наш школьный кооператив¹

Мы в нашей школе устроили для себя кооператив. Все школьники состоят членами этого кооператива. Кооператив своим членам продает товары дешево. Здесь имеются необходимые учебные принадлежности.

¹ Текст помещен на стр. 27 книжки «Сейна Сор» (третий год), изданной для талышских колхозных школ в Баку в 1931 г.

Для управления кооперативом были избраны трое из детей. Они идут и покупают в государственных магазинах предметы, необходимые для школьного кооператива. Один из мальчиков — председатель, один — секретарь, а один — казначей. Они один раз каждые три месяца перед нами отчитываются. Мы прежде покупали по дорогой цене предметы, необходимые для учебы, от другого лица. Теперь же в своем кооперативе мы их покупаем дешево и много наших денег не идет в карман лавочника. Мы, таким образом, с одной стороны, изучаем кооперативное дело, а с другой — удовлетворяем наши потребности. Кроме того, наш кооператив из своей прибыли дает бесплатно сиротам и бедным детям книги, тетради и другие предметы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Düz karda: перфект, 1 л. мн. ч., от гл. *duz karde*, с эргативным показателем **-мон**, присоединенным к прямому дополнению *kooperativ*; *uzvin* = *uzv-in*; *havatda*: из *havatêda*, презенс, 3 л. ед. ч., от *havate*; *lozim ba: ba* — причастие от *be*, прошедшее по форме (н. п. *budä*), но настоящее по значению, соответствующее тюркскому *olan*; *gordenêjo*: гл. *gordene*, *gordînie*, с суффиксом цели **-о** — «для управления»; *hîrdanônada*: отложит. падеж на **-ada**; *vîžnija ba*: страдательный залог, перфект, 3 л. ед. ч., от *vîžnije* «выбирать»; *sâidan*: презенс, 3 л. мн. ч., от *sae* «покупать» (сокращ. *saédan*); *sâida bimon*: имперфект, 1 л. мн. ч., от *sae*; *hîrjêdamon*: презенс, 1 л. мн. ч., от *hîrie*; *da-šédani*: отрицательная форма презенса, 3 л. ед. ч., от *da-še* «входить»; *î tóno*: аблатив на **-о** от *ton* «сторона»; *ni karde* букв. «уничтожить» (н. п. *nîst kârdân*); *γâizi*: искаженное *γâir üz*.

ТАЛЫШСКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫК «АЗЕРИ»

О языке «азери» — языке древнего населения Азербайджана — имеются свидетельства арабских географов X—XII вв., описывающих современный им Азербайджан. В X в. эта область была административно объединена с Арраном и Арменией, и тогдашний Азербайджан приблизительно совпадал с территорией нынешнего иранского Азербайджана.

Арабские географы язык его населения ясно отличали от языков «арранского» и «армянского». Ибн-Хаукаль (977 г.), говоря о языке горцев Кавказа, отмечает, что в каждом из посещенных им селений был язык, отличный от «фарси» и от «азери». Мас'уди (943) знает «азери» как наречие иранское. Перечислив все области Ирана, он говорит, что в них был один язык, и хотя области и имели малые различия в наречиях, последние были объединены одним способом письма и соединения букв, в других же отношениях были отличны, например, «пехлеви», «дери», «азери» и другие¹. Магдиси (985) называет язык всего Ирана персидским («аджами»), но отмечает, что некоторые говорят на «дери», язык же других труден для понимания (мунгалакатун), но что все эти языки называются «фарси»², про язык же азербайджанцев он говорит, что он «представляет затруднения» и «нехорош»³. Термин «азери» мы встречаем еще в известном рассказе Абу Закария Катиба Табризи, современника Насира Хосрова, о том, что он, учась в Ма'арра у знаменитого Абу-ль-Аля (973—1057), встретил своего земляка, с которым поговорил на родном языке «азери», очень заинтересовавшем его знаменитого учителя, но не понятном для него. Из позднейших арабских писателей Якут (1179—1229) говорит, что азербайджанцы имеют наречие, называемое «азери» и не понятное ни для кого, кроме их самих.

Из этих свидетельств можно сделать такой вывод, что в X и XI вв. и в начале XII в. в Азербайджане население говорило на особом языке «азери», что этот язык был иранский, так как при перечислении иранских наречий он приводится в одном ряду с «дери» и «пехлеви» (Мас'уди) или совместно с «фарси» противопоставляется языкам горцев Кавказа (Ибн-Хаукаль) и, наконец, что понимание «азери» представляло затруднения для лиц, знавших персидский язык.

¹ Bibl. Geogr. Arab., VIII, стр. 78.

² Там же, III, стр. 259.

³ Там же, стр. 378.

Начиная с эпохи сельджуков, иранские языки Азербайджана стали постепенно уступать свое место языкам тюркским. За два столетия господства сельджуков и хорезмшахов тюркские языки стали распространяться в Азербайджане, но все же язык местного населения «азери» оставался еще в общем употреблении. При монголах тюркские племена снова наводнили страну, и коренное иранское население постепенно стало численно уменьшаться, уступая место тюркам и принимая их язык. Язык «азери» стал терять свое значение и распространение. К концу монгольской эпохи «азери» как термин уже более не упоминается: язык иранского населения Азербайджана, подобно другим областным наречиям, называется просто «пехлеви». Наступает эпоха двуязычия, предшествующая отуречению местного населения. Оно завершилось в период от конца монголов до начала сефевидов. Но все же вплоть до наших дней, как мы видим, на территории древнего Азербайджана, а также Аррана, сохранились остатки двух иранских, некогда многочисленных народов — талышей и татов, а также группы иранцев-курдов.

Древний Азербайджан представляет собою весьма обширную область, и возникает вопрос: в какой именно части его язык «азери» мог быть языком местного населения в эпоху арабских географов?

На этот вопрос позволяют дать ответ свидетельства тех же арабских географов. На «азери» говорило население восточного Азербайджана, а не западного. В эпоху арабских географов самым крупным городом Азербайджана был Ардебиль, столица тогдашнего Азербайджана. Вполне естественно, что арабы имели в виду именно язык его населения, когда говорили о языке «азери», языке всего Азербайджана. Кудама¹ (880), Якуби² (891), Ибн-Русте³ (903), перечисляя города Азербайджана, на первом месте ставят Ардебиль. Истахри⁴ (951) и переработавший и дополнивший его труд Ибн-Хаукаль⁵ (978) называют Ардебиль самым большим городом Азербайджана, в котором находятся лагерь войск и дворец правителя, а уже на втором месте по величине ставят Марагу. Магдиси⁶ (985) тоже считает Ардебиль центральным городом, при котором находилось девять городов Азербайджана, в том числе Тавриз, а в другом месте⁷ называет его и столицей и областным городом.

Итак «азери» был языком восточной и северо-восточной части древнего Азербайджана и специально связан с районом Ардебиля. Как мы выяснили⁸, в пределах иранского Азербайджана, в районах, непосредственно прилегающих к Ленкоранскому району Советского

¹ Bibl. Geogr. Arab., VI, стр. 244.

² Там же, VII, стр. 271.

³ Там же, стр. 106.

⁴ Там же, I, стр. 181.

⁵ Там же, II, стр. 237, 238.

⁶ Там же, III, стр. 51.

⁷ Там же, стр. 375.

⁸ См. Предварительный отчет о поездке в Талыш летом 1925 г., Баку, 1926.

Азербайджана, где проживает до 80 000 талышей, имеется до сих пор значительное талышеязычное население, часть которого обитает в ряде селений Ардебильской провинции Ирана, в непосредственной близости от г. Ардебиля.

Языку «азери» посвящено исследование покойного иранского ученого Ахмеда Кесрави Тебризи¹, который опубликовал скудные остатки языка «азери», им разысканные. Мы в свое время посвятили проблеме «азери» исследование², в котором использовали материалы Кесрави. Сам он, совершенно правильно определив этот язык как иранский, не смог как следует разобраться в своих текстах и отнести их язык к какому-нибудь определенному иранскому наречию, бытующему на территории Азербайджана до настоящего времени. Произведенный нами анализ текстов Кесрави позволил нам с полной несомненностью установить самые близкие связи их языка с языком современных талышей.

Какие же тексты опубликовал Кесрави в качестве образцов языка «азери»?

Он дает 18 образцов языка «азери», из них 4 представляют собою краткие фразы в несколько слов, а 14 — четверостишия (рубай). Лишь одну фразу он заимствовал из географического труда Хамдуллаха Мустауфи (1340) «Нузхат-уль-Гулюб», все же остальные тексты взяты из двух источников: «Сафват-ус-Сафа» ибн Баззаза Таваккуля и «Силь-силе-насабе-Сафавийе» шейха Хусейна, сына шейха Абдаля Захида. Первое сочинение дает биографию родоначальника сефевидов шейха Сефи-уд-Дина (ум. в 1334 г.), т. е. династии, теснейшим образом связанной с Ардебилем, второе, кроме того, еще и генеалогию этой династии.

Из четырех прозаических отрывков два дают образцы «тавризского» (по мнению Кесрави) говора, а другие два — ардебильского. Все они относятся к первой половине XIV в.

Главный материал дают 14 четверостиший³. Первые три взяты из Сафват-ус-Сафа и не имеют персидского перевода, а остальные заимствованы из Сильсиле и снабжены таковым, но очень отдаленным, являющимся скорее пространным пересказом. Из 14 четверостиший 12 были, по преданию, сказаны самим шейхом Сефи (I, IV—XIV) и, следовательно, по мнению Кесрави, на языке «азери». Четверостишие II было произнесено одним хальхальцем, т. е. жителем округа, в котором и в наши дни имеются талышские селения, и наконец, одно (III) — на «пехлеви», женщиной, занимавшейся огородничеством в окрестностях Ардебиля.

Итак все четверостишия, использованные Кесрави, должны представлять собою язык Ардебиля, на котором говорил сам родоначаль-

¹ اذری یا زبان باستان آذربایکان, изд. в Тегеране, 1304 г.

² К вопросу об языке населения Азербайджана до отлучения этой области. Уч. Зап. Ин-та народов Востока СССР, т. I, М., 1930.

³ Ввиду представляемого ими интереса мы приводим их в приложении полностью, снабдив нумерацией для удобства ссылок.

ник сефевидов шейх Сефи, ардебилец родом, который вырос и провел свою жизнь в этом городе. Поэтому во всем «азерийском» материале, приводимом Кесрави, мы должны видеть отражение языка ардебильцев и ардебильского района, языка предков современных талышей, но уже первой половины XIV века.

Имеются интересные свидетельства о связях шейха Сефи и с той частью Талыша, которая в настоящее время входит в состав Ленкоранского района, т. е. находится в пределах Советского Азербайджана. В четверостишии VI шейх Сефи называет себя «мячом чоугана султана шейха Захида», т. е. его муридом. В жизнеописаниях Сефи-уд-Дина шейх Захид называется гилянцем и неоднократно говорится, что у него в Гиляне пребывал шейх Сефи¹. Но есть все основания предполагать, что шейх Захид проживал в той части Гиляна, которая была талышеязычной и, прилегая с севера к Гилянцу, понимаемому этнически, административно входила в состав Гилянской провинции Ирана. В самом Талыше в нескольких (7—9) километрах к югу от Ленкорана имеется еще и сейчас гробница шейха Захида и сохраняется предание о связях этого шейха с шейхом Сефи. О ней упоминает еще И. Березин в своем «Путешествии по северной Персии»². Селение, в котором находится эта гробница, по нашим сведениям называется сейчас «Шихакаон», т. е. край шейха. «Сильсиле» (стр. 22) сообщает, что одна из двух семей шейха Захида проживала в селении Хильякеран. Это селение можно отождествить с сел. Гилякеран, расположенным в нескольких верстах от Астары, недалеко от моря.

Содержание четверостиший почти исключительно религиозное. Они говорят о молитвенных устремлениях шейха к божеству и потому изобилуют арабо-персидскими словами, свойственными этого рода литературным произведениям. Встречаются и персидские грамматические формы; количество диалектических слов и форм сравнительно невелико, и для глагола четверостишия дают в общем довольно скудный материал. Арабский алфавит, конечно, мало пригоден для сколько-нибудь точного выявления фонетических и, следовательно, в значительной мере и морфологических моментов. Тем не менее сравнение и сопоставление форм и слов, извлекаемых из четверостиший, с материалом талышского языка позволили нам внести уточнения и исправления в переводы и пересказы отдельных мест, не понятых Кесрави и автором «Сильсиле»³.

Вот перечень слов, близко сходных с талышскими:

Глаголы: *بکشتم* VII—1 талышское *bikıştım* «чтобы я убил» (так называемый аорист, в котором основа претерита уже вытеснила основу презенса); *نوشتیم* VII—4, переведенное по-персидски *نیازدم* «я не оскорбил», может быть сближено с талышским глаголом *vašte* «дуть»; основу талышского глагола *pave* «искать», «гулять», «разыскивать» мы находим в *čaš pava but*

¹ См. «Сильсиле», Берл. изд., стр. 20, 21, 22 и 23.

² И. Березин. Путешествие по северной Персии. Казань, 1852, стр. 116—117.

³ Подробности см. в нашей вышеупомянутой статье.

XI, 3 چشم نوا بوم «я был разыскивающими глазами» (т. е. бодрым, про-
 ницательным) и в XI, 3 از نور روبريم, переведенное سیر نمودم, т. е. «я про-
 гуливался», «разыскивал», «рассматривал». XII, 2 نشسته стяженная талыш-
 ская форма глагола نشستن «усевшийся», «сидящий», совершенно сов-
 падает с талышским *njšta*. Форма *vinda* в XII, 1 совершенно сходна
 с талышским причастием глагола *vinde* «видеть». Основу глагола واج
 (т. е. корень *vac*), характерную для северо-западных диалектов Ирана и ко-
 торой соответствует в юго-западных глагол *guftan* «говорить», мы имеем
 в талышском глаголе *vote*; مواجش VII, не понятное Кесрави, мы перево-
 дим по аналогии с талышским *mávotjš* «ты не должен говорить», «смотри
 не говори». В مواجش мы видим использование основы презенса, которая
 в современном языке уже вытеснена основой прошедшего времени (т. е.
vaj вместо *vot*). Глагол هارده — талышское *harde* с тем же переходом
 глубоковаднеязычного щелевого ж в группе жв в нижнефарингальный h,
 очень характерным для талышского языка. Форма بنه V, 1 вполне
 совпадает по значению с талышской *bjna* от глагола *poe* «класть» —
 «пусти», «пусти!» درده زر VI, 2 «страдающий, болящий» мы определенно
 видим талышский глагол *daže* «болеть», «быть больным» (авест. *dažaiti*
 «горит»). Форма بوم XI, 1 от глагола «быть», «чтобы я был» вполне
 совпадает и по значению также с талышским *bjbm*, *bjbu*. Как и в талыш-
 ском (и во многих других диалектах), глагол شدن сохраняет свое перво-
 начальное значение «итти» (авест. *šav*, древнеперс. *šiyav*). Как и в талыш-
 ском, в большинстве диалектов и в простонародном персидском форма
 است сократилась в -e. Этот -e в «азери» был, повидимому, очень узким,
 так как передается не только через o, но и через ی: یره III, 1—3 «уже
 давно как», شیخی X, 1 «он шейх», کیچی III, 1 «кружится», بازی XII, 4
 «он — сокол» и др. Из отдельных слов, сходных по форме и по значе-
 нию с талышскими, отметим еще: کوشن — талышское *kafšan* «поле», چشم —
 талышское *čaš* «глаз» (III, 2, XI, 3 и XII, 4), جای XIII, 4 — талышское *jo*
 «другой». شو II, 2 — талышское *šav* «ночь», اسر III, 2 — талышское *as* и *ars*
 «слеза». باشتو IX, 1 вполне совпадает с талышским *baštj* «твоему»: باشتو
 «я пришел к твоей двери»; یر IX, 1 «дверь» — талышское *ba*.
 Интересно, что в современном языке конечное г отпало в соответствии
 с общей фонетической тенденцией к отпадению этого согласного.
 Талышскую форму личного местоимения 1 л. ед. ч. *az* мы встречаем
 в ряде мест — IV, 4, V, 4, VI, 2, VIII, 1, X, 3, 4, XI, 1, 3, 4, XIV, 2.
 В زبريم «моя жизнь» сохранилось начальное ž (ژ), как и в талышском *žie*
 «жить» и курдском *žiin*. Талышскую частицу *an* «же», «также», «и» (соот-
 ветствует перс. *hām*) мы видим в *az-an* XIV, 2: از ان «я также».
 В اچ چه چو — I, 3, III, 3, IV, 4, VI, 1, 2, VIII, 3, XIII, 3, XI, 4 мы
 видим предлог «из», «от», перс. *āz*, пехл. *az*, авест. *hāca*, древнеперс.
hācā; в талышском языке он имеет форму *čj*.

Весьма вероятно, что если в эпоху шейха Сефи в том иранском
 наречии, которое нашло свое отражение в наших четверостишиях, суще-
 ствовал звук, близкий к русскому «ы», каковой имеется в современном
 талышском языке, то при помощи арабской азбуки он мог бы переда-
 ваться в исходе слов то через o, то через u, и, действительно, мы видим

это колебание в начертании, например, слова «ты» (мест. личн. 2 л.), гласный которого в талышском звучит чаще всего очень близко к русскому «ы» (*tj*); мы в текстах встречаем *ته* III, 3 и *تو* XIII, 4, *باشتو* IX, 1. То же мы видим и с предлогом *čj*, который пишется *تو چو*, то *چه*. Предлог *čj* в талышском языке служит для выражения родительного падежа и в этой функции мы его имеем в IV, 4, где *چو یاران* *چو خاکپایم* в персидском переводе с изафетной конструкцией как раз значило бы *خاکپای یارانم*. Такое же значение имеют *چه* и *چو* VI, 1, 2 и VIII, 3 в *چومن*, где мы имеем притяжательное местоимение 1 л. ед. ч. «мой», образованное совершенно сходно с талышским *čjmj(n)* из предлога *čj* и косвенной формы личного местоимения 1 л. *mjn*. В *چو مردان* XIII, 3 мы имеем опять-таки *چو* в значении «из», а не *برای* «для», как полагает Кесрави, и не *همچو* «подобно», как неправильно передает по-персидски автор «Сильсиле».

Остановимся на некоторых морфологических явлениях, позволяющих сближать язык четверостиший с талышским. Мы констатируем несомненное наличие суффикса, прибавляемого к именам существительным для их определения. В арабском письме текстов он передается через *ی* и совершенно тождественен с талышским детерминативом *-i*. *پوری* XIV, 2 «лошадь», *جانی*, *نطقی* XI, XI, 2. Этот суффикс в текстах служит для выражения общего косвенного падежа, как и в талышском: *اویانی* *ایم* XIV, 1 «я раб бога», *اویانی عشق* XIV, 3 «любовь бога», «любовь к богу». Установление наличия этого суффикса в текстах позволило нам внести ряд исправлений и уточнений, облегчивших их понимание.

Наряду с образованием родительного падежа посредством предлога *چه*, как в талышском, и последующего определения имени суффиксом *-i*, мы встречаем в текстах и персидский изафет. Примеры: *تو نسودای* III, 1, *چشم خونین* III, 2 (вар.), *آستان تو* III, 3 (вар.) «порог твой», причем интересно отметить, что в основной редакции «твой» передан, совсем как в талышском, через *ته*, т. е. не через персидский изафет, а посредством предлога *از* в диалектической его форме; ср. талышское *jštj* «твой», происшедшее аналогично. Множественное число образуется только на *ان* — *an*; *لایوان* I, 3, *درده ژران* V, 1, *ماران* VII, 1, *مردان* XIII, 3, совсем как в талышском, где этот суффикс является единственным, универсального использования. Глагольное окончание 1 л. ед. ч. и соответствующий местоименный суффикс пишутся *ایم* и, следовательно, звучали *-im*: *صافیم* IV, 2, *ژیریم* V, 3, *روریم* VI, 1, 2, *بہشتیم نوشتیم* VII, 1, 2, 4, *بکشتم شاهبازیم* VII, 1, 2, 4, *زندہ ایم* IX, 1, *زندہ ایم* X 14, 4.

В талышском мы имеем то же окончание *-im*, *-jm*. Глагольный префикс в «азери» звучал, повидимому, *bo-*, *bu-*, *bi-*, т. е. близко к талышским формам: *بوپارسر بوبور* IX, 3, *بوچینم* V, 1. Отпадение конечного согласного группы, какое мы видим в *چاش*, *čaš* «глаз», мы имеем и в талышском. Из явлений фонетики мы уже отметили сохранение начального *ž* (ž), соответствующего древнеперс. *j*, в слове *ژیریم* «моя жизнь», как и в талышском *žie* «жить». В слове *ریجی* *rije* (?) «течет», III, 2 мы имеем соответствие аффрикаты *j* древнеиранскому *č* (авест. *račš*). Не является ли здесь *j* уже вторичным образованием из *ž*, как

подтверждают другие северные и центральные диалекты Ирана, из которых много слов с *j*, *ž* перешло в новоперсидский язык?¹

Очень интересное явление, сближающее язык текстов уже не с талышским, а с татским, мы имеем в переходе интервокального и конечного зубного *d* в *g* в формах глагола بودن *бурм* вместо *будм* V, 2, بور *бур* вместо *буд* V, 3, VIII, 3, IX, 1, 2, 4, XII, 1, 2, 4, глагола شدن *шурм* вместо *шудм* VIII, 4, глагола آمدن *амрдем* вместо *амдм* IX, 11, глагола بویارسر *бюйарсер* вместо *бюйрсд*. В татском языке, как известно, имеется аналогичное фонетическое явление, именно переход *d* в *g* между гласными и в исходе слова после гласного, т. е. в том положении, где в более раннем периоде персидского языка еще слышался *ǰ* (*ǰ*)².

Академик Ф. Е. Корш посвятил статью явлениям ротацизма в среднеперсидском языке³, в которой, отмечая, что переход *ǰ* в *g* очень естественен вообще и встречается, кроме иранских, во многих других языках, не имеющих между собою ничего общего, приводит персидские слова, заимствованные армянским языком, в которых во всех, кроме позднейших, является *g* вместо *ǰ*. Ф. Е. Корш предполагает, что в самом среднеперсидском языке существовал говор, превращавший *ǰ* в *g*, и что область этого говора примыкала к области армянского языка, который поэтому и получал персидские слова, при аршакидах и сасанидах, именно через эту среду. Наряду с переходом *d* (*ǰ*) в *g* материалы «азери» (если только мы не имеем дела с опиской переписчиков) дают нам как будто и случаи перехода конечного древнего *t* в *g*, именно в словах, снабженных, уже на персидский лад, суффиксом 2 л. ед. ч. -*at*: روح *рух* XII, 4, عشقر *эшкур* X, 2, دل *дл* XII, 1 и в слове حریف. В конце своей статьи Ф. Е. Корш высказывает предположение, что на территории распространения «северного пехлеви» и татского могли встречаться три наречия, причем в двух из них общеиранский *t* переходил в *ǰ*. Не есть ли в нашем случае *g* результат дальнейшей эволюции этого *ǰ*?

Подведем некоторые итоги. Сомневаться в том, что «азери» был диалектом иранским, конечно, не приходится. Арабские свидетельства вполне на этот счет убедительны. Но получить об этом диалекте достаточно конкретное представление на основании материалов Кесрави мы не можем. Эти материалы относятся уже к XIV в. и приурочены только к северо-восточному углу Азербайджана — Ардебилу. Существовал ли в эту эпоху после трех столетий последовательных турецких вторжений и, когда уже, повидимому, утратился даже самый термин «азери», этот язык, как единый язык Азербайджана, представляется сомнительным. Анализ материала Кесрави позволяет, во всяком случае, установить, что ардебильское наречие XIV в., на котором сочинял свои четверостишия шейх Сефи, носило черты, весьма сближающие его с современным талышским языком, так что есть все основания считать

¹ W. Lentz. Die nordiranischen Elemente in der neupersischen Literatursprache bei Firdusi, Z. I. I., IV, 1926, стр. 251—316.

² См. В. Миллер. Татские этюды, ч. II, стр. 19.

³ «Следы диалектического ротацизма в среднеперсидском языке». Вост. Древности, т. II, вып. 3, стр. 11—21.

последний потомком одного из его говоров. Затем несомненно также и то, что одна фонетическая особенность «азери» — вышеупомянутый переход зубного в плавный — позволяет сближать его с языком татским, примыкавшим с севера к языку талышскому.

Есть все основания для предположения, что в древние эпохи, до вторжения тюркских племен в Закавказье, татоязычное население смыкалось с талышеязычным. В настоящее время оба эти иранских народа разделены друг от друга равниной нижнего течения Куры и Муганской степью, заселенной уже азербайджанцами-тюрками. Возможно предположить, что указанная нами фонетическая особенность — переход зубного в плавный — наличествовала не только в татском языке, где она сохраняется до наших дней, но и в отдельных говорах талышских. Подтверждением этого может служить следующее: в говоре талышей района Ассалым, находящегося в Иране, этот переход имеется в записанных нами со слов ассалымца, выходца из Ирана, словах: *zoga* «сын», талышское *zoa*, персидское *zade* и *zur*, персидское *zud* «скоро». Талышские говоры Ирана совершенно не изучались, Исследование их многое могло бы дать для разъяснения не одной только этой частной фонетической проблемы.

Иранский ученый-филолог Мирза Мохаммед Газвини в одной из своих статей, вошедших в сборник *بیست مقاله قزوینی*, останавливаясь на труде Кесрави о языке «азери», говорит (стр. 143), что «до сих пор образец этого языка сохраняется в некоторых селениях Азербайджана», но, к сожалению, не приводит названий этих селений.

В № 10 персидского журнала «Иран-Кудэ» (1939 г./1317 г. х.) помещена статья М. Могаддама (م. مقدم), озаглавленная *یک سند تاریخی از گویش آذری تبریزی* «Исторический документ на языке азери-тавризском». Останавливаясь на ее интересном содержании мы здесь не будем, отметим только, что на стр. 8 мы находим следующее примечание: «Господин Ибрахими, азербайджанский помещик, производивший на этот счет расследования, говорил мне, что на языке «азери» говорят в с.с. Гелин-Кайя, Дизедж-Горбан, Кури, Пир-Исхак, в новом Херзенде (هرزند جدید), в с.с. Баберэ (بابره), Урьян, Карагёз (находящимся в махалле Херзенд); на языке «азери» говорит также племя Зафаранлу или Захоранлу, обитающее между Марагой и Шахин-Деж, у подножья Гор Голь-Дамен, но язык Хахоранлу, повидимому, ближе к языку курдскому».

Тексты, приведенные Кесрави:

I

هر که با لایوان دوست اگیری
هارا واسان برون او ریری
من چو ما لایوان زره باوو
خونیم زانیر کورو او زا گیری
(вариант)

هر که ما لایوان بدوست اگیری
هار واسان برور او ریری
من چو ما لایوان زره بارو
خونیم زانیر کورو او بزگیری

II

هر که اورا منہ بنام بخوند
 شو و رو بسته داری کا سرو بند
 کاریا میرسی جهانمہ داران
 خداوند بنده بی بنده خداوند

(вариант)

هر که اورا منہ به نام بخواند
 شود رو بسته داری کامرو بند
 کاریا میرسی جهانمہ داران
 خداوند بنده بی بنده خداوند

III

دیره کین سر بسودای ته گیچی
 دیره کین چشم چو خونین اسره ریچی
 دیره سر باستانه اچ ته دارم
 خوه نواجی کوور بغتی چو کیچی

(вариант)

دیره کین سر بسودای تو کیچی
 دیره کین چشم خونین اسره ریچی
 دیره کین سر باستان تو دارم
 تو نواجی که این ور بغت چو کیچی

IV

صنیم صافیم گنجان نمایم
 بدل درد ژره تن بی دوایم
 کس بهستی نبره ره باویان
 از به نیستی چو یاران خاکپایم

V

بنده درد ژران از بو چینم درد
 رنده پاشان برم چون خاک چون گرد
 مرگ ژیریم بمیان درد مندان بور
 ره باویان بهمراهی شرم برد

(вариант)

بنده درد ژران از بو چینم درد
 رنده پاشان برم چون خاک چون گرد
 مرگ ژیریم بمیان درد مندان بور
 ره باویان بهمراهی شرم برد

VI

موا چشم از چه اویان مانده دوریم
 احو اویانی خاصان پشتی زوریم
 و هشتم رهن با عرش و بکرسی
 سلطان شیخ زاهدی چوکانی گویم

VII

شا هزاریم جمله تازان یکشتیم
و فا دا ریم بی و فایان بهشتیم
قدرتی زنجیریم بدست استاد
چغتم آتشم دیکم نوشتیم

VIII

همان هوی همان هوی همان هوی
همان کوشن همان دشت همان کوی
آز واجم اویان تنها چو من بور
بهر شهری شرم می هوی می هوی

IX

بشتو بر آمریم حاجت روا بور
دل زنده بنام مصطفی بور
اهرا نوار بو بور دام بو پارسر
هر نو دستم بدامن مرتضی بور

X

شیخه شیخی که احسانش با همی نی
تم پوری عشقم آتشی کمی نی
تمام شاه شیراز از نو روبریم
شخم سر پهلوانی از خبر نی

XI

بمن جانی بده از جا نور بوم
بمن نطقی بده تا دم اور بوم
بمن گوشی بده از چش نو بوم
هر آنکه و آنکه بو از آخبر بوم

XII

د لر کو می سر او و نده نه نور
عشقر جوئی که وریان بسته نه بور
حلمر باغ شریعت مائده ویران
رو حر بازی به پرواز ونده نه بور

XIII

سخن اهل دلان دری بگو شم
دو کاتب نشسته دائم بدوشم
سو گندم هر ده بدل چو مردان
بغیر از تو بجای چش نروشم

XIV

اویانی بنده ایم او یانی خوانم
از ان پوری بیجا بر اویانی رانم
او یا نی عشق شوری در دل من
انک زنده ایم چه عشق نالم

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	9
История звучания талышского языка	13
О письменности на талышском языке	
Об орфографии талышских печатных произведений. Передача фонем	25
Об оформлении в талышском письме русских слов и других иностранных заимствований	28
Фонетика	
I. Вокализм	32
Общие замечания	32
Система талышского вокализма	33
II. Консонантизм	53
Общие замечания	53
Смычные звонкие и глухие	56
Велярные	61
Передязычные дорсальные аффрикаты: звонкая <i>ʃ</i> и глухая <i>ç</i>	64
Передязычные щелевые	64
Сонанты	66
III. Ударение	68
Морфология и синтаксис	
I. Имена	71
Имя существительное	71
Имя прилагательное	72
Показатель множественности имен -он	73
Падежная флексия -о	75
Функции приименного ударного суффикса -і в талышском языке	77
Послелogi и предлоги в их падежном использовании	79
1. Послелogi	79
2. Предлоги	86
Талышская падежная система	88
Агглютинативные моменты в талышском склонении	93

Формы имен	95
1. Имена существительные	95
а) Суффиксальное словопроизводство имен существительных	96
б) Типы сложных имен существительных	103
2. Имена прилагательные	109
3. Местоимения	112
а) Местоимения личные	113
б) Местоимения притяжательные	115
в) Местоименные суффиксы (энклитики)	115
г) Синтаксические функции личных местоимений	115
д) Синтаксические функции местоименных суффиксов	123
е) Местоимения вопросительные	124
ж) Местоимения относительные	125
з) Местоимения указательные	125
и) Местоимения определительные	126
к) Местоимения неопределенные и неопределенно-обобщительные	127
4. Имена числительные	128
а) Числительные количественные	128
б) Числительные порядковые	129
в) Числительные разделительные, множительные, дробные	130
Наречия	131
1. Наречия времени	132
2. Наречия места	132
3. Наречия образа действия	133
II. Глагол	134
Общая характеристика талышской глагольной системы	135
Глагол существительный (связка; <i>verbum substantivum</i>)	139
Неопределенное наклонение (инфинитив)	141
Повелительное наклонение (императив)	141
Личные глагольные окончания	143
Спрягаемые формы, общие по временам и наклонениям у глаголов переходных и непереходных	144
1. Формы простые (неописательные)	144
а) Настоящее время изъявительного наклонения (<i>praesens indicativi</i>)	144
б) Настоящее время сослагательного наклонения (<i>praesens conjunctivi</i>)	146
в) Настоящее время желательного наклонения (<i>praesens optativi</i>)	149
г) Общая форма прошедшего несовершенного (длительного) и условно-ирреального (<i>imperfectum seu conditionalis</i>)	152
д) Будущее время I (<i>futurum I</i>)	155
е) Отрицательное спряжение будущего времени	157
ж) Причастие будущего времени или долженствования (<i>participium futuri seu necessitatis</i>)	158
з) Будущее II долженствования или необходимости (<i>futurum II necessitatis</i>)	159
2. Парадигма спряжения глагола <i>be</i> «быть»	159
3. Сложные описательные времена и наклонения	163
а) Прошедшее несовершенное II, сложное (<i>imperfectum II compositum</i>)	164
б) Прошедшее время желательного наклонения (<i>praeteritum optativi</i>)	164
в) Прошедшее время условного наклонения (<i>praeteritum conditionalis</i>)	165
г) Будущее II желательного наклонения (<i>futurum II optativi</i>)	165
д) Давнопрошедшее время изъявительного наклонения (<i>plusquamperfectum indicativi</i>)	166

Спряжение прошедших времен, дифференцируемое по переходности и непереходности глаголов	166
1. Прошедшее простое (<i>praeteritum</i>)	166
а) Спряжение глаголов непереходных	166
б) Спряжение глаголов переходных	167
2. Прошедшее-настоящее или перфект (оно же результативное; <i>perfectum- praesens</i>)	170
а) Спряжение глаголов непереходных	171
б) Спряжение глаголов переходных	172
3. Давнопрошедшее или преждепрошедшее время (<i>plusquamperfectum</i>)	173
а) Спряжение глаголов непереходных	173
б) Спряжение глаголов переходных	174
Контамирированные формы <i>эргативных</i> построений	175
Спряжение глагола <i>pie</i> «желать, хотеть, любить»	182
Неспрягаемые глагольные формы	185
1. Неопределенное наклонение	185
2. Деепричастие	187
Формы глагольно-именные, причастия (<i>participia</i>)	189
1. Причастие прошедшего времени на <i>-a</i> (<i>participium praeteriti</i>)	189
2. Вторая форма причастия прошедшего времени	192
3. Причастия настоящего времени (<i>participium praesentis</i>)	192
Страдательный залог	193
Понудительная (каузативная) форма глаголов	194
Классификация глаголов по основам	196
1. Глаголы одноосновные	197
2. Глаголы двухосновные	200
Причастные обороты	202
Синтаксис предложения	204
1. Общие замечания	205
2. Порядок слов простого предложения	206
3. Инверсия	208
4. Согласование подлежащего со сказуемым в числе	209
5. Вопросительные предложения	211
6. Предложения отрицательные	212
7. Предложения вводные (вносные)	212
8. Безличные обороты	212
9. Предложения слитные	213
10. Сложноподчиненные предложения	214
11. Придаточные дополнительные предложения	214
12. Придаточные определительные предложения	214
13. Придаточные предложения условные	215
14. Придаточные предложения неопределенно-относительные и неопреде- ленно-обстоятельственные	217
15. Придаточные предложения времени	218
16. Придаточные предложения цели	219
17. Придаточные предложения причины	220
18. Придаточные предложения следствия	221
19. Придаточные предложения уступительные	221

Замечания по талышской лексике	222
Место талышского языка в группе иранских языков	227
Некоторые соображения и выводы	231
Приложения	
1. Перевод на талышский язык пяти отрывков из Манифеста Коммунистической партии	241
2. Перевод на талышский язык заключительной главы доклада И. В. Сталина о проекте Конституции СССР	246
3. Три статьи из книжки «Сейна Сор» (третий год) для колхозных школ, изданной в Баку в 1931 г.	249
4. Талышский язык и язык «азери»	254

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *И. К. Овчинникова*
Технический редактор *Н. А. Невраева*
Корректор *Р. Ф. Астафьева*

*

РИСО АН СССР № 4920. Т-03170. Изд. № 3368.
Тип. заказа № 389. Подп. к печ. 11/V 1953 г.
Формат бум. 70×108^{1/16}. Бум. л. 8,38. Печ. л.
21,95. Уч.-издат. л. 19,7 л. Тираж 1300.

Цена по прейскуранту 1952 г. 12 руб. 80 коп.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР,
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
24	12 сн.	Teit	Teil
25	15 св.	i	i̇
37	9 сн. и 7 сн.	i	i̇
37	6 сн.	-i̇mon, -i̇on	-amon, -ion
47	1 св.	souhār, пхл. šoi	šouhār, пхл. šōi
51	10 сн.	-i̇mon, -i̇jon	-amon, -ion
55	18 св.	nehadāh	nehadān
55	22 св.	xošx	xošk
57	3 св.	(f, s, s, x)	(f, s, š, x)
57	7 св.	hišk «сухой», но hišgi	hjšk «сухой», но hjšgi
60	19 сн.	aγ	baγ
64	19 св.	vyūā	vyūy
82	11 св.	ximb-ada	xjmb-ada
109	3 св.	rüz	rūž
117	6 сн.	p dašone	p dašone
144	3 сн.	kérdédam	kardédam
152	21 сн.	на i	на i̇
157	21 св.	(осн. xim)	(осн. xiṁ)
228	20 сн.	vēnik	vēnik̇